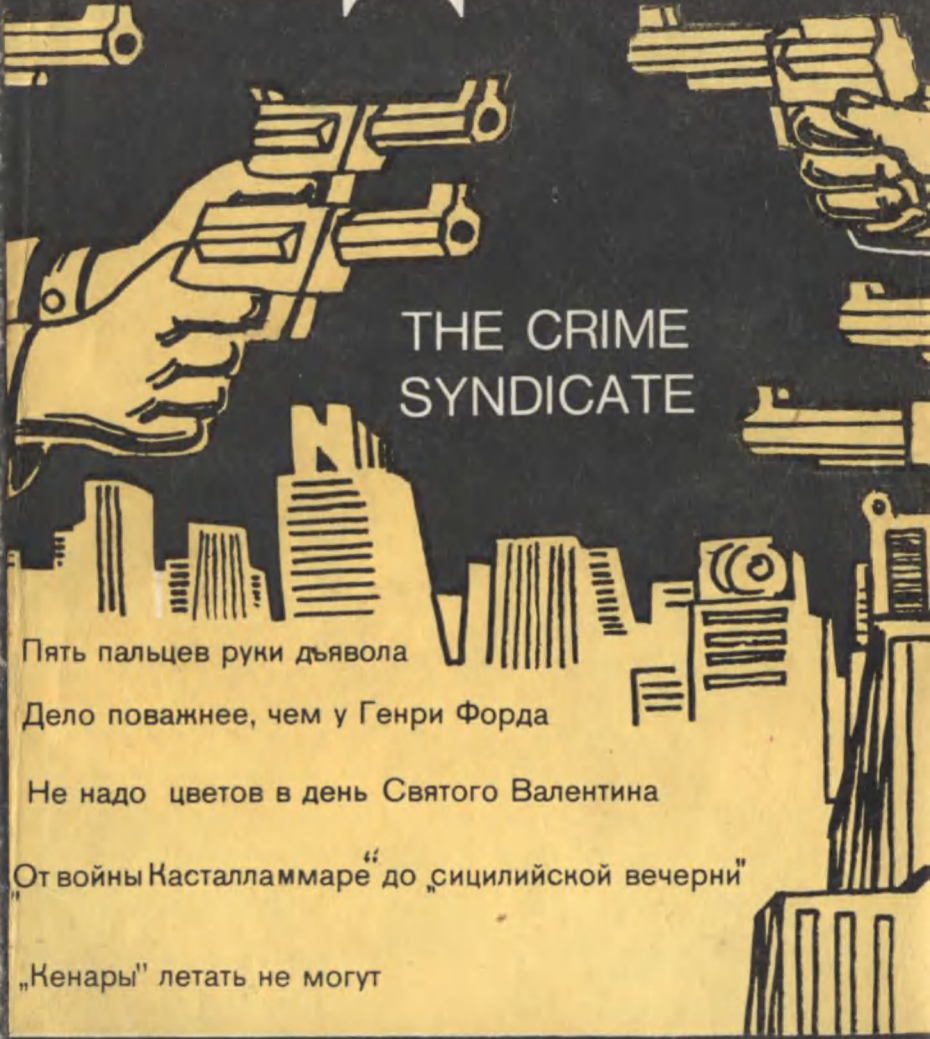

Ж.-М. ШАРЛЬЕ, Ж. МАРСИЛЛИ

ПРЕСТУПНЫЙ

СИНДИКАТ

A stylized illustration in yellow and black. It features several hands holding handguns, pointing them in various directions. Below the hands is a silhouette of a city skyline with various buildings. The background is dark.

THE CRIME
SYNDICATE

Пять пальцев руки дьявола

Дело поважнее, чем у Генри Форда

Не надо цветов в день Святого Валентина

От войны Кастанламаре до „сицилийской вечерни“

„Кенары“ летать не могут

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОГРЕСС

J.- M.CHARLIER

J. MARCILLY

LE SYNDICAT DU CRIME

PRESSES DE LA CITÉ
PARIS

Ж.-М. ШАРЛЬЕ

Ж. МАРСИЛЛИ

ПРЕСТУПНЫЙ СИНДИКАТ

Перевод с французского

В. Д. Карповича

Под редакцией и с предисловием

доктора юридических наук **Ф. М. Решетникова**

МОСКВА

ПРОГРЕСС

1983

Ж.-М. Шарлье, Ж. Марсилли
ПРЕСТУПНЫЙ СИНДИКАТ

ИБ № 12244

Редакторы *З. И. Луковникова, Н. В. Дейнека*
Художник *Ю. А. Лютер*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *В. Ю. Никитина*

Сдано в набор. 04.01.83 Подписано в печать 20.06.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 18,9. Усл. кр. отт. 19,2. Уч.-изд. л. 19,37. Тираж 100 000 экз. Заказ № 493. Цена 85 к. Изд. № 36373

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Редакция литературы по вопросам государства и права

© Presses de la Cité, 1980

© Предисловие и перевод на русский язык с сокращениями «Прогресс», 1983

Ш $\frac{1206000000-368}{006(01)-83}$ КБ — 15—12—83

Пожалуй, трудно назвать другое явление американской действительности, которое, подобно организованной преступности, привлекало бы к себе столь пристальное внимание и ученых, и людей искусства. Действительно, об организованной преступности в США написано уже несколько десятков серьезных книг исследовательского характера и сотни, если не тысячи статей в научных журналах, авторами которых являются политические и судебные деятели, юристы, криминологи и социологи. Вместе с тем в самих Соединенных Штатах и в других странах вышло уже множество книг, которые можно с большим или меньшим основанием отнести к разряду художественной литературы, где описываются похождения американских гангстеров. Наконец, сами главари преступного мира нередко выступают в качестве авторов, издающих с помощью журналистов объемистые книги своих воспоминаний. В качестве примера можно назвать «Завещание», а точнее автобиографию Лаки Лучиано, записанную с его слов двумя приглашенными им самим американскими журналистами и изданную в Нью-Йорке в виде книги объемом почти в 500 страниц, или же подготовленную американским журналистом П. Мескилом книгу «Записки Лупарелли», явившуюся результатом обработки рассказа этого гангстера о своей жизни, который П. Мескил записывал по его просьбе на пленку в течение трех суток¹.

Вопросу преступности в США посвящена и книга французских журналистов Ж.-М. Шарлье и Ж. Мар-

¹ The last testament of Lucky Luciano. New York, 1975; Meskil P. The Luparelli tapes. Chicago, 1976.

силки «Преступный синдикат», перевод которой предлагается вниманию читателя. И по манере изложения (в книге много диалогов, и авторы старались, насколько возможно, воспроизвести разговорную речь гангстеров), и по своему содержанию она напоминает детектив со всеми его привычными атрибутами — убийствами, похищениями, грабежами и погоями. Однако эта книга, как подчеркивают авторы, — результат кропотливого изучения официальных материалов, книг, журнальных публикаций и т. п., расспросов политических и судебных деятелей, а также лиц, которые в свое время стали жертвами вымогательства или преследований со стороны организованных преступников, и, наконец, как они сами это называют, «осторожных диалогов» с теми, кому небезопасно рассказывать о своем прошлом.

В книге показаны связи организованных преступников с американской полицией и судами, со многими другими звеньями механизма власти в США. Мы узнаем из нее, какие тесные узы существуют между гангстерами и политическими деятелями; перед нами предстает подлинное лицо тех, кто строит свою политическую карьеру на реальных или мнимых успехах в борьбе с одними организованными преступниками, вступая при этом в самые гнусные сделки с другими.

В результате описываемые в книге события и факты звучат как обвинение не столько в адрес «преступного синдиката», сколько американского государственного аппарата и политической системы США в целом.

Представляют интерес и содержащиеся в книге разоблачения связей американских гангстеров с режимом итальянского диктатора Муссолини, рекламировавшего свои успехи в борьбе с сицилийской мафией, а в действительности использовавшего те же преступные методы, что и мафия, на время притаившаяся, но затем «воскресшая» с помощью американской разведки и местной реакции. Интересны и факты, свидетельствующие о контактах главарей преступных банд из США с бывшим кубинским правителем Батистой, которого революционный народ Кубы вышвырнул из своей страны вместе с его американскими партнерами по организации «злачных мест», игорных домов, подпольной международной торговли наркотиками и т. п.

Авторы не претендуют на то, чтобы вскрыть подлинные причины преступности в США, объективно существующую связь между преступностью и иными социальными явлениями, не пытаются также описать всю систему организованной преступности в этой стране.

Ж.-М. Шарлье и Ж. Марсилли поставили перед собой цель нарисовать возможно наиболее полную и основанную на исследованных ими документах картину возникновения, становления и возвышения одной из преступных группировок, а точнее, своеобразного союза главарей гангстерских банд, образовавших со временем «Синдикат преступлений», или, как более принято говорить, «Преступный синдикат», которому в силу ряда причин удалось занять ключевое положение во всей системе организованной преступности в США.

Среди участников этой группы, которая вначале представляла собой «банду четырех», затем превратилась в «большую семерку» или даже «десятку», авторы выделяют фигуру Лаки Лучиано, что, по-видимому, оправданно, поскольку, как увидят читатели, именно этот человек сыграл весьма существенную роль в формировании разветвленной системы организованной преступности в США в 20-х годах нашего столетия и в течение нескольких десятилетий был наиболее влиятельным из ее руководителей. Правда, высказывалось — и не без оснований — предположение, что в действительности еще более важное место в руководстве «Преступным синдикатом», и прежде всего в определении его стратегии, основных направлений деятельности, сыграл другой человек — Мейер Лански, предпочитавший оставаться, как пишет советский исследователь И. А. Геевский, «человеком в тени»¹. Во всяком случае, в книге достаточно места уделено наряду с Лаки Лучиано и Мейеру Лански, и многим другим персонажам, выступавшим, начиная с 20-х годов, и на первых, и на вторых, и даже на самых малозаметных ролях на сцене организованной преступности в США.

«...Организация, о которой идет речь, — пишут авторы, — нечто из ряда вон выходящее: феноменальная тайная власть со своим правительством, со своими

¹ См.: Геевский И. А. Мафия. ЦРУ, Уотергейт. М., 1980, с. 46—60.

руководителями, финансистами, юстицией, палачами, приводящими в исполнение приговоры, не подлежащие обжалованию. В какой-то степени стало невозможно противостоять ее активности, так как в мире, где царит власть денег, падкими на взятки неизбежно становятся все, в том числе и, казалось бы, неподкупные» (с. 23).

С самого начала авторы предупреждают, что описываемый в книге «Преступный синдикат» не следует отождествлять с мафией. И в этой связи представляется целесообразным кратко остановиться на некоторых связанных с этим вопросах, а также пояснить некоторые встречающиеся в книге термины.

Мафия — это тайная террористическая организация, возникшая на Сицилии несколько веков тому назад и существующая по сей день. Некогда она служила оружием в руках феодалов в борьбе с крестьянами, а ныне тесно связана с наиболее реакционными элементами правящих кругов Италии. Однако методы ее остаются прежними — террор, запугивание, расправы с негодными, вымогательство, убийства и похищения людей. Она основана на жесткой дисциплине и рабском послушании, строгой конспирации во всей своей деятельности и соблюдении каждым мафиозо — членом сообщества — закона молчания («омерты»), нарушение которого карается смертью.

Что касается самого слова «мафия», то по поводу его происхождения существует множество предположений, в том числе и явно надуманных¹.

Оказавшись в Соединенных Штатах, где они приобрели благоприятную для себя питательную среду, члены сицилийской мафии немедленно приступили в духе традиций преступного сообщества к установлению системы господства над своими же земляками — итальянскими иммигрантами. Добиться этого им было не так уж трудно, если учесть крайнюю бедность, забитость, отсталость подавляющего большинства иммигрантов, а также незнание ими языка той страны, в которую они приехали.

В то время как рядовые иммигранты оказались людьми, предоставленными самим себе, оторванными от родины и никак не связанными с окружающими, мафиози немедленно устанавливали контакты друг с

¹ См.: Г е с с к и й Н. А. Цит. соч., с. 10.

другом, в чем им помогала, кстати, тщательно разработанная символика и ритуал обнаружения принадлежности к мафии. В результате и в Соединенных Штатах мафия вскоре приобрела четко определенные организационные формы.

Каждая большая самостоятельная преступная группировка, принадлежащая к мафии, носит название «семья». Возглавляет ее дон, или капо, которому все обязаны беспрекословно подчиняться. Остальные члены семьи — мафиози — располагаются в строго иерархическом порядке, занимая те или иные должности, из которых мы назовем только должность лейтенанта. Это помощник капо, который либо возглавляет один из входящих в семью отрядов преступников, либо отвечает за определенный, если можно так выразиться, «участок работы» всей многообразной преступной деятельности семьи.

Итак, обосновавшись в Соединенных Штатах, банды мафиози потребовали, чтобы итальянские иммигранты, чем бы они ни занимались — торговлей или уборкой мусора, — выплачивали им определенную долю своих доходов, угрожая в случае неповиновения расправой. Такие угрозы действительно приводились в исполнение. Поджоги, избиения и даже убийства стали явлениями чуть ли не обычными. Эта система вымогательства, широко распространившаяся в США, получила название «рэкет», а самих вымогателей начали называть «рэкетирами». Поскольку банд, занимавшихся рэкетом, было немало, то каждая из них, взимая свою дань, в обмен обещала защиту от других банд. На этой почве между бандами нередко вспыхивали столкновения, а порою и уличные бои, которым, правда, было еще далеко до сражений, разыгравшихся между гангстерами в более поздние времена, описываемые в книге Шарлье и Марсилли.

Наряду с сицилийской мафией на американской почве пытались прижиться и неаполитанская каморра, и другие тайные преступные организации, но сицилийцам удалось либо уничтожить своих соперников, либо существенно потеснить их, так что их господство стало практически безраздельным.

Центральное место в книге «Преступный синдикат» занимает описание событий, связанных с введением в США в январе 1920 года так называемого «сухого

запретившего продажу, а также изготовление и транспортировку спиртных напитков на всей территории страны. Это мероприятие было оформлено путем внесения поправки (восемнадцатой) к Конституции США, что должно было подчеркнуть его исключительное значение в американской истории. Однако опыт применения в США «сухого закона», действие которого продолжалось 14 лет до его, если можно так выразиться, бесславной кончины в декабре 1933 года, прежде всего убедительно показал, что проблема борьбы с алкоголизмом не может быть решена одними только правовыми средствами. Вопреки ожиданиям, потребление спиртных напитков в США фактически не только не сократилось, но, напротив, возросло. В Соединенные Штаты в огромных количествах контрабандно ввозились спиртные напитки из многих стран мира, не говоря уже о принявшем чудовищные размеры кустарном изготовлении их суррогатов.

Именно в этот период организованная преступность стала неотъемлемым свойством «американского образа жизни». В книге Шарлье и Марсилли показано, какую роль сыграла в этом процессе, казалось бы, далеко не самая опасная форма незаконной деятельности — подпольная торговля контрабандными или самодельными спиртными напитками. Она получила название бутлегерства, а те, кто ею занимались, — бутлегеров (английское слово «бутлег» означает «голеница», и, по-видимому, этот термин подразумевал торговлю «из-за голенца», нечто вроде нашего выражения «из-под полы»).

Огромные прибыли, приносимые незаконной торговлей спиртными напитками, привели к возникновению многочисленных гангстерских банд, не останавливавшихся ни перед чем, чтобы завладеть «товаром» или рынками сбыта. Волна убийств, похищений, жестоких расправ и вооруженных столкновений между отдельными бандами захлестнула всю страну. Широкомасштабный бизнес, связанный с производством, транспортировкой и продажей спиртных напитков, привел к созданию организационной структуры той подпольной империи преступного мира, которая впоследствии распространила свое влияние на многие сферы жизни американского общества. Как отмечает И. А. Геевский, «крупные операции по тайному производству,

контрабандной доставке, перевозке по стране, распределению и продаже спиртных напитков потребовали от участников этого преступного бизнеса четкой организации, прочных связей, сотрудничества и взаимного доверия»¹.

Многие формы преступности, получившие распространение в США в период действия «сухого закона», выросли на почве бутлегерства. На этой же почве возник и охватил всю страну своими щупальцами «Синдикат преступлений», создание которого относится к 1929 году, а также один из его «филиалов» — «Синдикат убийств», подробно описанное в книге «самое чудовищное, — по выражению авторов, — предприятие за всю историю существования Нового Света» (с. 288).

Гигантские доходы, получаемые от незаконной торговли спиртными напитками, явились финансовой базой для создания системы организованной преступности в США, позволили организовать целую систему подкупа государственных служащих, в том числе в полиции и в других органах власти, призванных обеспечивать охрану правопорядка и соблюдение законности. В результате преступники стали в известном смысле неуязвимыми.

Теперь уже заправляли делами в преступном мире не патриархальные доны мафии, не допускавшие в семьи пикого, кроме выходцев из Сицилии (авторы книги, видимо, иронически называют такую политику «расовой»), а главари банд, в которые входили и итальянцы из самых разных провинций, и евреи, и ирландцы, и немцы.

Таким образом, создание «Преступного синдиката», объединившего в своих рядах гангстеров самых различных национальностей, объективно явилось дополнительным опровержением расистских криминологических теорий, которые, игнорируя социально-политические корни преступности, пытаются доказать якобы генетическую предрасположенность тех или иных этнических групп к совершению преступлений².

¹ Геевский И. А. Цит. соч., с. 14.

² Об этих теориях см.: Решетников Ф. М. Современная американская криминология. М., 1965, с. 96—117.

Пусть читателя не вводит в заблуждение обилие итальянских или еврейских имен, встречающихся на страницах предлагаемой его вниманию книги. Нельзя отождествлять десятки или даже сотни преступников с несколькими миллионами граждан той же национальности, проживающими в США. Об этом очень хорошо, в частности, сказано в книге бывшего министра юстиции Соединенных Штатов Р. Кларка. «Члены мафии, — пишет он, — составляют ничтожно малую часть иммигрировавших в Америку итальянцев — буквально несколько тысяч из многих миллионов. Подвизаясь решительно во всех сферах деятельности, американцы итальянского происхождения внесли неизмеримый вклад в улучшение качества американской жизни. Они питают к организованной преступности такое же отвращение, как и все общество в целом»¹. Разумеется, эти слова с полным правом могут быть отнесены и к американским гражданам других национальностей. Дело отнюдь не в том, к какой этнической группе принадлежат главарь преступного мира или непосредственные исполнители их замыслов.

В США преступники — это прежде всего люди, выброшенные обществом на самое дно. Весь накопленный человечеством опыт убедительно подтверждает, что преступность — социальное, исторически обусловленное явление классового общества. В. И. Ленин отмечал, что «вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи»².

Обращаясь к тому периоду деятельности «Преступного синдиката», который наступил после отмены «сухого закона», Шарлье и Марсилли рассказывают о поисках им новых поприщ преступной деятельности.

Одним из них стало букмекерство (организация подпольных тотализаторов и всевозможных других азартных игр) — гигантское предприятие, финансируемое в основном «Преступным синдикатом». В стране была создана, по существу, целая индустрия всякого рода игорных заведений, сосредоточенных в отдельных штатах (в частности, в Неваде, Флориде), и тщательно отработанные системы подпольных лотерей, участниками которых могли быть жители всей страны. Еще

¹ Кларк Р. Преступность в США. М., 1975, с. 96.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 26, с. 109.

одной формой доходного бизнеса, привлекая к себе внимание «Преступного синдиката», явилось подпольное ростовщичество, получившее название «акульего промысла». Правда, в отличие от «китового промысла», при котором гибнут киты, «акулы» — ростовщики, взимающие чудовищно высокие проценты, сами жесточайшим образом расправляются с незадачливыми должниками. Но самым прибыльным и наиболее вредоносным по своим последствиям видом преступной деятельности, к которому наряду с другими объединениями организованных преступников в США обратились члены «Преступного синдиката», оказалась подпольная торговля наркотиками¹.

«Преступный синдикат» усовершенствовал также методы рэкета, еще раньше практиковавшегося мафией, а теперь охватившего самые различные области жизни американского общества: от уличной проституции и содержания притонов до производства кинофильмов на голливудских киностудиях. Следует отметить, что с самого начала он распространялся и на законную, и на незаконную деятельность: иначе говоря, гангстеры требовали уплаты им «взносов» и теми, кто занимался ремеслом или торговлей, и теми, кто сам извлекал доходы из деятельности, запрещенной законом.

Внимание читателя привлекут страницы книги, на которых говорится о рэке американского профсоюзного движения, принявшего самые разнообразные формы и направленного не только против рядовых членов профсоюзов или честных вожakov рабочего класса, но, когда это выгодно, и против предпринимателей, а порою, как убедится читатель, способного воздействовать даже на представителей власти. Однако в книге не нашло отражения такое чрезвычайно важное явление, наложившее свой отпечаток на политическую жизнь в США, как использование американскими монополиями гангстерских банд для борьбы с рабочим движением. Между тем, как справедливо отмечал видный советский исследователь правовых проблем США профессор Б. С. Никифоров, сколь бы ни было велико значение «сухого закона» в развитии организован-

¹ Об отдельных формах деятельности организованных преступников в США см.: «США: Преступность и политика», под ред. Б. С. Никифорова. М., 1972, с. 105—122.

ной преступности в США, в действительности она возникла еще раньше, и прежде всего с помощью самих американских монополий. Уже в конце XIX — начале XX веков, и особенно в период первой мировой войны, американские капиталисты начали прибегать к услугам наемных бандитов с целью срыва забастовок трудящихся, безжалостных расправ с рабочими, открытого шантажа, избиений и даже убийств активистов рабочего движения. Вот что писал об этом американский криминолог Ф. Таннепбаум: «Важным (быть может, наиболее важным) источником в самом реальном смысле этого слова и питательной средой для возникновения банд и появления рэкетиоров и преступных организаций всякого рода явилась острая, не останавливающаяся перед насилием борьба между трудом и капиталом в Соединенных Штатах. В результате конфликтов между предпринимателями и рабочими насилие стало постоянным средством решения противоречий, а неизменным спутником этой борьбы явились вооруженные банды гапгстеров...»¹.

Хотя использование преступников для борьбы с рабочими, отстаивающими свои права и интересы, уже широко вошло в американскую практику в период развертывания деятельности «Преступного синдиката», однако в книге Шарлье и Марсилли лишь вскользь говорится об этой стороне деятельности организованных преступников в США и совсем не упоминается об их связи с рядом корпораций, на предприятиях которых наемные бандиты обеспечивали «порядок». Между тем многочисленные факты такого рода преступных связей были с несомненностью установлены в ходе работы возглавляемой сенатором Кефвером «Специальной комиссии по расследованию организованной преступности».

Значительная часть книги Шарлье и Марсилли посвящена описанию попыток, большей частью безуспешных, добиться привлечения к уголовной ответственности и наказания членов «Преступного синдиката». В этой связи следует хотя бы кратко охарактеризовать некоторые особенности правовой системы США, существенные для правильного понимания описываемых в книге событий.

¹ Цит. по: Никифоров Б. С. Организованная преступность в США на службе монополий. М., 1954, с. 16—17.

В каждом из американских штатов — в настоящее время их 50 — действует свой свод законов, свои уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, весьма существенно отличающиеся от законодательства других штатов. Что касается федеральных законов, то применительно к вопросам уголовной ответственности они провозглашают либо самые общие принципы, либо определяют ответственность за конкретные виды преступлений, но, как правило, лишь в случаях, когда совершение преступного деяния сопряжено с пересечением границы между штатами (например, при торговле наркотиками, сбыте похищенных автомобилей и т. п.).

Точно так же и система правоохранительных органов в США характеризуется наличием многочисленных разрозненных, параллельных по своим функциям и часто не связанных между собою звеньев как в отдельных штатах, так и на общегосударственном уровне. Полиция в США, например, отнюдь не представляет собою какой-либо единой или сколько-нибудь централизованной организации. Напротив, даже на одном только федеральном уровне насчитывается около 50 независимых друг от друга органов, осуществляющих функции расследования по делам о тех или иных преступлениях¹. К их числу относится и Федеральное бюро расследований, и различные службы, призванные вести борьбу с незаконной иммиграцией, торговлей наркотиками, с нарушениями налогового законодательства и т. п. Что касается отдельных штатов, то в каждом из них действует не только полиция штата, подчиненная его губернатору, но и полицейские службы графств, городов, поселков и т. п., подчиненные местным властям. В настоящей книге можно найти примеры того, как подобная «система», если ее так можно назвать, устройства полицейской службы облегчает деятельность организованных преступников.

Наиболее часто в книге упоминаются представители государственной атторнейской службы, возглавляющие борьбу с преступностью в рамках органов американской юстиции. В Соединенных Штатах имеется генеральный атторней (он же — министр юстиции США) и федеральные атторнеи, представляющие его в каждом из 94 округов федеральной судебной систе-

¹ См.: Николайчик В. М. Уголовный процесс США. М., 1981, с. 9 и сл.

мы и вместе с тем обладающие известной самостоятельностью. Наряду с ними и совершенно независимо от них действуют генеральные атторнеи каждого штата, а также местные окружные атторреи, которые в свою очередь действуют уже совершенно независимо от генерального атторнея штата и не подчинены ему. Все они вправе от имени государства возбуждать и расследовать уголовные дела и поддерживать обвинение в суде. Вместе с тем «американские атторнеи — активные политические фигуры, добивающиеся своих постов с помощью избирательных кампаний, предвыборных собраний, маневров с избирателями и союзов с партийными боссами. Даже в тех случаях, когда атторнейская должность замещается назначением, выбор делается исходя из соображений узкопартийной выгоды»¹.

К чему приводят на практике подобные принципы замещения должностей в атторнейской службе США, читатель наглядно убедится, знакомясь со взлетами и падениями, которыми отмечена карьера двух, пожалуй, наиболее известных американских государственных атторнеев 30-х годов — Томаса Дьюи и О'Двайера.

Что же касается американских судей, то они также занимают свои должности или в результате выборов, или по назначению, но в любом случае, как правило, находятся в весьма сильной зависимости от той из буржуазных партий, которая обеспечила либо их победу на выборах, либо назначение на эту должность². Известно немало примеров того, что на должности судьи в США нередко оказываются люди, сильно скомпрометировавшие себя связями с гангстерами. В книге Шарлье и Марсилли мы находим тому убедительные подтверждения.

У читателей, возможно, вызовет удивление, почему лица, доставленные в суд по обвинению в тяжких преступлениях, как правило, чаще всего до судебного разбирательства оказываются не под стражей, а на свободе. Дело в том, что американское законодательство предусматривает широчайшие возможности освобождения обвиняемого до судебного разбирательства под залог, сумма которого устанавливается судом.

¹ В л а с и х и н В. Служба обвинения в США. М., 1981, с. 8.

² См.: К а р л е н Д. Американские суды: система и персонал. М., 1972, с. 44—52.

(В книге упоминаются самые различные суммы залога, от смехотворно, по выражению авторов, низких до одного миллиона долларов.) Вопрос об освобождении под залог судья вправе решать по своему собственному усмотрению. В результате в американских условиях сложилась устойчивая практика: бедняки месяцами ожидают судебного разбирательства в тюрьме, поскольку суды перегружены делами, а опасные преступники, принадлежащие к подобным «синдикату» объединениям, очень часто оказываются на свободе, что позволяет им совершать новые преступления, и прежде всего запугивать или даже «ликвидировать» свидетелей по тому делу, в ожидании разбирательства которого они выпущены на свободу. По данным последних обследований свыше 10 процентов лиц, отпущенных под залог, совершают в ожидании суда новые преступления, а число прекращенных из-за неявки запуганных свидетелей в суд дел порою достигает 40 процентов от первоначально назначенных к рассмотрению¹. Характерно, что в ходе слушаний в сенатской комиссии конгресса США вопроса об «организованной преступности и применении насилия» в мае 1980 года отмечалось, что система освобождения под залог опасных преступников превращает борьбу с организованной преступностью попросту в насмешку².

В книге Шарлье и Марсилли несколько раз упоминается Большое жюри. Этот орган существует не во всех, а лишь в некоторых штатах и состоит из различного числа граждан (от 6 до 23), назначаемых в его состав на несколько месяцев. Большое жюри рассматривает заключения специально назначенного лица — коронера о причинах смерти в «подозрительных» случаях (самоубийство, убийство, естественная смерть и т. п.) и выносит свое окончательное суждение по этому вопросу. В его компетенцию входит и решение вопроса о том, имеется ли достаточно доказательств для предания обвиняемого суду.

Представляется необходимым упомянуть и о таком институте, как «сделки о признании вины». Сущность этого института, специфичного для американской су-

¹ Решетников Ф. М. Буржуазное уголовное право — орудие защиты частной собственности. М., 1982, с. 170.

² «Organized crime and use of violence». Washington, 1981, par. II, p. 70—71.

дебной системы и являющегося одним из проявлений кризиса американской юстиции, состоит в том, что в суде обвиняемому предлагается выбор: либо потребовать судебного разбирательства по предъявленному ему обвинению, либо признать себя виновным в менее тяжком преступлении. Такая возможность закреплена и в законе; в частности, об этом говорится в ст. 220.10 Уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк.

Следует подчеркнуть, что сделки о признании — не исключение, а преобладающий в американской юстиции способ разрешения уголовных дел. По различным оценкам, процент обвиняемых, которые соглашаются на сделку о признании, колеблется в пределах от 80 до 90 от общего числа лиц, предстающих в США перед судом¹. При такой системе в наихудших условиях оказываются те обвиняемые, которые принадлежат к угнетенным и дискриминируемым слоям общества. Они чаще всего до вызова в суд находятся в тюрьме, лишены возможности пользоваться услугами квалифицированных адвокатов, и отказ признать себя виновным означает для них перспективу дальнейшего пребывания там в долгом ожидании судебного разбирательства.

Напротив, богатым обвиняемым и тем, кто принадлежит к мощным объединениям организованных преступников, система сделок о признании предоставляет немало выгод. Оставаясь до судебного разбирательства на свободе, пользуясь услугами опытных адвокатов, они могут оказывать давление даже на обвинителя и требовать от него заключения сделки о признании лишь на тех условиях, которые их устраивают, не опасаясь к тому же перспективы судебного разбирательства. Существующая практика сделок о признании страдает настолько очевидными пороками, что это признают и многочисленные правительственные или сенатские комиссии, и организации американских юристов, и многие судебные деятели.

Итак, в случае признания обвиняемым своей вины дело его слушается, как правило, единолично одним судьей. В ином случае судебное разбирательство проводится с участием жюри присяжных, и здесь, как убедятся читатели книги Шарлье и Марсилли, перед

¹ Ross J. Plea bargaining — a grave threat to justice. — «Reader's digest», January, 1975, p. 9—16.

подсудимыми и их изощренными в такого рода делах адвокатами открываются поистине неисчерпаемые возможности для его затягивания, а затем, в случае осуждения, и для отсрочки приведения в исполнение приговора.

Прежде всего такие возможности создаются уже на стадии формирования скамьи присяжных, когда из нескольких десятков, а порою и сотен кандидатов представители защиты и обвинения после расспросов каждого о его прошлом, занятиях, взглядах и т. п. должны отобрать двенадцать человек, «устраняющих» по тем или иным причинам обе стороны. Порою этот процесс затягивается на долгое время; например, недавно в штате Калифорния в ходе разбирательства дела об убийстве отбор 12 присяжных из 500 опрошенных кандидатов продолжался 5 месяцев, а протокол опроса кандидатов в присяжные по этому делу составил 18 тысяч страниц¹.

После судебного разбирательства присяжные должны вынести свой единогласный вердикт, содержащий ответ только на вопрос, признается ли подсудимый виновным. В случае признания его таковым уже не жюри присяжных, а судья, проводивший судебное разбирательство, выносит приговор, то есть определяет наказание осужденному (исключение составляют дела, в которых присяжным предлагается ответить на вопрос, заслуживает ли подсудимый смертной казни).

Однако и после вынесения приговора осужденному у его адвокатов, как убедятся читатели книги, остаются большие возможности для того, чтобы с помощью бесконечных жалоб в самые различные судебные инстанции добиваться отмены приговора или смягчения наказания либо помилования, право на которое имеет губернатор соответствующего штата.

Представляется необходимым сделать и некоторые пояснения относительно упоминаемых в книге приговоров, выносимых осужденным мафioзи, таких, как приговор к лишению свободы «на срок от 30 до 50 лет». Дело в том, что американское законодательство предусматривает, как правило, так называемые «неопределенные приговоры», в которых суд устанавливает лишь минимальный срок лишения свободы для

¹ «U. S. News and World Report», November 1, 1982, p. 40.

осужденного, а решение вопроса о том, когда тот фактически выйдет на свободу, передается на усмотрение уже не суда, а административного органа — специально созданной комиссии по условному досрочному освобождению. Естественно, что подобная система в свою очередь оказывается чрезвычайно выгодной тем заключенным, которые принадлежат к привилегированным классам либо пользуются поддержкой организованных групп преступников, способных воздействовать на произвольно принимаемые комиссией решения.

Наконец, еще одна особенность американской правовой системы, которая может вызвать недоумение у читателей, заключается в возможности содержания в тюрьме до судебного разбирательства не только обвиняемого, но и свидетеля преступления. Этот институт давно уже возник в Соединенных Штатах именно из-за организованных преступников, стремящихся ликвидировать или запугать всех тех, кто на суде может дать против них свидетельские показания. Поэтому у обвинения часто остается единственная возможность — посадить свидетеля в тюрьму, где должна быть обеспечена (хотя это и не всегда удается) его охрана.

В заключение следует подчеркнуть, что авторы, как и можно было ожидать от буржуазных журналистов, показав механизм действия организованной преступности в США, то, какую роль в ее развитии играет разъедающая государственный аппарат, и прежде всего правоохранительные органы, коррупция, не связали преступность с самой природой капитализма и присущими ему острыми социально-экономическими противоречиями. Что касается Соединенных Штатов, то здесь масштабы и характер организованной преступности, проникновение ее в легальный бизнес и тесные связи с монополиями, осуществляющими экономическое и политическое господство в стране, дают все основания рассматривать ее как одно из проявлений «единого углубляющегося кризиса американского общества»¹.

Доктор юрид. наук
Ф. М. Решетников

¹ «Новая программа Компартии США». — «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 11, с. 84.

«Если положение, чины, власть не достигались бы коррупцией, если бы их получали только по заслугам, сколько бы людей, которые оказались раздетыми, обрели бы одежду, сколько людей, которые командуют, исполняли бы команды».

Луи Арагон

«Преступления самой высокой цивилизации, несомненно, более жестоки, чем преступления, порождаемые крайним варварством, в силу их изощренности и коррупции, которая их порождает».

Барбэ д'Орвильи

«Сейчас я вижу, что каждое преступление образует вокруг себя своего рода водоворот, в который неотвратимо втягиваются невинные и виновные; силу его и продолжительность никто заранее предсказать не может».

Жорж Бернанос

К ЧИТАТЕЛЯМ

Все школьные учебники с прискорбной и поразительной настойчивостью все еще стараются обмануть детей, говоря им, что Христофор Колумб открыл Америку в 1492 году (на самом деле им были открыты только острова в Карибском море), тогда как Эрик Рыжий, а затем и его сын Лейф Эрикссон достигли берегов Нового Света еще в 1000 году. Не исключено, что отважные викинги смогли добиться подобного успеха задолго до них. Это даже весьма вероятно.

В действительности Соединенные Штаты Америки еще предстоит открыть. Все, что мы знаем о них, — это: Война за независимость, Гражданская война, освоение Дальнего Запада, истребление индейцев, «золотая лихорадка» «сухой закон», крах Уолл-стрит, Голливуд, атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, несколько войн, убийство братьев Кеннеди, Уотергейт.

Одним из символов современной Америки стали небоскребы — видимая часть общества неистовой экспансии. Они — неотъемлемая принадлежность крупных американских городов, и в их гигантской тени скрывается все тайное, в том числе и преступный мир.

Американское «солнце» — это доллар. Он зеленый, что не может не нравиться экологам, и озаряет мир светом сомнительных нефтедолларовых достоинств.

Американцы смогли высадиться на Луне благодаря использованию гениальных работ одного эмигранта поневоле — Вернера фон Брауна. Для того чтобы быть теми, кем они себя считают, они всегда нуждались в иностранцах. Хотя им и удалось наконец ступить на поверхность Луны, но достичь свободы, которую, по их представлениям, они могут обрести только безраздельно владея «солнцем» — этим золотым диском под названием «доллар», — они так и не смогли.

Одна из особенностей американской трагедии заключается в том, что для функционирования этого гигантского предприятия, обгоняющего самого себя и вовлекающего в эту безумную гонку весь мир (быть может, к его собственной гибели), необходим импорт рабочей силы и импорт «мозгов». Кто же кого одолеет? Надо прежде всего отметить, что на смену бракам по любви к концу XIX и началу XX века пришли браки по расчету с отдельными выходцами из Европы. Слишком многие из них были заигнотизированы образом Америки, как бы отлитой из чистого золота. И хотя каждый мечтал о золотом слитке, им досталась одна лишь пыль. Очень скоро они постигли слабости этой страны, ее противоречия, зыбкость ее власти, ее институтов и законов.

Жители еврейских, сицилийских, неаполитанских, ирландских гетто, прозябающие в неизвестности, живущие в грязи и нищете, были ослеплены видением Форт-Нокса *, но исполинская глыба храма золота и американского могущества подавляла их своим кажущимся величием в течение жизни лишь одного или двух поколений.

Они решились начать осаду.

И преуспели в этом... создав наряду с официальной властью власть реальную, с которой первая постоянно вынуждена считаться, если она вообще не подпадает под ее контроль.

Как известно, Пуэрто-Рико фактически стало 51-м, добровольно присоединившимся штатом. Но есть еще

* Место хранения золотого запаса США. — *Прим. ред.*

и 52-й, независимый штат, государство в государстве, с неочерченными границами, молчаливо признанный, но тайный: синдикат преступлений.

Никто не желает его официального признания. Вот почему вплоть до сегодняшнего дня в книгах, в прессе, в кинофильмах если и касаются этой неприятной темы, то лишь для того, чтобы сбить с толку простых людей.

На самом деле организация, о которой идет речь, нечто из ряда вон выходящее: феноменальная тайная власть со своим правительством, со своими руководителями, финансистами, союзами, юстицией, палачами, приводящими в исполнение приговоры, не подлежащие обжалованию. В какой-то степени стало невозможно противостоять ее активности, так как в мире, где царит власть денег, падкими на взятки неизбежно становятся все, в том числе и, казалось бы, неподкупные.оборот преступной организации в 1978 году составлял около шестидесяти двух миллиардов долларов. Он все время растет.

Годы поисков, исследований, «осторожных диалогов» позволили нам обнаружить множество невидимых или тщательно скрывааемых нитей. Выберем одну из них — судьбу одного из гангстеров, который станет нашим проводником (чье ведущее положение преднамеренно утаивалось), — Сальваторе Луканна, известного под именем Чарли Лаки Лучиано.

Его роль исключительна, поскольку он был первым главой мирового синдикалистского преступного государства. Государства весьма специфичного, которое он с присущей ему дальновидностью создал и которым руководил, пускаясь на самые невероятные ухищрения даже в то время, когда сам находился в тюрьме, а впоследствии на Кубе и в Италии. Обладая молниеносной реакцией, дьявольским воображением, четко работающим умом и хорошими аналитическими способностями, он мог бы списать себе более достойную судьбу и найти лучшее применение своему честолюбию.

Лаки Лучиано заслуживает внимания по ряду причин, и в частности потому, что его история позволяет понять, сколь уязвимы люди, претендующие на служение обществу, морали, справедливости. Этот синдикат, с ранних лет связанный с мафией, сумел раз-

двинуть рамки этой замкнутой расистской организации, которая сама вынесла себе приговор, расправляясь с теми, кто к ней не принадлежал, а иногда и с собственными членами. Весьма реалистический подход, свойственный Лучиано, позволил этой страшной «армии крови и мрака» достичь небывалых дотоле вершин власти.

Чтобы полнее осветить отрывочные данные о преступном синдикате, мы вынуждены придерживаться хронологического порядка изложения событий. Часто их освещение будет идти вразрез с устоявшимися представлениями, в частности в том, что касается мафии. Под этим словом, происхождение которого трудно установить, обычно подразумевают организацию, которой приписывают все сваленные в одну кучу крупные преступления, случаи вымогательства и безнаказанные махинации. На самом деле мафия непричастна и к четвертой части тех преступлений, которые относили на ее счет для удобства классификации и в силу того, что сделать это не представляло особого труда. Следует, однако, помнить, что эта организация, называемая ее приверженцами «Коза ностра», объединяет только сицилийцев, которых принимают в ее ряды, согласно установленному ритуалу, после тщательного отбора и испытаний в кровавых делах.

Кто говорит «мафия», должен обязательно добавлять «сицилийская», так как любой другой выходец из Италии, будь то ломбардец, неаполитанец, калабриец или сардинец, никогда не будет претендовать на участие в этой организации и не сможет стать ее членом. Для него это настолько же нереально, насколько нереально негру присоединиться к ку-клукс-клану.

Для того чтобы лучше понять содержание настоящей книги, надо помнить, что мафия — это секретное сообщество со своей внутренней структурой и правилами, которые должны строго соблюдать ее члены. Вместе с еврейскими, ирландскими, итальянскими шайками она образует единое целое — преступный синдикат, но лишь при том условии, что они принимают к неуклонному исполнению внутренние законы, исходящие от высшего совета синдиката, перетасовывающего и контролирующего все крупные объединения преступников, делающего долгосрочные вклады и распоряжающегося колоссальными доходами этих

акционеров Зла. Мы предлагаем книгу-историю. Историю организованной преступности в США, в которой впервые последовательно раскрываются все ее сокровенные тайны.

До настоящего времени предпринимались лишь попытки ознакомить читателя с наиболее колоритными «похождениями» отдельных гангстеров: Аль Капоне, Лаки Лучиано, Фрэнка Костелло, Багси Сигела и некоторых других. Случалось, что опубликовывались их биографии, правда неполные, что объясняется существованием особых обстоятельств или требованиями соблюдения осторожности. На примере этого «черного досье» можно убедиться, что они никогда не действовали в одиночку, а, наоборот, объединились еще со школьной скамьи, по крайней мере те из них, кому принадлежали главные роли и кто входил в «мозговой центр» будущего синдиката.

Почти все они родились в одно и то же время. Их судьбы переплелись. Действуя они в одиночку, карьера каждого из них окончилась бы довольно быстро и весьма плачевно. Но Чарли Лаки Лучиано пришла в голову грандиозная идея — пренебречь различиями в происхождении и религии, безжалостно карать любую попытку установления превосходства и исключительной власти в этом неуловимом многонациональном союзе, каким стал благодаря ему преступный синдикат. На основе разработанной ими, уникальной в своем роде конституции, обреченные жить и умереть вместе, они создали этот чудовищный, непостижимый социальный спрут, щупальца которого в силу существующей преемственности и поныне охватывают всю страну.

Проникновение в этот тайный, страшный мир жестокости, оплачиваемых убийств, процветающей на самых верхах коррупции будет делом отнюдь не приятным и вначале не очень привычным для неискушенных читателей. У авторов это вызывало аналогичные ощущения.

Но, ознакомившись с законами, правилами, ритуалами, прозвищами, дикими нравами этого мира, можно встретить в этих джунглях тех, кто еще совсем недавно принимал участие в государственных делах, пока не изменил своему делу.

Теперь уже известно, что многие социальные язвы,

появившиеся впервые в США, впоследствии в большей или меньшей степени распространились и на другие регионы, и в частности на Европу.

Здесь сработало нечто вроде бумеранга, так как наиболее мобильными эмигрантами следует признать европейцев. С другой стороны, при чтении этой книги ни у кого не должно возникать ощущения, что преступный синдикат — явление сугубо американское.

Во Франции уже появились — и это должно служить серьезным предостережением — язвы, достаточно зловонные: войны между шайками (сотни убитых в период с 1972 по 1978 год), лаборатории по производству наркотиков и их заправилы, организация тройных тотализаторов и махинации во время проведения скачек, подделка денежных знаков, войны казино и игровых клубов, более или менее нашумевшие похищения. Оставшееся каким-то образом безнаказанным убийство в баре «Телефон» в Марселе (десять убитых) очень напоминает убийство в день Святого Валентина в Чикаго (семь убитых). Надо признать, что первое поколение многочисленных иммигрантов во Франции не очень к этому причастно. Однако в этой среде с каждым днем становятся все более распространенными проституция и сводничество.

Именно на таком поприще оттачивал свои когти Чарли Лаки Лучиано в самом начале своей преступной карьеры.

Поскольку мы принимаем иммигрантов, то возникает вопрос, не воспринимаем ли мы их, как американцы воспринимали своих несколькими десятилетиями ранее.

Все, что обычно принято называть «злом», уже завтра может привести к нашей гибели. Ведь этому действительному злу во Франции объективно недостает лишь вождя. Другое назидательное сопоставление: не вызывает ли удивление, что благодаря средствам информации поразительную популярность получили такие ставшие чуть ли не историческими знаменитостями персонажи, как Ма Бейкер, Клайд Барроу и Бони Паркер (известные как Бони и Клайд). Притти Бой Флойд, Бэбби Фейс Нельсон, Алвин Карпис, хотя именно они никогда не были связаны с преступным синдикатом и их преступные действия не направлялись этой организацией и, следовательно, не представляли серьезной угрозы для общества?

Известно ли, что пресловутый государственный преступник США номер один Джон Диллинджер, которого средства массовой информации изображали как настоящее чудовище, против которого была организована фантастическая охота — охота на человека, — совершил только одно убийство? Не менее знаменит Жак Месрин, имя которого во Франции долгое время кочевало из одной газеты в другую, а он сам не сходил с экранов телевизоров, — не была ли вся эта возня с ним трюком, чтобы пустить пыль в глаза? Ведь ему даже удалось совершить побег из-под носа сопровождавших его полицейских... А в это время подлинные убийцы не покладая рук продолжали свое дело в Лионе, Марселе, Ницце, Гренобле... убийцы, имевшие на своей совести по дюжине преступлений. Многолетний опыт позволяет нам утверждать, что существует любопытное сотрудничество между официальными или полуофициальными секретными службами, некоторыми политическими партиями и проходимцами самого высокого полета.

Давно уже нет никакого сомнения, что уголовные сообщества существуют и могут существовать только в результате того, что длинная цепь компромиссов на самом высшем уровне превращается в тайное покровительство, означающее нечто большее, чем простое попустительство.

Мы вправе опасаться, что влияние американской преступности однажды приведет к тому, что французские коллеги американских гангстеров попытаются добиться таких же успехов.

Жан Марсिलли

ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ РУКИ ДЬЯВОЛА

Америка, как континент чрезмерный во всех своих проявлениях, вначале представляла собой необъятное пространство суши.

Первые колонисты были охвачены духом завоевания. Им предстояло в XIX веке образовать новую нацию и найти возможности ее утверждения. Путь был открыт. Из старой Европы хлынула волна эмигрантов, скорее в поисках быстрого обогащения, нежели безмятежного существования.

Многие из них испытали на себе влияние революций, потрясших устои старого континента. Здесь можно было встретить активных участников событий, их пылких вдохновителей, а также пострадавших. Общим для всех являлось то, что это были наиболее энергичные представители белой расы. Самые сильные бросились в гущу ожесточенной схватки. Простодушные склонны были верить, что Америка станет горнилом, где кровь выходцев из Европы перемешается, и будет создан новый, идеальный тип людей Нового Света. Они жестоко обманулись в своих ожиданиях и переживали мучительное разочарование. Постепенно установился диктат силы. Нашлось немного охотников возражать, когда в борьбе мнений точки над «и» ставил кулак — это действовало убедительнее отточенного красноречия. Если же и кулаков оказывалось недостаточно, их подкрепляли кольтами тех, кто умел ими пользоваться.

Конституция Соединенных Штатов Америки имеет весьма существенный изъян: чрезмерно стремясь покровительствовать гражданам, она в то же время их плохо защищает. Не будем забывать, что свои законы принимали и обнародовали сами переселенцы. Вполне

естественно, что в их сознании сохранилась глубокая ненависть к европейским законам, действие которых они познали на себе, и к слишком суровым судам, отправляющим человека на эшафот, на каторгу, в застенки, а порой обрекающим его на изощренные пытки.

Забываясь о том, чтобы не пострадала «справедливость», судебные власти дошли до абсурда, проявляя в отношении преступников невиданное до того снисхождение. Множественность законодательных актов, их противоречивость позволяли наиболее изворотливым совершать самые вопиющие бесчинства. Менее ловкие имели возможность доверять свою защиту искушенным в подобных делах адвокатам...

И нет ничего неожиданного в том, что, как только правосудие в этой мужественной, стойкой и сильной стране пытается обезвредить одного из опасных для общества граждан, поднимаются крики о покушении на права человека.

Такое краткое и схематичное объяснение необходимо для того, чтобы читатель, незнакомый с американской правовой системой, мог понять, каким образом империя преступников в этой стране смогла так далеко раздвинуть границы допустимого и как получилось, что не было предпринято должных усилий, направленных на подавление ее деятельности в самом начале.

Следует подчеркнуть, что все факты, с которыми мы собираемся ознакомить читателя, вплоть до мельчайших деталей, совершенно достоверны.

То, о чем будет здесь рассказано, позволит понять, каким образом, пытаясь демократичным путем сохранить свои основные свободы, Америка в конце концов подчинилась диктату организованной преступности, каким образом стало возможным, что гангстеры с оскорбительным цинизмом не только уходят от справедливого возмездия, но и с вызывающим высокомерием безнаказанно осуществляют свою власть.

Объективности ради следует признать, что возникновение и процветание индустрии преступлений есть порождение жестокого и беспощадного общества пресупевания. Соединенные Штаты отнюдь не диснеевский мир для восторженных детей.

Все известные главари мафии познали в своей жизни нищету, были на самом дне, извелили беззаконие и насилие. Все они начинали с нуля. Но у них не было недостатка в смелости, предприимчивости, этим они располагали в избытке и использовали любую возможность добывать деньги. Здесь их фантазия не знала пределов, особенно в те времена, когда приходилось несколько умерять свой пыл.

Первые большие деньги, наполнившие кассы шаек, появились в благословенные и лицемерные времена «сухого закона» от торговли запрещенными спиртными напитками. Бутлегеры искренне негодовали, когда с ними обращались как с преступниками. «Люди хотят выпить, и мы предоставляем им эту возможность,— твердили они.— «Объяснения» между нами — это наше личное дело. Мы сами урегулируем наши отношения, и вреда от этого никому не будет».

Когда в 1933 году «сухой закон» был отменен, гангстеров это не очень смутило. Перевесив свои автоматы системы «томпсон» с одного плеча на другое, они реагировали в том же духе свободного предпринимательства: «Граждане хотят женщин? Хотят иметь наркотики, играть на скачках, в лотерею, в рулетку? Мы подчиняемся закону спроса, наиболее уважаемому закону свободного общества». И они поступали именно так, зная, что в соответствии с другими законами этого общества они смогут уйти от ответственности безнаказанно или с минимальными издержками даже в случае совершения убийства, в то время как простое уклонение от налогов может повлечь за собой весьма серьезные последствия.

Невольно думаешь, что те же люди, пойдя они по иному пути, могли бы добиться внушительных успехов. Ведь нельзя не признать, что Лаки Лучино, Фрэнк Костелло, Мейер Лански и некоторые другие обладали размахом, энергией и мужеством, заслуживавшими более достойного применения. Понимание людей, знание психологии своих сограждан, большие организаторские способности, сила воли, решимость, способность противостоять превратностям судьбы, постоянство, умение всегда видеть цель жизни — деньги и добывать их все больше всеми доступными средствами, дьявольская хитрость, умение «отмыть» деньги от грязи и пустить их в легальный бизнес порой

невольно могут вызвать у кого-то нечто вроде восхищения.

Вплоть до наших дней некоторые из этих людей продолжают свою «деятельность» и даже успели приобрести известную «респектабельность». Так или иначе, но наступило время, когда трудно установить, где богатство добыто честным путем, а где мошенничеством, где богатеет добро, а где зло. Да и всегда ли может присутствовать одно только добро или одно зло?

Происхождение богатства часто не менее загадочно, чем происхождение человека. Источник богатства преступного синдиката не столь таинствен, и его уникальную в своем роде историю лучше всего можно проследить по жизнеописанию главных действующих лиц.

Вначале была мафия. Ее законом было молчание. Для тех, кто нарушал омерту — закон молчания, — приговор был один — смерть. Мафия — прообраз организованной преступности — была и остается только типично сицилийским феноменом. Ради нее больше было израсходовано чернил, чем пролито крови, а это превышает не один гектолитр.

Мафия представляет собой своеобразную «модель семьи», обязанностью каждого члена которой является ее почитание; именно с нее он обязан брать пример. В состав семьи входят ее члены — мафиози. Они как «братья» равны между собой и должны беспрекословно подчиняться «отцу» — капо. Последний следит за тем, чтобы соблюдались «пять заповедей крови»:

1. Каждый мафиозо должен помогать своему брату и выручать его из беды, даже ценой собственной жизни.

2. Каждый мафиозо должен вступаться за своего брата, оскорбленного, униженного или поруганного «чужаком». Любое оскорбление или обиду он должен воспринимать как оскорбление мафии и обязан как можно скорее отомстить.

3. Каждый мафиозо не смеет прекословить и обязан незамедлительно исполнять любой приказ капо. К любому поручению он должен относиться как к проявлению особого доверия, своего рода привилегии или отличию.

4. Мафиозо никогда не должен обращаться в полицию или к органам правосудия, даже если возникает ссора или во избежание личных неприятностей.

5. Каждый мафиозо должен вопреки очевидности отрицать существование мафии, никому не говорить о своих действиях и обязанностях внутри мафии, не признавать принадлежности к мафии кого-либо из своих братьев.

Малейшее отступление от одной из этих основных заповедей, а также от других, не столь важных, карается одинаково — смертью.

У мафиози немало обрядов, своего рода кодов, позволяющих распознавать друг друга, предупреждать о грозящей опасности, просить о помощи. Долгое время большое значение имел «шляпный код». В зависимости от того, надвинута ли шляпа на брови, сдвинута на затылок, вправо, влево, посвященные могли понять, что хотят им сообщить. В настоящее время чаще используются «часовой код» и «галстучный код».

Было бы неправильным полагать, что создание мафии было легким делом. Это отнюдь не так. В действительности ей пришлось переживать и неприятные моменты, и неудачи, и даже драмы. И только благодаря тому, что он умел вовремя отступать, Лаки Лучиано сумел добиться поразительного по результатам единения, которое и позволило в последующем организовать столь знаменитый преступный синдикат.

Сумев сколотить путем грубого вымогательства и террора первоначальный капитал, мафия добилась некоторых преимуществ. Разве сторонники не приобретаются за деньги? Приобретение же политической власти позволяет укрепить позиции и осуществлять контроль над всякого рода подпольными махинациями, приносящими огромные прибыли. И мафия решила добиться этого.

Попытки такого рода были предприняты в большинстве крупных городов Соединенных Штатов, и весьма симптоматично, что это не только не встретило отпора со стороны полиции, которая, казалось бы, должна была восстановить порядок и обеспечить безопасность, а, напротив, привело к тому, что преступники, действуя нагло и дерзко, при помощи денег постепенно стали разлагать полицейских, находящихся, как считалось, вне подозрения.

Первый случай крупного и скандального разоблачения вызвал волну негодования по всей Америке и поверг среднего американца в глубокое замешательство. Дело было связано с неким лейтенантом полиции Чарли Беккером. Шеф нью-йоркской полиции Вальдо Райнелэндер, зная, что его подчиненный добился больших успехов и внедрился в преступный мир, решил, что этот способ, поскольку он приносил обнадеживающие результаты, заслуживает дальнейшего применения. Его не смущало, что Беккера видели играющим в карты, посещающим в компании с главарями шаек ночные кабаре и дома свиданий. То, что лейтенант тратил раз в десять больше своего жалованья, также его не беспокоило. Он закрывал глаза и на то, что Чарли Беккер поддерживал тайные связи с продажными политиками из Таммани-Холл *, чтобы получать, когда нужно, необходимую информацию, а с ней и более полную свободу действий, что только способствовало увеличению его доходов. Неужели надо было постоянно компрометировать себя, чтобы оставаться в доверии? Придерживаясь столь странного принципа, Райнелэндер не колеблясь назначил во главе бригады криминалистов, наделенной самыми широкими полномочиями, своего любимчика Чарли Беккера. Делая это, он предоставлял, сам того не ведая, полную свободу действий изощренному преступнику.

Охваченный манией величия, Беккер взял на вооружение методы мафии, чтобы распространить racket на весь нелегальный бизнес, процветающий в Нью-Йорке: публичные дома, сутенерство, запрещенные игры... Поскольку он пользовался неограниченной властью в полиции, никто не мог противостоять этому вымогателю нового типа. Он умирал непокорных тем, что закрывал их заведения, а строптивых хозяев спроваживал на несколько лет в тюрьму. Но при этом Чарли Беккер лишал себя «курочек», которые несли ему «золотые яйца». Жажда наживы была такова, что он постепенно отказался от практики арестов наиболее упрямых, предпочитая пользоваться услугами специ-

* Название штаб-квартиры политической организации демократической партии в Нью-Йорке, обладающей столь же сомнительной репутацией, сколь и большим влиянием,

ально отобранных бандитов, чтобы запугивать, наносить удары, уничтожать...

Встав на этот путь, он уже не мог остановиться. Некий Герман Розенталь, получая солидные доходы от букмекерства, позволил себе открыть игорный дом. Чарли Беккер предложил принять его в долю. И хотя не обошлось без рукоприкладства, Розенталь своего согласия не дал. На следующий день его заведение сгорело. Не поддавшись угрозам, букмекер отправился к окружному атторнею Манхэттена Чарльзу Уитмэну. Ошеломленный тем, что ему сообщили, Уитмэн попросил Розенталья собрать доказательства, достаточные для того, чтобы положить конец скандальным «похождениям» стража порядка... Имея деньги, Беккер завел своих осведомителей во всех районах города, и его люди успели предупредить его. Решение было принято незамедлительно. Он отнюдь не был обескуражен. У него не возникало сомнений при выборе исполнителя. Он пал на Джека Зелига, который вызывал у Беккера своего рода восхищение. К несчастью, тот отбывал очередное наказание и находился в тюрьме.

Беккер отправился к своему шефу, чтобы убедить его, что, если Зелига выпустят на свободу, это облегчит работу возглавляемой им бригады, так как этот тип полностью находится у него в руках и поможет ему выловить немало преступников. И Вальдо Райнелэндер согласился.

После ряда темных манипуляций Джек Зелиг покинул тюрьму Томбс... чтобы попасть в руки Чарли Беккера. За услуги, а также для вербовки еще четырех убийц полицейский вручил ему две тысячи долларов. Зелиг не мог отказать своему освободителю, к тому же он оказался без гроша. Уговор был простой: захлопнуть «болтливую книгу», какой стал Розенталь.

Когда 15 января 1912 года Герман Розенталь выходил из отеля «Метрополь», четверо наемных убийц поджидали его на 43-й Западной улице. Выстрелы прозвучали почти одновременно. «Работа», достойная профессионалов... если бы не оплошность с автомобилем, номер которого успели запомнить несколько свидетелей. Герман Розенталь был мертв, его тело прошито пулями, и отомстить он уже не мог. Найти убийцу поручили... Чарли Беккеру. То, что случилось, не назовешь совпадением. Развязка близилась. Молодой

полицейский, незадолго до того переведенный в бригаду Беккера и очень гордившийся этим, с рвением взялся за расследование. Он в два счета обнаружил машину и установил ее владельца: им оказался один из участников нападения, который к тому же не стал закидываться. Короче, через двое суток были арестованы трое других, которые хором заявили: «Нас заставил сделать это Джек Зелиг».

Зелиг даже не успел скрыться. Когда в биллиардную, где он находился, за ним пришли, он не растерялся и заявил: «Я хочу видеть окружного атторнея Уитмэна».

Уитмэн, у которого после посещения Розенталя возникли некоторые подозрения в отношении лейтенанта Беккера, согласился поговорить. Разговор вылился в небольшой монолог:

— Лейтенант Беккер освободил меня и, угрожая, заставил выполнить эту работу с помощью людей, которых вы арестовали. У вас нет прямых улик против меня, но, если вы привлечете меня в качестве свидетеля обвинения, я готов все рассказать на судебном заседании. Он сгорит...

Уитмэн потерял руки, чтобы избежать рукопожатия Зелига, принял его условия и отпустил.

5 октября, накануне процесса, Джек Зелиг ожидал трамвай на углу 2-й авеню и 13-й улицы. Вагон подошел с таким грохотом, что, когда Зелиг получил в голову две пули 45-го калибра и упал, пассажиры подумали, что человеку просто стало плохо. Ему, однако, не суждено было подняться.

Хотя он и лишился своего основного свидетеля, Уитмэн смог убедить присяжных в виновности офицера полиции Чарли Беккера и четырех убийц. Приговор: смертная казнь для всех.

13 апреля 1914 года четверо убийц получили свое. Чарли Беккеру удалось добиться пересмотра дела. В ходе его повторного рассмотрения мера наказания была подтверждена. 30 июля 1915 года в тюрьме Синг-Синг он закончил свой путь на электрическом стуле. Предсказание Зелига сбылось. Он «сгорел».

История полицейского офицера Чарли Беккера отмечена тремя особенностями. Во-первых, он не был исключением, и его примеру в дальнейшем последовали многие из его коллег, начиная от обыкновенного

постового и кончая ответственными работниками аппарата полиции. Во-вторых, к нему применили высшую меру наказания, предусмотренную законом за совершение тяжкого преступления. В-третьих, увы, надо признать, что никому из «конкурентов» Чарли Беккера, а их было множество, не пришлось больше встречаться с палачом. Так что все дело в организации.

* * *

Как и во всяком большом городе, в Нью-Йорке существуют кварталы богатые и бедные, характер которых со временем значительно меняется. Некогда преуспевающие районы понемногу населяются малообеспеченными людьми, в основном темнокожими. Чтобы избавиться себя от их постоянного присутствия, богачи предпочитают скорее покинуть свои жилища, чем терпеть такое соседство.

В самом начале XX века иммигранты поселялись в районах, в которых обосновались первые переселенцы их этнической группы. Так, в Нью-Йорке Уэст-Сайд заселили ирландцы, Ист-Сайд превратился в вотчину евреев и итальянцев.

Ист-Гарлем облюбовали сицилийцы, и он стал как бы штаб-квартирой мафии, которую лица не итальянского происхождения называли «сицилийский союз». Одним из первых главарей мафии там был Игнацио Саэтта, больше известный под кличкой Лупо (Волк). Методы были теми же самыми: шантаж, угрозы, избиения, а для уклоняющихся от поборов — смерть. Такие поборы распространялись преимущественно на жителей «страны» и никогда — на коренных американцев. Мафия предпочитала шантажировать и угнетать слабых, невежественных, запуганных братьев по крови — сицилийцев.

Чтобы дать представление о господствующем насилии, можно привести один лишь пример. На 107-й Восточной улице воцарился один из помощников Саэтты, который распространил свой рэкет на все рынки, овощные и фруктовые магазины в районе. Это был Чиро Терранова по прозвищу Король артишоков. Его притон наводил такой страх на прохожих, что они старались обходить его стороной. Полицейские с полным

основанием называли это место «скотобойней». Когда в 1920 году здание решили снести, рабочие обнаружили под полом, в стенах, в фундаменте трупы двадцати трех человек с переломанными костями.

Большинство итальянских эмигрантов прибыло с юга полуострова. Для того чтобы противостоять мафии и дать ей отпор, неаполитанцы возродили одну из своих бывших тайных организаций — каморру. Во времена владычества Саетты предводителем каморры в районах Ист-Сайда и Ист-Гарлема был Энрико Альфано, чаще именовавшийся Эрриконе. Методы каморры были такими же, что и у мафии, и между обоими союзами нередко происходили стычки. Нет нужды уточнять, кто из них очень быстро взял верх.

Таким образом, мало-помалу ирландские, сицилийские, еврейские, неаполитанские иммигранты сформировали районы обитания, своеобразные гетто, довольно живописные, с их узкими улочками, тротуарами, загроможденными всевозможными товарами, с разноцветными гирляндами белья, свисающего с окон. Лавки красильщиков, торговцев москательными, аптекарскими, продовольственными товарами, прачечные должны были быть открыты днем и ночью — ведь в любое время мог прийти тот, кому они обязаны были выплачивать десятину за охрану от подобного же насилия со стороны враждебного клана.

Послушные торговцы, поскольку другой возможности сохранить дело у них не было, неохотно раскошеливались. Они влачили скудное существование: от своих доходов им оставалось только то, что не попадало в руки мафии, которая считала всегда очень точно и оставляла лишь столько, сколько требовалось для поддержания жизни — ни больше, ни меньше.

Еще большим злом было постоянное, ежечасное, ежеминутное развращение детей.

В этом квартале, образовавшем замкнутую зону и очень скоро прозванном «Малая Италия», улицы принадлежали ребятам. В трущобах, где они проводили большую часть времени, их воспитанием занимались находившиеся среди них старшие. Нетрудно догадаться, что, несмотря на наличие школ, посещение которых считалось обязательным, «воспитание» проходило в основном в притонах. Родители же хотели, чтобы их дети стали добродетельными гражданами, воспи-

танными, имеющими возможность найти свое место в этом обществе «сверхвозможностей, доступных для всех», тем более что сами они были обречены на то, чтобы занимать подчиненное положение, что, конечно, никого не устраивало.

Вначале запросы детей не шли дальше желаний научиться тому, что умели делать другие. Но кто эти другие?

Они были такими разными.

Родившись в Америке, они говорили по-английски с сильнейшим акцентом. Они коверкали язык еще и потому, что в разговорах с родителями, со своими товарищами пользовались еврейским, ирландским, неаполитанским, сицилийским, калабрийским и другими диалектами, которые оставались единственными, бережно сохраняемыми путями, связывавшими их с утраченной родиной.

За это маленькие американцы жестоко высмеивали их, так же как они высмеивали их слишком короткие штанишки, залатанные рубашки, голые ноги в стоптанных башмаках, запахи их пищи, сохранявшие воспоминание о патертых чесноком горбушках хлеба, оливковом масле, спагетти, жареной рыбе и еще бог знает о чем.

Слабые, которых эти насмешки повергали в отчаяние, склоняли голову, другие яростно дерзили в ответ. Это приводило к стычкам на переменах. Верх чаще брали более озлобленные дети иммигрантов. И у победителей этих первых боев не возникало сомнений относительно своего права на трофеи. Они требовали денег, которых никогда не было у их родителей, денег, которые давали возможность избегать самых оскорбительных унижений, выходить победителями из любых столкновений, одерживать верх над противниками.

Вот почему учебные заведения были не в состоянии выполнять свою основную задачу: там очень редко понимали детей — выходцев из чужих далеких стран. И как ни парадоксально, такие заведения становились школами организованной преступности. При этом улица оставалась основным местом, доступным для выражения эмоций, для демонстрации способностей и безнаказанного господства физической силы.

Таким образом, не стоит слишком удивляться тому, что на одних и тех же улицах, в тех же школах можно было встретить мальчиков в коротких штанишках, объединенных личными симпатиями, одинаковым направлением мыслей, которые, повзрослев, станут главарями организованной преступности и будут контролировать, выйдя, по сути, из ничего, самый богатый рынок торгующей Америки — рынок человеческих пороков.

Настало время с ними познакомиться.

Начнем с Франческо Кастилья, самого старшего из них, родившегося в январе 1891 года в Калабрии. Спустя четыре года его отец, доп Луиджи, покинул родину и лишь в 1897 году, благодаря жесточайшей экономии, смог вернуться за женой и детьми.

Семейство Кастилья приютилось в лачуге из четырех комнатук под номером 236 на 108-й улице, иначе говоря, на острове Манхэттен, в центре итальянского гетто. Новая обстановка не вызвала у госпожи Кастилья особого чувства растерянности. Толстые кумушки, ее соседки, обсуждали на улице, как лучше приготовить тесто, покупали свежие томаты и приправу у бродячих торговцев. Она быстро освоилась на новом месте уже и потому, что охотно помогала соседкам, принимая у них роды, оказывая первую помощь, столь необходимую в этом районе, где стремительно росла рождаемость, особенно если учесть, что эта помощь предоставлялась бесплатно и воспринималась бедняками как бесценный дар.

Хотя Луиджи Кастилье удалось открыть свое дело, что-то вроде булочной, в семье не всегда ели досыта. Чтобы как-то облегчить положение, старший брат, Эдуардо, научил младшего, Франческо, которому в ту пору исполнилось семь лет, деликатному искусству кражи с витрин. Позже, в октябре 1909 года, Франческо поступил в подготовительный класс на 109-й Восточной улице и получил американское имя Фрэнк. Не сумев как следует изучить английский язык, он оставал в школе и решил как можно скорее начать зарабатывать деньги. Первая открывшаяся перед ним возможность была связана с особенностью еврейских жителей квартала. Те почитали великим грехом трудиться в субботу. Он стал продавать им свои услуги

в эти дни и впоследствии вспоминал, что это ему окончательно «открыло власть денег».

Почти в то же время, когда семейство Кастилья садилось на корабль, точнее, 24 ноября 1897 года, в Леркара-Фридди (Сицилия) родился Сальваторе Луканиа, третий ребенок и второй сын Антонио Луканиа и его супруги Розали, урожденной Каппорелли. По мнению многих, он заметно отличался от остальных детей — от старших Джузеппе и Франческа, от младшего Бартоло. Мать его обожала.

В апреле 1906 года Антонио Луканиа пристроил всю свою семью в трюме грузового судна, идущего в страну, о которой мечтали все сицилийцы, — в Соединенные Штаты Америки.

Семья Луканиа обосновалась в Лоуэр Ист-Сайде, в квартале, о котором Раймонд Чапдлер сказал, что там говорили на всех языках мира, а иногда даже на английском. Они поселились в жилище еще более убогом, чем у Кастилья. Луканиа утешался тем, что в Нью-Йорке существовали бесплатные школы, которые могли сделать из его отпрысков важных людей. Он добился, что все его дети посещали бесплатную школу, и пришел в восторг, когда они согласились изменить свои имена на американский лад: Джузеппе стал Джозефом, Франческа — Фанни, Бартоло — Бертом, Консетта — Конни. Только один отказался наотрез — Сальваторе, который заявил:

— Мне придется стать Сальва... Но это имя не годится, оно для девочки.

И он остался Сальваторе, ожидая, когда подвернется случай обрести более подходящее имя.

Когда наконец Сальваторе окончил школу, то сделал для себя вывод, имевший чрезвычайно важное значение. Он состоял в том, что евреи оказались совсем не такими, какими ему их представляли с рождения. Конечно, их можно было узнать с первого взгляда: они были грязными, хотя от них и не пахло серой, любовь к деньгам заставляла их совершать не очень-то красивые поступки, но это извинительно, поскольку когда у тебя нет денег, то чужие деньги позволяют издеваться над тобой и унижать тебя.

Сальваторе очень внимательно наблюдал за еврейскими подростками. Он отметил гибкость их ума, способность анализировать, а уже потом действовать, не

поддаваясь стихийному порыву. Он понял, что церковь, вдалбливая всевозможные предрассудки в умы верующих, оказывает им плохую услугу. Он пренебрег предрассудками и сблизился с евреями. Поскольку евреи знали, как использовать свой ум, а он знал, как можно использовать евреев, то все получали от этого только выгоду.

Для начала, в отличие от тех, кто их притеснял, освистывал, мучил и избивал, Сальваторе стал их защитником. Не бесплатно, конечно. Всего за несколько центов он соглашался охранять тех, кто, имея деньги, попадал в засаду к ирландцам, итальянцам, которые подкарауливали их не для того, чтобы избить, а для того, чтобы ограбить. Евреи, избегая драк, предпочитали «сбросить балласт». Их обзывали трусами, но они не обращали на это внимания и при первой возможности брали реванш с еще большей беспощадностью.

У Сальваторе Луканна особое восхищение вызывал один из них, невысокий чернявый, — Мейер Лански, которого неизменно сопровождал другой еврей со странными голубыми глазами, Бенджамин Сигел.

Этот Мейер Лански буквально очаровал Сальваторе своей феноменальной способностью быстро считать в уме и непоколебимым хладнокровием, удивительным для такого тщедушного тела. Сальваторе решил с ним познакомиться. Вот что он сам об этом рассказывал:

— Впервые я встретил Мейера и Сигела, когда еще жил дома. В это время я всюду зашибал деньги у еврейских подростков в обмен на свое покровительство. Я вспоминаю, что сделал свое обычное предложение и Лански. Я был выше его на целую голову, но он посмотрел на меня не мигая, помолчал, не испытывая никакого страха, а потом ответил: «Чеши отсюда». Я невольно рассмеялся. Похлопал его по плечу и предложил: «Согласен, я буду тебя поддерживать задаром...» Он резко отпрянул и крикнул: «Заткни себе свою поддержку в задницу. Я в ней не нуждаюсь». И это правда, прошу вас поверить. Как и Багси Сигел, Мейер Лански был типом весьма стойким, умел держаться на равных, таких я уже никогда в жизни больше не встречал, а я не забыл ни Альберта Анастасиа, ни всех этих бандитов из Бруклина, никого.

В противоположность всем своим сицилийским братьям Сальваторе Луканни никогда не отказывался от знакомства с евреями только потому, что они евреи. Никогда в разговорах он не проявлял антисемитизма. Для него любой человек был человеком и оставался им, пока вызывал уважение к себе. При этом евреи казались ему даже более способными. Позднее он нашел этому практическое применение, отказавшись от традиционной близорукой расовой политики мафии. Тем не менее, хотя он и был убежден, что ум сосредоточен в черепах евреев, однажды он встретил одного выходца из Калабрии, показавшегося ему еще более изворотливым.

История такова. Во время одной из операций Сальваторе столкнулся с шайкой, орудовавшей на 104-й улице. Конфликт был мирно урегулирован в результате беседы с ее главарем, неким Франческо Кастильей. Это была их первая встреча. Они почти не понимали друг друга, так как Фрэнк говорил очень тихо и хрипел, как будто был простужен.

Заметим кстати, что мамыши из «Малой Италии», с завистью смотревшие на то, как американские родители запросто отправляют на операцию своих детей, попались на удочку и поверили слухам, будто американцы преуспевают именно потому, что у них удалены миндалины и аденоиды. При первом же желанном чихе ребенок оказывался у практикующего врача с фальшивым дипломом, по низкому гонорару, который и удалял ему миндалины. Возможность последующих осложнений была настолько велика, что многие итальянцы этого поколения говорили тихо, тщательно оберегая скверно прооперированное горло. Фрэнк был одним из таких неудачников. Но он произвел впечатление на Сальваторе главным образом тем, что обрисовал ему планы на будущее таких парней, как они. Совсем так, как представлял себе сам юный сицилиец, но подкрепив их очень толковыми аргументами. Кастилья доверительно сообщил: «Я из Козенцы, что в Калабрии...»

Он и в самом деле рассуждал не хуже, чем еврейские ребята. Границы мира Сальваторе как бы раздвинулись. Ему становилось все более тесно в шкуре сицилийца. Избавиться от нее оказалось непросто, но ничто не мешало ему попробовать влезть в чужую.

Хотя бы для того, чтобы попытаться понять других. С первого взгляда он почувствовал уважение к Фрэнку и в знак дружбы протянул ему руку, предлагая ее надолго. До конца своих дней они никогда не оставались друг друга.

Фрэнк — он был старше Сальваторе на шесть лет — был вооружен револьвером 38-го калибра, который носил за ремнем на животе. Его сопровождали верные стражи: брат Эдди и подросток из их квартала Уилли Моретти, с лицом ангелочка, любитель шуточек, от которых порой вяли уши, душа компании, что, однако, не мешало ему быть отчаянным драчуном, способным, когда дела складывались плохо, отвлечь внимание полицейских на себя, чтобы дать возможность смыться своим товарищам. Среди них был и уроженец Англии Оуни Мадден, который брался за самые рискованные дела. Из-за многочисленных шрамов и повреждения головы к нему относились как к ненормальному, но каждый тем не менее уважал его за исключительную смелость.

Большинство подростков были невысокого роста и отнюдь не отличались атлетическим сложением, возможно от того, что плохо питались в детстве, но им были свойственны безграничная смелость, агрессивность и дерзость. Своего рода безрассудство позволяло им удачно выходить из ситуаций, в которых другие терялись и терпели поражение.

К этому времени Фрэнк Кастилья решает изменить свою фамилию и становится Костелло. Фрэнк располагал всем необходимым, чтобы достичь того, к чему он стремился. Он был всегда наготове. Сальваторе Луканна пока уступал ему в этом. Для него самым трудным было скрывать что-то от своих родителей. Регулярно полицейский приходил к его отцу и предупреждал, что Сальваторе смывается с уроков. Аптонно неторопливо вытаскивал ремень и в кровь избивал своего бездельничающего отпрыска, приговаривая: «Ты можешь получить образование, но сам от него отказываешься. Я вколочу в тебя его...»

Он не смог, однако, ни вколотить, ни изменить что-либо. 25 июня 1911 года министерство просвещения поместило Сальваторе в одно из учреждений Бруклина, предназначенное для перевоспитания трудных подростков.

Пройдя через это испытание, Сальваторе нашел работу у некоего Макса Гудмана, изготавливавшего дамские шляпки. Хозяин и его жена почувствовали искреннюю симпатию к маленькому сицилийцу, использовали его на должности курьера, но платили гораздо больше и вечерами частенько приглашали поужинать в кругу своей семьи. У них Сальваторе пристрастился к достатку, к еврейской кухне, к деньгам... Однако его манера добывать их станет иной.

Он принял предложение Джорджа Скоплоне, пользовавшегося поддержкой полиции и политиков, и стал доставлять парковки, пряча их за лентами шляп. Его карманы стали наполняться деньгами. Сердце начало взволнованно биться: он становился уже кое-кем.

24 июля 1914 года в Европе разразилась первая мировая война.

Фрэнк и Эдди Костелло, Уилли Моретти, Оуни Мадден в пакгаузах Уэст-Сайда нашли для себя новое занятие: они стали посредниками между предпринимателями и докерами, обеспечивая рабочую силу для одних и работу для других. А раскошеливаться приходилось рабочим, потому что нуждались-то они. Хозяева потирали руки, рабочие храбрились — скорее от страха потерять и эту работу.

2 марта 1915 года за незаконное ношение оружия был арестован в Манхэттене Фрэнк Костелло. Полиция уже давно за ним охотилась. 15 мая он предстал перед судом, возглавляемым судьей Эдвардом Суонном.

Судья: «Я вижу, что в 1908 году, то есть семь лет тому назад, подсудимый был арестован за кражу с насилием, но был освобожден за отсутствием улик. Я вижу, что он был арестован второй раз, в 1912 году, по тем же основаниям и что и на этот раз также был освобожден за отсутствием улик. И в том и в другом случае он пожелал назваться Фрэнком Костелло. Сейчас он утверждает, что его настоящее имя — Фрэнк Саверио. Хотя мне адресовано несколько писем в его защиту, нет сомнения, что подсудимый обладает весьма сомнительной репутацией. Можно даже сказать, что она весьма скверная. По мнению соседей, подсудимый просто бандит. И действительно, в случае, который мы рассматриваем, он показал себя, конечно, как бандит...»

Костелло: «Если я признаю себя виновным, ваша честь, то только потому, что уже месяц нахожусь в тюрьме, а мои семейные обязанности требуют, чтобы я всячески избегал неприятностей. К тому же пистолет был найден не у меня, а в ста метрах от того места, где я был арестован».

Судья: «Это правда, но вы забыли упомянуть, что полицейские, которые преследовали вас, видели, как вы его отбросили. Другими словами, ваше поведение было со всех точек зрения поведением виновного. Я вас приговариваю к одному году исправительной тюрьмы, тогда как закон предусматривает, что преступление, которое вменяется вам в вину, карается семью годами тюрьмы».

Как осужденного, совершившего первое преступление, его отправили в исправительную тюрьму Вельфе-Айленд. Его поведение было отмечено тюремной администрацией как хорошее, и через одиннадцать месяцев его освободили. Когда в апреле 1916 года массивные ворота тюрьмы открылись перед ним, Фрэнк вышел не торопясь. Он хотел услышать скрип старого железа, когда они будут закрываться, чтобы решительно плюнуть на свой левый башмак, висевший на большом пальце правой руки, и негромко поклясться: «Больше никогда». И это обещание, данное самому себе, он не нарушил.

Фрэнк Костелло трижды встречался со своим молодым приятелем Сальваторе Луканиа, делясь с ним своим тюремным опытом. Вдвоем они долго обсуждали множество новых приемов и методов работы, которых следует придерживаться, чтобы избежать тюрьмы.

Грандиозный план уже рождался в их умах, когда в начале июня 1916 года Сальваторе Луканиа был задержан в биллиардной на 14-й улице при попытке доставить наркотики уже известным полиции наркоманам. Полицейские обнаружили в одной из шляп, изготовленных у Макса Гудмана, ампулу, содержащую два грамма героина. 26 июня 1916 года Луканиа был без проволочек осужден нью-йоркским уголовным судом, компетентным рассматривать дела лиц, признавших предъявленное им обвинение.

Мать Сальваторе была безутешна, но заступничество его хозяина, Макса Гудмана, всячески пытавшегося

оправдать его, произвело большое впечатление, и Сальваторе был приговорен только к одному году заключения в исправительной тюрьме Хэмптон-Фармс.

В тюрьме он был кротким как овечка. Он взбунтовался только один раз: заключенные сразу же стали называть его Саль, затем его переименовали в Салли и стали добиваться, чтобы он подчинился сложившейся тюремной практике, когда более сильные господствуют над слабыми. Реакция Сальваторе была устрашающей. Даже охранники воздержались от представления рапорта.

Освобожденный за примерное поведение на исходе шестого месяца заключения, Сальваторе Луканна вышел из Хэмптон-Фармс накануне рождественских праздников. Он рассказывал потом: «Я решил никогда больше не попадаться. Я твердо решил, что покопчу с собой, если они опять попытаются упрятать меня за решетку».

Друзья в честь его возвращения организовали небольшое торжество. Не успел Фрэнк Костелло, подняв бокал, произнести первые слова: «Я поднимаю тост за долгую свободную жизнь Салы и за то...», как Луканна резко оборвал его:

— Я требую, чтобы с сегодняшнего дня все звали меня Чарли... Первый, кто промахнется с моим именем, пусть знает, что я не промахнусь и напущу его имя на его могиле...

Повеяло холодом. Но все тем не менее остались и допили, смакуя, последнюю бутылку самого лучшего французского шампанского «Мойэ э Шандон», которое могли себе позволить лишь богатей и миллионеры, какими они сами хотели стать, хотя не могли выговорить даже название этого дорогого напитка.

Удобно устроившись, с сигарами во рту, они предались воспоминаниям о подвигах молодости, хотя в среднем им было всего лишь по двадцать лет. Из подростков они уже превратились в мужчин. Они ни в чем не сомневались и хотели составить себе «имя». Они хотели этого столь сильно, что все, кроме Бенджамена Сигела, уже решили с этой целью изменить свои собственные имена.

Франческо Кастилья стал Фрэнком Костелло.

Мейер Суховлянский, уроженец города Гродно, просто укоротил фамилию и стал Мейером Лански.

Более скрытный, более честолюбивый, более хитрый и недоверчивый Сальваторе Лукариа подбирал такое имя, чтобы ни у кого не возникало сомнений в его мужественности. В этот вечер и появилось имя Чарли. Он не ошибся, смутно понимая, как важно правильно выбрать имя, оп, которому впоследствии предстояло стать Чарли Лаки Лучцано.

Кто же были эти люди?

Фрэнка Костелло отличали невысокий рост, открытый и широкий лоб, коротко подстриженные волосы, карие глаза, крупный нос и тонкие губы. Он был сдержан, обладал трезвым умом и дипломатическими способностями.

Мейер Лански — маленький, тщедушный, злобный, с изможденным лицом человека, которому суждено голодать до скончания века. Глаза у него были такими же черными, как и волосы, огромные уши оттопыривались. Пропизывающий собеседника взгляд заставлял забывать об его огромном носе, бледном лице и только следить за его отвислой губой, которая чуть вздрагивала, роняя с трудом выговариваемые слова.

Бенджамин Сигел походил на симпатичного подростка: брюнет с аккуратно уложенными волосами, с пробором на левой стороне, миндалевидными, красивыми глазами под темными бровями. У него были небольшие уши, нос с горбинкой, чувственный рот, тридцать два белоснежных зуба, уцелевших в самых яростных схватках. Настоящий красавчик, который вполне мог бы сделать карьеру в Голливуде. Он делает карьеру, но благодаря той особой первой роли, которая будет принадлежать только ему одному. Самые огромные контракты, о которых не принято говорить громко, попадут в его карман. Женщины не могли ни в чем ему отказать, и поэтому он никогда не интересовался их мнением. Весьма сообразительный, он выводил из себя своих противников невыносимой спесью, цинизмом и язвительностью. Его крайний эгоцентризм не исключал поступков, казалось бы, продиктованных великодушием. Но это были только приступы, хотя они и случались. Как, впрочем, и приступы жестокости, которые были ему более свойственны и благодарны

которым он получил прозвище Багс или Багси (Клоп) *, однако произнести его больше одного раза в присутствии Сигела не удавалось никому, так как посмевшегося сделать это ожидала смерть.

Самым непостижимым из всех оставался Чарли Луканиа. Копна темных волос, зачесанных назад. Скулы высокие и широкие, лицо, суживающееся книзу, глаза темные, видящие все и ничего. Правильный нос. Хорошей формы рот. Среднего роста, худощавый, стройный, со скупыми, тщательно рассчитанными движениями, петоропливый, он производил впечатление человека, участвующего в опасной транспортировке не менее тонны динамита.

Все они были разными, но цель у них была одна.

Несмотря на то что они не походили один на другого, они нашли друг друга и настолько преуспели, что добродетельной Америке не суждено уже было избавиться от засилья преступности и коррупции.

Фрэнк Костелло, Мейер Лански, Багси Сигел, Чарли Лаки Лучано — эти четверо и составили пять пальцев руки дьявола. Эта черная окровавленная рука задушит даже всемогущую мафию.

* Это «ласковое» прозвище было дано Сигелу его другом детства М. после одного из их первых «дел», когда, выстрелив из двух револьверов, Сигел убил двух человек. В день его «боевого крещения» Багси было... четырнадцать лет!

ДЕЛО ПОВАЖНЕЕ, ЧЕМ У ГЕНРИ ФОРДА

«Банда четырех» вскоре отказалась от мелких барышей и принялась за более крупные аферы. В результате всякого рода махинаций был сколочен капитал в три тысячи двести долларов. Сумма в ту пору довольно значительная, которую членам банды хотелось сохранить, не подвергаясь при этом риску.

Мейер Лански предложил открыть счет в Банке Соединенных Штатов, учреждении Лоуэр Ист-Сайда, о котором хорошо отзывался его дядя.

Фрэнк Костелло фыркнул:

— Я не доверяю этим чинушам. Когда хочешь вложить деньги, они всегда на месте, но, когда хочешь получить их обратно, получишь...

Недоверие к банкам заставило его на месте проверить свои сомнения. Вернулся он значительно повеселевшим:

— Ребята, у меня предложение. Я готов пойти в Банк Соединенных Штатов... но не для того, чтобы всучить ему паша деньги, а чтобы избавить его от своих.

Во время своего посещения банка Костелло отметил, что он плохо охраняется. Спустя две недели без единого выстрела члены банды совершили успешное нападение на банк, что принесло им немногим более восьми тысяч долларов.

Теперь они представляли свое будущее в самых радужных красках. Однако вступление Соединенных Штатов в мировую войну едва не поставило под угрозу само существование их союза. Весной 1917 года Костелло был освобожден от воинской повинности в связи с хроническим заболеванием горла. Его единственный физический недостаток и тот принес ему

пользу. Багси Сигел и Мейер Лански были еще слишком молоды для ужасов войны.

— Обхохочешься, — так реагировал на это Багси.

Но оставался Чарли Луканна, которого признали годным к военной службе. Его дружки не хотели его отпускать, чтобы, кто знает, не убили б их приятеля ни за что, ни про что. Оставалось найти выход. Но какой?

Несмотря на длительные раздумья, ничего подходящего не придумали и уже начали свыкаться с мыслью о Чарли-солдате, как вдруг самый молодой, но самый искушенный в возможностях прекрасного пола, другими словами, Багси Сигел, предложил:

— Лучший способ — это подхватить хорошенькую гонорею...

Поначалу Луканна, проявив некоторую стыдливость, свойственную сицилийцам, воспротивился, но затем, будучи реалистом, попытался отклонить этот вариант по другой причине:

— Мне не нужна эта гадость ни за какие деньги. За два месяца меня вылечат и заарканят.

— Не совсем, — вмешался Фрэнк Костелло, — хороший врач может сделать так, что ты будешь фонтанировать круглый год; и так до самого окончания войны.

Мейер Лански утверждал, что война больше года не продлится. Благодаря его настойчивости удалось уговорить Луканна. И он подцепил что хотел. Однако избавиться от этого приобретения ему стоило большого труда. В дальнейшем это привело к загадочной слабости, на которую он с горечью жаловался своим близким друзьям. Но на войне как на войне. Во всяком случае, он избежал участия в боях во Франции, ранено было лишь его самолюбие, за что не предусмотрено ни пособий, ни орденов.

Доход от преступных махинаций рос, становился все более значительным. Квартету стало тесно в своем районе, и его участники не мешкая пристроились к грозной в то время «Банде пяти точек» — самой старой шайке Нью-Йорка. Название свое она получила в связи с тем, что орудовала на стыке Бродвея и Бауэр-стрит. В основном она состояла из уцелевших в междоусобной войне членов других шак. За эти годы полиция насчитала свыше шестидесяти жертв сведения счетов.

Джонни Торрио в это время курсировал между Нью-Йорком и Чикаго. Там, в Чикаго, его дядя Джеймс Колосимо, он же Джим Кид, он же Биг (большой) Колосимо, контролировал всю проституцию, получал долю доходов от спекуляции и содержал ресторан на Саут-Вабах-авеню. Ресторан пользовался популярностью у самых влиятельных людей Чикаго, второго по величине города Соединенных Штатов. Здесь они любили пощеголять друг перед другом.

Джонни Торрио отличала некая двойственность. Он имел огромное влияние не только на своего дядю Колосимо, исполнина с огромными усами, похожими на руль велосипеда, но и был одним из предводителей нью-йоркского дна. Он не походил ни на кого из тех, с кем ему приходилось иметь дело. Элегантный; с хорошими манерами, он всячески старался не выглядеть вульгарным. «Ни ярких галстуков, ни грубых слов — и считай, что полдела сделано», — любил повторять Торрио. Что касается его самого, то он уже успел сделать больше половины своего дела. Он не курил, не пил и, как говорили, никогда не изменял жене. Среди владельцев домов терпимости — явление довольно частое. Джонни Торрио, неаполитанец, часто бывал на 107-й улице. Его, обладающего столь респектабельной внешностью, можно было встретить среди зрителей в зловещей «скотобойне» Игнацио Саетта, где хозяин порой подвешивал свои жертвы на крюках для разделки мяса, прежде чем их сжечь, зачастую еще живых, в кремационной печи.

Джонни был большим другом Чиро Террановы, Короля артишоков, дружил с Фрэнком Айяле, сицилийцем, возглавлявшим «сицилийский союз» и распространявшим свои заботы на всех, хотя бы потому, что заведовал преуспевающей похоронной конторой. Он был уверен, что не следует оставлять без должного внимания процедуру предания земле своих жертв, тем более что на этом можно еще кое-что заработать. Стремясь к известности, Фрэнк Айяле организовал изготовление отвратительных сигар со своим изображением. В престижных целях он продавал их буквально втридорога, навязывал их всем табачным киоскам своей вотчины и даже по соседству с ней. Поговаривали, что характер Айяле еще сквернее, чем его сигары, и по-

тому не без оснований побаивались шефа, скорого на руку.

Джонни Торрио с первого взгляда отметил способности Фрэнка Костелло и Чарли Луканна. Зато он совершенно проигнорировал Мейера Лански, так же как и Багси Сигела, с их слишком бросающимися в глаза повадками, а скорее всего, потому, что был яростным антисемитом, как все неаполитанцы и мафиози.

Костелло не скрывал своего восхищения Торрио и старался во многом ему подражать. Впоследствии он признался, что брал уроки жизни у этого магистра преступности с манерами аристократа.

Торрио представил их Фрэнку Айяле. Последнему только что удалось завербовать одного горячего молодца по имени Аль Капоне, неаполитанца, родившегося в Бруклине 17 января 1899 года, стало быть, на год позже Чарли Луканна. Капоне был сильным, злым и безжалостным, и Фрэнк Айяле решил использовать его в качестве вышибалы в своем заведении «Оберж Гарвард». Клиентуру этого заведения составляли отчаянные типы, болезненно впечатлительные и вдобавок всегда пьяные. Капоне полностью отрабатывал свое жалованье, орудуя где дубинкой, а где просто по-американски — кулаками.

В этом заведении и познакомились Чарли Луканна и Фрэнк Айяле. Случайно они оказались свидетелями одного кровавого эпизода, после которого Аль Капоне постоянно старался демонстрировать лишь правую сторону лица. В тот вечер Капоне заменял бармена. Неожиданно появился один тип из Бруклина, Фрэнк Галлуччо, со своей сестрой Франческой. Персопажи пришли явно не по вкусу присутствующим. Аль заметил это и решил покуражиться. Не сообразив, что женщина была сестрой его клипта, он обратился к ней с такими словами, от которых покраснела бы и шлюха. Поскольку оскорблена была его сестра, Галлуччо не раздумывая кинулся на обидчика. Не испугавшись ни репутации, ни габаритов Аль Капоне, он одним прыжком очутился за стойкой, на ходу раскрывая нож. Несколькими стремительными движениями он исполосовал лицо Капоне. Регистрационная карточка его жертвы навсегда зафиксировала результат: «Лицевой косо́й пра́м дли́ной шесть с полови́ной

сантиметров; вертикальный шрам на челюсти с левой стороны; косо́й шрам такой же длины на шее под левым ухом». Весь в крови, Капоне не мог продолжать борьбу. Удивительно, но он никогда не искал возможности отомстить Галлучио. Возможно, он понимал, что был не прав, без всяких оснований оскорбив сестру своего соотечественника. Позднее он даже сделает человека, обезобразившего его на всю жизнь, своим телохранителем. Следует, пожалуй, упомянуть о том, что Аль неоднократно рассказывал своим людям, как на фронте, во Франции, он получил эти ужасные рубцы в результате взрыва осколочной гранаты. На самом же деле этот славный боец 77-й дивизии никогда и не надевал военную форму. Однако Галлучио поддерживал эту версию, чтобы сохранить честь шефа и скрыть правду о том, что произошло в «Оберж Гарвард».

Начиная с этого вечера Аль Капоне получил кличку Скарфас (Шрам), но горе тому, кто бы осмелился, хотя бы невзначай, произнести ее в его присутствии *. Лицо его бледнело, тогда как шрамы на левой стороне наливались кровью. Когда начал сниматься фильм «Скарфас» («Лицо со шрамом») по сценарию Бена Хекта, Капоне клялся, что «сдерет шкуру с этих кляч, желающих поиздеваться над ним и заработать на этом». Актер Джордж Рафт, в какой-то степени причастный к преступному миру, организовал секретную встречу Аль Капоне с Говардом Хоуксом, продюсером фильма. О содержании беседы никто из троих не обмолвился ни словом. После этого фильм был снят без каких-либо помех. Актер Пол Мунн, сыгравший главную роль, имел огромный успех и ввел в моду новый блатной стиль, что принесло гангстерам немалую пользу. И все это благодаря его таланту и Говарду Хоуксу.

Не только прилежные студенты высшей школы преступности получили готовеньким нужный им опыт, но и многие другие начали обзаводиться полезными связями.

Требовалась лишь благоприятная ситуация для того, чтобы они смогли применить свое умение. Свалившаяся с неба удача как хмельное вино ударит им

* Прозвища бандитов не полагалось произносить в их присутствии.

в голову. Наиболее сильные не потеряют рассудка, остальные поплатятся жизнью. Такой вступила Америка в десятилетие безумия, приняв решение о введении «сухого закона».

* * *

Все началось с созыва президентом Вудро Вильсоном 65-й сессии конгресса США 16 апреля 1917 года и декларации о том, что Соединенные Штаты находятся в состоянии войны с Германией.

Незамедлительно, истолковывая каждая по свой лад меры по нормированию, все лиги, боровшиеся за запрещение спиртных напитков, активизировали свою деятельность. Хорошо известно, что для изготовления и переработки алкоголя требуется огромное количество хмеля, солода, манса, сахара и т. д. И хотя сам этот факт не имел особого значения, он, однако, послужил удобным предлогом для тех, чью точку зрения выразил президент одной из лиг, Вайнер Веслер: «Алкоголь должен исчезнуть в нашей стране, как кайзеризм — в мире. Алкоголь разрушает патриотические чувства, потому что пиво ставится превыше родины».

Вайнер Веслер сформулировал в качестве 18-й поправки к конституции проект федерального закона, запрещающего продажу спиртных напитков на период войны. Представитель от штата Миннесота, республиканец Андре Джозеф Уолстед, должен был представить его для обсуждения в палате представителей. Общественность приписала ему «отцовство» и окрестила закон законом Уолстеда.

Самое удивительное заключалось в том, что закон был принят только 21 ноября 1918 года, то есть ровно через десять дней после заключения перемирия, когда было уже очевидно, что нет оснований для проведения такой меры. Было предпринято несколько попыток отложить вступление его в силу. Президент Вильсон использовал даже свое право вето, однако 16 января 1919 года в полночь «сухой закон» начал действовать на всей территории Соединенных Штатов.

И как только закон приняли, его сразу же стали нарушать. Делали это с особым, неистовым рвением, положив начало десятилетию необузданных беспорядков. Последствия этого ощущаются и поныне, так как, не будь «сухого закона», гангстеры не смогли бы

сколотить баснословные капиталы, организовать фонд оборотных средств, перевод огромных сумм в заграничные банки. Не смогли бы они и так быстро усвоить, что все покупается, в том числе люди, которые обязаны следить за соблюдением законов.

В первые дни после вступления в силу «сухого закона» никто по-настоящему не воспринял его всерьез. Веселились вовсю. По Нью-Йорку сновали катафалки, но вместо покойников в них развозили бутылки с джином и виски, провожаемые в последний путь под траурные звуки похоронного марша Шопена. Но мало-помалу граждане осознали очевидное: железный занавес надежно и прочно закрывает заведения, традиционно торговавшие спиртным. Возникла парадоксальная ситуация: труднее всех переживали запрет почему-то трезвенники. Употребление спиртных напитков превратилось в запрещенное удовольствие, которое сразу стало желанным и приятным. Закрыв один «кран», закон Уолстеда вызвал чудовищный водопад, которому предстояло затопить Америку. Первыми, кому удалось взломать плотину пуританизма, были члены «Банды четырех». По крайней мере в том, что касается Нью-Йорка.

В Чикаго, городе номер два Соединенных Штатов, ситуация прояснилась довольно быстро.

Не оценив по достоинству перспектив, которые сулило введение «сухого закона», исполнил Биг Джим Колосимо пострадал в числе первых. Правда, погубило его не столько то, что он не понял, какие фантастические возможности открываются в связи с запрещением продажи алкоголя, сколько то, что он просто-напросто по уши влюбился как последний дурак. Разменяв пятый десяток, он неожиданно открыл свое сердце для любви. Верные ему люди за его спиной хмурили брови. Для них любовь представлялась самой худшей из всех постыдных слабостей, для них она означала болезнь. Женатый в молодые годы на стареющей своднице Виктории Мореско, Колосимо при виде одной певички, с которой его познакомил журналист Жак Ле в 1917 году, разволновался так, что его длинные усы затрепетали. Девятнадцатилетняя, весьма привлекательная Дэйл Уинтер благодаря заботливому воспитанию, природному таланту, высокому и чистому голосу выделялась из всего хорового ансамбля мето-

дистской церкви на Саут-Парк-авеню. Биг Джим пригласил ее выступать в своем «Кафе Колосимо». Разразился первый скандал. Методисты осудили поступок этой овечки, сбившейся с пути истинного и идущей к своей гибели.

— Я не понимаю, в чем меня упрекают. В этом кафе я буду честно зарабатывать на жизнь тем, что буду петь арии из оперетт,— недоумевала Дэйл.

Выгнать ее из хора было равносильно тому, что сунуть в пасть волку. Что и произошло. Но ради нее Биг Джим превратился в ягненка. Выполняя все ее капризы, он пригласил послушать ее великого Энрико Карузо и короля Бродвея самого Флоренса Зигфилда. Оба искренне подтвердили, что у Дэйл исключительный талант. Морис Гест предложил невероятный контракт. Слишком поздно. Отказавшись от респектабельности, она не принадлежала больше себе. Попав в руки Колосимо, она уже не представляла себе других уз. Они обожали друг друга. Биг Джим подал на развод и начал вести себя более чем странно. Он открыто ходил с ней под руку и готов был даже щеголять в жокейских брюках только потому, что она любила верховую езду.

Хуже того, он стал сентиментальным.

— Я словно заново родился, начал понимать, что значит жить, понял, куда я иду,— доверительно сообщил Колосимо своему племяннику Джонни Торрио.

— Ты роешь себе могилу,— услышал он в ответ. Атмосфера все более сгущалась.

Биг Джим нанял учителя, чтобы обучиться хорошим манерам и не шокировать изящную и благовоспитанную Дэйл. Занятый этим, он совсем забыл о манерах куда менее деликатных, которых от него требовало общение с гангстерами; если он хотел оставаться их главарем.

Джонни Торрио не на шутку забеспокоился. Глава империи размяк окончательно. Некоторые доверенные лица стали обсуждать между собой поведение босса, скрывать от него доходы, что было совершенно невозможно еще год назад, когда одной неосторожной реплики в его адрес было достаточно, чтобы отправить на тот свет провинившегося. Джонни по прозвищу Лис первым почуял опасность. Кто не идет вперед, тот

скатывается назад. Кто перестает добывать, рискует потерять добытое. Биг Джим забыл об этом.

Предпоследний шаг был сделан 20 марта 1920 года. В этот день Биг Джим и Виктория оформили развод. Теперь для женитьбы на Дэйл преград уже не существовало. Для медового месяца был выбран курортный городок в штате Индиана. 4 мая Колосимо ввел свою жену в роскошно обставленные апартаменты в одном из кварталов Чикаго. Можно было начать красивую жизнь.

11 мая 1920 года племянник Джонни Торрио вернулся Биг Джима к действительности, сообщив по телефону о прибытии в «Кафе Колосимо» двух автомашин с очередной партией виски.

— Ты должен принять ее не позднее 16 часов, чтобы успеть дать расписку сопровождающему,— сказал он.

Колосимо в это время отдыхал с Дэйл после обеда. Он не торопясь поднялся, принарядился, нацепил на мизинец кольцо с бриллиантом в пять каратов, вставил красную розу в петлицу пиджака, чуть подогнул поля бежевой фетровой шляпы с черной лентой и только после этого направился в свое заведение. Когда он пришел туда, то вначале проверил, все ли на месте. После этого он позвонил своему адвокату Рокко де Стефано, но не застал его. Секретарь Фрэнк Камилла видел, как он в недоумении покачал головой и направился к выходу. В 16 часов 25 минут прозвучало два выстрела. Фрэнк бросился вслед за шефом. Колосимо лежал на полу лицом вниз. Красная роза плавала в растекающейся луже крови. Первая пуля застряла выше правого уха, другая, пройдя насквозь, ударилась в стену и отколола большой кусок штукатурки. Правая рука Биг Джима находилась в кармане пиджака. Когда полицейским с трудом удалось вытащить ее оттуда, они увидели, что пальцы сжимали перламутровую рукоятку пистолета калибра 6,35, украшенную жемчужинами, одна из которых была черной. Оружие более чем странное для главаря гангстеров. И действительно, это был подарок молодой жене, от которого она отказалась. Биг Джим был увлечен идеей вовлечь ее в дело и надеялся, что со временем ему это удастся. Поистине зловещий подарок.

Это означало, однако, что он успел заметить убий-

цу, скрывавшегося в гардеробе, но послеобеденный отдых с молодой женой замедлил реакцию даже самого лучшего стрелка.

В Чикаго ему организовали столь пышные похороны, что, как сообщала пресса, они носили общенациональный характер. Уже зараженную вирусом преступности Америке это не смутило.

Впервые глава преступного сообщества окончил жизнь таким прискорбным образом. Обеспокоенный преступный мир поспешил осудить это. Все, что случилось с Джимом Колосимо, могло произойти и с другими боссами. Событие, немыслимое вчера, ставшее реальностью сегодня, грозило повториться в будущем. Дурной пример заразителен. Поэтому пришедшие на похороны гангстеры были преисполнены искреннего негодования, пачками пывыряли деньги продавщицам цветов, а огромные венки украшали траурными лентами: «Моему дяде...», «От Аль Капопе...», «Генри Гюзик не стыдится скорбеть...» и т. д.

Бронзовый гроб мог бы теперь храниться в музее современного искусства.

Жители итальянской колонии выразили возмущение по поводу того, что архиепископ Георг Мундегин запретил проводить погребение по христианскому обычаю. Возмущение было настолько велико, что епископат счел нужным дать необходимые пояснения:

«Его преосвященство хочет, чтобы прихожане ясно понимали, что не каждого гангстера церковь рассматривает как грешника, а только того, кто отказывается следовать ее законам, требующим посещения религиозной службы и пасхальных причастий... В этом случае в проведении похорон по христианскому обычаю будет отказано. Не следует думать, будто того факта, что кто-либо является гангстером или контрабандистом, достаточно для отказа в таких похоронах, так как в отношении каждого вопрос будет решаться особо...»

Некоторые наиболее набожные доны мафии стали советовать своим мафиози, в чьи обязанности входило исполнение приговоров, осенять себя при этом дулом пистолета крестным знаменем и произносить вслух «во Имя Отца, и Сына, и Святого духа...». Совершать все это нужно было до выстрела, до того, как будет совершен акт, содействующий переселению

«клиента» в рай. Как это ни трудно себе представить, но многочисленные вальтеры, кольты, браунинги вначале использовались как кропила. Заявление епископа успокоило итальянцев. Все они, во всяком случае, кто занимался преступной деятельностью, восприняли его как благословение.

Итак, церковь обвиняла Джима Колосимо только в том, что он развелся со своей женой, и на это ей нечего было возразить. Это был грех, олицетворением которого считали Дэйл Уинтер. Но поскольку с Джима уже нечего было взять, его простили, и за звонкую монету жалкий калабрийский священник по христианскому обряду благословил его в последний путь.

Едва похоронная процессия пришла в движение, во главу ее встали многочисленные представители демократической партии. Пятьдесят три важные персоны оспаривали честь нести покров. И пришлось назначить «почетных носильщиков». Среди провожавших Джима Колосимо в последний путь можно было увидеть главу республиканской партии штата Огайо, окружного атторнея, сенатора, трех мэров, двух членов конгресса, девять советников. Остальные — гангстеры, если только можно было провести различие между теми и другими.

Два духовых оркестра, состязаясь в исполнении траурных маршей, сменяли друг друга. Дэйл Колосимо сехала следом за гробом в черной машине, за ней шел пешком Джонни Торрио в сопровождении заросшего Аль Капоне, у которого белела только левая, изуродованная сторона лица (по обычаю жителей Юга Италии, друзья покойного не бреются с момента его убийства до похорон).

Похоронная процессия насчитывала около пяти тысяч человек. Все горячо обсуждали прекрасную речь Айка Блюма, владельца самых дешевых публичных домов. Он сказал:

-- Наш дорогой Джим никогда не мухлевал. Он всегда играл в открытую. Он не был завистливым человеком. И если дюжины других получали свою долю, это его не смущало. Чем больше довольных, тем лучше. Он имел то, чего нет у большинства из нас, — класс. Это он смог привлечь на свет красных фонарей богачей и даже миллионеров, что было полезно всем,

и особенно этим заведениям, получившим то, что им оставил Колосимо. Наш Джим никого не предал в своей жизни, ни одного не оттолкнул и умел держать язык за зубами.

Именно этого не хватало самому Айку Блюму. Вскоре в «Америкэн джорнэл» появилась его статья, в которой были и такие слова: «...Неважно, кем он был когда-то в прошлом, не имеет значения, какие ошибки он совершал. Джим был моим другом, и я был на его похоронах...» Подобные высказывания можно было услышать в день похорон от многих жителей Чикаго. Их можно было услышать и в том квартале, где Джим хозяйничал столько лет, при этом по размалеванным щекам дам преступного мира текли обильные слезы. Но то же самое можно было услышать и от деловых людей, внешне вполне респектабельных, в их конторах, расположенных в небоскребах, и от людей знаменитых или находящихся на пути к славе, подвигающихся в мире искусства и литературы и в большей или меньшей мере связанных с промышленными по почам преступниками.

Эти похороны, подобных которым Америка еще не знала, настолько переполошили власти, что в штате Иллинойс создали специальную комиссию по расследованию для установления связей, существующих между гангстерами и политиками. Окончательный доклад комиссии выглядел вполне авторитетным. Но, по-видимому, именно по этой причине он не получил широкой огласки. Мы упоминаем о нем сегодня потому, что он не потерял ни своей актуальности, ни значимости. Вот несколько выдержек из него.

«...В демократическом обществе власть основана на содружестве. Феодальный строй основывался не на законе, а на узах верности между людьми. Политика тяготеет к феодальной системе отношений. Шайки также организованы на феодальных началах, иными словами, взаимоотношения внутри них строятся на принципах верности, содружества и главным образом доверия. Вот одно из обстоятельств, объясняющее, почему гангстеры и политики так хорошо понимают друг друга и часто связаны между собой, к великому несчастью для страны...

Ни для кого не секрет, что такая дружба подрывает моральные устои общества. Она приводит к тому,

что законное правительство перестает быть беспристрастным. Профессиональные политики всегда считали целесообразным присутствовать при важных событиях в жизни их друзей и знакомых: на крестинах, свадьбах, похоронах,— причем отнюдь не потому, что их побуждают к этому искренние чувства. Присутствие на торжественных похоронах политического деятеля свидетельствует о чистосердечном и личном характере его связей с покойным».

Эта цитата позволяет понять, каким образом в результате компромиссов, на которые шли власти, в стране со времени «сухого закона» воцарилась преступность.

Биг Джима Колосимо похоронили, его племянник Джонни Торрио принял дела дяди и возглавил преступный мир Чикаго. Рядом с ним находился человек, готовый на все, чтобы противостоять возможным конкурентам,— Аль Капоне.

* * *

Джонни Торрио еще задолго до введения в действие «сухого закона» со знанием дела рассуждал в Нью-Йорке, у своего друга Фрэнка Айяле в «Оберж Гарвард», о том, какие выгоды может принести это событие. Все слушали его с открытыми ртами. Джонни чувствовал, что никто его не понимает, за исключением, быть может, одного Фрэнка. Тот сразу сообразил, каким неисчерпаемым источником доходов может оказаться этот закон. Надо отдать ему должное, он не думал тогда о своей похоронной конторе.

Как только «сухой закон» начал действовать, Джонни Торрио решил, что наступило время претворить в жизнь свои замыслы. На первых порах, чтобы избежать возможных осложнений, он решил действовать вместе с Френком Айяле, главой «сицилийского союза». Как человек здравомыслящий, Торрио счел, что лучше быть первым во втором городе Соединенных Штатов, Чикаго, чем вторым в Нью-Йорке. Он доверительно рассказал Фрэнку о том, в каком плачевном состоянии находятся дела его дяди Биг Джима Колосимо, что их надо поправить и расширить, но... молодое Джим этого уже потянуть не может. С этим жестоким тираном, хозяином Чикаго, проявляющим

крайнюю подозрительность во всем, что касается его прерогатив, невозможно достичь никакого соглашения.

Фрэнк Айяле внимательно посмотрел на него.

— Ты хотел бы там обосноваться?

— Хотел бы... Ты здесь, я там, мы могли бы оказывать друг другу большие услуги.

— Ты прав. Дело это очень сложное, поэтому о нашем разговоре никому ни слова. Я поеду повидать Джима. Ты останешься здесь. Тебе следует держаться в стороне.

Джонни предпочел сделать вид, что не понял.

— Что ты собираешься делать?

Фрэнк усмехнулся.

— Я хочу устроить тебе место под солнцем, которое и меня не оставит в тени.

— Но нет смысла обсуждать это с Биг Джимом.

Правая рука Фрэнка исчезла за спиной и через мгновение появилась оттуда с кольцом 45-го калибра, бывшего в то время на вооружении в армии Соединенных Штатов.

— Посмотри хорошенько. Последнее слово всегда за ним.

Так закончилось первое великое разделение и была решена судьба Биг Джима Колосимо. Полиция Чикаго установила, что в момент убийства Айяле находился в городе. Швейцар «Кафе Колосимо» подробно описал приметы убийцы, которого он успел заметить. Они полностью совпадали с приметами Фрэнка Айяле, но на очной ставке с ним швейцар утратил всякую способность что-либо вспомнить.

Вернувшись в свою нью-йоркскую вотчину после того, как он оказал своему другу эту отнюдь не бескорыстную услугу, Фрэнк Айяле не сумел трезво оценить сложившуюся ситуацию. Причина тому — довольно преклонный возраст, а также то, что он был уже хорошо обеспечен благодаря контролю за многочисленными операциями членов своей шайки.

Что касается «молодых волков», то для них обстоятельства сложились весьма благоприятно. Костелло к этому времени стукнуло двадцать пять, Луканиа и Лански приближались к совершеннолетию; самый молодой, Багси Сигел, хотя и был еще подростком, отличался особой жестокостью. Он уже имел на своем счету три чудовищных убийства.

Репутация Чарли Луканна как человека хладнокровного, смелого, расчетливого привлекла к нему одного восемнадцатилетнего малого поразительной красоты, которому суждено было проложить пути к успеху, — но успеху, достигнутому ценой крови.

Его настоящее имя — Джузеппе Антонио Дото. Родился он в Неаполе в 1902 году. Основная специальность — кражи со взломом. То, что он являлся женщином, помогало ему предварительно хорошо обследовать намечаемый объект и добиваться максимальных результатов.

Один из главарей мафии, дон Сальваторе Маранзано, работавший под интеллектuala и любивший продемонстрировать свою эрудицию, был первым, кто как-то заметил его в бильярдной «Тампс».

— Подойди ко мне, малыш. Как тебя зовут? Дото? Это неаполитанское имя. Жаль, бамбино, если бы не это, я бы задаром помог тебе перейти Рубикон...

Повернувшись к своим мафиози, он воскликнул:

— Эй вы, посмотрите-ка на этого мальчишка. Он прекрасен, как Адонис!

Дото неожиданно побагровел и спросил:

— Адонис? Где он, тот, на которого я похож? Я укукошу его: для двух таких физиономий, как моя, на этом свете места мало. Я ему поправлю портрет!

Рассмеялся только сам Маранзано. Его телохранители не поняли, что он сравнил Дото с финикийским юношей.

— Это пустяки. Я даю тебе имя Адонис. Оно тебе идет, но остерегайся кабанов, а точнее, акул, которые кишат в тех водах, где и ты плаваешь.

Дото сохранил это имя. Для всех он превратился в Джо А. или Джозефа Адониса. Он не испытывал особой признательности к Маранзано за то, что тот наградил его таким прекрасным именем, и особенно значительные дела предпочитал обсуждать с Луканна.

Однажды он позвонил Луканна и предложил встретиться у торговца мороженым Октавио, которого хорошо знали все сорванцы «Малой Италии».

— Послушай, Чарли, ты меня еще не пробовал в деле. Мне кажется, я тебе подхожу. Ребята из «Пяти точек» говорят, что самый хитрый и ловкий из всех — это ты. Так вот, слушай, у меня в руках крупная, кра-

сивая, шикарная комбинация. Только я не знаю, чем поджечь фитиль петарды.

— А что надо, чтобы его поджечь?

— Так вот, необходимо десять тысяч долларов...

Сказав это, Адонис покраснел. Чтобы скрыть смущение, он достал зеркальце и не без самодовольства стал поправлять прическу.

Чарли пристально посмотрел на него.

— Верное дело?

— Вчера я был в Филадельфии, хотел посмотреть бой одного парня, который может стать чемпионом, если ему не помешают судьи... Это Фрэнки Доленаро*. Менеджером у него Макс Гофф, ты его знаешь, Бу-Бу, пьянчужка, накачается где хочешь, даже в пустыне под зонтиком. После боя он пригласил меня к одному типу, который был при деньгах, Уэкси Гордону, а точнее, Ирвину Векслеру... Уэкси не сводил с меня глаз. Я не стерпел и поддал ему как следует. Не спешу смеяться. Это все не так глупо. Дело весьма серьезное. Этот тип связан с подпольным алкоголем. У него полные закрома этого дерьма. Он мне предложил партию виски за двадцать тысяч долларов вместо двадцати пяти. Он мне делает услугу, но платить надо наличными. У меня только десять тысяч, если ты мне одолжишь остальные, прибыль поровну.

На лице Чарли ничего не отразилось, только глаза его словно застыли на лице собеседника. Он процедил сквозь зубы:

— Спокойно, мой мальчик. Твое доверие будет вознаграждено. Считай, что ты нашел компаньона, который возьмет на себя все заботы и все оплатит. Ты будешь иметь свою долю наравне с моими лучшими друзьями... Ты хочешь что-нибудь сказать?

Джо Адонис почувствовал, как у него перехватило дыхание. Луканиа прямо при нем позвонил Костелло, Лански и Сигелу. Вскоре эти трое присоединились к ним у Октавио. Быстро согласившись с Чарли, они решили поднять ставку и выделили на это тридцать пять тысяч долларов. На следующий день Адонис представил их в Филадельфии Уэкси Гордону. Симпатия оказалась взаимной. Уэкси всучил им лучшую бурду,

* Фрэнки Доленаро действительно стал чемпионом мира.

которой располагал сам, 45-градусное шотландское виски действительно шотландского происхождения. На этот раз они начали свое большое дело.

* * *

Сразу же возникло три вопроса. Если производство алкоголя запрещено, то много ли его еще осталось? Каким образом организовать его доставку? Заполучив его, кому его продавать? На эти вопросы очень быстро нашлись ответы. Большинство тех, кто ранее занимался хранением, сбытом и мелкой розничной торговлей различными видами спиртного, вынуждены были, как только закон вступил в силу, передать свои склады представителям власти. В результате в различных местах в окрестностях Нью-Йорка скопилось несколько десятков миллионов гектолитров алкоголя. И так как пока не была обеспечена их надежная охрана, вооруженные нападения могли дать хорошие результаты. По крайней мере в первое время. В дальнейшем будет освоен метод преодоления таможенных барьеров по подложным документам. В этот же период появились многочисленные фармацевтические лаборатории, где в огромном количестве изготавливались различные препараты на спиртовой основе. Самым сложным оставалась поставка различным торговцам товара, соответствующего вкусам их клиентов. Тот, кто пьет джин, не оценит американское виски, а любитель шотландского виски не станет пить водку.

Пришлось организовать обменный пункт, где каждый мог обменять свою партию товара на ту, которая пользовалась спросом у его постоянных клиентов. В своей книге «Закон нью-йоркских шаек» Томсон и Раймонд отмечали двойную выгоду таких операций: «На бирже обмена происходило уточнение сфер влияния, что зависело, конечно, от того, насколько соблюдались заключенные сделки... Со временем эта биржа, предназначенная для проведения встреч и совершения коммерческих операций, стала местом ожесточенных сражений, где мерились силами в основном мелкие торговцы, избавляясь от покушавшихся на их владения конкурентов. Иногда здесь происходили схватки и между гангстерами более крупного масштаба. Поскольку биржа помещалась неподалеку от резиденции

пью-йоркской полиции, новичкам не нужно было далеко ходить, чтобы научиться вести расследование сразу же после очередной потасовки. Биржа превратилась в своего рода горнило, где закалялись шайки, участвующие в запрещенной торговле алкоголем. Впервые за все время существования организованной преступности итальянские, еврейские, ирландские гангстеры вели дела друг с другом. Здесь же среди извержений жестокости, потоков крови завязывались дружеские, деловые связи, длящиеся иногда день, а иногда всю жизнь».

В этом отрывке обращает на себя внимание одна фраза: «Впервые за все время существования организованной преступности итальянские, еврейские, ирландские гангстеры вели дела друг с другом».

Действительно, такая ситуация представляла собой нечто новое. По крайней мере вначале. В этом нашла свое отражение основная идея Чарли Луканна: «В нашем деле каждый должен показать свои способности независимо от его происхождения. У нас одна раса, одна религия — религия денег. Она лучше всех остальных. С ней на земле рай».

Мафия придерживалась на этот счет иного мнения.

А пока Чарли Луканна и Фрэнк Костелло продолжали посещать биржу обмена на Малберри-стрит.

Костелло, никогда не носивший с собой оружия, уговаривал Луканна проявлять сдержанность, но молодой Чарли, болезненно нервный, уже не раз хватался за нож.

После первого успешного дела «Банда четырех» с легкой руки Джо Адониса стала процветать благодаря имеющимся у нее запасам алкоголя, своевременно пополнявшимся с помощью Уэкса Гордона. Различные сорта спиртного реализовывались по многочисленным каналам, что, однако, увеличивало возможность провала. Но именно сейчас, когда доллары текли рекой, принося с собой массу удобств, наказание за контрабандную торговлю, хотя и незначительное, представлялось крайне нежелательным. Даже минимальное тюремное заключение могло оказаться равносильным краху и привести к невосполнимым потерям для членов банды, охваченных неодолимой жаждой шикарной жизни и богатства. Тем более что обретенные таким путем доллары они считали честно заработанными.

Чтобы их заполучить, не надо было, как раньше, кому-то угрожать, кого-то принуждать, избивать и убивать. Раз люди хотят выпить, так почему же не предоставить им желанную выпивку? Каждый извлекал из этого выгоду: одни имели возможность выпить, другие загребали деньги, не рискуя подвергнуться наказанию за совершение кражи, насилия, убийства.

«Банда четырех» выработала свое кредо: «Мы не делаем ничего предосудительного, мы просто научились зарабатывать деньги». Вопрос заключался лишь в том, как избежать неприятностей.

Рассудительный Костелло нашел выход:

— Все мы, когда еще были детьми, видели, что те, на кого возлагается исполнение законов, умеют подставлять руку и закрывать глаза... Надо только давать не очень много, чтобы не избаловать их. Сейчас мы просто обходим непопулярный закон, не причиняя вреда ни их почтенным институтам, ни их состоянию, ни их персонам. Вся штука в том, что мы делаем деньги и завистники могут нам помешать. Я предлагаю отдавать им часть наших доходов, подмазывать их, чтобы они ничего не замечали и все бы шло своим порядком. Если нас попробуют вымазать грязью, то все они окажутся вымазанными вместе с нами и сядут в галопу. Им придется быть с нами заодно, если они не захотят загреметь с нами за компанию.

Почти все готовы были приветствовать идею Костелло. Исключение составлял один Мейер Лански, распоряжавшийся капиталами банды, который каждый истраченный доллар оплакивал, словно навсегда потерянного ребенка. Чарли Лукания горячо поддержал Фрэнка, и все решили доверить ему для начала фонд в пять тысяч долларов. Это была гениальная идея.

Фрэнк Костелло, прекрасно одетый, с хорошими манерами и негромким голосом, подчеркнуто приветливый, взял на себя связь с полицейскими, вручение выделенных из фонда взяток, урегулирование недоразумений с комиссариатом полиции; он оказывал материальную поддержку политическим деятелям во время предвыборных кампаний, лично выражал признательность судьям за проявляемую снисходительность к ним, которые действительно не делали ничего дурного. У него это получалось, и неплохо. Только за один год от Бродвея, через самые темные закоулки Гарле-

ма, он дошел до Гудзон-Ривер, сумел завести связи в Нью-Джерси, повсюду предлагая услуги и доллары; при этом ему не пришлось даже подвергаться особым оскорблениям.

Пяти тысяч долларов оказалось недостаточно. На это дело не хватило бы и ста тысяч. Пришлось раскошелиться. Со всех видов промысла значительный процент доходов начал отчисляться в фонд, который с легкой руки Луканна и не без юмора был назван «смазной банк».

Добрая традиция давать на лапу привыкшим к подачкам чиновникам развращала их и заставляла быть покладистыми, когда их просили закрывать глаза на махинации букмекеров, запрещенные пари, лотереи, на красные фонари, слишком заметные на печально известных улицах. Теперь, даже если бы они и захотели разоблачить все эти махинации, они уже не в состоянии были что-либо сделать.

Чтобы заручиться помощью и поддержкой политических деятелей, Костелло разработал целую систему раздачи продовольствия, распределения другой безвозмездной помощи беднякам, снабжения витаминами, топирующими средствами и другими продуктами детей из многодетных семей, фруктами — стариков, сигарами — завсегдатаев баров и забегалок, у которых в кармане не было ничего, кроме коробка спичек.

Кроме того, «смазному банку» пришлось обильно смазывать избирательный механизм, требующий от кандидатов соблюдения новых правил.

Чтобы машина крутилась безотказно, ни на минуту не останавливаясь, нужно было действовать: доставать и поставлять спиртное.

Это оказалось не таким простым делом.

* * *

За соблюдением «сухого закона» на территории всех штатов вначале наблюдали полторы тысячи федеральных агентов. Впоследствии их численность увеличилась вдвое. Естественно, им помогали таможенники, береговая пограничная охрана, некоторые подразделения полиции. Но это происходило эпизодически и не всегда с должной решительностью. Если верить «Нью-Йорк таймс», то первую серьезную операцию по

установлению путей реализации крупных партий контрабандного алкоголя удалось осуществить только в июле 1921 года.

Целая флотилия кораблей — они были настолько перегружены, что ватерлиния находилась под водой, — с трюмами, набитыми ящиками с контрабандным виски, выходила из порта Бимини на Багамских островах и, пройдя почти три тысячи миль, достигала границы территориальных вод где-то между Лонг-Айлендом и Нью-Джерси. Эта новая морская дорога получила название «Ромовый бульвар». Узнав об этом, законодатели не задумываясь увеличили ширину территориальных вод сначала до девяти, а затем и до двенадцати миль. Но и это ничего не изменило.

Торговцы, выстроившись вдоль борта судна, перегружали свой драгоценный груз на поджидавшие их быстроходные катера, которые, уходя на огромных скоростях, рассеивались по акватории под покровом ночи, тумана или просто-напросто благодаря мастерству рулевых. Эта бешеная гонка оканчивалась в одной из многочисленных бухточек где-нибудь в районе Монтаука, Ойстер-Бея или Фрипорта. Там уже стояли в ожидании груза вереницы тяжелых грузовиков. Команды грузчиков загружали их, и транспортные колонны отправлялись в путь в направлении Нью-Йорка, сопровождаемые спереди и сзади внушительных размеров лимузинами, в которых размещались лучшие стрелки банд. В открытых окнах автомашин торчали стволы пятидесятизарядных «томпсонов», покрытых кожухами охлаждения.

В головной машине ехал особо доверенный человек. Когда это был конвой «Банды четырех», колонну вел Джо Адонис. На коленях у него лежала завернутая в газету пачка банкнот. Как правило, полицию «смазывали» предварительно, и она не беспокоила. Неприятности могли возникнуть в графствах Нассо и Суффолк, где полицейские отличались особой предприимчивостью. Стражи порядка вооружались кольтами 45-го калибра и останавливали колонну... И всегда именно тогда, когда могли урвать кое-что для себя. К этому приспособились и продолжали возить.

Сложнее оказалось избавиться от мелких проходимцев, которые опоздали к разворачиванию крупных операций. Поскольку они не успели «встать в круг».

они решили войти в него силой, сочтя, что это будет стоить им не так дорого, а в случае успеха принесет несравненно больше.

Вот по какому сценарию развивались события, если верить Роберту Карзу, который в своей книге «Ромовый бульвар» подробно рассказывает о подвигах известного морского контрабандиста тех времен Билла Маккоя, главаря целой армады кораблей, лично командовавшего шхуной «Аретьюза»:

«Аретьюза» могла брать на борт одновременно до пятнадцати человек. Двигатели работали безостановочно, команда шхуны была готова в любой момент отправиться в путь. Вооруженный биноклем, помощник Маккоя сообщал на палубу обо всех перемещениях кораблей береговой охраны. Известные Маккою контрабандисты предпочитали сами перегружать свой товар на катера. Они передавали ему оговоренную заранее сумму из рук в руки или, едва подплыв поближе, бросали пачку купюр на палубу, объявляя ему цену и сорт требуемого спиртного: «Три гранта* против пятисот «Джонни Уолкер блэк лейбл»... Беру четыре сотни «Деверс» и сотню «Хай энд драй де буф»... Заплачу, когда поднимемся на палубу... Я взял «Голден Уиддинг», мы в расчете. До встречи, Билл...»

Все проходило в атмосфере взаимного доверия. Так продолжалось до тех пор, пока опоздавшие пристроиться к организованному бизнесу не стали вносить сумятицу. Они появлялись из тумана, словно демоны, брали транспорт на abordаж, под угрозой оружия заставляли команду перегружать весь ценный груз с судна на свой катер и бесследно исчезали. Дерзость этих пагледцов оправдывала себя. Новых пиратов прозвали карманниками.

Были приняты меры предосторожности, и транспортные суда оснастили скорострельными пушками. Это привело к тому, что у берегов Соединенных Штатов развертывались настоящие морские сражения с огромными потерями с той и с другой стороны.

Когда наконец морская торговля стабилизировалась, оставшиеся в стороне и опоздавшие принялись с присущей им хитростью и наглостью нападать на

* Жаргонное выражение, обозначающее банкноты по тысяче долларов с портретами первого президента США.

транспортные колонны. Поломанной автомашиной они перегораживали дорогу и вынуждали вереницу грузовиков останавливаться. Скрывавшиеся в засаде пираты открывали огонь по машинам сопровождения, находящемуся в больших лимузинах конвою, расстреливали сопровождающих, приканчивали всех, кто пытался скрыться. Оставив убитых и раненых прямо в кюветах у дороги, нападавшие гнали захваченные грузовики к заранее оборудованным складам. Там они разливали спиртное в заранее приготовленные мелкие емкости. При этом виски разбавлялось почти наполовину, а затем разливалось в бутылки с этикетками, напоминавшими фабричную упаковку.

Когда известно, что литр чистого спирта можно купить за три доллара, а продать оптовикам за тридцать, нетрудно представить себе, что наиболее алчные будут разбавлять спирт любой дрянью, чтобы урвать как можно больше. И им нет дела до того, что в результате среди американцев появятся тысячи слабых, немощных и калек.

Людам «Банды четырех», хорошо обученным и руководимым Чарли Луканна, не пришлось испытывать превратности судьбы. Роли были четко распределены. Луканна взял на себя организацию поставок и их проведение. Мейер Лански — расчеты и финансирование. Фрэнк Костелло — стратегию и тактику построения отношений с другими шайками, в том числе заключение союзов о ненападении. Он был своего рода первым советником Луканна, а Багси Сигел сопровождал и охранял его. Отлично дополняя друг друга, они смогли нажить много тысяч долларов, не особенно афишируя это, имея дело только с отборной клиентурой.

Мейера Лански очень вдохновила книжка Уильяма Тоссифа, профессора Гарвардского университета, под названием «Извлечение прибыли», в которой рассматривался закон спроса и предложения. Лански твердо усвоил, что, поставляя продукт только высшего качества, можно обеспечить себе определенную клиентуру и гарантировать высокие твердые доходы, которые будут неизменно расти. Эти святы принципы предпринимательства, о которых Мейер Лански твердил целыми днями своим приятелям, согласились проводить в жизнь и остальные, называя их между собой «законом Лански». Их девизом стало: «Высокому ка-

честву — высокую цену». Это помогло им не один раз избегать неприятностей и сохранять марку.

Повсюду открывались подпольные заведения, где продавались запрещенные законом алкогольные напитки. Поэтому главным оставалось сохранить за собой клиентуру из наиболее обеспеченных кругов общества.

Луканиа и Костелло нашли, впрочем, новый источник доходов. Одеваясь в лучших магазинах готового платья, они довольно быстро обнаружили, что тысячи мелких оптовиков и торговцев готовым платьем в розницу приезжают по крайней мере два в год из провинции в Нью-Йорк, чтобы заказать здесь модный товар. Для более крупных оптовиков и изготовителей готового платья они представляли буквально золотое дно. Едва успев устроиться в гостинице, любой такой заказчик обнаруживал, что к его персоне проявляется самый живой интерес. Ему наперебой предлагали посетить театр, мюзик-холл, нашумевшее представление, чтобы закончить все это переговорами в одном из лучших ресторанов города в надежде на то, что на десерт удастся вытянуть из гостя солидный заказ, а также внушительный чек. Если было пужпо, его вели в одно из модных элитных мест, где всегда в изобилии имелись самые дорогие редкие напитки. Чтобы он мог по достоинству оценить все это, ему давали один-два ящика с собой. И последний шикарный жест — предлагалась коробка с французским шампанским «Мойз э Шандон» и сообщалось, что в номере гостиницы его уже ждет самая красивая девушка Нью-Йорка. Так это зачастую и бывало.

Костелло и Луканиа рассказали остальным о своем открытии. И сразу же, действуя уже испытанными методами, они добились от фабрикантов заверения, что только их товар — виски, шампанское, девушки — будет использоваться для обработки покупателей из провинции. А затем они пришли к выводу, что в торговле готовым платьем вообще скрыты неисчерпаемые возможности.

«Я знаю, что нам необходимо», — заявил Мейер Лански. Спустя три дня он представил своим друзьям поразительную личность. Неуклюжий, долговязый, одетый в бесформенное тряпье, отдаленно напоминающее костюм, он вызвал удивленный возглас Фрэнка Костелло:

— Послушай, Мейер, ты уверен, что этот гражданин разбирается в готовом платье?

Пришедший изобразил на лице некое подобие улыбки, которая больше смахивала на отвратительную гримасу. Лански начал волноваться, особенно когда заметил, что Чарли Луканиа не спускает горящих глаз с его «кандидата».

— Слушай, Чарли, конечно, он не Адонис, но что нам мешает проверить его в деле...

— Я все вижу,— бросил в ответ Луканиа.

Мейер Лански прикусил губу. Он готов был обидеться. Вмешался Костелло:

— Хорошо! Как же тебя зовут?

Гость вздохнул.

— Луис Бухалтер, но друзья зовут меня Лепке.

Последовал дружный смех. Он воспринял его спокойно, словно ожидал именно такой реакции. С невозмутимым видом он признался:

— Я понимаю, мое имя кажется смешным. Но я им дорожу. Когда я был маленьким, мама мне говорила: «Ты мой Лепкеле». На идиш так звучит уменьшительное от Луиса. Приятели в школе превратили меня в Лепке...

— И все-таки это дурацкое имя...— оборвал Луканиа.

Багси Сигел, который до этого не произнес ни слова, подошел к Лепке, пожал ему руку и примирительно сказал:

— Ну, на свете все бывает. Но хорошо было бы, если бы ты в двух словах рассказал нам о твоём бизнесе с тряпками. Смотря на тебя, выраженного как чуело, многое не поймешь, не так ли?

Бухалтер, в котором заговорила вдруг оскорбленная гордость, заметно оживился:

— Мой бизнес не такая уж плохая штука. Конечно, у меня нет такой мощной организации, как ваша, но мои ребята проворачивают дела неплохо. Все, что касается покупателей готового платья, на мой взгляд, ненадежно. Я вам говорю: витрина — это не самое важное. Если клиент несообразителен, то в «примерочной» не составит труда обработать его как следует и объяснить, что именно ему подходит и что от него останется, если вдруг не подойдет. В этом случае фасон и цвет уже значения не имеют...

Луканна улыбнулся. Лепке продолжал:

— Этот номер годится только для скупщиков. Что касается предпринимателей, те также любят посещать «примерочные», но раскошелиться не спешат. Для того чтобы заставить их это сделать, можно подбросить кислоту в склад с готовым товаром, предупредив при этом, что кислота может с тем же успехом оказаться у них в глотке. Наиболее упрямых можно подтолкнуть динамитом, который вдруг сработает вблизи их заведения.

Луканна остановил его:

— Не смешивай все в одну кучу, Лепке, как это ты сделал с тем, что навешал на себя. Такой беспорядок — как раз то, что нас меньше всего устраивает. Ни в том, ни в другом смысле твоя идея не сулит нам ничего, кроме неоправданных расходов...

Бухалтер взмок, своими огромными глазищами он оглядел всех присутствующих, ища поддержки у Мейера Лански, который не стал отмалчиваться:

— Слушай, Чарли, у Лепке неплохая идея. Он этим уже занимался, и потому ему видней. Надо попробовать, и посмотрим, как пойдут дела. После этого от кустарщины можно будет перейти к крупным барышам, никого не забывая при этом. Не надо возбуждать зависть. То, что предлагает Лепке, — так это разделить работу на сектора. Мы должны охватить весь комплекс предприятий готового платья густой сетью контроля, так чтобы ни одна нитка не лопнула и никто не мог проскочить через ее клеточки. Такой рэкет может принести миллионы, и Лепке может заняться этим...

Луканна обменялся взглядами с Костелло. Сигел не переставал улыбаться и покачивать головой, словно не верил своим ушам.

Подойдя к Лепке, Луканна положил ему руку на плечо:

— О'кей. Ты получишь для торговцев готовым платьем столько водки, сколько хочешь. А дальше посмотрим. Проценты? Ты уладишь этот вопрос с Мейером... С ним все и всегда будет в порядке... Кстати, еще одна вещь. Ты знаешь, почему ты разбогатеешь? Хорошо, я тебе скажу! Потому что ты хороший сын. Тот, кто может чужим людям рассказать о том, что мамаша называла его маленьким Лепкеле... такой парень свой в доску. Ему можно довериться. Ты пойдешь с нами, Лепке...

Эти слова заставили Бухалтера покраснеть. С этого дня он был безгранично предан Луканна. Умело консультируемый Мейером Лански, он довольно быстро установил полный контроль над всем рынком готового платья.

Торговля спиртным оставалась, однако, основным промыслом, поскольку приносила все большие доходы. Не имея возможности контролировать весь рынок, члены «Банды четырех» вскоре поняли, что необходимо договариваться с остальным преступным миром о своем месте под солнцем, вместо того чтобы вступать в кровавое соперничество.

Фрэнк Костелло, ответственный в некотором роде за «внешние связи», придавал большое значение сбору информации. Знать, что и где происходит, кто есть кто, — значит иметь лишний шанс не упустить нужный момент. Сеть информаторов, созданная Фрэнком, хотя это и обходилось ему недешево, приносила гораздо больше. Один из них помог ему установить, что под прикрытием Уэкси Гордона работает некто Уильям Винсент Двайер.

Он был хорошо известен всему преступному миру Нью-Йорка. Костелло тоже знал его и высоко ценил его легендарную осторожность. Двайер в отличие от других, с тех пор когда он еще был уличным мальчишкой, отказывался участвовать в каких-либо шайках. Он ревностно оберегал свою репутацию. Его природный ум, физическая сила производили впечатление на друзей и шайки молодых грабителей, такие, как «Лесные мыши», «Гудзонские дворники», «Чудища», «Черные жабы». Они не раз склоняли его вступить в свои ряды. Напрасно. Двайер заявлял тем, кто хотел его слушать, что его цель в жизни — честно трудиться.

— Хорошая работа позволит мне вырваться из трущоб 10-й авеню. Я вырвусь отсюда... — любил повторять он.

Полицейские, здороваясь с ним, улыбались, а это кое-что значило. Никто, пожалуй, не знал, что по вечерам в своей постели он до двух часов ночи штудировал книги, посвященные вопросам конспирации. Свои первые доллары Двайер заработал, будучи билетером в театре. Затем он нашел лучший способ для применения своих сил и стал подрабатывать на причале. Профессия докера ему подходила больше. Благодаря своей наблюдательности он обнаружил многочисленные махи-

нации, которые совершали другие. Отказавшись от наиболее рискованных и опасных, он сконцентрировал свое внимание на тех, которые не были связаны с серьезным риском. Практикуя понравившиеся ему приемы, он сколотил состояние, и ничто не могло заставить его начать тратить деньги, никакие искушения молодости.

Задолго до введения «сухого закона» Двайер приторговывал алкоголем, одновременно запасаясь ящиками виски, марочного ликера, шампанского. Для этого он использовал приготовленные к отправке грузы, которые похищал, прятал, а затем вывозил, предварительно подкупив нужных охранников и таможенников. Украденное он поставлял в кафе Георга Шевлина, владельца нескольких баров и притонов, старейшины 10-й авеню, с которым он был давно знаком.

Когда закон Уолстеда вступил в силу, Двайер уже был готов приступить к делу. В рекордные сроки ему удалось снабдить спиртным не только своего постоянного клиента Георга Шевлина, но и еще многих из тех, кто полностью лишился поступлений и потому рисковал растерять всю свою клиентуру, переключаясь к более расторопным трактирщикам. Очень быстро, однако, он понял, что надо найти другие способы снабжения, так как пакаузы уже не могли удовлетворить его растущих appetitов. Чтобы осуществить это, его личного опыта стало не хватать. Надо было обратиться к тем, кто еще несколько лет назад хотел привлечь его в свои шайки. Он завербовал ряд парней из этих шаек, не посвящая их при этом в детали своих операций, и организовал из них несколько отрядов, главы которых получали приказы только от него самого. Эти грозные банды бороздили побережье, охраняя груженные колонны машин. Чтобы сохранить видимость законной деятельности, Двайер покупал или арендовал склады и гаражи. В их подвалах он творил чудеса. Он нашел строителей, которые за звонкую монету сооружали бетонные конструкции — многоярусные ангары, этажи которых связывались друг с другом пологими откосами, способными выдержать тяжелые автомашины с грузом, — или грузовые лифты, поднимающие и опускающие автомобили до пятнадцати тонн весом. На верхних этажах устанавливались мощные вентиляционные агрегаты, способные в считанные минуты удалять винные запахи. Там же Двай-

ер хранил, смешивал, перерабатывал и разливал в бутылки с заранее наклеенными этикетками спиртное различных видов.

Постоянно озабоченный тем, чтобы не наживать себе врагов, Двайер старался общаться с наиболее влиятельными и наиболее ловкими представителями преступного мира. Он обнаружил, что среди «Гудзонских дворников» есть некий Ларри Фай, который в свое время «пал» так низко, что в 1920 году стал водителем такси. Судьба подарила ему клиента, которого надо было доставить почти до самого Монреаля, и тем самым помогла ему выбраться «на поверхность». Чтобы не возвращаться с пустыми руками, он приобрел виски, которое там можно было купить свободно не дороже десяти долларов за ящик. Таким образом в его машину перекочевало два ящика виски. На границе таможенник заставил его открыть багажник:

— Ну, и что будем делать?

Ларри Фай протянул ему купюру в двадцать долларов, которая тут же исчезла в кармане человека в форме.

— Проезжайте...

Достаточно было один раз услышать «проезжайте», чтобы Ларри сообразил, что ему следует ездить только по этому маршруту. Теперь он уже не занимался ничем другим. Первые два ящика, проданные в Нью-Йорке, принесли ему сто шестьдесят долларов чистой прибыли. Он уже сам покупал и арендовал такси, нанимал водителей и организовал дело так, что оно напоминало челночный механизм. Конечно, все было не столь просто, как может показаться. Всякого рода завистники ставили ему палки в колеса. Соперничающие компании пытались копировать его методы. В радиаторы его машин подкладывали свинец, а в бензобаки — насыпали сахар. Затравленный врагами, Ларри Фай готов был оставить «арену», чтобы окончательно вернуться к такси, когда его заметил Двайер, неизменно исполненный глубокого почтения к изобретательным людям. Он пришел к нему на помощь со своими «коммандос» и помог восстановить порядок на маршрутах. Трасса стала функционировать с прежним размахом, с той лишь разницей, что теперь Ларри Фай значительный процент доходов отдавал своему благодетелю. Он быстро встал на ноги, чему

немало способствовало то обстоятельство, что Двайер мудро посоветовал ему вложить полмиллиона долларов в ночные заведения, притоны, игорные дома и дома свиданий. Двайер снабжал их спиртными напитками, а водители Ларри Фая, помимо своих обычных обязанностей, поставляли для них клиентов. Все тщательно контролировалось, учитывался каждый потерянный доллар на длинном пути от поставщика до потребителя. Специалисты впоследствии признают, что любой менеджер мог бы позавидовать их умению выжимать из своих операций максимальные доходы.

Фрэнк Костелло сразу понял это. С присущей ему вкрадчивостью и хитростью, а также благодаря опыту в распространении рэкета в сфере торговли готовым платьем, приобретенному при помощи Лепке, он завязал приятельские отношения с Двайером и в подтверждение своих добрых намерений предложил взять в дело Фрэнка Айяле, заверив, что это принесет Двайеру огромную пользу.

— У Айяле,— убеждал он,— фантастические возможности. Он их разбазаривает, впутываясь во все, что подвернется, от похоронного бюро до кафе «Гарвард» в Конн-Айленде с танцулькам по десять центов за танец. Он завязал отношения с прачками, чтобы вырвать их из-под влияния профсоюзных деятелей. Естественно, он хитрит и пытается создать собственный профсоюз прачек. Каждая из них платит ему ежемесячно по доллару за то, что он охраняет ее от притеснения хозяев. Ну, а у нас много других дел. Ведь если есть одновременно двумя ложками, то можно подавиться, не так ли? Не следовало бы ему сократить свои аппетиты и кое-что уступить своим коллегам?

Двайер оценил предложение и встретился с Айяле. Они сразу же прекрасно сговорились. Несколько месяцев спустя Костелло, обедая наедине с Двайером, заметил:

— Так вот, я узнал, что наши отряды начали по ошибке сталкиваться на дорогах, в результате чего и те и другие потеряли несколько парней и автомашин. В наших общих интересах избегать взаимных претензий. Я не знал, что ты был вместе с Уэкси Гордоном в Филадельфии. Мы хорошие партнеры, мы ими остаемся и постараемся, чтобы наши дела шли в гору, а потому нам совершенно ни к чему враждовать и воз-

вращаться к мелким стычкам. Надо делать деньги, а не выяснять отношения.

Его визави был в курсе сложившейся ситуации. Два вдохновителя контрабанды спиртным рано или поздно должны были столкнуться. Не было смысла ссориться, лучше было договориться о разделении деловых сфер. Двайер, не забывший дружеского жеста Костелло, связавшего его с Фрэнком Айяле, пошел ему навстречу. Это помогло избежать неразберихи в те времена, когда американцы вопреки «сухому закону» с каждым днем пили все больше и больше. Подпольные склады Двайера быстро опустошались, и он не успевал пополнять запасы, теряя на этом тысячи долларов. Оставался один путь: брать спиртное там, где оно еще было, то есть у своих конкурентов, у которых лучше обстояло дело с доставкой. Для этого он не колеблясь фрахтовал грузовые суда, и они шли наполнять свои трюмы всеми алкогольными напитками, которые старушка Европа направляла на Антильские острова, на Кубу, на острова Сен-Пьер и Микелон у побережья Канады. Естественно, корабли останавливались не ближе двадцати миль от американских берегов. Двайер снарядил двадцать крупных катеров, на которые установил авиационные двигатели «Либерти», оставшиеся после войны. Бу-Бу Хор вспоминал:

— Эти дьявольские машины неслись по волнам со скоростью пятьдесят узлов... Казалось, они почти летели. Брызги поднимались такие, что все промокали почти до нитки. Береговая охрана могла едва разглядеть их. Короче говоря, им так ни разу и не удалось задержать хотя бы один из катеров...

Несмотря на все это, поступления продолжали быть значительно ниже спроса. К тому же не только присутствием чувства юмора можно объяснить отстранение Двайером от командования флотилией «летающих катеров» бывшего воздушного аса, летчика ВВС США Хиггинса, которого ему одолжил Фрэнк Айяле для такого рода операций, и назначение его главой грозного отряда стрелков, предназначенного очистить торговые пути от соперничающих шаяк на национальной дороге номер 25 длиной в 240 километров, связывающей Лонг-Айленд с Нью-Йорком.

Можно себе представить, какая начиналась резня, когда Хиггинс сталкивался с людьми из отрядов Баг-

си Сигела — Мейера Лански — Луканиа. Поэтому предложение Фрэнка Костелло было с готовностью принято, и в дальнейшем перемирие соблюдалось.

Когда в 1922 году Двайер решил подвести некоторые итоги, то установил, что стал владельцем полумиллиона долларов, пивной «Феникс» совместно с Уэкси Гордоном, около трех десятков притонов, питейных заведений и публичных домов, а также радиостанции ВХЛ. Радиостанция отличалась некоторым своеобразием, хотя бы потому, что специализировалась на передаче в эфир стихов Киплинга, Браунинга, Эдгара По, Байрона, Шелли, — стихов, которые с особым вниманием слушали команды катеров и грузовых судов Двайера, так как в рифмованных строчках кодировались данные, позволявшие определять координаты предстоящих встреч в море... Кроме того, известно, что таможенники не любители поэзии.

Дела Биг Билла Двайера, как его теперь стали называть, бывшего билетера в театре, могли достичь такого размаха благодаря трагикомичной ситуации, сложившейся в результате принятия «сухого закона», когда он смог возвыситься до положения верховного правителя, имеющего право жизни и смерти над пятью сотнями наемников, стать владельцем двух огромных отелей, множества мелких притонов, трех роскошных публичных домов, огромной пивной, приносящей ему ежегодно семь миллионов чистой прибыли, четырех ипподромов (во Флориде, Нью-Гэмпшире, Огайо, Квебеке). Торговля спиртным позволила ему познакомиться в Канаде с весьма эмоциональной игрой — хоккеем на льду. С его помощью эта игра распространилась и в США. Он сам решил заняться этим делом и стал владельцем двух самых больших профессиональных клубов: «Нью-Йорк хоккей клуб» и «Америкэн хоккей клуб». В дальнейшем пристрастие к спорту привело его к приобретению превосходной футбольной команды «Бруклин доджерс», а также... двух казино в Майами-Бич.

Некоторая приверженность прошлому заставила его вложить деньги в строительство роскошных апартаментов в Лонг-Айленде и Бэлл-Харбор. Там разместились его жена и пятеро детей. Там же устраивались светские приемы, вызывавшие ассоциации с Трианоном.

Добрые отношения Фрэнка Костелло с Биг Биллом

Двайером способствовали тому, что дела «Банды четырех» шли успешно. Волны спиртного накатывались одна за другой. Обходилось без кровопролития. Больше, чем кто-либо другой, радовался Луканна. В 1923 году, в возрасте всего лишь двадцати шести лет, этот некогда жалкий иммигрант из Леркара-Фридди, начавший с нуля, пришедший с улицы, поднялся, словно на скоростном лифте небоскреба, до высоты более впечатляющей, чем та, которую достиг сам Биг Билл Двайер, хотя это и не так бросалось в глаза. Как-то в разговоре с Мартином Гошем Луканна разоткровенничался:

— Держу пари, что в те времена, когда мои приятели и я создавали свое предприятие по торговле спиртным, наше дело было более значительным, чем у Генри Форда. Мы контролировали заводы, склады, самые различные виды деятельности, владели фантастической системой транспортных средств, кораблей. Наши водители не имели себе равных ни в вождении машин, ни в стрельбе. Бухгалтерские операции Лански проводил с присущей ему одному молниеносной быстротой, и его люди обходились без бумагомаралок с их дурацкими нарукавниками. Эти типы, а среди них много и счетоводов-женщин, имели хорошую память, потому то их цифры не часто оставались записанными черным по белому. В нашем распоряжении были экспортеры и импортеры, весь персонал, в котором нуждается любая фирма. Только у нас их было гораздо больше. Мы имели своих адвокатов, которые работали на нас все двадцать четыре часа в сутки. Позднее мне многие говорили, что следовало бы использовать свое серое вещество для более порядочного дела и что я мог бы иметь огромный успех. Может быть, это и так, но я нигде не получал бы столько удовольствия.

Договор о ненападении с Двайером был заключен, и все должно было бы пойти дальше с учетверенной скоростью, если бы маленький сицилиец Чарли Луканна не совершил огромную ошибку: он позволил себе забыть о мафии. Мафия же никогда и никого не забывает.

Фрэнк Айяле, глава «сицилийского союза», заставил его встревожиться. Когда Луканна сопоставил отдельные факты, то почувствовал себя охваченным пекучей жаждой мести.

НЕ НАДО ЦВЕТОВ В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Не так легко объяснить, почему Чарли Луканна, хотя он и был сицилийцем, постоянно испытывал трудности в общении с мафией и мафиози. Это было вызвано, несомненно, его неукротимым индивидуализмом, а также, вероятно, тем, что он очень скоро осознал нерасторопность мафии — замкнутой организации, добровольно отказывающейся от явно выгодных операций и доходов, которые она могла бы получать, если бы привлекла к своей деятельности выходцев из других районов Италии. Это, а также то, что мафиози не придавали никакого значения тому обстоятельству, что он стал признанным главарем «молодых волков», раздражало Луканна. Надменный, кичащийся достигнутыми успехами и независимостью, он не находил нужным демонстрировать верноподданнические чувства перед старыми боссами, считая их методы устаревшими.

Действительно, в погоне за новыми доходами, возможность получения которых появилась в связи с введением «сухого закона», мафия не поспевала за другими. Ее контроль за всем, что происходило в пределах «Малой Италии», оставался, разумеется, неоспоримым. С того момента, как они обосновались в США, люди мафии неизменно контролировали всю деятельность внутри итальянской общины, взимая поборы со всех продуктов первой необходимости, начиная с оливкового масла и кончая сырами. Мафия регулярно и безжалостно обирала портных, аптекарей, мясников, бакалейщиков, печатников, владельцев ресторанов и кафе. Самые непритязательные игры, лотерея ежедневно облагались налогами по установленной шкале.

Однако методы, которые применяла мафия, чтобы обойти закон Уолстеда, вызывали у членов «Банды четырех» приступы неудержимого хохота. Они состояли в следующем. Тогда как у Торрио, Двайера, Луканиа и их соучастников объем реализации контрабандного спиртного достигал тысячи гектолитров, старые доны не нашли ничего лучшего, как распространить среди жителей «Малой Италии» заимствованный из фермерских ведомостей рецепт производства спиртного из винограда, из любых фруктов, злаковых культур, свеклы и т. п. Они приобрели самогонные аппараты объемом в один галлон, которые были в свободной продаже, и обязали всех гнать самогон, забирая его по смехотворно низкой цене. Сивушный запах, который буквально клубился в воздухе квартала, безошибочно указывал всякому, что он попал в итальянское гетто. Юморист Вилли Роджерс насмешил весь Нью-Йорк, написав как-то: «Самое страшное преступление, которое может совершить итальянский мальчуган, — это съесть виноград, который его отец принес домой, чтобы гнать самогон».

Ответственный за соблюдение «сухого закона» в Манхэттене Чарльз О'Коннор пришел в ярость и приказал всем владельцам перегонных аппаратов сдать их в мэрию. Безуспешно. Почти полторы сотни агентов, которыми он располагал для контроля за надлежащим исполнением закона, работали вхолостую, посвящая все свое время делу еще более бесполезному, чем попытка найти у кого-нибудь обыкновенный змеевик. В гаражах, в закутках, в задних комнатухах магазинчиков, в заброшенных сараях — почти повсюду мафия установила перегонные аппараты, способные производить от двух с половиной до пяти сотен литров спиртного в сутки. Литр алкоголя обходился не дороже десяти центов только потому, что людей, которым вменялось в обязанность постоянно находиться при аппаратах, мафиози набирали из итальянских иммигрантов, только что прибывших в Соединенные Штаты. Они выполняли эту работу за мизерную плату, не зная, что нарушают законы страны, предоставившей им убежище. Но этот же литр, производство которого обходилось почти даром, можно было продать за восемь, а то и за десять долларов.

Это кустарное производство на самом деле казалось смешным. Более предприимчивые бутлегеры зло подсмеивались над мафией. Мальчишки «Малой Италии» даже сочинили считалочку: «Чтобы денежки додились, надо гнать вино из гнили. Мать на кухне склянки моет, разливает в них помой. Шляпа старая, отец, сам напьется под конец. Тот, кто выпьет весь флакон, выбывает тут же вон».

— Все это пустяки. Они просто чудачки, эти старики с усами, похожими на руль велосипеда,— повторял Костелло.

Но это не соответствовало действительному положению дел. Фрэнк Айяле вновь и вновь предупреждал об опасности, но никто не обращал на это внимания. Он, однако, знал, о чем говорил. Престарелые главари мафии убедились в необходимости модернизировать свою деятельность. Они начали понимать, что мимо них проплывают огромные деньги, в то время как другие преступные организации возникают и успешно действуют вне сферы их влияния. Было решено принять необходимые меры, чтобы все поставить на свои места и восстановить свою власть.

Главами крупных семей нью-йоркской мафии были Чиро Терранова, старый Пиноккио (Бык), его друг Джузеппе Массерия, он же Джо Босс, Сальваторе Маранзано, Иль Дотторе и хитрый Фрэнк Айяле, который готов был от них отделиться, почуяв возможности «молодых волков», хотя и не торопился открыто продемонстрировать это.

Неуклюжие, с огромными животами — свидетельством чрезмерного злоупотребления макаронными изделиями, свининой, пирожными,— на которых красовались золотые цепочки с часами, завещанными родоначальником рода старшему из наследников, доны папоминали людей прошлого века. Одетые во все черное, эти святые отцы преступности очень гордились длинными черными усами, придававшими мужественность их лицам, на которых лежала печать поразительной самонадеянности. Из своей родной Сицилии они привезли с собой единственный груз — груз традиций. Ни от одной из них они не могли бы отказаться даже за все золото Америки. Отжывающие свой век, со смешными причудами, они этим вызывали еще большее раздражение молодых сицилийских хищников,

таких, как Луканна и некоторые другие. Наиболее честолюбивым было не по себе от их непреклонности, жестокости, верности традициям мафии. Надо было ждать их исчезновения или спровоцировать его.

Древний обычай требовал почитать старших, и Луканна не решился нарушить его, открыто выступив против главарей мафии. Это было его ошибкой: надо было нападать, а не ждать, когда мафия нападет сама.

В то же время Чарли Луканна, в высшей степени осторожный и недоверчивый, оказался перед довольно сложной проблемой. Дела шли превосходно: в 1923 году благодаря высокому качеству реализуемого спиртного образовалась исключительная клиентура из завсегдатаев самых шикарных, дорогих ночных кабаков, огромных нью-йоркских отелей, и оборот «Банды четырех» достиг двенадцати миллионов долларов. Огромная роль в этом принадлежала поразительным организаторским способностям Мейера Лански. И хотя Чарли признавал это, кое-что вопреки его теориям вызывало его недовольство. Его раздражало, что Мейер Лански и Багси Сигел все чаще работали в самом тесном контакте и преступный мир начал говорить о них как о самостоятельной банде Багси и Мейера, а также что именно Мейер привел сначала Лепке Бухалтера, а затем и Артура Флегенхаймера (он же Датч Шульц). Последний, упрямый и жестокий, возглавлял преступников в Бронксе, который он, будучи монополистом, наводнил спиртным. Чарли давно испытывал желание избавиться от Шульца. Для этого у него, как он сам впоследствии вспоминал, были серьезные основания. Он не доверял Датчу Шульцу потому, что тот, еврей по происхождению и вероисповеданию, стал католиком и соблюдал требования новых религиозных предписаний с особым рвением.

Луканна говорил:

— Если он предал своего бога, он предаст и своего друга. Вера у него, может быть, и есть, а совести нет. У нас с ним возникнет еще немало проблем.

Но Мейер настаивал на своем, и Луканна, чтобы избежать осложнений, вынужден был согласиться с ним. После Датча Шульца в банду приняли Абнера Цвиллмана, и опять-таки по протекции Мейера Лански. Абнер, он же Лонжи, контролировал все торговые

операции со спиртным в северных районах Нью-Джерси.

Хотя, не в пример другим сицилийцам, Луканна был склонен ценить и даже использовать евреев, однажды он взбунтовался и, обращаясь к Костелло, воскликнул:

— Они пересекли Красное море только затем, чтобы свалиться нам на голову? Мейер и Багси — с ними все ясно... это наши друзья. Но ты только посмотри, кого они нам привели: Лепке Бухалтер, Датч Шульц, Лонжи Цвиллман... одни евреи. Это уже слишком.

Костелло пытался успокоить его:

— Все они имеют кое-что за душой, они уже показали, на что способны, и лучше иметь их с нами, чем против нас. Ты в свою очередь можешь привлечь, кого сочтешь нужным, чтобы восстановить равновесие.

Не глядя на него, Чарли пробурчал:

— Можешь на меня положиться...

Он тут же помчался в свою родную обитель, в «Малую Италию», устроился там на неделю в меблированных комнатах, все свое время проводил в бильярдных, в забегаловках букмекеров, то есть в местах, где собирались самые крепкие парни, и внимательно прислушивался ко всем разговорам, особенно когда речь заходила о «репутации», которую сумело себе составить то или иное лицо. В результате он завербовал одного неаполитанца, коротконогого, со сросшимися в сплошную черную дугу бровями, злобного, улыбающегося только тогда, когда он наводил на кого-нибудь свой пистолет и спускал курок. Звали его Вито Дженовезе.

— Я хочу, чтобы ты был со мной, потому что если у тебя и есть кое-что в брюхе, то в сердце — ничего, — сказал ему Луканна.

Тот кивнул головой. Если в сердце у него и было место для чего-нибудь стоящего, то предназначалось оно отнюдь не для Луканна. В дальнейшем он продемонстрирует это достаточно красноречиво.

Больше повезло Луканна с Альбертом Анастасиа. Невысокий, с сильным торсом, черными как уголь глазами, крупным носом, с виду упрямый, этот итальянец вскоре после своего переселения в Америку успел изрядно поработать на уголовную хронику. Его первые шаги по американской земле восхищения не вызыва-

ли: он был обвинен в преднамеренном убийстве, и суд приговорил его к смертной казни. При рассмотрении дела в апелляционном суде ему повезло больше, чем свидетелям обвинения. Они не смогли предстать перед этой высокой инстанцией. Двое мужчин и одна женщина были ликвидированы для того, чтобы Альберт Анастасиа не попал на электрический стул в тюрьме Синг-Синг. Именно такой парень и был нужен Луканиа, который захотел познакомиться с ним поближе. Этот человек, сумевший избежать правосудия, впоследствии на одной из дружеских вечеринок громко заявил о своей преданности Чарли:

— Ты знаешь, Чарли, держу пари, что я единственный из зубастых парней, который тебя действительно любит.

— И остальные заткнулись,— говорил Луканиа, растроганно вспоминая об этом.

Джо Адонис, зная, чем озабочен его хозяин, организовал ему встречу с одним известным в преступных кругах Бруклина сицилийцем, Фрэнком Чехом, настоящее имя которого — Франческо Скализе. Встреча оказалась успешной, и Чех привлек к делу еще одного бандита из своего окружения, некоего Карло Гамбино, способности которого Луканиа тут же оценил.

Сочтя, что таким образом демографическое равновесие восстановлено, Чарли Луканиа почувствовал себя спокойнее. На самом же деле неприятности только начинались. К активным действиям перешли сицилийцы, но не просто выходцы из Сицилии, а люди мафии.

Доны располагали огромным опытом пребывания у власти и потому действовали почти безошибочно. Прежде чем атаковать новые шайки, возникшие в связи с принятием «сухого закона» и вышедшие из-под их контроля, они решили сначала воздействовать на них уговорами.

Начали с Луканиа, поскольку он был наиболее влиятельным из всех и, кроме того, будучи сицилийцем, прекрасно знал, что такое мафия.

В это время на трон «капо дей тутти капи» (босса всех боссов) претендовал Сальваторе Маранзано. Свидание своему молодому земляку он решил назначить в ресторане «Палермо», расположенном в «Малой Италии».

Сальваторе Маранзано прекрасно говорил на пяти живых языках, что для выходца из Сицилии было фактом почти невероятным. «Но я предпочитаю объясняться на латыни или греческом», — любил повторять он. И не преувеличивал. Ведь именно ему пришла в голову мысль назвать Джузеппе Дото Адонисом. Когда точно в назначенное время Чарли прибыл в условленное место, дон Сальваторе уже находился там. Он поднялся, пошел навстречу, обнял Чарли, дружески похлопывая его по спине и приговаривая: «Я приветствую юного Цезаря...», после чего разразился длинной назидательной тирадой на латыни. Ошеломленный Луканна скромно заметил:

— Я не понимаю... На сицилийском, если ты хочешь...

Поведение Маранзано вдруг круто изменилось. Большой специалист по части политики кнута и пряника, он произнес с упреком:

— На сицилийском, просишь ты? А ты часом не забыл свою Сицилию? Мне сказали, что ты, так же как и я, при крещении получил имя святого спасителя — Сальваторе. Но почему же тогда ты выбрал себе имя Чарли, как какой-нибудь безбожник американец?

Ошеломленный Луканна стоял как истукан.

— Хорошо, это грех молодости. Но грех стыдиться лучшего из всех возможных происхождений... Я должен был напомнить тебе это. Теперь садись за мой стол, так как ты все-таки делаешь честь нашей Сицилии. Мне уже не раз приходилось слышать о тебе много интересного. Я наблюдал за тобой. Как говорят, я на тебя глаз положил. У тебя есть голова на плечах, это хорошо. Ты мастер работать головой, сохраняешь хладнокровие и быстро действуешь. Тебе многое удастся, потому что ты умеешь думать. Это мне нравится. Ты мне нравишься, Сальваторе. Ты мне нравишься, но кое-что меня не устраивает. Это кое-что — те каналы, с которыми ты путаешься, которые пьют твою кровь, как они высосали кровь Христа, и которые предадут тебя, как Иуда предал Иисуса.

От ярости у Чарли свело скулы: с ним обращались, как с обвиняемым. Побелев от злости, он с трудом выдал из себя, боясь в любой момент сорваться:

— Дон Сальваторе, люди, о которых вы говорите, помогли мне стать тем, кем я стал. То, что меня пригласили прийти сегодня,— это только благодаря им... Без них я был бы ничем, даже не мафиозо, так как вы никогда всерьез не обращали на меня внимания.

Маранзано понял, что благоразумнее дать задний ход.

— Ты защищаешь своих друзей — это хорошо. Но ты не прав, пренебрегая опытом твоих предшественников. Времена меняются, но люди остаются все такими же. Ты идешь в ногу с веком, я верю в тебя. Вступай в мою семью — вот предложение, которое я хотел тебе сделать. Стань членом моей семьи, ты будешь возвышаться вместе с ней, и я тебе обещаю, ты будешь первым из моих сыновей...

Луканиа ожидал всего, но только не этого. Гордый тем, что смог дать отпор, он проговорил:

— Вы бы перестали мне доверять, если бы я не сказал, что мне надо подумать.

— Это правда, и я очень рад твоим словам. Надеюсь, в скором времени получу ответ, которого жду...

Дон Сальваторе отломил кусок хлеба, посыпал его солью, затем разломил на две части, протянув одну из них Луканиа. Хлеб съели в молчании. Затем Сальваторе налил красного сицилийского вина. Оба выпили.

Чарли Луканиа поднялся.

— Я думаю, что мы поняли друг друга, сынок...

С торжественным видом дон воздел руки к небу, наподобие того, как это делает священник после причастия. Едва выйдя на улицу, Чарли сплюнул.

На следующий день он отправил своего шофера Джинио к дону Сальваторе Маранзано с дюжиной бутылок «Кингс рансом» двенадцатилетней выдержки, лучшего из того, чем располагал сам, а также с посланием, в котором сообщал, что не чувствует себя готовым принять столь серьезную ответственность, что это для него слишком большая честь. Другими словами, сделал худшее из того, что вообще мог сделать.

Спустя две недели Вито Дженовезе начал упорно настаивать на том, чтобы он оказал услугу некоему Чарли Лагайпе, он же Биг Ноуз (Большой нос) Чарли, прозванный так за пристрастие нюхать наркотики.

Лагайпа утверждал, что за двадцать тысяч долларов он может получить партию наркотиков, которая сулит тому, кто одолжит деньги, около ста пятидесяти тысяч долларов чистой прибыли.

Что касается денег, то Луканиа мог бы одолжить их любому банкиру, но после своей первой неудачи он всячески избегал иметь дело с наркотиками. Каким образом Дженовезе удалось уговорить его впутаться в это дело, оставалось загадкой даже для посвященных, однако товар оказался у Луканиа. 5 июня 1923 года он положил его образцы в карман, чтобы проверить у Джо Адониса.

На улице его окружили трое полицейских из отряда по борьбе с наркотиками, имевших неплохое представление о запахе этого зелья. Нетрудно представить их неподдельную радость по поводу того, что они обнаружили.

Парни из Бюро по борьбе с наркотиками ликовали. Поскольку Луканиа уже однажды привлекался к ответственности за то, что доставлял наркотики, пряча их за лентами шляп, то на этот раз ему предстояло оставаться в тюрьме до седых волос. Любители «искренних» признаний допрашивали его с помощью каучуковой дубинки. Безрезультатно. Спустя несколько часов он потерял способность ощущать боль, но не ясность мысли.

— Я никогда не назову ни одного имени... Но я могу сказать, где хранится все это дерьмо. Это будет ваша самая большая удача в этом году. Без трепотни. Но в обмен на мое согласие сотрудничать вы должны будете дать мне возможность уйти отсюда. Награда вам обеспечена. Пустите слух, что мне чудом удалось улизнуть. Вам в любом случае почет и слава, а я рискую ничуть не меньше, чем сейчас. Но зато я не попаду в тюрьму...

Атторней дал согласие на эту сделку. Агенты обнаружили в небольшом кафе на Малберри-стрит металлический контейнер, наполненный чистым героином.

Луканиа освободили. На этом деле он потерял пятьдесят тысяч долларов, которые успел вложить в эту операцию; кроме того, Биг Ноуз Лагайпа имел право потребовать с него еще пятьдесят тысяч долларов — свою долю прибыли, предусмотренную сделкой. Но он потерял нечто большее и особенно ясно осо-

знал это, когда узнал, что люди дона Сальваторе Маранзано распространяют среди жителей «Малой Италии» слух, что Луканиа — «стукач». Итак, он попал в первую же западную, подготовленную мафией, но поклялся взять реванш. Он стал носить, не снимая нигде и никогда, свою знаменитую шляпу, о которой было так много разговоров. Вскоре и его самого стали называть «самая большая шляпа для наркотиков». Во многих странах мира благодаря усилиям Бюро по борьбе с наркотиками появилась его полная учетная карточка, где сообщалось, что он является финансистом, вдохновителем и поставщиком-отравителем номер один.

* * *

Освобождение Луканиа, пожалуй еще больше, чем арест, нанесло сильный удар по его престижу. Он это прекрасно понимал и в целях восстановления своей изрядно пострадавшей репутации из всех сил старался впредь производить только хорошее впечатление. В этом его горячо поддерживал Фрэнк Костелло, указывая в качестве примера на одного парня, якобы полностью отошедшего от дел, а в действительности втихомолку проворачивавшего самые удачные и выгодные операции.

— Бери пример с этого типа... Когда мне приходится обедать вместе с ним, я наблюдаю за тем, как он разговаривает с официантами, как он держит вилку... Он встает, когда какая-нибудь дама идет в туалет, и, когда она возвращается к столу, он снова встает, чтобы подставить ей стул. До того как с ним подружился, я был не лучше тебя, считал, что хорошо одет, хотя носил всякую броскую дрянь, годную лишь для того, чтобы появиться один раз в Центральном парке.

Луканиа внял совету приятеля и согласился поближе познакомиться со знаменитым Арнольдом Ротштейном, имя которого не сходило с языка Костелло.

Два молодых человека очень быстро нашли общий язык. Они прекрасно понимали друг друга и, когда играли в покер, даже стали садиться за один столик. Оба демонстрировали при этом исключительное умение обдирать своих партнеров.

Арнольд Ротштейн, родившийся в 1882 году в Нью-Йорке, ухитрился производить приятное впечатление, хотя от природы был физически слабым, тщедушным, с болезненным треугольным лицом и огромными, как у совы, глазами. Происходя из хорошей еврейской семьи, некогда иммигрировавшей из Бессарабии, он, как и его брат, ставший раввином, получил хорошее образование. Он изображал из себя блудного сына, решившего навсегда лишить отца счастья когда-либо дожидаться его возвращения и таким образом избавить его от необходимости заколоть жирного тельца.

Профессиональные картежники в Нью-Йорке долго вспоминали его феноменальную способность с такой быстротой тасовать карты, что у присутствовавших создавалось впечатление, будто его руки не двигаются вовсе. Неисправимый шулер, остававшийся безнаказанным благодаря изумительной ловкости рук, он давал полученные от выигрышей деньги в долг под сверхвысокие проценты, что мало-помалу позволило ему установить контроль над крупными игорными домами.

Злые языки говорили, что Арнольд Ротштейн присвоил наследство печально известного лейтенанта полиции Чарли Беккера, который поторопился уйти в мир иной, усевшись на электрический стул.

Карточный король Арнольд Ротштейн заслужил кличку Мозг, фальсифицируя результаты матчей национального чемпионата по бейсболу, увлечение которым охватило всю страну и вызвало целую волну пари, заключавшихся на огромные суммы. Только однажды, в 1919 году, у него произошла небольшая заминка с «Черными носками», но Ротштейну, хотя он и был разоблачен, удалось избежать столкновения с правосудием. Его способность замечать следы не уступала его умению плутовать в картах. Магистр коррупции, он заработал еще одну кличку — Чистая лапа; ему, который старался никогда и ничем не запачкать свои руки, это очень подходило. А быть может, это было связано также с тем, что в свой шикарный ночной «Коттон клуб», где делал свои первые шаги к славе Дюк Эллингтон, он не пускал негров. Одетый всегда с иголочки, Ротштейн принимал там с изысканной непринужденностью коронованных особ и сильных мира сего.

Он не остался в стороне и от бизнеса по перепродаже спиртного, но в этом деле был связан только с «Шотландскими приятелями» и немалые капиталы направлял в распоряжение Уэкси Гордона. Но он не был бы Ротштейном, если бы ограничился только этим и не вел двойной игры и здесь. И ему снова сопутствовала удача: его бывший телохранитель Джек Легз Даймонд, в детстве промышлявший кражами в лавках, став лейтенантом у Ротштейна, обожал стрелять в своих собратьев.

Став обладателем миллионов, Ротштейн никогда не брезговал самой незначительной добычей. Для него доллар всегда оставался долларом. Будучи банкиром преступного мира, он придумал уникальный способ, позволявший ему избегать риска; всякий, кто получал у него заем, должен был одновременно заключить договор страхования жизни, согласно условиям которого в случае несчастья часть полученной суммы переводилась на имя Ротштейна. Таким образом, ростовщик нес минимальные убытки и был гарантирован от возникновения неоплаченных долгов.

С этим гением изобретательности и подружился Луканна, чтобы научиться у него хорошим манерам и снова всплыть на поверхность. Фортуна благоволила к нему. Приближался матч на звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе между популярным Джеком Демпси и страшилой Луисом Анджело Фирпо, он же Диккий бык. В течение нескольких дней цены на восемьдесят две тысячи мест в «Поло граунд» в Нью-Йорке поднялись как на дрожжах. Первым обратился к Чарли Бен Джимбе, наследник владельца крупных магазинов. Он хотел иметь два места на матч за любую цену. Было весьма вероятно, что подобные просьбы от тех, кто не позаботился о билетах своевременно, могут посыпаться в самое ближайшее время.

У Луканна возникла идея: подключив своих друзей — Лански, Сигела, Костелло, — он направил их на поиски билетов. Цена его не интересовала. Нужно было набрать не менее двухсот мест. Позднее Чарли признался, что это обошлось ему в двадцать пять тысяч долларов. Очень может быть. Во всяком случае, он заполучил билеты и сообщил, что собирается пригласить сто друзей, которые в свою очередь могут привести с собой еще кого-нибудь по своему желанию.

С этого момента дозвониться по телефону в гостиницу «Кларидж» стало большой проблемой. Конечно, нашлись и недовольные, но 14 сентября 1923 года две сотни «новых друзей» Чарли Луканна приветствовали его из разных уголков зала. Чарли в этот день надел темно-серый костюм, шелковую белую рубашку, французский галстук от Шарле. С застывшей в уголках рта улыбкой, он едва успевал отвечать на приветствия и комплименты видных политических деятелей, звезд кино и театра, знаменитых спортсменов. «Все, включая судей, гордились тем, что втиснули свои задницы в предоставленные мной кресла», — рассказывал он после окончания боя, который длился всего два раунда. Самое невероятное состояло в том, что после столь короткого удовольствия Джимми Хинес и Али Маринелли, влиятельные деятели Таммани-Холл, вместо того чтобы быстренько смотаться, подошли поздравить Чарли. Дик Энригс, шеф полиции Нью-Йорка, до боли тряс ему руку под умпленным взглядом своего заместителя, комиссара Билла Лэхия. А также и других. Многих других. Арнольд Ротштейн ликовал:

— Они у твоих ног, теперь-то они у твоих ног!

В это время к ним направился Сальваторе Маранзано в сопровождении четырех телохранителей. Присутствовавшие насторожились, но дон, казалось, был в хорошем настроении:

— В этот вечер настоящий чемпион — это Сальваторе Луканна, именно ты, мой мальчик... если здесь появился даже я со своими помощниками.

Шутка вызвала улыбки, но атмосфера оставалась напряженной.

— Приходи завтра ко мне, Чарли, непременно. Я хочу сделать тебе предложение. Очень заманчивое...

Чарли насутился и попытался уклониться:

— О нем мы уже говорили...

Маранзано довольно сухо оборвал его:

— Я говорю, что это в твоих интересах, мой мальчик... В моих тоже. Надеюсь, ты не захочешь меня обидеть?

Последнее прозвучало уже не как предложение, а как прямая угроза.

— Я приду...

Он отправился на следующий же день. Маранзано в еще более поучительном тоне, чем обычно, прочитал

Луканиа лекцию о наследственной монархии и о членстве в мафии, уверяя, что Чарли будет возглавлять «отдельную ветвь могущественного дерева семьи Маранзано, поскольку он, доп Сальваторе, так решил», и что с момента его принятия в семью он будет получать проценты со всех видов ее деятельности, не считая его собственных доходов. Взамен он должен будет использовать влияние, которым пользуется, свои идеи и своих друзей в интересах мафии.

После своего возвращения в «Кларидж» Чарли собрал Дженовезе, Костелло, Лански, Сигела и Адониса, чтобы объяснить им ситуацию. Первым высказался Костелло. Он принялся перечислять преимущества предложенного:

— Это же неслыханная удача. Вместо того чтобы в самое ближайшее время впутаться в войну с мафией, мы имеем возможность установить союз с семьей Маранзано. Это позволит нам сохранить немало хороших солдат, и сицилийцы больше не будут нашими врагами. Чарли сможет держать их в ежовых рукавицах. Я «за»... Наши доходы удвоятся.

Дженовезе и Адонис поддерживали его. Багси Сигел колебался. Лански сидел с непроницаемым видом.

— А что думаешь ты, мой маленький Лански? — спросил Чарли.

«Счетная машина» выдала свое решение. В голосе Лански слышалось презрение:

— Я думаю, что вы все кретины и ослы. Маранзано приманивает вас даже не морковкой, а просто сует вам под нос дерьмо на палочке... Вы даже не можете расчихать этой вонищи. Такой тип, как Маранзано, не мог бы стать главарем мафиози по воле только святого духа. У него есть кое-что в башке, и он знает, что Чарли еще побашковитее. Так вот я вам могу объяснить, что он будет делать дальше. Вначале он попытается усыпить нашу бдительность. После этого он обвинит евреев, в частности меня и Багси, в грязных махинациях, чтобы затем спокойно отправить нас к праотцам. Вы при этом и глазом моргнуть не успеете. Затем то же самое произойдет и с остальными. Очередь Чарли подойдет последней... Так что зарубите себе на носу: пока мы вместе, с нами ничего не произойдет и в конце концов мы возьмем верх, не

спрашивая ни у кого на это разрешения. В противном случае нас перебьют одного за другим...

Физиономии присутствующих вытянулись.

Только дипломат Костелло продолжал верить в возможность установления сотрудничества с Маранзано, но и он понимал, что Лански прав. Поэтому, хотя и с неохотой, он посоветовал:

— Думаю, Чарли, что ты должен ответить «нет»...

Чарли Луканиа кивнул:

— Я так и сделаю. Только на этот раз я не буду посылать ему подарки, чтобы подсластить пилюлю. Сейчас каждому надо позаботиться о собственной шкуре. Нас могут перестрелять как кроликов.

Сальваторе Маранзано, однако, стерпел столь унижительный отказ того, кого он неизменно называл Сальваторе Луканиа. Он не взялся за оружие, по-видимому опасаясь, что его соперник Массериа, воспользовавшись случаем, поспешит на помощь «молодым волкам» и при их содействии расправится с ним самим.

Тем не менее стали происходить загадочные события: в нескольких километрах от Атлантик-Сити на дорогах, проходящих через штат Нью-Джерси, неизвестные перехватили несколько автомашин с партией виски. Через пару дней федеральная полиция разгромила два крупных склада спиртного на севере Манхэттена. Среди бутлегеров число друзей Луканиа поредело, кроме того, крупнейшие ночные заведения высшего разряда вдруг превратились в ярых блюстителей закона Уолстеда, поскольку оказались на мели.

То же самое происходило у Костелло в «Клуб 21», у Шульца в «Эмбасси клуб», Джека Легза Даймонда в «Хости-Тости», а также у Луканиа, Лански, Сигела и Дженовезе в «Саттон клуб», «Лиго», «Трокадеро», «Конни'с Ин», «Нест энд Смолл'с Парадайз» и, наконец, у Арнольда Ротштейна в «Коттон клуб». Нельзя было равнодушно внимать тому, как позванивали обыкновенные кусочки льда на дне пустых бокалов у таких всеми уважаемых и почитаемых гостей, как лорд и леди Маунтбаттен, Джимми Уолкер, Элсе Сампле, Мак Ферсон, «Гранд Гёл» Фэлон, известный адвокат, артисты Фрэд и Адель Астер, Рудольф Валентино, Виктор Макледлен, Дуглас Фербенкс, Адольф Менжу, Мэри Пикфорд, Зэзи Питс, Мэй Муррей, Уил-

ма Банки, Фанни Фэрд, Норма Толмэдж. Некто Филдс заметил как-то по этому поводу, что, «если засуха будет продолжаться, он сможет сэкономить на пудре, поскольку не будет нужды пудрить нос...». Первокласные оркестры этих заведений, которыми руководили Луи Армстронг, Каб Каллоуэй, Флетчер Хендерсон, Дюк Эллингтон, из-за отсутствия тонизирующего умерили пыл своих джазовых импровизаций. На 32-й Западной улице воцарилась паника. Модным кабакам предстояло лишиться щедрой клиентуры, если они не смогут наполнить бокалы своих посетителей. Владельцы этих заведений не давали покоя Чарли Луканна, говоря, что им не остается ничего другого, как обратиться за пополнением запасов к Маранзано или Массерна.

Прижатый в угол, Чарли вынужден был срочно принять решение. Усевшись в свой черный «паккард» и захватив с собой Джо Адониса, он устремился к Никки Джонсону в Атлантик-Сити, точнее, в Челси, лучший пригородный район, где тот проживал в роскошном отеле. Побережье штата Нью-Джерси, которое он полностью контролировал, приносило ему немалые доходы.

В белоснежном костюме, с красной гвоздикой в петлице, Джонсон встретил их весьма радушно. Луканна сразу же приступил к делу:

— Я сел в галошу, а ты катаешься как сыр в масле. Так вот, мне необходимо шотландское виски, необходимо до зарезу. Ты ведь контролируешь все, что прибывает на побережье. Обозначь хотя бы координаты прибытия очередной партии приличного товара. Я готов переплатить. Ты бери все, что хочешь, мне же нужна водка по любой цене... и я всегда буду тебе благодарен за это.

Никки принялся закуривать свою гаванскую сигару. Не торопясь выпустил первое кольцо дыма и вкрадчиво ответил:

— Чарли, ты не забыл обо мне, и хорошо сделал. Я твой друг и уважаю тебя за то, что ты ведешь свою галеру, не особенно налегая на весла. Ты далеко пойдешь, и я не прочь пойти с тобой. Когда-нибудь в будущем я передам в распоряжение твоих отрядов принадлежащее мне побережье. Никто другой не сможет им воспользоваться. А сейчас мои люди проводят

вас до паромы Кэмдена. Это практически в Филадельфии. О процентах мы договоримся. Бизнес есть бизнес, не так ли? Учитывая, что тебе надо успеть подготовиться, я хочу сообщить тебе приятную вещь: прибытие ожидается завтра в Вентнор-Бэй. Я даю о'кей. Будет чем заполнить несколько автомашин...

У Чарли загорелись глаза:

— Приличным?

— Экстра. «Джастерини энд Брукс», чистое как слеза и не для забегаловок. Кроме этого, там же должно быть несколько ящиков французского коньяка «Хеннесси».

— Дорогого?

Джонсон стряхнул пепел с сигары. Тихо, словно боялся сорвать голос, он проговорил:

— Он слишком хорош, чтобы его продавать. Правда, с ним положение сложнее. Он уже принадлежит кое-кому, кто заплатит за него нужную сумму...

— Я его знаю?

— Немного. Это твой земляк, Сальваторе Маранзано.

С перепугу Джо Адонис схватился рукой за сердце, а точнее, за то место, где «в колыбели» отдыхало его любимое дитя — автоматический пистолет «ремингтон» 38-го калибра.

Ответ Чарли был лаконичен:

— Покупателем буду я.

Рука Адониса опустилась. Этот красивый малый, всегда готовый действовать, боялся сильных эмоций.

* * *

Когда Джонсон принимался за какое-нибудь дело, он не останавливался на полпути. На карте района указательным пальцем с идеально сделанным маникюром он отметил маршрут, по которому пойдет отряд Маранзано.

На следующий день из Нью-Йорка на трех автомобилях выехали: Чарли Луканна, Мейер Лапски, Багси Сигел, Альберт Анастасиа, Джо Адонис, Джек Легс Даймонд, Лепке Бухалтер, Фрэнк Скализе, Томми Луччезе и еще двое гангстеров, благополучно здравствующих и поныне и превратившихся в «добропорядочных» граждан, имеющих склонность возбуждать

процессы о клевете. Они остановились в лесу неподалеку от Эгг-Харбор в штате Нью-Джерси. Даже самые обеспеченные вновь обрели смелость, как только почувствовали, что источник их доходов может иссякнуть.

Этот источник находился сейчас совсем рядом, в кузовах восьми автомашин. Впереди колонны шел лимузин, в котором расположились четверо вооруженных до зубов сопровождающих. Замыкал ее другой лимузин с пятью лучшими «курками». Рядом с каждым водителем находилось еще по одному человеку, вооруженному пистолетом-автоматом «томпсон», зловещей машиной смерти.

Головная машина остановилась перед поворотом. Путь преграждала поваленная пихта. Для сопровождающих такая неожиданность не требовала пояснений. Дверцы лимузинов распахнулись еще на ходу. Но стрельба, которую открыли с обеих сторон дороги, была такой сильной, что тут же под неистовым градом пуль дверцы захлопнулись, а изрешеченные тела застыли на сиденьях. Водители красноречиво тянули руки вверх. Лимузин, прикрывавший колонну сзади, взревев мотором, устремился восвояси. Сидевшие в первых трех грузовиках гангстеры попытались сопротивляться, но, сраженные меткими выстрелами, вскоре затихли. Анастасия на всякий случай разрядил в них свою «пушку», «смит-вессон» 45-го калибра. Водителей согнали прикладами в кювет. Джека Даймонда пришлось при этом сдерживать: он буквально осатанел от этой омерзительной работы.

Покончив с этим, главари преступного синдиката как ни в чем не бывало заняли места в кабинах грузовиков. Луканиа, Сигел и Лански повели лимузины. Пикки Джонсон поджидал их в Нью-Йорке вместе с Дженовезе и Костелло. Увидев Луканиа, он забеспокоился.

— Потерь нет? — спросил он.

— Ни одной. Не могли позволить себе такой роскоши. Если бы хоть кто-нибудь из нас был ранен, пришлось бы бросить один грузовик. Понимаешь, чего бы это стоило?

Джонсон застыл с открытым ртом.

Последующие дни для тех, кто обитал между 5-й и 6-й улицами, можно было бы назвать праздничными.

52-я улица превратилась в оазис, где расцвели все за-
прещенные удовольствия. Добытое виски золотилось в
огромных хрустальных бокалах, где после стольких
перипетий оно охлаждалось кубиками льда, прежде
чем попасть в глотку какого-либо знатного клиента.

После успешной операции все ее участники усили-
ли меры по собственной безопасности, выходили на
улицу только четверками и шли по двое по противопо-
ложным тротуарам, с тем чтобы можно было оказать
поддержку друг другу в случае внезапного нападения.
Хотя никто из конвоировавших колонну и оставшихся
в живых узнать их не мог, поскольку Чарли снабдил
нападавших специальными черными капюшонами и в
течение всей операции не было произнесено ни едино-
го слова, не нужно было обладать особой проницатель-
ностью, чтобы понять, кто совершил нападение. У Ма-
ранзано, имевшего отменный нюх, не могло возник-
нуть сомнений по этому поводу. Целый месяц прошел
в опасениях и ожиданиях мести с его стороны. Но он
молчал. Все, кто ожидал, что он начнет действовать,
уже склонялись к мысли, что он готов снести позор.
Приказа дон ждали скорее не для мести, а для под-
тверждения его права называться таковым. «Если ты
прощаешь обиду, жди смерти», — гласит сицилийская
поговорка. Дон Сальваторе, по-видимому, счел эту
сентенцию устаревшей и постарался забыть ее.

Единственный, кто не был забыт, — это Никки
Джонсон. Луканна, Сигел, Костелло и Лански едино-
душно решили переводить в дальнейшем на его счет
десять процентов доходов со всех операций, которые
они будут проводить даже без его ведома. Они сдер-
жали слово, хотя к этому времени Джонсон распола-
гал в Атлантик-Сити такими неограниченными воз-
можностями, как никогда раньше.

* * *

В преступном мире репутация Чарли Луканна
после этой операции заметно повысилась. То, что Ма-
ранзано в ответ на обиду не начал истребительной
войны, свидетельствовало о том, что он считает Лу-
канна и его сообщников слишком большой силой.
В действительности же дон Сальваторе ясно понимал,
что, атакуй он «молодых волков», он спровоцировал

бы Массериа, жаждавшего стать «каппо дей тутти каппи», напасть на него самого. В этом случае Маранзано оказался бы между двух огней и его шансы на успех равнялись бы нулю.

Между тем как бы случайно возник Джо Массериа. Луканна не мог позволить себе иметь врагов в лице и Массериа, и Маранзано. Припертый к стенке, он заключил с Массериа соглашение, в соответствии с которым он, по всеобщему мнению, ставил себя в положение лейтенанта Массериа. В действительности же, невзирая на гнев новоприобретенного босса, он продолжал сохранять полную независимость во всем, что касалось торговли высококачественными сортами спиртного. Такое положение его полностью устраивало. Союз с Джо Боссом обеспечивал ему своего рода признание в мафии, защищая от возможных атак со стороны Сальваторе Маранзано.

Воспользовавшись необъявленным перемирием, Луканна почти все вечера проводил в «Сарди'с», закрытом привилегированном клубе с ночным ресторанчиком. Чтобы добраться туда, он пешком поднимался по 44-й Западной улице. «Кадиллак» Луканна, в котором находились его телохранители во главе с Альбертом Анастасиа, медленно двигался в пяти метрах от него.

В клубе он часто виделся с Костелло, Сигелом и одним французом, другом Фрэнка, давним партнером Оуни Маддена, по имени Биг Френч Леманж. Так как он был французским гражданином, Биг Френч смог официально оборудовать склады на островах Сен-Пьер и Микелон, что помогло ему наладить бесперебойную доставку морским путем лучших напитков французского производства, в основном шампанского «Мойэ э Шандон» и коньяка «Хеннесси». Иметь такого человека в друзьях означало не испытывать перебоев в снабжении этими дорогими сортами алкоголя, столь горячо почитаемыми полуночниками и любителями хорошо погулять. Чтобы не испытывать больше острого недостатка в товаре, как это случилось совсем недавно, Чарли платил наличными и сумел сделать огромные запасы спиртного.

Фрэнк Костелло, составив новый список крупных функционеров, получавших, по его собственным словам, деньги в обе лапы, чтобы больше входило, поставил «смазной банк», к великому огорчению Мейера

Лански, в довольно трудное положение. Приходилось раздавать миллионы долларов. В том числе значительные суммы предназначались для нью-йоркской полиции. Так, если в 1924 году главный шеф полиции Джозеф А. Уоррен получал двадцать тысяч долларов в неделю, то его преемнику Гроверу А. Уоллену в 1926 году каждую пятницу вручалось пятьдесят тысяч, причем самым неожиданным способом.

Один молодой человек по имени Джо Куней, прозванный своими приятелями Джо Куун, что приводило его в бешенство («куун» на арго означает «негр», а Джо был ярым расистом), приносил деньги в здание городского муниципалитета под видом электрика. Его ящик для инструментов и довольно вместительная сумка были до отказа набиты долларами в мелких купюрах. Чтобы сохранять за собой место шефа полиции, нужно было проявлять осторожность... Джо Кууни выполнял свое поручение весьма успешно и без всяких осложнений. Следует, пожалуй, отметить, что он был ирландцем, как и большинство нью-йоркских полицейских.

Политические деятели, постоянно нуждавшиеся в деньгах для проведения очередных предвыборных кампаний, стоили не дешевле, особенно демократы из Таммани-Холл. Естественно, Луканиа не пренебрегал и республиканцами. Делая ставку на тех и других, он всегда оказывался в выигрыше.

Ему принадлежат слова, которые и сейчас приводят в ужас:

— Есть закон и закон. Есть парни, которые помогают устанавливать, когда это нужно, мои законы на улице, а есть те, кто помогает моим законам попадать в тексты государственных документов самым что ни на есть легальным и мирным путем. Я лично содействовал тому, чтобы за короткий срок избрано было более восьмидесяти марионеток, и все они — муниципальные советники, мэры, депутаты и даже сенаторы — голосовали, как я им говорил. Они принадлежат мне. Я их нашел. Я их избрал. Они принадлежат мне душой и телом.

Как это обычно бывает, именно в тот момент, когда Луканиа считал, что он всех купил и, следовательно, все предусмотрел, на него свалилась неприятность. Однажды он решил навестить Сигела в его резиден-

ции *. Тот уже ожидал его и, растолкав своих людей, затащил в свой кабинет.

— Беда, Чарли...

— Что случилось?

— Весь груз с «Офелии», лучшее виски прямо из Абердина, у нас увели где-то между Бостоном и Нью-Йорком.

— Кто?

— Я еще не знаю. Я отправил Левина, чтобы тот заставил говорить всех, даже немых. Тебе не кажется, что это дело рук Маранзано?

Чарли пожал плечами, но известие его крайне взволновало. Следующий вопрос он задал на родном языке:

— Кто бы это мог быть?

Багси поспешил ответить:

— Не волнуйся... Скоро все выяснится.

Лукания некоторое время молчал, а затем спросил:

— Сколько?

«Обаятельный убийца с голубыми глазами», которому очень нравилось, когда его так называли, боясь гнева, отвел глаза и только после этого осмелился произнести:

— Более миллиона долларов, Чарли... Выплачено при отправке груза.

Это был сильный удар — удар не только по карману, но и по престижу. Его нанесли тем же способом, каким некогда они сами нанесли удар Маранзано. Где гарантия, что в будущем не доберутся сначала до других его операций, потом до его людей, а затем и до него самого? Надо было как можно скорее узнать, кто осмелился совершить нападение. И он узнал это быстрее, чем можно было ожидать. Помогло ему в этом проявление искренней дружбы, столь редкой в тех кругах. Вслед за этим последовал целый ряд трагических событий.

* Между Мэдисон-сквер и Парк-авеню Бенджамин Сигел занимал целый этаж из пяти роскошных квартир. В одной он жил сам, а другие держал для своих людей, оборудовав многочисленные конторы. Лифт поднимал прямо в холл, огороженный пуленепробиваемыми стеклами, где постоянно дежурили пять лучших «курков», которые мгновенно могли превратить любого, кто появлялся здесь, в клиента для похоронного бюро.

Еще давно Арнольд Ротштейн предсказывал Чарли: — Ты далеко пойдешь... У тебя нет предрассудков. Прежде чем совершать поступки, ты их тщательно обдумываешь. Ты стараешься любое дело сделать на славу... Ты мало говоришь, но говоришь дело. Вот видишь, Чарли, ты уже одеваешься не хуже, чем я, а вскоре и в этом сумеешь меня превзойти... Мое наследство достанется тебе.

Ротштейн и не ведал, сколь пророческими окажутся его слова.

Однажды он пригласил в свой «Коттон клуб» одного Луканиа.

— Чарли, я должен с тобой поговорить... Мне кажется, я выгребаю деньги из твоего кармана.

Луканиа нахмурился, затем улыбнулся, что делал в исключительных случаях, и то в адрес своих немногочисленных друзей:

— Оставь, Арнольд... То, что ты сделал для меня, не имеет цены. Я никогда не сумею рассчитаться с тобой...

С перекошенным от волнения лицом Ротштейн выдал из себя весьма ценное признание:

— Как-то вечером один упрямец из Чикаго почувствовал, что у него начали расти крылья, как у голубка, и ему очень захотелось полетать. Я его общипал подчистую, чтобы отучить выпендриваться на людях. В общей сложности взял с него сто пятьдесят тысяч долларов.

Его гость одобрительно свистнул.

— При себе у него оказалось только шестьдесят. Из них пятьдесят взял я, а он попросил подождать недельку, пока приготовит остальные.

Чарли высказал свое предположение:

— Неделя прошла, и твой голубок улетел...

— Как раз нет. Сто тысяч у меня в кармане, но где так быстро он мог найти такие деньги? Меня смущает, что он вернул мне долг на следующий день после того, как пропали твои машины...

Как и всегда, когда его охватывало волнение, Луканиа несколько раз постучал большим и указательным пальцами по плотно сжатым губам.

— Ты знаешь имя этого червяка?

— Бен... Его зовут Блюм. Но поскольку имя его Самюэль, я уверен, что...

Луканиа энергично затряс головой:

— Пусть это тебя не заботит, Арнольд, больше ничего не требуется, остальное я сделаю сам.

Поднимаясь, он добавил:

— Мне надо собрать всех своих на совет.

Наступила очередь Арнольда Ротштейна кивнуть головой.

* * *

Багси Сигел и на этот раз опередил всех. Этот безжалостный убийца обладал исключительным чутьем охотника. Особенно вдохновляла его охота за человеком. Он мог бы приносить огромные доходы целому агентству частных детективов. Ему удалось настичгнуть Самюэля Блюма в Майами в момент, когда тот загорал под жарким солнцем Флориды.

— Пойдем с нами, приятель, из-за тебя я могу скоро заработать солнечный удар...

Потеряв дар речи, человек в плавках, поднимаясь, увидел перед собой парня с хищным блеском голубых глаз, в светлом костюме, черной рубашке, державшего в одной руке белую панаму, под которой угадывался спрятанный «люгер», ствол которого почти упирался в грудь несчастного. Рядом с Багси находилось еще два субъекта. Голос Багси звучал угрожающе:

— Не трудись наряжаться, ты и так годишься.

Спустя полчаса бедный Самюэль Блум ничем уже не напоминал пляжного Аполлона. Подвешенное за руки к решетке одного из канализационных колодцев, его тело, изуродованное до неузнаваемости, болталось в полутьме среди зловония разлагающихся испражнений.

У Чарли Луканиа перекосилась физиономия, когда он выслушал рассказ Багси Сигела.

— Самюэль Блум приехал из Чикаго по просьбе Джо Босса. Это ничтожество работало на Фрэнка Нитти и Фреда Риеса, создавая себе репутацию. Джо Массериа пригласил его с уже обстрелянной командой «Чи», чтобы разделаться с твоим конвоем, пообещав ему пятую часть. Двести тысяч долларов. Он их уплатил, а я округлил его счет двумя пулями.

В уме Луканиа уже созрел тайный план.

— Массерна, я отплачу тебе той же монетой!

Выходит, Джо Босс атаковал его исподтишка. Это было своего рода напоминанием: «Остановись, малыш, ты становишься слишком самостоятельным». Оно было сделано руками наемных бандитов, а не членов семьи, что означало бы открытое объявление войны. Диалог с мафией оставался еще возможным, но требовал соблюдения определенных условий: следовало уступить ей весь алкогольный бизнес, стать кротким и покорным, перейти на второстепенные роли, превратиться в мальчика на побегушках у Массерна. Одна мысль об этом наполняла Чарли яростью.

— Спокойно, Чарли, спокойно,— уговаривал он себя, скрипя зубами.

Итак, Джо Массерна, видя, что Сальваторе Маранзапо не реагирует на атаку молодого, ставшего уже опасным «волка», понял, что пора проявить силу и смирить своего непокорного союзника, а затем захватить высшую власть в мафии, отстранив Маранзапо, этого старого и боязливого дона, тонкого знатока латыни, явно неподходящего для американской действительности.

Для Луканиа ситуация выглядела так: обворованный им Маранзапо и обворовавший его Массерна не станут мешкать с тем, чтобы дать о себе знать куда более решительным образом. Ни тот ни другой не могли воздержаться от того, чтобы оказать на него давление и добиться его полного подчинения.

Но в это время еще один удар обрушился на Чарли Луканиа. 4 ноября 1928 года Арнольд Ротштейн, воспитатель Чарли, обучавший его правилам хорошего тона, стал жертвой человека, явно дурно воспитанного. Неизвестный всадил ему пулю в живот. Короля картежников нашли на залитом кровью ковре в комнате № 309 отеля «Парк сентрал» (ныне «Шератон-парк»). В течение двух суток он корчился от боли, его осунувшееся лицо, обезображенное гримасой страдания, покрывали капельки пота. Полицейские запретили приближаться к нему. Детектива интересовал всего один вопрос:

— В тебя стреляли спереди, ты его хорошо рассмотрел?

— В меня никто не стрелял...

— О нет! У меня свинцовые колики.

После этого ему ничего не оставалось, как испу-

— Ну конечно. И ты так корчишься потому, что с тобой ничего не случилось!

стить дух, что он и сделал в ужасных страданиях.

Вскоре попытались распространить слух, будто Арнольд Ротштейн четыре дня подряд вел крупную игру в покер с четырьмя другими партнерами. Один из игроков, Джордж Макманус, обвиненный в случившемся, вскоре за отсутствием улик был выпущен на свободу. Легенда утверждала, что якобы Ротштейн задолжал ему триста тысяч долларов. Поверить в это мог только ребенок. Арнольд никогда не проигрывал, но если бы он даже и умудрился проиграть такие деньги, то вполне мог заплатить без особых затруднений в два раза большую сумму. К тому же не следует забывать, что там присутствовало еще три игрока. Через день, через месяц или спустя более длительное время, но непременно один из них рассказал бы правду о случившемся. Так бывает всегда.

Как мы знаем, одна пуля (единственная) была пущена умелой рукой человека, уверенного как в том, что жертва умрет, так и в том, что перед смертью Ротштейн будет иметь время, испытывая адские боли, пожалеть о совершенном им опрометчивом поступке... таком, например, как рассказ о том, как некий Сэм Блюм вернул свои карточные долги на следующий день после нападения, в результате которого Чарли Луканиа остался в дураках.

Впрочем, Луканиа не обманывался на этот счет. Он отказался комментировать гибель Арнольда Ротштейна, хотя искренне сожалел о его смерти. Дальнейшее его поведение по отношению к Массериа красноречиво свидетельствует о занятой им позиции. Впрочем, о многом говорит и отношение Массериа к Луканиа.

Немедленно после смерти Ротштейна Джо Босс позвонил Луканиа по телефону и потребовал усилить активность во всех отраслях деятельности, в которых затронуты его интересы, а также повысить отчисляемые в его пользу проценты. При этом в его голосе звучала неприкрытая угроза.

«Банда четырех», превратившаяся к этому времени в «семерку» (Луканиа, Костелло, Лански, Сигел, Датч

Шульц, Джеповезе, Адонис) или даже в «девятку», так как к ней присоединились Лепке Бухалтер и Альберт Анастасиа, поторопилась разделить империю Ротштейна. Фрэнк Костелло с единодушного согласия унаследовал контроль за азартными играми, получив в помощники Фрэнка Эриксона, бывшего верного лейтенанта Ротштейна, заправлявшего букмекерским хозяйством своего босса, что позволило ему быстро войти в курс дела. Луканна добился того, что Джо Массериа стали отдавать двадцать пять процентов доходов, чтобы как-то умерить его растущий гнев. Костелло запустил свой бизнес на нужный ход; Шульц контролировал многочисленные питейные заведения. Была организована грозная служба действия, в обязанности которой входило подавление и уничтожение непокорных, непонятливых и предателей. Каждый обрел свою специализацию, но всем вместе распоряжался Чарли, представлявший их перед Массериа и вынужденный унижаться, лишь бы Джо Босс не мог сунуть нос в их бизнес со спиртным.

В эти дни Луканна много разъезжал, оказывая различные услуги многочисленным шайкам, расплодившимся по всей стране. Он пользовался уважением их главарей, в том числе известного Аль Капоне, который из-за неоднократных столкновений с Биг Мораном считал для себя полезным поддерживать с Чарли хорошие отношения. Таковую же позицию занял Моэ Далитц, его старый приятель, орудовавший в Детройте. Со своим компаньоном Бернштейном он организовал шайку по образу и подобию мафии, с той лишь разницей, что вместо сицилийцев в нее допускались только евреи. Проявляя невероятную жестокость, они держали под контролем весь Средний Запад и дорогу от Великих озер к Канаде, что приносило им огромные доходы. В Кливленде шайка Мейфилда Роуда также следовала — разумеется, оплачивая их — его советам. В Филадельфии Гарри Стромберг, он же Ник Розен, пошел по стопам Уэкси Гордона.

Но помимо крупных, существовало множество мелких шаяк, которые почти не контролировались и которые в скором времени предстояло заставить уважать законы преступного мира. Чтобы избежать нападений, от которых никто не был гарантирован, надо было объединить наиболее влиятельных и сильных, и Лу-

канна чувствовал, что момент для этого уже настал. О нем самом и его планах заговорили столь почтительно, что неожиданно Джо Массерия потерял терпение и, невзирая на оказываемые ему послушным лейтенантом услуги, а также исправно отчисляемые со всех видов рэкета повышенные проценты, решил грубо продемонстрировать, что настоящий босс по-прежнему он.

Прибегнув к старому правилу, предписывавшему вступившему в мафию сицилийцу подчинение своему боссу, Джо Массерия приказал Луканна «взять» экспедитора, чтобы прикрыть первые шаги на преступном поприще одного новоиспеченного мафиозо — Поля Минео. Это было в конце ноября 1928 года.

Вынужденный подчиниться, Луканна, в сопровождении Левиана и Поля Минео отправился на 37-ю улицу, где у здания «Корн эксчейндж бэнк» устроил засаду. Экспедитор с деньгами, предназначавшимися для выплаты жалованья персоналу одной большой текстильной компании, вышел из банка в установленный час. Как было предусмотрено, Минео кинулся к нему, сбил с ног и вырвал сумку с деньгами. Бапковский охранник поднял тревогу, затем кинулся в погоню и выстрелил в Минео, который тут же рухнул на тротуар. Чарли Луканна выскочил из машины, взвалил окровавленного Минео на плечо, подхватил сумку, втолкнул Минео и сумку в машину, которую Левиан сразу же рванул с места... Не успели они проехать и ста метров, как были остановлены полицейским патрулем.

Восемь тысяч долларов — вот цена тому, за что Луканна чуть не выбыл на долгое время из числа действующих лиц. Так оно и было бы, если бы не преданность и настойчивость членов «Банды четырех», развивших бурную деятельность. Лански не считая пускать в ход деньги из «смазного банка», а Фрэнк Костелло столь умело компрометировал важных политических деятелей и полицейских чиновников, что дело было закрыто за отсутствием улики. И стоило все это много больше злосчастных восьми тысяч долларов.

Вместе с тем было достаточно очевидным, что полицейский патруль, задержавший нападавших почти на месте преступления, находился поблизости подозрительно своевременно. Желание отомстить Массерия

той же самой монетой все сильнее овладевало Луканна.

Позор, который ему пришлось испытать и которого он стыдился, заставил его в момент ареста назваться Чарли Лучиано, с тем чтобы имя Луканна не было замешано в столь плачевной авантюре, недостойной главаря банды.

Таким образом, первыми произнесли имя «Лучиано» полицейские. Они не собирались окончательно закрепить за ним это имя. Но в роскошных апартаментах на последних этажах отеля «Барбизон плаза» с видом на Сентрал-Парк-авеню он остановился уже под именем Чарли Лучиано, пригласив разделить свой досуг некую Гай Орлову — красивую стройную танцовщицу, хорошо говорившую по-французски и по-русски и обожавшую шикарную жизнь.

Оставаясь лейтенантом Джо Босса в семье Массериа, Луканна старательно выполнял все лежащие на нем обязанности, проявляя неимоверную жестокость в операциях по вымогательству денег, отбирая их у слабых, уничтожая непослушных, заставляя тех, кто задолжал, возвращать все до последнего пенса, увеличивая сбыт аппаратов Костелло, поднимая ставки в публичных домах. Никогда еще Массериа не видел такого обилия стекающихся к нему долларов, что, однако, не мешало ему высказывать недовольство своему помощнику, который, по его мнению, занимался главным образом спиртным и расширением сети всякого рода забегаловок.

— Ты наживаешься за моей спиной, пользуясь моим покровительством. Ты злоупотребляешь своим положением, — орал Массериа, приходя в ярость при мысли, что какие-то деньги уходят из-под его контроля.

Луканна чувствовал, что еще немного — и Массериа разорвет с ним соглашение. Он лихорадочно обдумывал, как лучше парировать этот неизбежный удар.

Между тем, пользуясь явным попустительством официальных властей и полиции, не предпринимавших должных мер для того, чтобы остановить нарастающую волну жестокости, гангстеры устраивали кровопролитные сражения прямо на улицах. С момента введения в действие «сухого закона» до «конвенции Атлантик-Сити» в 1929 году три с половиной сотни

гангстеров погибли от пули, ножа или взрывчатки либо были уничтожены иными способами: брошены в воду с привязанным к ногам цементным блоком, раздавлены под колесами автомобилей, залиты строительным раствором. Среди этих трехсот пятидесяти семнадцать человек носили довольно громкие фамилии, имена многих были широко известны, другие же ушли в небытие, так и не успев выйти из неизвестности.

Как говорил Чарли Луканна:

— Погребение стоит дорого. Класть этих парней в яму — только терять время и деньги...

Основная идея Луканна заключалась в том, что преступный мир нуждается в центральной власти, авторитарном режиме во избежание конкуренции со стороны менее крупных шаяк или возникновения распрей между равными за верховенство, что давало бы возможность осуществлять неограниченную власть. Не было смысла тратить деньги для того, чтобы, ускользнув от судей и полицейских, затем уничтожать друг друга в междоусобных схватках. Не говоря уже о том, что сообщения о непрекращающихся батальных заполнили полосы газет, вызывая у американцев беспокойство и побуждая их требовать, чтобы полиция обеспечила порядок и безопасность на улицах.

Положение, сложившееся в Чикаго, наглядно продемонстрировало, что может произойти и чего не следует допускать. Аль Капоне вверг город в кровавый хаос. Удивительно, как ему удавалось находить все новых исполнителей зверских расправ, если учесть, что сами гангстеры без конца истребляли друг друга.

Аль Капоне стал серьезно мешать Луканна. Еще раньше, когда Аль Капоне начал без конца придирается к старейшине преступного мира Джонни Торрио, тот, не желая рисковать собственной шкурой, решил отойти от дел и счел за благо передать претенденту все свои полномочия.

Но Аль Капоне явно перегнул палку, когда расправился с Фрэнком Айяле, своим благодетелем, тем самым человеком, который убрал Биг Джима Колосимо, чтобы освободить место его племяннику Джонни Торрио. Фрэнк Айяле открыл Капоне, сделал его сначала барменом, вышибалой, а затем передал в распоряжение Джонни Торрио в Чикаго. Это было роковой ошибкой. К тому же будучи президентом «сицилийского

союза» (преобразованного в «итало-американский национальный союз»), он поддержал, после того как убили Анжело Дженна, кандидатуру Джо Айелло на президентское место в чикагском отделении союза, а не Тони Ломбардо, ставленника Аль Капоне.

Фрэнк Айяле совершил еще одну ошибку, недооценив чикагских гангстеров. Он обеспечивал приемку в Лонг-Айленде предназначенного для Капоне спиртного, формировал для него колонны грузовиков, которые проводил каждый раз новым маршрутом, заручался покровительством опытных полицейских, оплачивая их услуги, а также услуги тех, кто предотвращал нападения соперничающих банд. Но в начале 1927 года аппетиты Фрэнка Айяле чрезмерно возросли. С необъяснимой безрассудностью он задумал инсценировать нападение «неизвестных» на свои собственные конвои. Продать спиртное, организовать длительную и надежную транспортировку, а затем украсть — это любимый трюк самых отъявленных мошенников. Аль Капоне был не охотник до таких шуток.

Он направил в Бруклин одного из своих помощников, Джеймса Финези де Амато, которому поручил проверить, действительно ли западню подстроил сам Фрэнк Айяле.

Разведчика встретили выстрелами. Двое неизвестных всадили ему две пули в глаза прямо на улице. Аль Капоне не на шутку встревожился, тем более что эти выстрелы подтвердили его самые худшие опасения. Он заперся в своих апартаментах в отеле «Понс де Леон», чтобы обдумать, как отомстить обидчикам. Наконец решение было принято. Отряд из шести «курков» взял курс на Нью-Йорк.

В воскресенье вечером 1 июля 1927 года Фрэнк Айяле вошел в забегаловку на Богур-Парк, на ходу бросив бармену:

— Я умираю от жажды...

Слова были выбраны явно неудачно. Едва он приложился к кружке с холодным пивом, как зазвонил телефон. Вызывали его. Звонил Багси Сигел. Он сообщил ему, что по его следу идет уже целая команда и ему нужно немедленно смыться. Фрэнк не задумываясь выскочил на улицу, сел в свой автомобиль и резко сорвался с места. На 44-й улице огромный черный лимузин, ослепив Айяле фарами, заставил его

прижаться к тротуару. Из окон лимузина показались стволы двух автоматов Томпсона, двух пистолетов 45-го калибра и одного обреза. Смертоносные выстрелы изрешетили элегантный серый костюм Фрэнка Айяле, обезобразили его лицо.

Возможно, имена участников нападения не интересовали комиссара нью-йоркской полиции Гровера Уоллена, которому поручили расследование. Но для любителей точной информации можем сообщить, что операцию проводили Джек Гузик (Замусоленный палец), Чарли Фишетти, Дан Сертирелла, причем у каждого из них на всякий случай имелся дублер. Отметим только, что никогда раньше автоматы Томпсона не применялись на улицах Нью-Йорка для сведения счетов между гангстерами. Фрэнку Айяле первому пришлось испытать на себе эту новую технику, зато от анонимного отправителя на его могилу был возложен огромный венок из орхидей и красных роз размером три метра на три, с лентой, на которой золотыми буквами было написано: «За это отомстят, мой мальчик».

Убийство Айяле послужило прелюдией к невиданной ранее войне за наследование места президента отделения «итало-американского национального союза» в Чикаго. Друг Аль Капоне, первый из претендентов на «престол», Тони Ломбардо с триумфом занял новое помещение союза в «Гартфорд билдинг» на Саут-Демборн-стрит, где находился в течение двух месяцев. 7 сентября в 17 часов Ломбардо в сопровождении своих телохранителей, Джозефа Лолордо и Джозефа Ферраро, вышел на улицу, где они смешались с многочисленной толпой служащих, покидавших свои учреждения. На перекрестке с Мэдисон-стрит четыре пути «дум-дум» настигли Тони Ломбардо на глазах у не успевшего прийти в себя Лолордо. Его напарник, Ферраро, не мог видеть того, что произошло, так как уже лежал на тротуаре, смертельно раненный в спину. Джозеф Лолордо вытащил оружие и, заметив двух людей, пытавшихся скрыться, бросился их преследовать, но тут же наткнулся на агента полиции, который, несмотря на отчаянное сопротивление, обезоружил его.

На очередных выборах против кандидатуры Паскуале Лолордо (брата Джозефа) выставил свою кандидатуру Питер Риззито. Паскуале Лолордо, который

одержал победу 17 сентября 1928 года, отличался особой осмотрительностью, и поэтому неудивительно, что спустя несколько дней Риззито упал, сраженный пулями, неподалеку от того же перекрестка, где был убит Тони Ломбардо, прозванного журналистами «перекрестком смерти».

По наивности Лолордо рассчитывал на дружескую поддержку братьев Айелло, памятуя о том, что из-за выдвижения старшего из них, Джо Айелло, Фрэнк Айяле первым из нью-йоркских главарей испытал на себе боевые достоинства автоматов Томпсона. Братья Айелло содержали целую армию наемных убийц, хотя и непонятно зачем, так как все девять братьев сами были закоренелыми преступниками, а их семнадцать племянников готовы были выполнить любую работу, причем трое из них имели репутацию профессиональных убийц. Основными силами клана руководил Джо, которому помогали наиболее способные из братьев: Доминик, Антонио и Андрео.

Начинали свою деятельность братья Айелло с поставок крупных партий сахара синдикату производителей спиртного, принадлежащему братьям Дженна, нещадно эксплуатировавшим бедные сицилийские семьи и заставлявшим их ради собственного обогащения производить спиртное на перегонных аппаратах, выданных этой организацией. После исчезновения братьев Дженна клан Айелло унаследовал их промысел и сумел наводнить Чикаго сивухой самого низкого качества, которую человеческий организм долго выносить был просто не в состоянии. Их рэкет распространялся также на торговлю хлебом и ввоз сыра.

Навязчивой идеей семейства Айелло стало уничтожение Аль Капоне любыми средствами. Они договорились об этом с четырьмя «курками». С мая по сентябрь 1927 года с этой целью прибыли: из Нью-Йорка — Тони Торхио, из Сен-Луиса — Винсента Спиккуза и Тонни Руссо, из Кливленда — Сэм Валента. Все четверо считались не новичками в этом деле.

Каждому на предварительные расходы выдали по тысяче долларов, а тому, кто прикончит Аль Капоне, было обещано вознаграждение в размере пятидесяти тысяч долларов. Это послужило для убийц весьма сильным стимулом. Однако в разное время, но всех их настигли автоматные очереди. При этом в руке каждого

оказывалась пятицентовая монета — своего рода визитная карточка Джека Макгорна, которую тот оставлял в тех случаях, когда противники казались ему слишком ничтожными. Ему пришлось раскошелиться, так как убийства Лоуренса Ла Преста (1 июня), Диего Атталомонте (29 июля), Нумио Жмерикко и Лоренцо Алагно, одних из лучших стрелков Джо Айелло, с полным основанием могут быть приписаны именно ему.

В это же время, а это был разгар экономического спада и введения системы организации труда по Тейлору, шеф чикагской полиции так высказывался об этом убийце:

— Он заставляет работать свой пистолет с точностью часового механизма.

В эти дни звучали нескончаемые диффамации в адрес Джека Макгорна, действовавшего столь эффективно, что никто никогда не осмеливался дать ему какое-нибудь прозвище. Он заткнул глотку бармену Синдерелле (Золушке), найдя его слишком болтливым. Рухнувшая к его ногам жертва не вызвала у него жалости. Джек лишь заметил равнодушно:

Его нельзя оставлять здесь, он слишком безобразен.

Макгорн отправил своего подручного, телохранителя Аль Капоне Оршела де Грацио, найти мешок, чтобы запихнуть туда труп. Однако трудно сказать, что его заставило надеть на ноги Синдерелле его домашние туфли, потерянные им при попытке спрятаться от пуль*.

Поездка едва не закончилась печально для гангстеров, так как только они избавились от мешка с трупом, спрятав его в яме за забором на стройке, как их остановила патрульная машина. Их, конечно, отпустили «за отсутствием улик» — обычная история!

Несмотря на большие потери, Джо Айелло не складывал оружия, тем более что два его брата были застигнуты врасплох, когда возвращались с задания из

* Нам хотелось бы подчеркнуть (в этом, как представляется, есть необходимость), что все мельчайшие подробности, приводимые в этой главе, какими бы необычными они ни выглядели, тщательно проверены и изложены с большой точностью. Реальность здесь с избытком компенсирует недостатки воображения.

Спрингфилда (штат Иллинойс). Не успели они ответить как следует спагетти с оливковым маслом и пармезаном*, как оба уткнулись окровавленными лицами в тарелки. Казалось, нечего было особенно беспокоиться, так как оставалось еще семеро братьев. Но все-таки братья предпочитали, чтобы подобные вещи случались с другими.

Если пули не помогают, то по старому итальянскому обычаю надо попробовать яд. Джо Айелло вручил тридцать пять тысяч долларов одному из главарей банды Джо Эспозито, владевшему заведением «Белла Наполи», для того чтобы он подлил синильной кислоты в минестрон**, которым буквально объедался Аль Капоне. Тот принял деньги, но потом испугался и, доверившись Эспозито, рассказал ему о заговоре и скрылся.

Ответные действия Аль Капоне не заставили себя ждать. Он приказал Джеку Макгорну прочистить главную резиденцию братьев Айелло. В результате новых столкновений был тяжело ранен Тони Айелло и погиб один из племянников. В последующие дни недели список жертв пополнили еще четыре союзника Джо Айелло.

Развязанная гангстерами кровавая резня заставила главного следователя Уильяма О'Коннора обратиться с призывом к ветеранам боев во Франции, знакомым с автоматическим оружием, пойти работать в полицию Чикаго. Ему удалось набрать пятьсот добровольцев, которые стали регулярно патрулировать на бронированных автомобилях улицы города.

Что касается нового президента союза Паскуале Лолордо, неожиданно заразившегося вирусом доверчивости, то он продолжал надеяться, как уже говорилось, найти поддержку со стороны клана Айелло. Из самых лучших побуждений он пригласил к себе 8 января 1929 года на Норт-авеню троих братьев: босса Джо, Доминика и Андрео. По этому случаю Паскуале открыл бутылку лучшего шотландского виски, но выпил только он один. Его жена Елена, которая в тот момент находилась на кухне, услышала несколько выстрелов. Она бросилась в комнату и увидела, что ее муж лежит на полу. Над ним склонился Джо Айелло

* Пармезан — сорт сыра.— *Прим. перев.*

** Итальянский суп с рисом и овощами.— *Прим. перев.*

и еще раз выстрелил ему в голову. В лучших традициях сицилийских вдов Элена Ломордо надела траур и заставила себя напроочь забыть обо всем увиденном в тот день. Таким образом, после многих предпринятых им усилий 1 февраля 1929 года Дико Айелло занял наконец президентское кресло «итало-американского национального союза».

Его единственным серьезным союзником в этом славном городе Чикаго, противопоставленном как сердечникам, так и любителям тишины, мог быть только ярый враг Капоне — Моран по прозвищу Клоп, которое он получил из-за плохого запаха виски, сбытом которого занимался. Желая избавиться от этого гнусного прозвища, он решил улучшить свою репутацию и стал пускать в оборот только один из лучших сортов шотландского виски — «Олд лог кабин», поставку которого ему удалось организовать через банду Делица и Бернштейна из Детройта. Высокое качество спиртного привело к тому, что число его клиентов удвоилось, но это в свою очередь нанесло удар по бизнесу Аль Капоне, так как каждая забегаловка или ночной бар, которые покупали добровольно (а иногда под угрозой) спиртное у Морана, ускользали из-под влияния Капоне и лишали его существенной доли доходов.

Капоне, уже достаточно уязвленный тем, что Моран оказывал поддержку братьям Айелло, решил сыграть на свято чтимом принципе солидарности, установленном Чарли Лучиано в «Большой семерке». Банду под предводительством Делица и Бернштейна приняли в этот «консорциум» с условием, что у Морана будут ликвидированы все источники поступления шотландского виски «Олд лог кабин». Они охотно согласились на это, поскольку, будучи евреями, осуждали поведение Морана (настоящее имя — Джордж Миллер), оказывавшего поддержку сицилийским анти-сеμίтам из банды Джо Айелло. Делиц и Бернштейн, воспользовавшись ситуацией, сбыли свой товар своему единоверцу Полу Мортону, брату несчастного Самюэля Ж. Мртопа *.

Для Морана это было настоящей катастрофой. Отнюдь не склонный сидеть на мели, он пополнил свои

* Во время первой мировой войны он был награжден крестом «За боевые заслуги». Как-то во время прогулки верхом лошадь сбросила его и он погиб.

запасы, совершив, как это уже неоднократно практиковалось в преступном мире, нападение на конвой с виски «Олд лог кабин», что привело в ярость Капоне. Действуя заодно с теми, кто нес ответственность за доставку груза из банды Делица и Бернштейна, он в свою очередь пошел на хитрость, подослав к Морану одного из своих людей. Этот провокатор пообещал организовать доставку большого количества виски прямо в Чикаго. Моран угодил в ловушку и назначил приемку товара в одном из гаражей, служившем тайным складом спиртного, в доме № 2122 на Норт-Кларк-стрит 14 февраля 1929 года в 10 часов 30 минут.

По традиции в этот день Америка отмечала день Святого Валентина, праздник влюбленных. Но в холодном гараже семь человек, все из банды Морана, думали совсем о другом, глядя на снегопад за окном. Там в это время находились: Адам Гейер, владелец гаража; Джеймс Кларк, он же Джимми, настоящая фамилия которого была Кашеллек, шурин Морана и его штатный «курок»; Аль Уиншенк, контролер баров и забегаловок, прибывший проверить качество спиртного; Джон Мэй, один из самых искусных взломщиков сейфов; Фрэнк и Пит Гузенберги, два брата, специализировавшиеся на ограблениях почтовых поездов. Среди них был молодой окулист с изысканными манерами, имеющий практику в высших кругах общества, Рейнхард Шуиммер, который познакомился с Мораном в «Паркуай отель», где они оба проживали. Гангстер ему очень импонировал, и Моран, польщенный таким явным восхищением, позволял доктору сопровождать его и участвовать в некоторых операциях. Страдая от хандры, свойственной некоторым представителям буржуазии, Шуиммер водился с гангстерами, чтобы как-то избавиться от скуки и меланхолии. Кроме того, это позволяло ему находиться в центре внимания гостей на приемах, где ему приходилось бывать. И сейчас он был в восторге от того, что участвует во встрече этого знаменитого конвоя, в самой настоящей операции бутлегинга.

Кроме тех, кто находился в гараже, за падающим на землю снегом наблюдали, в частности, госпожа Морен, живущая в доме напротив, ее соседи — портной Сэм Шнайдер с женой и госпожа Джаннет Ландсмап.

Они заметили, как к гаражу подъехал большой черный «кадиллак» с сиреной на крыше, из которого вышли двое полицейских в форме. Вслед за ними показались еще трое, в штатском, неестественно сгорбленные, одетые в осенние пальто. Все они стремительно вошли в гараж. Вскоре невольные свидетели услышали нечто похожее на барабанную дробь, за которой последовало два сильных удара. Необычная музыкальная прелюдия заставила свидетелей насторожиться. Они могли, конечно, предположить, что проводится очередная полицейская облава. Подтверждением этого служило и то, что вскоре из гаража вышли, подталкиваемые вооруженными полицейскими, трое в штатском с заложенными за голову руками. Все пятеро сели в машину, и «кадиллак» медленно отъехал, не включая сирену. Только после этого раздались душераздирающие предсмертные крики, а потом все стихло. Наконец Макаллистер, жилец госпожи Ландсман, отправился посмотреть, что происходит.

Вскоре он вернулся, направился к телефону и вызвал полицию:

— Приезжайте скорей, там полно трупов!

Полиция прибыла немедленно во главе с детективом Кларенсом Суини. Войдя в помещение склада, он оглядел цементный пол, высокие стены из красного кирпича, окрашенные светлой краской и облупившиеся от времени. В гараже пахло порохом. На переносной электрической печке в кастрюльке выкипал кофе. На задней стене, изрешеченной сотней пуль, большие красные выбоины напоминали кровавые пятна.

— Можно подумать, что стена кровоточит, — заметил детектив.

Прямо у стены лежали шесть трупов.

И только один человек, тот, кто еще стонал, лежал в стороне. Суини подошел к нему, повернул на спину и с удивлением узнал в нем своего друга детства Фрэнка Гузенберга. При встрече они называли друг друга по имени. Суини приказал одному из своих спутников вызвать «скорую помощь» для Фрэнка, который находился от стены на расстоянии около восьми метров. Ему удалось проползти этот путь, оставляя за собой кровавый след, который начинался от стула, где, навалившись на него грудью, лежал еще один пострадавший — его брат Пит Гузенберг.

Фрэнк Гузенберг был отправлен в госпиталь. Несмотря на четырнадцать попавших в него пуль калибра 11,43, он еще дышал. Суини отлично понимал, что узнать подробности о случившемся он может только у Фрэнка и надо торопиться, пока тот еще жив.

Он пришел к Фрэнку в палату и, наклонившись к нему, тихо спросил:

— Они мерзавцы... Они перебили вас как собак, не дав вам ни малейшего шанса. Скажи мне, кто они?

Окровавленные губы прошептали в ответ:

— Никто в меня не стрелял...

— Но ведь ты сейчас умрешь... Позвать священника?

— Нет...

Суини продолжал:

— Ты знаешь, что они прикончили твоего брата Пита... и всех других? Ты не хочешь за них отомстить?

Гузенберг дернулся:

— Ты принимаешь меня за шпика?

Спустя некоторое время Фрэнк Гузенберг поймал сержанта Суини за руку:

— Начинает темнеть, Кларенс... Прощай...

И он скончался, оставив своего друга детства, ставшего полицейским, в состоянии растерянности.

Полиции впоследствии удалось установить действительный ход событий: «Двое убийц были одеты в полицейскую форму, и потому пострадавшие сочли, что это очередная облава, проводимая полицией. Рассчитывая, что самым худшим для них может быть только арест и что они смогут освободиться сравнительно быстро под залог, гангстеры позволили без шума разоружить себя и построились вдоль стены лицом к ней в пятнадцати метрах от двери, выходящей на Кларк-стрит. Попались на довольно коварную уловку. В ином случае люди Морана могли бы оказать сопротивление и продать свои жизни подороже. Когда мнимые полицейские построили их в ряд якобы для обыска, палачи в гражданской одежде, которые до этого не показывались, достали автомат Томпсона и двуствольное ружье с нарезными стволами 12-го калибра, которые они прятали до этого под верхней одеждой.

Автоматчик бесшумно приблизился, поднял свое оружие, прицелился и из позиции, позволяющей вести беглый огонь, открыл стрельбу, поворачивая автомат из стороны в сторону на нужной высоте, как опытный художник, водящий кистью по полотну. Убийца с ружьем поставил последние точки, прикончив Кларка и Мэя, которые, возможно, еще двигались. Затем, в соответствии с заранее обдуманном планом, палачи передали свое оружие гангстерам, одетым в полицейскую форму, и вышли из гаража с поднятыми вверх руками, шагая «медленно и довольно непринужденно», как это заметила госпожа Морен, с тем чтобы не вызвать подозрений у случайных прохожих, которые могли слышать выстрелы.

Самым невероятным было то, что машина с убийцами, подъезжая к гаражу, прошла всего в нескольких метрах от трех укрывшихся человек, в свою очередь предположивших, что полиция проводит облаву. Эти трое опоздали, но лишь благодаря этому получили отсрочку у смерти. Судьба улыбнулась Багси Морану, Уилли Марксу и Теду Ньюберн. Тем более что перед нападавшими стояла задача прикончить именно Морана. Задержавшись в последний момент в своем номере из-за телефонных звонков, он не успел на свидание, которое должно было оказаться для него последним.

Кирпичные стены гаража сохранили след великой резни в день праздника Святого Валентина.

Как только отзвучали выстрелы, все поняли, что это дело рук Джека Макгорна. Полиция не оставила его без внимания, и 27 февраля он был арестован. В качестве залога Макгорн отдал принадлежавший ему отель, оцененный в один миллион долларов. К тому времени Макгорн совершил уже двадцать два убийства. По-видимому, в Чикаго совершение преступлений было доходным делом. И так как обвинение в ходе четырех судебных заседаний так и не смогло доказать его вину, Макгорна освободили за отсутствием доказательств.

Полиции, однако, удалось довольно быстро установить, что, помимо Макгорна, в операции принимал участие Джозеф Лолордо, вооруженный ружьем с нарезными стволами (брат Паскуале Лолордо, президента союза, убитого Джо Айелло, другом Морана), что

в полицейскую форму переоделись Фрэд Барк и Джеймс Рей, члены банды «Игэн» из Сент-Луиса. Установили и личность двух других сообщников: Альберта Ансельми и Джона Скализе, которые обеспечивали наружное наблюдение.

Но следствию, как всегда, не хватило вещественных доказательств и свидетельских показаний. В результате никому из названных выше гангстеров не пришлось испытать на себе суровость правосудия.

Это возмутило общественность Чикаго. Но поскольку поводов для возмущения хватало с избытком, она предпочла изумляться невероятной случайности и удаче Багси Морана, именно против которого с такой тщательностью и было подготовлено это нападение. Говорили, что Джек Макгорн, очевидно, был уверен, что убил Морана, поскольку Аль Уиншенк по росту, манере одеваться и привычке носить коричневую фетровую шляпу очень на него походил.

Кому, как не Аль Капоне, была выгодна эта операция, в конечном счете неудавшаяся, несмотря на печальный итог — семь трупов? И чтобы злые языки не могли ни в чем его упрекнуть, ровно в 10 часов 30 минут в день Святого Валентина Аль Капоне «чуждом» оказался в резиденции атторнея графства Дейд (штат Флорида) Роберта Тэйлора, где он подвергся чисто формальному, если не сказать любезному, допросу.

Нападение в день Святого Валентина произвело сильное впечатление на все шайки, орудовавшие в Чикаго. Джо Айелло, новый президент союза, почувствовал непрочность своего положения*. Его единствен-

* Нападение чрезвычайно подействовало на Джо Айелло, который впоследствии отказался от мысли покушаться на жизнь Капоне. Напротив, Капоне не оставлял надежды разделаться с ним. Напуганный образовавшейся вокруг него из-за отступничества подручных пустотой, Джо решил бежать в ночь на 23 октября 1930 года в Браунвилл (штат Техас). С билетом на поезд в кармане он вышел от одного из своих друзей, жившего на 15-й Норт-Кальмэн-авеню, когда из окна второго этажа расположенного напротив здания автоматчики открыли по нему огонь. Получив 59 пуль, которые весили чуть больше килограмма, он замертво упал прямо у входной двери. Немногим позже Аль Капоне свел счеты и с Домиником Айелло. В конце концов президентом союза стал Фил Д'Андреа, телохранитель Капоне, переживший всех противников, успевших сложить свои головы на пути к этому посту.

ный приверженец, Моран, после нанесенного удара был на краю гибели, и Айелло решил попытаться в ближайшее время предпринять еще одну попытку нападения на этого сатану Капоне, как он его называл, на этого несокрушимого Капоне, ускользавшего от автоматных очередей и от приготовленного для него яда.

В преступном мире новости распространяются быстро, и задолго до того, как об этом узнала полиция, всем уже было известно, кто убийцы. На этот раз Айелло решил воспользоваться услугами Ансельми и Скализе. Среди своих людей он подобрал двадцатидвухлетнего убийцу Джузеппе Джанта, он же Скачущая жаба, прозванного так за свои способности танцера. Помешанный на джазе, Джанта проводил все вечера на танцах. Он прекрасно чувствовал себя в смокинге и лакированных туфлях. В банде Айелло ему поручили роль ответственного за внешние связи союза и одновременно посредника, поскольку ему были свойственны прирожденная жизнерадостность и умение ладить с людьми, по крайней мере до того момента, когда основное ремесло профессионального убийцы делало его жестоким и заставляло менять повадки.

Кстати, Джанта получил свою кличку «торпеда» благодаря Скализе и Ансельми, которые первыми оценили быстроту его реакции в обращении с пистолетом 45-го калибра и умение опередить противника. Этих троих связывала дружба, они часто встречались и находили возможность вместе отмечать торжественные события.

Надо сказать, что Скализе и Ансельми, приняв участие в событиях в день Святого Валентина, вновь обрели благодаря рекомендации Джека Макгорна расположение Аль Капоне. Аль, хотя и использовал их для уничтожения Диона О'Баньона (и вознаградил, предложив в качестве награды два перстня, украшенных крупными бриллиантами, за успешное проведение убийства Гими Уэйса и Муррея), не мог простить им, что ему пришлось здорово повозиться, чтобы выручить их из беды. Дело в том, что во время перестрелки они убили двух полицейских — Уэлша и Олсона. Разразившийся скандал наделал много шума, и Капоне оказался лично «облитым грязью» (!). Только участие

в событиях в день Святого Валентина несколько реабилитировало их в глазах Аль Капоне.

Идея Джо Айелло состояла в том, чтобы убедить Джанту переманить Скализе и Ансельми на свою сторону и склонить их к убийству Капоне. Джанте не стоило большого труда сделать это, так как его приятели готовы были убить кого угодно, лишь бы им за это хорошо заплатили. Поэтому предложение Джо Айелло возражений не вызвало: сто тысяч наличными и назначение каждого из них на должность лейтенанта с получением в свое распоряжение отдельного сектора деятельности вполне их устраивали.

Трио, безусловно, выполнило бы задание, если бы подозрительный Аль Капоне на глазах у всех не избил своего самого верного помощника, Фрэнки Рио, не без его на то согласия, конечно. Хитрость удалась, и Джанта не задумываясь предложил Рио свою помощь, полагая, что тот захочет отомстить за нанесенную обиду. Фрэнки Рио долго торговался о цене своего предательства, а затем напрямик отправился к своему любимому шефу и все ему рассказал.

Капоне в ярости буквально раскрошил своими толстыми, увешанными перстнями пальцами гаванскую сигару, которая в этот момент оказалась у него в руках. И безусловно, не ограничился этим. Как глава крупнейшего преступного сообщества, он пригласил при посредничестве Рио всех троих на большой сицилийский прием в качестве особо почетных гостей. Обед должен был состояться в отдельном зале «Оберж де Гаммонд». Капоне, который никогда не останавливался перед затратами, с отвращением смотрел, как они обжираются деликатесами, специально приготовленными для прощального обеда. Поднимая свой бокал с красным вином, Аль Капоне произнес очередной тост:

— Долгих тебе лет, Джузеппе, тебе, Альберт, и тебе также, Джон... И успеха вам в ваших начинаниях.

Гости хором подхватили:

— И успеха в ваших начинаниях...

От обилия еды и вина многие начали снимать пиджаки, расстегивать пояса. Запели старые песни родной земли. К полуночи насытившиеся гости оставили свои тарелки. На том конце стола, где сидел Капоне,

возникло оживление. Хозяин вновь поднял свой бокал и произнес очередной тост в честь сидевшей неподалеку троицы, но вместо того, чтобы выпить, выплеснул содержимое бокала им в лицо, разбил бокал об пол и завопил:

— Сволочи, я заставляю вас блевать тем, чем вы здесь наглотались, потому что вы предали друга, который кормит вас...

Со стремительностью, удивительной для человека его комплекции, он бросился на них. Фрэнк Рио и Джек Макгорн уже направили на них свое оружие. Фрэнк обошел вокруг них, обмотал веревкой и привязал к спинкам стульев. Затем он заставил их повернуться в сторону Капоне. Все, кто присутствовал при этом, надолго запомнили эту сцену.

У Аль Капоне в руках появилась бита для игры в бейсбол. Первый удар пришелся в ключицу Скализе. По мере того как опускалась бита, безумие сатаны из Чикаго возрастало. На толстых губах появилась пена, он стонал от возбуждения, тогда как подвергнутые варварскому избиению вопили, молили о пощаде.

Их не пощадили, и только тогда, когда они потеряли сознание, Макгорн всадил каждому из них пулю в затылок. Он сделал это отнюдь не для того, чтобы избавить их от страданий. Другие гости из солидарности, подражая хозяину и демонстрируя свою непричастность к предательству, начали стрелять в трупы, в их спины.

Джанту и Скализе впоследствии нашли на заднем сиденье их автомобиля, который был сброшен в котлован. Труп Ансельми вывалился из машины. Это произошло 8 мая утром неподалеку от Лейк-Каунти, в штате Индиана.

Новая кровавая выходка гангстеров вызвала широкую волну возмущения. Жители Чикаго провели несколько стихийных демонстраций с требованиями, чтобы город «очистили от преступников, которыми он наводнен и которые разлагают всех, вплоть до представителей власти».

Инох Джонсон, он же Никки, весь сиял от самодовольства. Никогда еще дела его не шли так хорошо.

Только один человек был сейчас, так же как и он, уверен в удаче своего дерзкого замысла. Именно в удаче!

Лучиано верил в нес столь же сильно, как в то, что цифра «семь» приносит ему счастье. Его планы отличались простотой.

— Неразбериха происходит от того, что число банд перевалило за сотню. Я пришел к единственно приемлемому решению: отныне устанавливать правила о том, кто и сколько будет пить в этой стране, будут только семь организаций. Те, кто не захочет объединиться с нами, хлебнут горя.

И Лучиано назначил его, Никки Джонсона, командовать на южном побережье Нью-Джерси. Он стал одним из семи главарей, одним из семи неприкосновенных. Вотчины других тоже нельзя было считать незначительными: Лански и Сигел получили Нью-Йорк и Нью-Джерси; Джо Адонис — Бруклин; Лонжи Цвиллман и Уилли Моретти — графство Нассо и северные районы штата Нью-Джерси; Розен, Битц и Гордон — Филадельфию; Кинг Соломон из Бостона — Новую Англию. Возглавляли все это, естественно, Лучиано и Торрио. Вито Дженовезе назначили ответственным за исполнение решений, принимаемых всеми ими совместно.

Так или иначе, меньше чем за год объединение бутлегеров осуществилось. Союз семерых диктовал свои законы о производстве, покупке, продаже и распределении спиртного двадцати двум шайкам. Остальные либо исчезли сами, либо их заставили исчезнуть.

Не удивительно, что Никки Джонсон чувствовал, что дела идут как надо. Что касается удачи, то, даже если она и не всегда сопутствовала ему, в его власти было повернуть колесо фортуны, чтобы добиться ее благосклонного расположения. Следует заметить, что Никки полностью контролировал тех, кто занимался политикой в его секторе, и делал это столь же успешно, сколь успешно контролировал всевозможные азартные игры и лотереи... То, что он имел на руках полный набор козырей и располагал ими по своему усмотрению, весьма способствовало тому, что судьба его складывалась так удачно. Более того, Никки никогда не испытывал колебаний, если требовалось проявить инициативу.

Когда alter ego Лучиано, в какой-то степени его финансовый двойник Мейер Лански в первых числах мая 1929 года решил жениться на Анне Ситрон, Никки Джонсон, ни секунды не задумываясь, пригласил его к себе:

— Послушай, Атлантик-Сити, конечно, не Венеция, но по крайней мере это не так далеко. Приезжай провести свой медовый месяц ко мне. Вам здесь вполне хватит солнца, и песок на пляже достаточно хорош. Я беру на себя все расходы и хлопоты по этому делу. Хочу тебя заверить, что тебе не придется потратить ни единого доллара.

Не удивительно, что на Мейера Лански, привыкшего, что все в жизни следует обсчитывать и пересчитывать, именно последняя фраза произвела самое большое впечатление и что в конце концов он принял предложение. Этот незначительный, казалось бы, факт повлек за собой самые серьезные последствия.

Невинное свадебное путешествие, дружеское приглашение явились поводом для события, которое, пройдя относительно незамеченным в те дни, потрясло устои американского общества, события, влияние которого ощущается вплоть до наших дней.

Лански, женившись на Анне Ситрон, молодой еврейской девушке, набожной и скромной, получившей воспитание в добрых старых традициях, сделал это не только из любви, но и по расчету. Папаша Ситрон, который начинал свою коммерческую карьеру, толкая перед собой тележку со свежей зеленью, впоследствии

возглавил довольно значительную торговую фирму по продаже фруктов и ранних овощей, нечто вроде центра по мелкооптовой торговле в Хобокене, в Нью-Джерси. В качестве подарка он предложил своему дорогому зятю участие в делах, что-то вроде поста управляющего в своей конторе.

Это весьма устраивало Лански, обеспечивало «надежную крышу» для его тайных операций. Позднее она станет для него «горячей», но до этого было еще далеко. Известив своих сообщников, что они с женой отправляются на две недели в Атлантик-Сити, молодой супруг был очень удивлен неожиданным предложением Чарли Лучнано:

— Ты отважился на серьезный шаг, женившись на Анне... Я тоже мечтаю о том, чтобы жениться на деньгах... по расчету. Ты прекрасно знаешь, я человек здравомыслящий. Твоя женитьба — хороший предлог, чтобы всем нам встретиться. Запомни то, что я тебе скажу. О женитьбе Мейера Лански будут еще долго говорить, потому что все мы приедем на твою свадьбу, которая будет продолжаться столько, сколько понадобится, поскольку я организую эти празднества и подарки будут падать вам с неба.

Лучнано нашел прекрасный повод для встречи. Однако «с неба» падали не только подарки.

На Восточном побережье Атлантик-Сити слыл самым богатым курортом. Его свободно можно было сравнить с Довилем во Франции.

В городе царил покойствие: один из его хозяев, Инох Джонсон, бережно охранял его, ибо малейший беспорядок тут же привлек бы к нему внимание и нарушил покой тех, кто доверил ему заботу о своих развлечениях и удовлетворении самых причудливых желаний. Ничто не нарушало порядок, скандалы не допускались, разврат был доступен только людям с положением, чье внешне безупречное поведение заставляло замолкать сплетников.

В Атлантик-Сити каждый знал, как надо себя вести и как надо жить — речь шла не столько о морали, сколько о средствах. Известные политические деятели, прибывая на отдых в свои роскошные владения, вдыхали в этих краях полезный для здоровья воздух океана. Они считали весьма удобным организовывать здесь также свои конгрессы, которые проводились регуляр-

но, с небольшими интервалами, подымая престиж города.

Поэтому Никки Джонсон, чуть ли не первый человек в Атлантик-Сити, играя практически на всех столах, имел веские основания радоваться жизни. Мейер Лански и его жена Анна пришли в восхищение от апартаментов, которые он им предоставил: целый этаж принадлежавшего ему отеля.

— Здесь вас никто не потревожит.. Даже друзья, если они вдруг пожалуют сюда.

А друзья уже находились в пути.

Никки считал, что их приезд — один из самых крупных шансов, какие только выпадали ему в жизни. Принимать в своем городе самых влиятельных главарей банд — чем не удача? На эту встречу он возлагал массу надежд, начиная с собственного продвижения и кончая прямыми контактами на всех уровнях и возможностью расширения всех видов операций. Стремясь получить все устроить, Джонсон зарезервировал для многочисленной свиты двадцати выдающихся боссов места в лучшем отеле на берегу океана — в «Брикере».

Желание сделать что-либо очень хорошо зачастую приводит к тому, что люди начинают совершать ошибки. Ошибка Никки была очень серьезной. В «Брикере» принимали исключительно представителей белой расы и предпочтительно протестантской веры.

Когда перед служащими отеля предстали «особо выдающиеся» гости, у них от неожиданности перехватило дыхание. Подобный парад превосходил самые худшие опасения. Здесь, видно, не ожидали увидеть такое количество людей с явно выраженным оливковым оттенком кожи, полученным в лучшем случае в результате острого расстройства печени, с волнистыми и черными как смоль волосами, угрожающими огоньками огромных сигар, висящих на толстых губах, с позвякивающими на запястьях побрякушками из чистого золота, непристойными жестами коротких рук, на которых сверкали бриллианты.

Служащие, ответственные за поддержание традиций и сохранение престижа, на какой-то момент оторопели. Придя в себя, они постарались оттеснить первую волну неожиданных посетителей к бульвару. Именно в этот момент, в 16 часов 30 минут 12 мая

1929 года, изволил прибыть собственной персоной Аль Капоне на настоящем крейсере на колесах. Восьмидлиндровый автомобиль марки «кадиллак» производства 1928 года под номерным знаком 141-116 весил около трех тонн, причем большую часть его веса составляли листы броневой стали. Специальная система рукояток позволяла опускать в случае необходимости пуленепробиваемые стекла толщиной в два с половиной сантиметра. Между специальными пневматическими шинами и воздушными камерами были установлены емкости с клейкой массой, способной мгновенно заполнить любую пробоину. Заднее стекло можно было откинуть, чтобы позволить сидящим в машине дать в случае необходимости вооруженный отпор или осуществить внезапное нападение.

Капоне выбрался из автомобиля со стремительностью, удивительной для человека его комплекции. Его сопровождал своего рода административный директор Джек Гузик, он же Замусоленный палец. Прозвище свое он получил за привычку проводить пальцем по волосам, густо смазанным оливковым маслом, чтобы быстрее и надежнее пересчитывать пачки с банкнотами.

Кинг Соломон, прибывший из Бостона, поспешил сообщить Капоне об обиде, которую им только что нанесли в «Брикере».

— Пусть сюда приведут этого придурка Никки!

Спустя четверть часа прибыл Джонсон, как всегда, в белоснежном костюме и с красной гвоздикой в петлице. Благодаря своим габаритам боксера тяжелого веса он был выше казавшегося круглым как шар Капоне почти на голову. Поэтому Аль Капоне произносил свои ругательства, высоко задрав голову. Никки спокойно отвечал ему, снисходительно улыбаясь. На него репутация Капоне как изобретателя особо изощренных ругательств, способных шокировать любого, не действовала. Тому ничего не оставалось, как выключить сигару и со злостью растоптать ее.

— Я сматываюсь...

— Ну что ты, пойдём,— отозвался Никки.— Мы же здесь для того, чтобы немножко поразвлечься, не так ли?

Джонсону наконец удалось увести Капоне. Гузик пошел за ними. Его примеру последовали и другие.

Вскоре они все оказались в холле отеля «Президент». Никки с десятков минут провел с администрацией отеля. Трудно сказать, о чем и как он договаривался, но только вскоре он вышел сияющий:

— Пусть каждый получит свои ключи, и добро пожаловать в «Президент». А главное, не забывайте, что вы мои гости.

Не дожидаясь особого приглашения, все потянулись к стойке администратора, за исключением Аль Капоне, который все еще продолжал пыхтеть:

— Не нравится мне твоя коношня. Я хочу поискать что-нибудь другое...

Никки Джонсон оставался невозмутимым:

— Пусть они устроятся... После этого я займусь тобой. Я знаю, что тебе подойдет, — сказал он.

Аль долго и пристально рассматривал Никки и лишь после этого перевел взгляд на своих приятелей, занятых хлопотами по размещению. Посмотреть было на что. В этот день в отеле «Президент» можно было увидеть весь цвет гангстеров, собравшихся со всех концов страны.

Уэкси Гордон — самый главный торговец алкоголем. Он прибыл из Филадельфии в сопровождении Макса Гоффа, он же Бу-Бу. Сама Лазара, Чарльза Шварца и Ника Розена.

Лонжи Цвиллман и Уилли Моретти представляли графство Нассо.

Оуни Мадден — признанный король подпольных баров.

Чарльз Полиззи (настоящее имя Лео Беркович) представлял Кливленд, его сопровождали Моэ Далитц и Луи Роткопф.

Эйб Берштейн — глава грозной банды из Детройта.

Джон Лазиа представлял своего друга Тома Пендергаста из Канзас-Сити.

Как и ожидалось, делегацию из Нью-Йорка возглавлял Чарли Лучнано, человек, давно вынашивавший идею подобного сборища. Рядом с ним можно было увидеть Джонни Торрио, самого элегантного из всех присутствующих, Лепке Бухалтера, Джо Адониса, Фрэнка Костелло, Фрэнка Эриксона. Последний продолжал носить траур по убитому недавно Ротштейну, своему ближайшему другу.

Как всегда, чуть в стороне от всех держался Датч Шульц, подвизавшийся на вторых ролях. По соседству с ним находились Альберт Анастасиа, гроза доков, Фрэнк Скализе и Винсент Мангано, которые проявляли неудовольствие и разговаривали только между собой.

Естественно, что среди гостей были и дамы. Но даже опытный наблюдатель, близко сталкивающийся с преступными шайками, затруднился бы правильно назвать их имена, так они походили одна на другую. Эти господа, слывшие правоверными католиками или добропорядочными евреями, в большинстве своем женатые, главы семейств, отнюдь не стремились посвящать своих законных жен в профессиональные тайны. Но как бы груба и жестока ни была их жизнь, находилось время и для развлечений. Когда надо было, всегда можно было подыскать какую-нибудь жрицу любви среди огромного числа продажных женщин. Эти нанятые на время дамы не торопясь разошлись по этажам в сопровождении носильщиков, сгибавшихся под тяжестью огромных чемоданов.

Затем все вновь устремились к своим мощным черным лимузинам, сопровождаемые Никки Джонсоном, которого Аль Капоне пригласил с собой в бронированный «кадиллак». В машине возникло небольшое недоразумение, позабавившее присутствующих. За руль сел Фрэнк Нитти, первый стрелок Аль Капоне, а рядом с ним устроился Фрэнки Рио, телохранитель. Это вызвало недовольство хозяина. Он прорычал:

— Ну ты, придурок, что с тобой стряслось? Ты не хочешь сесть сзади и охранять меня?

— Но, хозяин, вы находитесь в хорошей компании...

Присутствовавшие захохотали. Капоне всегда обезоруживало хладнокровие Фрэнки, редкого представителя рода человеческого, которого он ценил, и не только за то, что этот чрезвычайно преданный ему человек уже несколько раз спасал ему жизнь.

Кортеж машин остановился перед отелем «Ритц». Там Никки отвел для Мейера Лански и его молодой супруги особо роскошные апартаменты. Однако Мейер под тем предлогом, что не хочет держаться особняком, настоял на том, чтобы устроиться всем вместе. Этот хитрец опасался, что, оставаясь один в этом оте-

ле, он не сможет своевременно узнавать о происходящих событиях.

Он и его молодая жена стояли в холле, и все подходили к ним с поздравлениями. Женитьба Лански и в самом деле превратилась для гангстеров в отличную ширму. Пожалуй, другой возможности собраться всем вместе так, чтобы это не обратило на себя внимания, у гангстеров не было.

Вдруг в очередном порыве гнева Аль Капоне попытался разбить о голову Никки одну из висевших на стене декоративных тарелок. При этом он вопил:

— Спасибо еще раз за теплую встречу в этом паршивом городе. За кого ты меня принимаешь, меня, Аль Капоне?

Джонсон сделал вид, что ничего не произошло, и все остались на своих местах. Успокоился даже Капоне, который решил перебраться в «Ритц» вместе со своей свитой.

На следующий день, чтобы как-то замять досадные, допущенные при встрече промахи и сгладить неблагоприятное впечатление от слишком шумного расселения, Никки преподнес подругам участников организованного конгресса норковые манто, а в ванные комнаты велел поставить по несколько ящиков самого лучшего шампанского, которого им должно было хватить не меньше чем на месяц.

Чарли Лучиано возмутился:

— Непонятно, зачем ему понадобилось раздавать это паршивое французское шампанское. Оно пока что не относится к нашим основным товарам...

Но Никки сейчас прежде всего хотел доставить гостям удовольствие, рассчитывая при этом, что доходы не заставят себя ждать.

При этом его беспокоила только одна мысль, которой он решил поделиться с Лучиано:

— Но старые доны не приехали...

Чарли сухо ответил:

— Отцы мафии настоящие сектанты. Я, конечно, их уважаю. Но для них человек только тот, кто родом из Сицилии. Я тоже родом из Сицилии, но, по-моему, надо считаться со всеми: с неаполитанцами, с ирландцами, с голландцами и особенно с евреями. Донны не хотят этого признавать. За установление своего порядка они продолжают воевать между собой, чтобы

стать капо дей тутти кани, а все остальные расплачиваются за это...

На самом деле, будучи первым лейтенантом Джо Массерни (который, как известно, оспаривал высший титул у Сальваторе Маранзано), молодой Чарли Лучиано не говорил всей правды. Вполне естественно, что он должен был бы пригласить своего хозяина, Джо Босса, широко известного в кругах мафии, на эти первые «генеральные штаты» преступности. Но в этом случае он неизбежно лишился бы своей главенствующей роли, а Лучиано стремился к тому, чтобы после сборища в Атлантик-Сити его принимали только всерьез. Те, у кого голова была на плечах, в этом не сомневались. Кто этого вовремя не понял, в конечном счете получил свою порцию свинца...

Открытие «конгресса», однако, пришлось задержать из-за соображений безопасности его участников.

В огромном зале отеля «Президент» были накрыты два банкетных стола. Присутствие официантов и персонала, хотя и тщательно отобранных Пикки специально для этой цели, стесняло гостей, которым приходилось кричать во весь голос, чтобы быть услышанными на другом конце стола, поставленного в форме подковы. К тому же под влиянием алкоголя некоторые, в частности Сэм Лазар и Ник Розен, начали вспоминать о своих многочисленных подвигах, самый безобидный из которых мог окончиться электрическим стулом для дюжины присутствующих на этой впечатляющей ассамблее.

Произошел еще один инцидент. Анна Ситрон, ставшая госпожой Лански, наконец-то заметила, что друзья ее мужа, должно быть, не слишком часто посещают синагогу, что все их поступки больше напоминают надругательство над Иеговой, а сопровождающие их отнюдь не законные жены походят на чудом уцелевших обитательниц Содомы и Гоморры или в лучшем случае на сбежавших из публичных домов особ. Впервые с момента вступления в брак она заплакала, что крайне расстроило Мейера Лански, который с горечью начал жаловаться на испорченный медовый месяц. Чарли Лучиано заметил по этому поводу:

— Это должно тебя научить, что значит быть скучным и пытаться совместить желания и в лодку сесть, и рыбку съесть.

На следующий день гости покинули свои апартаменты около одиннадцати часов утра. По двое они усаживались в пляжные коляски с установленными на них зонтиками, которые везли специальные служащие.

Вид растянувшегося кортежа патолкнул Никки Джонсона, который буквально был одержим магией игры, на мысль организовать пари на то, кто первым из главарей гангстеров прибудет на пляж со стороны Челси. Вскоре многие из этих жокеев стали жаловаться на своих «скакунов»:

— Эти проклятые негры еле двигаются. У них уши как антенны, и они всегда знают, где и что замышляется...

А что же на самом деле замышляли эти пирующие господа?

Сколь чудовищным и невероятным это ни кажетсЯ, но замышляли они не более не менее как создание самого богатого, самого могущественного и самого жестокого синдиката, когда-либо существовавшего в царстве доллара.

Выйдя из своих колясок, его будущие акционеры разбрелись по пляжу отдельными группами. Сбросив туфли из крокодиловой кожи, сняв нейлоновые носки, закатав до колен брюки, они шлепали по воде вдоль берега в своих белых шляпах с черными лентами, с сигарами во рту, с бриллиантами на пальцах, в ярких галстуках, развевающихся на океанском ветру.

Самые могущественные и крупные хищники преступного мира Соединенных Штатов Америки походили на стаю кречетов, откладывающих в песке яйца, из которых впоследствии выйдет чудовищное образование.

Так зарождалась власть, которая, оставаясь тайной, не становилась от этого менее могущественной. Действуя с крайней жестокостью, она охватила своими щупальцами всю страну. И она существует и в наши дни.

К тому моменту, когда они закончили свое купание, они завершили семейную стирку грязного, часто окровавленного белья, накопившегося за десять лет, прошедших со времени введения «сухого закона».

В результате достигнутых соглашений возникло объединение банд гангстеров различных районов страны и различных ес городов в одну организацию. В нее

вошли банды Чикаго, Нью-Йорка, Атлантик-Сити, Сент-Луиса, Буффало, Цицерио, Кливленда, Тампы, Лос-Анджелеса, Ньюарка и многие другие. Поскольку лучшие времена для торговли спиртными напитками прошли, каждый из участников соглашения закрепил за собой ту сферу преступной деятельности, где ему уже удалось преуспеть. Сюда относился рэккет гостиниц, изготовителей готового платья, мелких коммерсантов, владельцев газетных киосков, похоронных бюро, торговцев ранней зеленью. Намечалась подготовка к образованию контролируемых профессиональных союзов в наиболее важных отраслях: среди докеров, водителей автомобилей, металлистов... Сохранялся контроль над азартными играми, над запрещенными лотереями и пари, над скачками и разного рода махинациями. Планировалось совершенствовать систему контрабанды наркотиков и организованной проституции.

В течение шести дней, пока продолжался этот «специализированный конгресс», а особенно трех последних дней — с 16 по 19 мая 1929 года, самая важная роль принадлежала Чарли Лучиано, хотя он и выдвигал на первый план тех, кто пользовался неоспоримым авторитетом у присутствовавших, таких, как Джонни Торрио и Фрэнк Костелло, старших по возрасту. Сам же Лучиано выступал как посредник и миротворец, старался сглаживать противоречия, смягчать обиды, подчеркивая общность интересов и открывающиеся возможности. Именно он произнес речь, которая, несомненно, имела огромное, если не определяющее значение для дальнейшего роста преступности в США. Все участники сборища встретили ее с одобрением. Лучиано сказал:

— Я родился в Сицилии. Я уважаю донов, и вы знаете, кем я являюсь для нашего друга Массериа. Но сегодняшний день отличается от вчерашнего и не будет похож на завтрашний. Мафия всегда была, есть и останется моей семьей, но эту семью отличает замкнутость, и даже, если она способна весьма успешно регулировать свои внутренние проблемы, она пренебрегает проблемами других, истребляет тех, кто ей неугоден. Наша сила будет в нашем единстве: сицилийцы, евреи, голландцы, немцы, итальянцы — выходцы из всех провинций, — словом, все те, кто до сих пор

истреблял друг друга, объединятся в союз. Мафия регулярно пускает себе кровь. Лучшие ее сыны время от времени набрасываются друг на друга ради того, чтобы завладеть верховной властью. Вот урок, который мы никогда не должны забывать. Нам нет необходимости иметь верховного главу, капо дей тутти капи, наоборот, это то, чего мы должны избегать. Никто из нас не должен погибнуть из-за пустяков. Следует образовать такой синдикат, в котором всякая крупная организация, признаваемая нами, будет иметь одного представителя. Важные решения во всех областях деятельности не смогут приниматься иначе, как единогласно всеми делегатами. Никто не будет хозяином синдиката, но сам синдикат будет полновластным хозяином, и все обретут безопасность, привилегии и доходы. И никто из нас не сможет своим поведением, своими действиями вносить ненужный беспорядок, который приведет только к тому, что все будут восставлены против нас и будут усилены предусмотренные законом меры. Нет необходимости, пользуясь тем, что мы покупаем всех, кто продается, всячески подчеркивать, что мы выше закона.

Таким образом, за исключением случаев непредвиденных осложнений, постараемся избегать огласки, которая может оказаться для нас губительной и настроит против нас всю нацию. В крайних случаях придется идти на жертвы. Это очень хорошо уяснил наш друг Аль Капоне*. Мы еще частенько будем иметь повод благодарить его за это и ставить его в пример.

* Еще до создания «генеральных штатов» преступности Аль Капоне встретил, возможно случайно, Мозеса Анненберга (он же Макс), руководившего в Чикаго службой распространения газет, иными словами, все водители автомобильной фирмы «Диффюжен пресс» и заведующие складами хранения газет были у него в руках. Например, в 1928 году «Трибюн» переживала большие трудности. Анненберг уже приобрел такую власть, что газетный магнат Уильям Рандольф Херст вынужден был пойти на соглашение с ним, для того чтобы продажа его изданий оставалась на определенном уровне. Макс распространил свое влияние почти на весь город, начиная с контроля за работой разносчиков газет (подростков, выкрикивающих названия газет и продающих их на улице) вплоть до киосков, расположенных в наиболее оживленных точках города. Возможно, Макс слышал о конгрессе в Атлантик-Сити, но его туда не пригласили. Капоне, рассказав о своей встрече

Спустя три месяца слова, сказанные Лучиано в адрес Аль Капоне, позволят понять подлинное значение этих удивительных «генеральных штатов»; события покажут, какое необыкновенное влияние стал оказывать синдикат даже на наиболее могущественных его членов.

Капоне на протяжении ряда лет полностью контролировал преступный мир Чикаго, превратив этот город в самый коррумпированный город Соединенных Штатов. Члены городского муниципалитета, судьи, полицейские, журналисты постоянно получали взятки и все больше бесчестили себя, способствуя сокрытию убийств, вымогательств, всевозможных махинаций, совершаемых с благословения Капоне. Наступил, естественно, момент, когда американские граждане не смогли больше сдерживать негодования по поводу огромного числа нераскрытых убийств, безнаказанного существования сотен убийц, уверовавших в свое всемогущество, систематического попрания моральных устоев общества. Капоне превратился в человека, который мог все себе позволить, и действительно позволял себе все. Его поведение, наглые заявления во время интервью радиорепортерам и журналистам вызывали такую волну возмущения, что хроникер из «Нью-Йорк геральд трибюн» однажды спросил: «Не наступит ли такой день, когда управлять нами будут гангстеры?»

Резкий тон выступлений прессы вызвал беспокойство у таких главарей, как Джонни Торрио, Фрэнк Костелло, Лучиано. Они понимали, что всеобщее осуждение могло сделать невозможным дальнейшее продолжение их незаконной деятельности.

участникам конгресса, содействовал началу переговоров о внедрении оригинальной идеи Анненберга — установлении по всей стране телеграфной сети, предназначенной для передачи участвующим в тотализаторе на скачках зарегистрированных ставок и официальных результатов. Идея привела в восторг одного из участников конгресса. Фрэнка Эриксона, которому и предложили усовершенствовать систему. Это удалось, поскольку в Атлантик-Сити уже была достигнута договоренность о распределении доходов и расходов между букмекерами, контролируемые преступным синдикатом на национальном уровне. Эриксон приблизил к себе, обласкал и сделал своей правой рукой Анисенберга, состояние которого быстро достигло внушительных размеров.

С этой точки зрения наибольшую опасность представлял Аль Капоне — самый могущественный, самый циничный и жестокий главарь гангстеров, столь все- сильный, что ему удавалось успешно избегать не только пуль убийц из соперничающих банд, но и возмездия со стороны представителей власти.

Именно Луччано выступил против «черного бешеного быка» из Чикаго и заставил его подчиняться правилам только что созданного синдиката, напомнив, что, когда бьешь посуду, следует не забывать о том, что за нее придется платить...

О чем говорили эти двое? Этого никто не знает. Но тот исключительный в истории гангстеризма случай, когда Капоне пришлось играть не самую подходящую для него роль — роль козла отпущения, — представляется почти невероятным.

Значение состоявшегося конгресса преступного мира и создания преступного синдиката заключается еще и в том, что мафия навсегда потеряла свое привилегированное положение, до тех пор неоспоримое. Изолированная, скованная предрассудками, она все еще оставалась могущественной, хотя влияние ее было уже сильно ограничено. Она могла иметь свой голос в синдикате, только соблюдая установленные им правила и признавая, что самыми важными персонами становятся «молодые сицилийские волки», успевшие испить в начале своей преступной деятельности кровавого молока.

Более того, с момента организации преступного синдиката мафии приписывали все совершаемые преступления, все виды махинаций, все мерзости. Стоило только однажды приписать ей чудовищное преступление, как руку мафии стали видеть во всем. Это относится и к нашим дням.

На самом деле мафия напоминала собой одиноко стоящее дерево со старыми, глубоко уходящими корнями, в кроне которого с каждым днем все более разрастались ветви преступного синдиката.

Значение сборища в Атлантик-Сити еще больше возросло, когда стал известен сценарий, сочиненный Луччано и Аль Капоне с целью внести некоторое умножение.

События разворачивались следующим образом. Еще задолго до этого Аль Капоне завязал приятельские

отношения с одним полицейским в Филадельфии, Джеймсом Мэлоном (он же Джеймс Башмачник). Сейчас он пожелал встретиться с ним.

— Я хочу сделать тебе подарок, он поможет тебе обратить на себя внимание и продвинуться по службе. Подбери себе толкового полицейского для прикрытия и делай вот что...

Вероятно, на какое-то мгновение Мэлону все это показалось неуместной шуткой, но Капоне настаивал, и он вынужден был подчиниться, решив, что лучше стерпеть насмешки, чем получить свинцовую пулю.

16 сентября 1929 года в Филадельфии, при выходе из кинотеатра, Мэлон — его сопровождал инспектор Джон Кридон — окликнул, как и было договорено, Аль Капоне, рядом с которым находился один из самых преданных телохранителей — Фрэнки Рио.

— Ваше имя Капоне? — спросил Мэлон.

— Нет, меня зовут Аль Браун *. А кто вы такой, чтобы называть меня Капоне?

В руках у них сверкнули бляхи полицейских.

— Полицейские? О! Я вижу... Сдаюсь. Делать нечего.

Подчеркнуто медленно Скарфас вытащил из-за пазухи пистолет 9-го калибра. Этот жест заставил отпрянуть собравшихся ротозеев и позволил предъявить ему обвинение в незаконном ношении огнестрельного оружия.

Хотя Фрэнки Рио и не был посвящен в это темное дело, он также согласился сдать свое «орудие труда». Обоих доставили в ближайший полицейский участок. В то время как Капоне, сидя на скамейке, зубоскалил, Фрэнки Рио в отличие от него скандалил, требуя, чтобы их немедленно освободили, и утверждал, что у него есть связи и он им еще покажет...

— Заткнись, а то в конце концов тебе поверят, — посмеивался весьма довольный собой Капоне.

О последовавших событиях рассказал Джон Кохлер, и этому нетрудно поверить:

— В полночь или чуть позднее оба гангстера предстали перед судьей полицейского суда, который опре-

* Капоне долгое время пользовался именем Аль Браун, которое ему больше нравилось, так как звучало чисто по-американски.

делил каждому залог в размере тридцати пяти тысяч долларов. При себе у них нашлось всего несколько тысяч. Капоне пригласил двух адвокатов, Бернарда Лемиша и Корнелиуса Хаггерти, которые обвинили полицию в превышении власти. Однако Капоне потребовал, чтобы его отправили в тюрьму.

Лемюэль Б. Шофельд, директор службы общественной безопасности Филадельфии, горячо приветствовал этот арест, отнеся его за счет бдительности своих подчиненных, и с гордостью принимал поступавшие по этому случаю поздравления. Сгорая от любопытства, он той же ночью приказал привести задержанных. Капоне спокойно и вежливо отвечал на его вопросы, но Рио, который плохо переносил заключение, продолжал кричать, что нарушают его гражданские права, и поднял такой шум, что Капоне наконец не выдержал:

— Послушай, мой мальчик, ты мой друг, и ты всегда был мне верным помощником, но сегодня говорить буду только я...

Лишь после этого телохранитель немного успокоился.

— Были ли вы знакомы с заместителем атторнея Соединенных Штатов, которого убили около двух лет тому назад в Чикаго?

— Да, — ответил Аль Капоне, — малыш Мак был очень симпатичным парнем. Он был одним из моих друзей, всегда готовым оказать услугу любому. Я с ним разговаривал незадолго до того, как его убили...

Речь зашла о конференции, которая состоялась в Атлантик-Сити. Представитель официальных властей слушал очень внимательно. Капоне разошелся:

— Я устал от преступлений банд и перестрелок между ними, — заявил он с пафосом. — Я хочу жить сам и дать жить другим. У меня есть жена и сын, которому одиннадцать лет и которого я обожаю. Мне принадлежит прекрасный дом во Флориде. Если бы я мог отправиться туда и все забыть, я был бы самым счастливым человеком на свете. Я провел целую неделю в Атлантик-Сити, чтобы установить мир между гангстерами. И все главари банд дали мне слово, что они больше не будут устраивать резню.

— На какие средства вы сейчас живете?

— Я живу на свой капитал и хочу уйти от дел.

Спустя шестнадцать часов с момента его задержания Аль Капоне предстал перед судьей Джоном Е. Уолшем, который определил ему максимальное наказание, предусмотренное законом,— год тюремного заключения.

Капоне с трудом сдерживал свое негодование: его адвокаты посоветовали ему признать свою вину, уверяя, что он будет справлять рождество дома.

— Теперь я буду знать, как верить в Санта-Клауса,— ворчал Скарфас.

Таким образом, безграничная власть, которую Лучиано обрел в Атлантик-Сити, была продемонстрирована как нельзя более красноречиво.

Преступный синдикат настоял на том, чтобы «вольный стрелок» такого калибра, как Аль Капоне, добровольно позволил себя арестовать, предстал перед судом и впервые получил наказание в виде тюремного заключения, хотя в свое время он пустил в ход всю свою изобретательность и потратил миллионы долларов, чтобы избежать подобного унижения. Он пошел на это под давлением со стороны организации, требующей от своих членов, даже самых могущественных, не только полного повиновения и подчинения своим законам, но и примерного поведения в их нелегальной деятельности.

Этот случай позволяет убедиться, какой реальной и эффективной властью располагал отныне новый синдикат.

ОТ «ВОЙНЫ КАСТЕЛЛАММАРЕ»
ДО «СИЦИЛИЙСКОЙ ВЕЧЕРНИ» *

Грозная коалиция «молодых волков», их зловеющая сплоченность, однако, не очень сильно беспокоила пять самых влиятельных семей мафии.

Главари этих семей, уверенные в своем превосходстве над остальным преступным миром, в таких случаях урегулировали отношения на своем, самом высоком уровне.

Джузеппе Массерия, он же Джо Босс, и Сальваторе Марапзано, главы двух самых могущественных семей, не щадили друг друга. Что же касается Чарли Лучиано, то тот факт, что он был сицилийцем, всегда сбивал их с толку. Для каждого из них Лучиано представлял новую силу, чьей поддержкой следовало заручиться, чтобы стать капо дей тутти капи. Но прежде всего надо было подрезать ему крылышки. Массерия, правда, имел над ним известную власть, которой хватало хотя бы на то, чтобы регулярно получать проценты с некоторых операций. Суммы этих отчислений становились все более значительными, но не это было главным. В глазах остальных мафиози авторитет Лучиано рос день ото дня, и постепенно он превращался в своего рода главаря банды. Джо Босс не мог вынести такого оскорбления, хотя Лучиано продолжал держаться по отношению к нему достаточно почтительно. Этого «мальчишку» следовало поставить на место, и сделать это надо было как можно скорей.

* Сицилийская вечерня — избиение французов в 1282 году сицилийцами, возмущенными жестоким правлением короля Карла Анжуйского в Сицилии. Поводом послужили оскорбления, нанесенные французами в Палермо женщинам, шедшим к вечерне.— *Прим. ред.*

Решив, что момент для этого уже наступил, Джо Массериа потребовал встречи один на один в «Барбизоне» у Лучиано, чтобы тем самым доказать, что он настоящий дон, никого и ничего не боится и ему не нужен телохранитель.

Чарли ожидал его стоя, рядом находился Фрэнк Костелло.

— Я ведь сказал: один на один,— заорал Массериа, входя в гостиную.

— Ты сказал... Но у себя я делаю то, что хочется мне. Костелло — мой друг. У меня от него нет секретов.

Массериа не стал настаивать.

— Годится. В принципе меня это устраивает хотя бы потому, что чем больше людей узнает о нашем разговоре, тем лучше. Так вот, ты жульничаешь во всем и везде. Но ты еще и мой лейтенант, ты человек Джо Босса... А я знаю, что вместе со своими приятелями ты загребаешь себе все поставки виски. Что я имею с этого? Да ничего.

Чарли Лучиано попытался выразить удивление:

— Но мы же договорились об этом, Джо. Ты получаешь со всего... за исключением алкоголя, а это уж только мое личное дело.

Массериа перестал ходить взад и вперед.

— В моей семье ни у кого нет личных дел. Ты должен отчислять мою долю со всех своих операций.

Чарли попытался еще раз:

— Мы же договорились об этом, Джо... Ты сам пожал мне руку и дал «добро».

— Вот и прекрасно! Больше я не даю «добро»... Я разрываю все договоренности. Ты во все вносишь суматоху и неразбериху. Я не могу этого терпеть. Либо ты возвращаешься в семью, либо я верну тебя силой. Ясно?

Чарли Лучиано отрицательно покачал головой. Массериа вышел, хлопнув дверью.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Нарушил ее хриплый голос Фрэнка Костелло:

— Надо выиграть время,— посоветовал он.— Этот сумасшедший может нас всех прикончить. Если собрать всех наших людей — тех, кто есть у Джо Адониса, Багси, Мейера Лански, Дженовезе, Датча Шульца и Анастасиа, мы наберем чуть больше сотни

таких, которые не только согласны ввязаться в драку, но и не боятся получить пулю в живот. Однако Массерпа может выставить вдвое больше, около пяти сотен «солдат», как он говорит, напичканных баснями о фамильной чести, этих хулителей евреев и выходцев не из Сицилии, а из других провинций Италии. Неприятности могут поджидать нас на каждом шагу. Надо выиграть время. Мы избежим этого... если вступим в союз...

— Ты имеешь в виду Сальваторе Маранзано?

— Ты что, считаешь это нелогичным?

— Логичным, — легко согласился Чарли Лучиано, — я даже попытаюсь установить контакт.

К его несчастью, Сальваторе Маранзано тоже думал о нем. Он его не забыл. Встреча, однако, оказалась суровой и жестокой.

* * *

Видя явную нерешительность Чарли Лучиано, его приятель Фрэнк Костелло, желая установить связь с кланом противника, обратился к Вито Дженовезе, поскольку тот находился в хороших отношениях с Тони Бендером, одним из верных людей Маранзано. Введенный в курс дела, Томи Луччезе поддержал эту идею, считая, что следует поторопиться, пока между двумя враждующими семьями не разразилась война. Он сообщил, что Том Рейна давно готовится бросить Массериа.

Тони Бендер передал Костелло предложение своего капо дона Сальваторе провести встречу с Чарли Лучиано один на один 17 октября 1929 года в полночь на Статен-Айленде — на территории, которую было можно рассматривать как нейтральную, поскольку она находилась под контролем Джо Профачи, лейтенанта Маранзано, но одновременно и друга детства Лучиано.

В назначенный день и час Вито Дженовезе предложил сопровождать своего друга Чарли, спрятавшись в машине с небольшим запасом оружия. Лучиано, ссылаясь на то, что он дал слово, категорически возразил против этого и отправил его обратно.

Сальваторе Маранзано, прибыв на место встречи первым, уже прохаживался взад и вперед по пустому доку. Как только Чарли вышел из машины, Маранзано

заклучил его в свои объятия, похлопывая при этом по плечу:

— Я счастлив видеть тебя, мой мальчик...

Вместе они прошли в просторный ангар, где уселись на стоящих в углу ящиках. Расположившись друг против друга, они молчали, не зная, с чего начать разговор. Дон Сальваторе решил поговорить о своей родине и произнес с некоторым сожалением:

— Ты покинул ее слишком рано, мой мальчик, чтобы помнить ее. Какая жалость...

Это говорилось для того, чтобы уколоть Лучнано. С комком в горле от охватившей его ярости на этого заскорузлого «усатого папашу», который вынуждал его подчиняться, он сказал:

— Я пришел, потому что думаю о совпадении наших интересов и о том, что ты мне предлагал однажды...

Пальцами, унизанными кольцами, Маранзано играл массивной золотой цепочкой. Висевшие на ней часы начали покачиваться над его огромным животом, певольно притягивая к себе внимание. Он сокрушенно заметил:

— Два раза дают тому, кто берет быстро... А ведь ты не только не захотел поторопиться, Сальваторе, но, как мне кажется, предпочел Джузеппе Массериа.

Лучнано почувствовал недоброе, и ему стало неудобно сидеть на ящике.

— Ты прекрасно знаешь, что он меня заставил... К тому же зачем бы я находился здесь, если бы у меня был свободный выбор.

— Ты здесь потому, что Массериа никуда не годен. Он невежда, неумеха, сквернослов и к тому же несправедливый и слабый человек. Ты прекрасно понимаешь, что в скором времени я его раздавлю. На чьей стороне будешь ты тогда?

— Я пришел для того, чтобы это обсудить.

Дон Сальваторе Маранзано принялся еще сильнее раскачивать свои часы.

— Сальваторе Луканна, я тебе сделал однажды предложение. Ты его отверг. Ты еще молод. Я всегда хотел, чтобы ты был со мной. Ты будешь подчиняться мне, как дитя своему отцу.

Он надолго замолчал и затем, не отрывая взгляда от Чарли, продолжал:

— Только на этот раз ты должен будешь дать мне одно обещание, чтобы я был полностью уверен в твоей искренности, в том, что ты честно будешь выполнять свои обязанности, и я всегда смогу рассчитывать на тебя как на своего парня.

Лучиано насторожился, он опасался самого худшего.

— Какое?

— Ничего сверхъестественного, честь твоя не пострадает: ты должен убить Массериа...

Чарли облегченно вздохнул:

— О! Но, дон Сальваторе, я сам об этом подумывал.

Быстрым движением руки Маранзано подбросил часы и поймал их. Затем резко произнес:

— Конечно! Но я хочу, чтобы прикончил его именно ты.

Лучиано тут же понял дьявольскую хитрость Маранзано. Это была западня, из которой он не имел бы шансов выбраться. В мафии существовал непреложный закон: если кто-либо убивал главу семьи, он ни в коем случае не мог рассчитывать на то, чтобы занять его место. Такое требование отвечало традициям мафии. Если глава семьи становился неспособным, можно было замышлять его устранение от дела или даже физически его уничтожить, но требовалось, чтобы намерения не были продиктованы властолюбивыми устремлениями кандидата на его место и чтобы совет семьи их одобрил.

То, что предлагал ему Маранзано, было не чем иным, как ловушкой. Не вызывало сомнений и то, что ему вряд ли позволят остаться после этого в живых. И действительно, какой капо допустит в свои ряды мафиозо, только что прикончившего своего собственного капо? И прежде всего этого не сделает дон Сальваторе, глава столь могущественной семьи.

— Тебя что-нибудь смущает, мой мальчик? Но ты же видишь, что все справедливо.

Дон Сальваторе наклонился к нему, и с его губ сорвалось:

— Тот, кто к столу приходит последним, находит только кости. (Эту фразу он произнес по-латыни и не потрудился перевести). Ну, так что же?

— Так что же? А иди-ка ты...

Дон Сальваторе хохотнул:

— Ты пока еще мальчишка, которому нужна приличная порка. Ты ее получишь, хотя бы потому, что, сам не зная почему, я испытываю к тебе слабость. Я очень люблю тебя, Сальваторе...

Неожиданно он громко крикнул:

— Идите сюда!

Груда ящиков с грохотом развалилась, и из нее выскочили шесть человек, лица которых скрывали цветные платки.

Наступила очередь рухнуть на пол Чарли Лучиано. Придя в себя, он почувствовал, как его приподняли, он полетел, и его последующие движения напомнили ему движения своеобразного маятника, который он видел незадолго перед этим в руках Маранзано и которым стал сам. Почувствовав ужасную боль в плечах, он понял, что его подвесили за руки к одной из балок.

Сидя на ящике, Маранзано спокойно разглядывал его.

— Скажи, мой мальчик, что ты убьешь Массериа. Чарли молчал.

Люди дона сорвали с него рубашку, затем принялись тушить один за другим свои сигареты о его тело. У него потемнело в глазах. Каждый раз, когда он приходил в себя, он слышал голос Маранзано:

— Убей Массериа!

Его мучители вооружились ремнями, которые они намотали на руки, чтобы было удобнее бить пряжками. Кожа стала лопаться под ударами...

— Убей Массериа! Не будь дураком, иначе сдохнешь прямо здесь.

Нет необходимости продолжать описание всего, что испытал Чарли Лучиано, но он не сдался.

Тогда Маранзано приказал:

— Снимите его с крюка и добейте.

Его люди устремились к жертве.

Полицейский патруль подобрал Чарли Луканиа в зловонном водосточном канале на Гиланд-бульвар (Статен-Айленд) в столь жалком состоянии, что нашедшие его двое полицейских сочли, что он мертв. В госпитале, куда он попал, подвели печальный итог: пролом черепа, одиннадцать выбитых зубов, пробита

правая щека, угроза удаления правого глаза, восемь переломанных ребер, перелом большой и малой берцовой кости, переломы костей левого запястья, раздроблены большие пальцы, разрыв связок правого колена, многочисленные следы порезов лезвиями бритвы и ножей на груди, многочисленные ожоги на всем теле, множество синяков.

Первыми нанесли визит пострадавшему Фрэнк Костелло и Мейер Лански. Когда они узнали о состоянии здоровья своего приятеля, Мейер Лански воскликнул со слезами на глазах:

— О Чарли, ты действительно счастливчик!

— Да,— подтвердил Костелло,— счастливчик...

С этого дня они называли его не иначе как Чарли Лаки (Счастливчик). Их примеру последовали и другие. В преступном мире молва о неуязвимости Лаки Лучиано распространилась со скоростью необыкновенной. Его отправили практически на тот свет, но оп чудом сумел оттуда вернуться. Этот тип никому не уступил, но после этого он стал еще более жестоким, и ему по-прежнему сопутствовала удача.

Тогда никто не мог сказать с полной уверенностью, что с ним случилось на самом деле. Для Лучиано, который в душе оставался мафиозо, закон молчания (омерта) имел очень большое значение. Только много позднее он поведал своим друзьям Костелло и Лански о том, что произошло на Статен-Айленде.

На больничной кровати, испытывая ужасные боли, Лаки Луканиа буквально заново рождался. Ему предстояло еще долго восстанавливать свои силы — физические и душевные.

В результате многочисленных переломов ребер он усвоил привычку ходить очень прямо, слегка наклонив корпус вперед. На его лице навсегда сохранились рубцы и шрамы. Так как у него был поврежден нерв, правое веко наполовину закрывало глаз, лишало его подвижности, а всему лицу придавало выражение тревоги.

К моменту выхода из больницы Луканиа принял окончательное решение. Он всегда будет в безупречной форме. Он забудет о том, что такое жалость, и, чтобы властвовать над людьми, станет бесчеловечным.

В продолжение длительного периода выздоровления Лаки Лучиано — а именно так его стали называть, и с этим именем связана вся его последующая деятельность * — не терял времени даром.

Он постоянно думал о последствиях, которые повлечет за собой такой шаг, как создание преступного синдиката на совещании в Атлантик-Сити. Для шаек открывались блестящие перспективы, но для этого надо было, чтобы со старыми донами было покончено. Если бы не боль от заживающих ран, Чарли улыбнулся бы при мысли о том, как отживающие свой век доны из кожи вон лезут, чтобы завоевать алко-гольный бизнес.

Его замыслы шли дальше. И уже давно. Благодаря «смазному банку» удалось установить самые широкие и влиятельные связи. Как-то в начале предыдущего, 1928 года дорогой его сердцу Фрэнк Костелло чуть ли не силой свел его с одним деловым человеком по имени Рэсток, мультимиллионером, гордившимся тем, что именно он построил один из самых больших небоскребов Нью-Йорка — «Эмпайр Стейт билдинг». У этого самого Рэстока, известного политического деятеля, сторонника демократической партии, Лаки Лучиано столкнулся нос к носу с губернатором штата Аль Смитом, который даже поднялся, чтобы приветствовать его, тепло пожал ему руку и сообщил:

— Дорогой господин Луканна, я счастлив познакомиться с вами, нам предстоит сделать совместно немало больших дел...

Политический деятель пояснил, что он имел в виду. В основном он хотел, чтобы Луканна помог ему получить голоса избирателей в Манхэттене, Бруклине, Бронксе и в других местах, где тот пользовался влиянием. Это должно было помочь ему заручиться поддержкой демократической партии для выдвижения своей кандидатуры на очередных президентских выборах.

Чарли Луканна не мог даже мечтать, что государственному деятелю такого масштаба понадобятся его

* Однако в Леркара-Фридди, где мы интересовались некоторыми деталями, в Сицилии, в американских семьях мафии его по-прежнему называют Сальваторе Луканна.

поддержка и услуги. Какой прогресс по сравнению с жалким рэкетом на улицах «Малой Италии»! Ну, а что предлагал Смит в обмен на эти услуги? Советы, обыкновенные советы, как жить. Но какие советы!

— Видите ли, господин Луканиа, вам надо срочно перестраивать свою деятельность, с тем чтобы... подготовиться к будущим переменам. Хочу вам сказать, что не я, так кто-нибудь другой, но мы обязательно отменим закон Уолстеда. Торговля спиртными напитками станет свободной. Будьте готовы. В случае необходимости я вам помогу, как вы поможете мне. Вы во всем можете рассчитывать на мою поддержку.

«Большая семерка» сделала все так, как от нее и требовали. Аль Смит праздновал свое выдвижение от демократической партии и, как первый кандидат-католик на президентский пост, мог рассчитывать на то, что за него будут голосовать итальянцы, ирландцы, евреи. На президентских выборах, однако, он не смог противостоять активности республиканцев, вознесших на вершину власти Герберта Гувера. Смита упрекали в основном за то, что он выходец из Нью-Йорка, за его нью-йоркское произношение и манеры, за то, что он католик, то есть прислужник папы.

Фрэнк Костелло поддерживал самые тесные связи с деловыми католическими кругами и вообще со всем католическим, что было в Соединенных Штатах. Многочисленные опорные точки, которыми он располагал во всех звеньях аппарата полиции, оставались надежными, поскольку почти все полицейские были ирландцами и, следовательно, католиками. Влияние Костелло распространялось до Бостона, самого аристократического города США. В столице УАСП* его самым надежным партнером оставался Джозеф Кеннеди, католик, будущий посол США в Лондоне и отец будущего президента. Кеннеди отнюдь не считал для себя зазорным участвовать в незаконной торговле алкоголем, доверяя ее реализацию подпольным заведениям Фрэнка, который любил говорить по этому поводу:

* УАСП (White Anglo-Saxon Protestant) — собирательное понятие, обозначающее белых протестантов англосаксонского происхождения. Эти потомки первых поселенцев всерьез считали себя элитой Соединенных Штатов Америки, рассматривая остальных граждан чуть ли не как «неприкасаемых».

— Я помог Джо составить состояние, хотя он сейчас и делает вид, что не знает меня...

Итак у Лаки Лучиано на руках был не один козырь, и, главное, ему было известно, что в самом ближайшем будущем «сухой закон» отменят и поэтому необходимо как можно быстрее осваивать новые, не менее, а быть может, и более выгодные промыслы.

На конгрессе в Атлантик-Сити такая возможность уже предусматривалась, и перед каждой шайкой открывались новые возможности, новое поле деятельности. Необходимо было, однако, урегулировать отношения с мафией, остававшейся для них основным источником неприятностей.

Маранзано уже раскрыл свои карты, теперь Лучиано оставалось выступить против своего капо Джо Массериа, тем более что после путешествия на Статен-Айленд он был сыт по горло «усатыми папашами».

Между тем Лаки Лучиано спустя тринадцать дней после его избияния, когда он еще лежал на больничной койке, понял, насколько пророческими были слова, сказанные им в Атлантик-Сити.

В этот день, в четверг 25 октября 1929 года, на Уолл-стрит царил паника. Рушились огромные состояния. «Сумасшедшие годы» канули в небытие. Соединенные Штаты вступали в невиданный до того экономический и финансовый кризис. «Великая депрессия» довела до отчаяния тех, кто еще вчера не хотел внять голосу благоразумия. Огромное число вчерашних миллионеров не выдерживали испытания и, за недостатком воображения, кончали жизнь самоубийством. И если еще вчера любители выпить закупами виски «Дж. энд Б.» целыми ящиками, то уже завтра им придется пить его только наперстками.

Однако, как показали события в Атлантик-Сити, Лаки Лучиано предусмотрел возможность возникновения подобной ситуации и, уж во всяком случае, необходимость освоения на длительный срок новых форм рэкета в различных областях, вызванную неизбежностью отмены «сухого закона», что грозило крахом всей системы бизнеса, основанной на контрабанде спиртным. Но приходилось учитывать существование мафии, прочно укоренившейся, имеющей в своем распоряжении многочисленные шайки, закаленные, послушные воле допа, мафии, которая может попытаться

парализовать их деятельность, а затем поглотить их или, во всяком случае, вставлять им палки в колеса, мешать добиваться успехов на пути к завоеванию сказочных богатств.

К декабрю 1929 года Лаки Лучиано еще не восстановил свои физические силы. Но возможность пораскинуть умом, которую он получил во время своего вынужденного безделья, позволила ему во многом иначе взглянуть на мир, изменила его самого, определила его готовность к действию.

Массериа постарался довести до сведения Лучиано, как он относится к тому, что «жирная свинья Маранзано» искалечил его, нанеся ему оскорбление, которое нельзя оставить без ответа. Никто не может позволить себе тропуть лейтенанта из семьи Массериа, и обиду надо смывать кровью.

Лаки Лучиано, разумеется, не видел в этом острой необходимости. Верный своей основной идее и зная, что приближается отмена «сухого закона», он убедил Фрэнка Костелло (который располагал большей свободой действий в отношении как Маранзано, так и Массериа, поскольку не принадлежал к мафии), в необходимости немедленно найти новый источник доходов и начать его эксплуатацию. После длительных обсуждений выбор преступного синдиката пал на организацию широкой сети игорных автоматов. Фирме «Милз повелти компани» в Чикаго, самому крупному изготовителю такого рода аппаратов, было поручено изменить их конструкцию, с тем чтобы каждый игрок, дернув за ручку автомата, обязательно что-нибудь выигрывал. Это мог быть, например, пакетик... мятных конфет. Таким образом, требования закона были соблюдены! Более того, синдикат добился монополии на установку в Нью-Йорке усовершенствованных моделей игорных автоматов и создал общество, занимающееся их установкой, — «Трайангл минт компани». Политические деятели — демократы из Таммани-Холл за определенную мзду поддержали гангстеров, дав им возможность претворить в жизнь свои замыслы.

В «Трайангл минт компани» Фрэнк Костелло доверил своему помощнику Филу Кастелу (он же Дэнди Фил) руководство специальной службой, проводящей предварительный отбор надежных людей, которым

выдавались свидетельства о том, что, как коммерческие представители фирмы, они уполномочены устанавливать по взаимному согласию (а если было надо, то пускалась в ход сила) игорные автоматы в любом районе Нью-Йорка.

Вскоре не было ни одной забегаловки, бара, закуской, драгстора, бакалейной лавки, где не стояли бы автоматы. В кондитерских устанавливали специальные табуреты, с тем чтобы даже дети, взобравшись на них, могли доставать до ручки и дергать за нее. Любое торговое предприятие, более или менее часто посещаемое, теперь могло функционировать, только если в нем были установлены аппараты, которые нью-йоркцы очень быстро прозвали «однорукими бандитами». Вскоре начали действовать пять тысяч «одноруких бандитов», принося Костелло ежедневный доход по десять долларов с каждого из них, что в год составляло более восемнадцати миллионов долларов. Естественно, речь идет не о чистом доходе. Часть денег оседала в карманах демократов из Таммани-Холл.

Возникали и трудности. Иными словами, встречались и честные полицейские, о чем свидетельствует лейтенант МакКлигг, поклявшийся содрать шкуру с Костелло.

— На каждый аппарат, — рассказывал он, — наклеивали розовые ярлычки, на которых красовалось название «Трайангл минт компании» и номер телефона. Если полицейский входил в лавку, чтобы изъять автомат, достаточно было набрать номер телефона, как к нему тут же мчался один из агентов Костелло, предлагая решить вопрос полюбовно. Для этих целей существовало двадцать специальных агентов, так или иначе связанных с Таммани-Холл, работающих на Джимми Хинеса или еще на кого-нибудь из подобного рода политиков. Я сам некоторое время работал под начальством одного капитана, капитана полиции, естественно. Это был честный человек, и мы с ним ежедневно доставляли в полицейский участок по два или три игорных автомата. Костелло это выводило из себя. Однажды он явился к нам и заявил: «Что происходит, почему я могу договориться со всеми, кроме вас?» Ему объяснили, что с этим вопросом надо обращаться непосредственно к капитану. Нет нужды говорить вам, что капитан с треском выставил его за

дверь. У Костелло имелся список, куда были занесены фамилии всех, за исключением нас двоих, начиная от старшего инспектора и кончая простым постовым полицейским.

Джонни Торрио, делающий вид, что он отошел от дел, в действительности продолжал осуществлять обязанности тайного советника Лаки Лучиано. У него были все основания гадать злобу на двух человек: на Аль Каноне, который заставил его, нездорового человека, покинуть Чикаго, и на Бенито Муссолини, который изгнал его из Италии, куда он отправился, чтобы избежать расправы Аль Каноне. Когда Лучиано высказал свое восхищение по поводу небывалых доходов, получаемых с помощью игорных автоматов, Торрио заметил:

— Люди во всем стараются увидеть сходство. Ты знаешь, например, почему конишки Костелло прозвали «однорукими бандитами»? Да потому, что движение их ручек напоминает фашистское приветствие.

Торрио, который сам отнюдь не отличался высокими моральными качествами, повсюду видел измену. Однажды он сказал:

— У меня есть данные. Я уверен, что Том Рейна вступил в сговор с Маранзано...

Глава одной из семей мафии, связанной с Джо Боссом, Том Рейна, выведенный из терпения постоянной грубостью Массериа, его растущей магией величия, захотел привлечь на свою сторону Томми Лучезе, верного приверженца Лучиано, сотрудничавшего вместе с Бухалтером в широкомасштабном ростовщическом бизнесе. Основным источником, из которого поступали деньги на ссуды, предоставляемые различным представителям делового мира через подставных лиц, были доходы преступного синдиката от незаконной торговли контрабандным алкоголем. Если долг — вместе с довольно высокими процентами, размеры которых менялись в зависимости от обстоятельств, — не выплачивался в установленный день и час, на сцене появлялся Эйби Рилз, он же Кривой малый, одного присутствия которого порой оказывалось достаточно. Все в его отталкивающем облике внушало отвращение и страх.

То, что Лучезе вместе с Рейна переметнется когда-нибудь на сторону Маранзано, не устраивало Лу-

чиано. Однако информация Джонни Торрио оказалась настолько точной, что Джо Массерия вызвал Лаки Лучиано специально, чтобы заявить ему:

— Это становится опасным. Я уверен, что Том Рейна готов обойти меня и переметнуться к Маранзано. Тебе надо заняться им. Ему надо помешать. Если ему удастся то, что он задумал, я потеряю очень многое, так как за ним последуют и остальные. Тогда у нас не останется никаких шансов стать первой из семей. Отправляйся и быстренько займись этим делом. Рейна должен остаться с нами. С этого момента ты полностью отвечаешь за него.

Только напрягшиеся на лице мускулы, отчего покраснели рубцы от давних ран, выдавали досаду Лаки. Дело представлялось ему настолько серьезным и опасным, что он тут же созвал чрезвычайное заседание совета синдиката.

Встреча состоялась 14 января 1930 года на «Биг барел полка» — грузовом судне, стоявшем на якоре в Уостер-Бей, в Лонг-Айленде. На ней присутствовали Фрэнк Костелло, Джо Адонис, Багси Сигел, Вито Дженовезе, Томми Луччезе. Лучиано очень огорчило отсутствие Мейера Лански, одного из лучших консультантов по любым вопросам. Его компаньон Багси Сигел извинился за него, сообщив, что госпожа Лански именно сейчас собралась рожать.

Томми Луччезе прибыл последним и сообщил тревожные новости. Незадолго до этого он встретил Тома Рейна, который сказал ему, что Массерия собирается ликвидировать Джозефа Бонап্পо (он же Джо Бананас) и Джо Профаччи — и тот и другой выходцы из Каstellаммаре, как и их шеф, Сальваторе Маранзано.

Такая беспричинная демонстрация силы означала не что иное, как объявление истребительной войны, грозившей гибельными последствиями всем принадлежащим к преступному миру, и особенно членам преступного синдиката. На чрезвычайном заседании припались тут же обсуждать сложившуюся обстановку. Свои предположения высказал и Лаки Лучиано, поскольку происходившие события затрагивали его самым непосредственным образом:

— Кое-какие факты не согласуются между собой. Массерия знает, что Том Рейна готов его подсадить. В этом случае ни у кого нет сомнений, что Рейна —

предатель и должен умереть. Но вот Джо Босс решаст просить меня его пощадить и, более того, сохранить его в своей семье, скрывая от меня при этом, что Джо Профачи и Джо Бананас уже обречены. Выходит, что Массерна хочет со мной разделаться, но каким образом?

Никто не мог понять, что все это означает. Тогда Чарли с усмешкой произнес:

— Профачи и Бананас могут поплатиться собственными шкурами, Том Рейна останется с Массерна. Ну, вы и теперь не можете понять, что подумает обо всем этом Маранзано? Он решит, что мое личное влияние лишило его возможности воспользоваться услугами Рейна и что я убил двоих из его людей. Не на Массерна подумает он, а на меня. Таким образом, Джо Босс будет иметь возможность избавиться от меня, но уже с помощью своего заклятого врага Маранзано. Понятно?

Багси Сигел настолько разволновался, что даже подскочил на стуле:

— Кончаем базарить, треплемся, как бабы. Я возьму с собой еще двоих, и мы покончим с Массерна. После этого можно будет все спокойно обдумать...

Лучиано несколько охладил боевой пыл Багси, затем неторопливо и со скрытой угрозой в голосе сказал:

— Я уже успел все обдумать. Если вы все будете согласны, то вот что следует предпринять...

Все с ним согласились.

* * *

Том Рейна, главарь одной из семей мафии, со всеми находился в дружеских отношениях. Всегда улыбающийся, готовый оказать любую услугу, он контролировал рэкет, от которого мурашки бежали по спине. Его люди занимались вымогательством в сфере поставщиков и потребителей льда. В эти годы семьдесят пять процентов нью-йоркцев имели в домах ледники. Автомашины доставляли бруски льда и оставляли их в прихожих и коридорах домов вместе с бутылками молока. Рестораны, кабаре, все заведения, вынужденные длительное время хранить скоропортящиеся продукты, потребляли лед в больших количествах. Этим видом рэкета, весьма доходным, распоря-

жался только Том Рейна. Он командовал теми, на кого возлагалась обязанность любыми средствами удерживать монополию в этой области деятельности. Его подручные наловчились в своем ремесле до такой степени, что, когда требовалось, в качестве орудий пыток пускали в ход остроконечные куски льда. Фрэнк Костелло, чей леденящий душу юмор не раз восхищал преступный мир, называл их «командой по охлаждению». Юмор юмором, а жертв на счету этой команды было немало.

Этот симпатичный малый Том Рейна 26 февраля 1930 года отправился на обед к своей тетке, живущей одиноко в Бронксе, в начале Шеридан-авеню. Он прибыл туда незадолго до восьми часов вечера. У ворот он заметил Вито Дженовезе, который явно поджидал его. Подумав, что тот прибыл с какой-либо экстренной новостью, касающейся очередной сделки, он устремился к нему со своей обычной улыбкой, протягивая руку для приветствия. Рука, которую в свою очередь протянул ему Дженовезе, показалась ему чересчур длинной. Он не ошибся. Ружье 12-го калибра даже с обрезанными стволами имеет внушительные размеры. Прозвучавшие почти одновременно два выстрела в голову не позволили Тому осознать всю важность происходящего.

Как и предполагал Луччано, это вызвало замешательство в отношениях между Маранзано и Массериа. И значительное. Первый думал, что, узнав о предательстве, Джо Босс решил замести следы. Второй полагал, что, поскольку Рейна медлил с решением перейти на его сторону, Маранзано отправил его на тот свет. Из этих двоих первым допустил промах Массериа. Пригласив лейтенантов покойного — Томми Луччезе, Гаэтано Тома Гальяно и Доминика Петрелли, он же Щербатый (ему в драке выбили два передних зуба), — доп объявил, что семья Рейна вливается в его семью и он назначает ответственным за нее своего мафиозо Джозефа Пинцоло.

Это подтвердило предположение, что именно Массериа устранил Рейна, чтобы со временем захватить в свои руки его racket поставщиков льда, а также свидетельствовало о том, что Джо Босс начал терять терпение и потому совершил крупную психологическую ошибку, считая, что лейтенанты Рейна будут

действовать под командованием такого неслыханного скупердяя, лишённого всякого размаха, каким был Джозеф Пинцоло.

Для начала с помощью Джо Адониса и Джо Бананаса они восстановили контакты с Маранзано и без промедления заключили соглашение, по которому семья Рейна включалась в его клан. Для того чтобы все было в порядке, Доминик Петрелли отправился к Джозефу Пинцоло, посмотрел ему прямо в глаза, как того требовала традиция мафии, улыбнулся — а улыбка Щербатого кое-что да значила, поскольку напоминала собой вход в преисподнюю, — и только после этого всадил ему две пули в голову.

После этого события не заставили себя ждать. Теперь уже ничто не могло сдержать их бурного развития, и Лаки знал это. Кровавые расправы освободили для него арену действий, но последующий их ход мог увлечь в водоворот и его самого. Ликвидируя Тома Рейна, к которому он испытывал искреннюю симпатию, тайный глава синдиката открыл клапан и дал выход жестоким страстям, развязал преступную войну на истребление, никогда более не повторявшуюся и прозванную специалистами по истории мафии войной кастелламмарцев.

Лаки Лучиано принял у себя безгранично преданного Альберта Анастасна, по гроб жизни признательного ему за то, что тот приобщил его к контрабанде алкоголем, к контролю за проституцией, к торговле наркотиками.

— Альберт, мы не можем больше откладывать: я хочу иметь шкуру Массерна, только после этого мы сможем жить спокойно и продолжать устраивать наши дела...

Анастасна обрадовали возможности проявить свои способности на самом высоком уровне. Безусловно, он и сам думал об этом, поскольку его реакция не заставила ждать:

— Шкура Массерна будет у твоих ног, но сначала я возьму на мушку Морелло, так как без этого дело может сорваться...

Нет сомнения, Анастасна знал свое дело. Морелло, телохранитель Массерна, имел репутацию свержосторожного, когда речь шла о безопасности Массерна.

К несчастью, в том, что касалось его самого, он был менее бдительным.

15 августа 1930 года, находясь в своей конторе, ведающей выдачей ссуд в Ист-Гарлеме, он вместе со своим помощником, неким Парриано, подбирал купюры по десять долларов и складывал их в пачки. Морелло только мельком взглянул на дверь, открывшуюся, чтобы впустить Фрэнка Скализе, сопровождаемого Альбертом Анастасиа. Град пуль заставил его прервать подсчеты. Морелло рухнул на стол, опрокинув небольшую вазу с розами, установленную им самим перед небольшой иконой мадонны в честь праздника богородицы. Убийцы приказали перепуганному Парриано подобрать пачки банкнот и наполнить ими два чемодана. Оказалось ровно тридцать одна тысяча двести долларов. Вместо того чтобы отблагодарить Парриано, ему в живот расстреляли целую обойму патронов 38-го калибра, чем, собственно, избавили от необходимости просить о пощаде.

Вне себя от ярости, Массериа приказал всем своим людям открывать огонь при встрече с этими «омерзительными ублюдками, которые могли родиться только в Каstellаммаре и представляют собой все дерьмо Сицилии».

Луччано, Чиро Терранова (Король артишоков из Бронкса), Фрэнк Костелло, Датч Шульд продемонстрировали свою верность Массериа. Со своей стороны Аль Капоне из своей резиденции в Чикаго дал понять, что он готов оказать поддержку в этой войне с отвратительными кастелламмарцами.

Шесть последующих месяцев хорошо описаны журналистами, специализирующимися на различного рода происшествиях. В штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Массачусетс, Огайо и Иллинойс люди Массериа и Маранзано открыли такую яростную стрельбу друг в друга, что ответственные федеральные чиновники, кто с облегчением, а кто с омерзением, подсчитали, что за это время семьдесят два человека было убито и свыше ста тяжело ранено...

Кастелламмарцы не только давали отпор, но и погоняли и одерживали победы. Массериа, большой любитель шотландского виски, теперь, казалось, пьянел только от запаха крови; это вызвало отвращение даже у его подручных. Для Чарли Луччано с каждым днем все

яснее становилась необходимость встречи с Маранзано. Он поручил Томми Луччезе и Тони Бендеру организовать ее. Маранзано согласился встретиться незадолго до наступления темноты в зоопарке Бронкса между клетками львов и тигров. Итак, готовилась встреча крупных хищников на самом высоком уровне...

Маранзано в сопровождении Джо Профачи и Джо Бананаса и Лучиано с Джо Адонисом, Томми Луччезе и Багси Сигелом (Лаки хотел дать понять «усатому папаше», что он по-прежнему ценит евреев и не отвернется от них и в дальнейшем) встретились, казалось бы, довольно спокойно.

Поглаживая указательным пальцем по своему гладкому лицу в том месте, где у Лучиано остался шрам от глубокого пореза, полученного на Статен-Айленде, Маранзано с ухмылочкой приветствовал его:

— Ты неплохо выглядишь, бамбино...

Чарли с такой силой вдавил стиснутые кулаки в карманы своей куртки, что раздался треск лопнувшей подкладки:

— Только мой отец смеет называть меня бамбино, а я не вхожу в твою семью.

Маранзано принял понимающий вид:

— Ты мог бы... ты мог бы... Прошлый раз на острове я был не прав. Ты же знаешь пословицу: «Кого люблю, того и бяю». Ты действительно хотел меня видеть? Зачем?

Лаки решил воспользоваться случаем и перешел в атаку:

— Для того же, зачем и ты в прошлый раз. Сегодня мой черед проявить инициативу. Во имя уважения к тому, что мы оба сицилийцы, я пришел просить твоего согласия в том, что касается Массериа. Эта война — безумие. С обеих сторон мы теряем наших лучших людей, тогда как полиция лишь радуется этому. Мы им упростили работу. А пока мы думаем только о том, как бы укокошить друг друга, страдают наши дела. Другим может прийти в голову вообще отстранить нас от дел. Ты, дон Сальваторе, не подойдешь к Массериа ближе чем на километр. Твои люди ничего не умеют... Чем можно объяснить, что в поябре, стреляя в него в Бронксе, вы прикончили Стивена Ферриньо, находившегося слева, уложили Аль Минео, сидевшего справа, но ему самому, сидевшему между

ними, позволили улизнуть без единой царапины? Можно подумать, что это было сделано специально...

— Нет, конечно, но если ты мне предлагаешь сделать лучше, если ты это осуществишь, то перед свидетелями я даю тебе обещание сделать тебя моим первым лейтенантом во всех делах, оставить тебе полностью все твои промыслы, которыми ты занимаешься со своими друзьями-чужестранцами... Я клянусь тебе в этом.

Говоря это, дон Маранзано изобразил обратной стороной ногтя большого пальца крест на своих губах.

После этого со значением провел еще раз пальцем по своему лицу черту, напоминающую получепный Лаки шрам, и сказал:

— Прошу тебя понять меня... Между нами это должно остаться свидетельством дружбы.

Правое веко Лаки почти полностью опустилось, когда он прошептал в ответ:

— Оно останется до самой моей смерти...

Левым глазом, не мигая, он внимательно следил за доном Сальваторе, а самому себе дал другое обещание: «И особенно до твоей, старый мерзавец!»

Они расстались, пожав друг другу руки, как настоящие друзья, как истинные сицилийцы.

* * *

15 апреля 1931 года в своем рабочем кабинете в доме номер 65 на 2-й улице Массериа драг глотку не хуже осла. Он был крайне недоволен. Ему было мало уничтоженных кастелламмарцев. Никто из его людей не мог найти средство, как продырявить огромное брюхо, украшенное цепочкой от часов, брюхо этого Маразано, говорящего по латыни, как приходский священник, лучше, чем на сицилийском, и ускользающего быстрее, чем церковное вино во рту у прихожан...

— Кстати, о вине... Я заказал место у Скарпато, — предложил Лаки Луччано. — Приглашаю тебя. Устроим что-нибудь вроде пирушки и попытаемся отыскать решение всех наших проблем... На десерт я тебе расскажу, как поскорее можно убрать старого дона.

Джо Массериа это пришлось по вкусу. Они под руку вышли на улицу и растворились в толпе. От

тротуара медленно отошла автомашина, за рулем которой сидел Чиро Терранова, а рядом — Багси Сигел. На заднем сиденье устроился Вито Дженовезе в окружении Дико Адониса и Альберта Анастасиа.

Хозяин ресторана «Нуова вилла Тампаро» Джерардо Скарпато оставил им угловой столик напротив входной двери, как того требовала традиция. Зал был переполнен. Скарпато заговорил о своем приятеле Терранове, которому следовало бы чаще есть эти гадкие артишоки хотя бы для того, чтобы позаботиться о своей большой печени.

Когда он принял заказ у Массериа, он невольно нахмурил брови: большое блюдо антипакто* с гарниром из двух порций спагетти с майонезом, спагетти из Болоньи, ласанье с дарами моря, лангуста «фра дьяволо», горгонзола с салатом, эклер с шоколадом и свежим кремом. Запить все это Массериа намеревался розовым кьянти. Если бы это было возможно, Скарпато сказал бы этому человеку, живущему вне закона, что он заказал себе обед приговоренного к смерти. Но Джерардо Скарпато всегда хранил свои мысли при себе.

В то время пока Массериа обжирался, Луканна вел беседу. Он и без того не отличался большим аппетитом, а в этот день потерял его окончательно. Вид желтых потеков майонеза на зеленом **жплете** Массериа вызывал у него тошноту. Чтобы **как-то** оправдаться, он сказал, что дантист, который лечит его сломанные зубы, скоро потеряет свои, если быстро и хорошо не почишит его челюсть.

Принесли вторую бутылку кьянти. Джузеппе Массериа продолжал набивать себе живот. Зал опустел. Дон потребовал капучино, чтобы справиться с эклером.

— Эти две вещи хорошо усваиваются на пару, — пошутил он, — а потом мы сможем сгонять партию в **клуб****, это помогает пищеварению.

Джерардо Скарпато убрал со стола, принес салфетку и карты. Затем он раскланялся.

* Антипакто — вид закуски; ласанье — особый сорт лапши; горгонзола — сыр типа рокфор; капучино — крепкий кофе с молоком. — *Прим. перев.*

** Клуб — карточная игра, пользовавшаяся большим успехом у гангстеров.

— Я вас покидаю. Будьте как дома, а я пойду порыбачу, может быть, что-нибудь да клюнет...

Первый кон выиграл Массериа, которого Фрэнк Костелло в свое время научил некоторым хитростям в этой игре. Это нисколько не огорчило Лаки. Он тут же передернул карты с таким искусством, что на мизерной сдаче сумел отыгаться. Огорчало другое. Сидевший с ним рядом Массериа пачкал карты своими отвратительными толстыми пальцами, вымазанными в жире, со следами шоколада и крема. Он резко поднялся:

— Ты дока, тебе везет, Джо. Извини меня, но мне надо отлучиться на минутку, пойду помою руки...

Массериа заулыбался:

— Ты мне доверяешь, надеюсь? Я пока раздам...

Он начал раскладывать карты. Лаки кивнул в знак согласия. Дверь туалета закрылась за ним. Джо Босс тут же перевернул карты своего партнера, чтобы увидеть их, вытащил оттуда приглянувшегося ему туза бубен, а на его место положил девятку пик. Он ликовал, держа в руках бубнового туза, когда входная дверь вдруг открылась и в зал стремительно ворвались четверо. В один миг Массериа узнал Апастасиа, Дженовезе, Джо Адониса и этого подлого Сигела, который уже стрелял в него из своего кольта 32-го калибра.

Все четверо добросовестно опустошили барабаны своих револьверов. В результате белые стены ресторана Скарпато сохранили следы восемнадцати пуль. Шесть пуль остались в груди и в голове Джо, который рухнул на стол, вытянув перед собой руку с зажатым в грязных пальцах бубновым тузом, неммым свидетелем его нечистоплотной игры.

Убегая, убийцы прятали свое оружие, кто в потайной карман на груди, кто в специальную кобуру на брюках, в зависимости от привычки.

Они спокойно вышли на улицу, сели в ожидавший их черный «крайслер», мотор которого продолжал работать.

— Шпарь, Чиро! — приказал Багси Сигел еще до того, как успели захлопнуть последнюю дверцу.

Чиро Террапова с такой силой надавил на педаль акселератора, что, хотя включена была первая передача, двигатель неожиданно заглох. Руки у него нача-

ли дрожать так сильно, что он никак не мог справиться с ключом зажигания, и машина в течение нескольких секунд оставалась неподвижной. Для сидевших в ней эти секунды казались вечностью.

— Черт побери, да пошевеливайся же! — закричал с заднего сиденья Анастасиа.

Багси Сигел не выдержал и с силой дернул Терранову за ворот, стукнув его при этом головой о ветровое стекло, перетащил над своими коленями и сел на его место за рулем.

— Вы не видите, у него уже полные штаны...

Багси продолжал извергать ругательства, которых от него раньше и не слышали, столь велико было его негодование. Это прозвучало панихидой по Чиро Терранове *. Багси ловко завел машину, отъехал от тротуара и направил «крайслер» в поток автомобилей. Он сделал это вовремя. Уже мчались, завывая во всю мощь сиренами, полицейские машины.

Лаки был спокоен, хотя бы потому, что это он сам вызвал полицию. Прибывшим Лучиано сообщил, что ничего не видел, только слышал выстрелы.

— Чем вы занимались в это время? — спросил его полицейский офицер.

— Я мочился, — спокойно ответил Лаки.

Он не читал басен Лафонтена и поэтому не добавил: «...не прогневайтесь» **. Во всяком случае, его алиби подтвердила женщина, работавшая в туалетной комнате у Скарпато. Полиция признала его полную непричастность.

* * *

Смерть Джо Босса подоспела как нельзя кстати. Оба лагеря вздохнули с облегчением. В первые дни перемирия все на какое-то время объединились и приложили старания к тому, чтобы отдать последние почести умершему. Джузеппе Массерия имел полное

* С этих пор Чиро Терранова был приговорен. Мафия ободрала Короля артишоков как липку, хотя, оставаясь хозяином Бронкса, он после этого не раз демонстрировал смелость. За минуту слабости ему пришлось дорого заплатить. Мафиози изводили его безжалостными издевками.

** «Я пел, вы не прогневайтесь» — строка из басни Жана де Лафонтена «Стрекса и муравей». — *Прим. перев.*

право быть похороненным как глава государства. Его наследник, Чарли Лаки Лучиано, знал, как надо об-
ставлять такие дела.

Зато торжествующий дон Сальваторе Маранзано совсем позабыл о скромности. Вообразив себя Цезарем, он мобилизовал целые легионы мафиози из всех штатов, приказав им не откладывая собраться на церемонию провозглашения его капо дей тутти капи.

В своей книге «Чти отца своего», посвященной жизни мафии, Ги Талез так описывал это событие: «Маранзано возглавлял это собрание в одном из залов Бронкса, арендованном для этого случая. Своим пятистам слушателям он объявил, что эра военных действий завершена и теперь начнется длительный период мира и согласия. Вслед за этим он изложил свой план реорганизации мафии, основанный, в частности, на военных концепциях Цезаря: каждую банду будет возглавлять капо, шеф, у которого в подчинении будут находиться вице-капо, или заместители. Заместители в свою очередь будут отдавать команды своим капорежимни, на которых возлагается обязанность руководить солдатами банды. Каждая единица будет рассматриваться как семья, которая будет действовать на точно определенной территории. Капо дей тутти капи, верховый глава, будет назначать руководителей всех семей. Этот титул и хотел присвоить себе Маранзано».

Поведение Маранзано произвело на присутствующих еще более удручающее впечатление, чем многочисленные латинские цитаты, которыми он без конца сыпал, демонстрируя свою эрудицию. Этот сицилийский Цезарь, желавший, чтобы его провозгласили императором на манер маленького корсиканца Наполеона, явно недооценивал французскую революцию: прочитав речь Мирабо в Учредительном собрании, он запомнил только одну фразу: «От Тарпейской скалы * до Капитолия один шаг».

Преступный синдикат убрал со своего пути Массерна не для того, чтобы обрести нового диктатора. Лучиано еще в Атлантик-Сити не раз втолковывал

* Тарпейская скала — в Древнем Риме отвесный утес с западной стороны Капитолийского холма, откуда сбрасывали осужденных на смерть государственных преступников. — *Прим. перев.*

представителям банд и различного вида рэкета, что от любого верховного главы нельзя ждать ничего, кроме новых неприятностей, что неизбежно наступит день, когда кто-нибудь, набравшись сил, захочет занять его место. Война между семьями мафии ведет к бесполезной резне, ослабляющей ее, замедляющей движение к завоеванию тайной власти в обществе.

Провозгласив себя *капо дей тутти капи*, дон Сальваторе Маранзано сам подписал свой смертный приговор.

Очень ловко Чарли Лаки Луччиано довел до сведения всех, что прежде всего Маранзано постарается с помощью фанатически преданных мафиози расправиться с еврейскими бандами. Уже давно дон Сальваторе требовал, чтобы каждый его мафиозо обязательно носил на шее золотую цепочку с распятием. Да и сам он часто носил огромную булавку в виде распятия.

Первым в крестовый поход отправился Лаки Луччиано, сопровождаемый Мейером Лански и Мики Мирандой, одним из лучших его оруженосцев. Он решил прощупать почву среди мафиози и начал с Питтсбурга. Сальваторе Кальдероне, главарь сицилийской мафии в Пенсильвании, встретил его по-братски и сразу же, не дав ему даже открыть рот, стал яростно ругать Маранзано. Необходимости убеждать его в чем-либо не было. С ним договорились тут же.

В Кливленде и в штате Огайо делами мафии занимался Фрэнки Милано, которого пришлось довольно долго уговаривать, столь велик был его страх перед старым доном. Однако его помощники Скализе и Моз Далитц убедили его, что предложение руководителей синдиката сулит им новые большие выгоды.

Капоне дал знать, что он кренко держит Чикаго в своих руках.

Санто Траффианте во время короткой встречи в Нью-Йорке заверил Чарли, что в его вотчине в Майами, так же как и повсюду во Флориде, не намерены слишком долго подчиняться какому-то школьному учителю, надоевшему всем своими поучениями, от которых давно уже нет никакого проку.

Что касается семей, поддерживавших Маранзано, то несколько человек все же склонялись в пользу Луччиано. В их числе был и Томми Луччезе, который полностью перешел на его сторону. Том Петрелли

пробил как бы брешь в стройных рядах семьи Гальяно. Но даже сам главный инициатор крестового похода не знал, чем объяснить тот факт, что Джо Бананас пожелал быть среди его сторонников. Поскольку Альберт Анастасиа, получивший должность лейтенанта в семье Мангано, поклонялся ему, как божеству, его позицию в самом сердце бастиона Маранзано трудно было переоценить, если учесть, что его друзья Джонни Торрио, Датч Шульц, Бухалтер тоже имели неплохие связи.

Все считали, что необходимо ликвидировать Маранзано. Чтобы не допустить каких-либо нежелательных последствий, которые мог бы повлечь за собой столь серьезный шаг, и избежать новой пескончаемой войны, союзники из других штатов начали подготовку к физическому уничтожению устаревших и всем надоевших донов, которые с оружием в руках преграждали путь всем инициативам, обещавшим новые доходы.

Только тот, кто не знал Маранзано, мог поверить, что он утратит бдительность и будет поживать на лаврах. Страх перед возможным нападением на его людей и на него самого заставлял Маранзано проявлять крайнюю осторожность. Когда его верные «усатые папашы» донесли ему о перемещениях Лучиано, ему все стало ясно: Лаки собирается повторить святотатственный поступок, совершенный им в отношении своего собственного капо дона Массериа, но обставить это таким образом, чтобы не вызвать нежелательную реакцию со стороны традиционных главарей семей. Основываясь на своем знании классических ситуаций, Маранзано понимал, что лучше атаковать первому, чем находиться в обороне. Джо Валачи ознакомился со списком, в который были внесены шестьдесят человек, подлежащих немедленному уничтожению. В самом его начале красным карандашом были подчеркнуты имена Лучиано, Костелло, Дженовезе, Анастасиа, Шульца, Джо Адониса, Мангано, Аль Капоне. Следует заметить, что дон Сальваторе настолько презирал евреев, что счел не заслуживающими внимания Бухалтера, Лански, Левина, Рильза, Голдштейна и ряда других. И он сильно просчитался.

Как не раз повторял Лучиано: «Чтобы взять что-либо у евреев, необходимо в первую очередь научить-

ся принимать их всерьез». Первое время Маранзано наставлял своих лейтенантов по старинке:

— Дети мои, нам скоро придется взяться за оружие и хорошенько поработать.

В дальнейшем он решил, что главное, к чему следует прибегать в ходе предстоящих событий,— это к хитрости:

— Я должен убрать нашего главного врага, но тот, кто это сделает, будет не из наших.

И в этом дон Сальваторе остался верным своему обещанию, сделанному мафиози всех семей: «Кровь не прольется между нами». Его выбор пал на молодого американца Винсента Колла, родившегося в 1908 году в Нью-Йорке, в квартале столь печально известном, что полицейские прозвали его «Адская кухня». Там, выйдя из исправительной тюрьмы, он получил первые навыки обращения с оружием и новое звание в армии преступности. Впоследствии он не раз снова оказывался в тюрьме, большей частью в сопровождении своего брата Питера. Не знающий пощады, заслуживший прочную репутацию наемного убийцы, он в конце концов получил кличку Бешеный пес.

Маранзано пригласил его к себе и изложил свое предложение. Колл предложение принял, запросил тридцать пять тысяч долларов наличными и, улыбаясь, добавил:

— У меня в кармане всегда есть чем избавить от удачи самого удачливого. Считайте, что ваш Лаки Лучиано даже не родился, потому что для меня он уже мертв.

Со своей стороны потенциальный покойник тоже не сидел сложа руки. Он знал, что Маранзано постоянно окружен безгранично преданными ему телохранителями. Достать его, никогда не расстававшегося с охраной, можно было только ценой собственной жизни. Поэтому Лучиано пришлось очень тщательно продумать план нанесения удара. Выход, сам того не ведая, подсказал Мейер Лански, когда решил посетить на изводившие его всякого рода финансовые проверки:

— Эти мерзавцы из финансового контроля думают, что им все позволено. Вчера они опять приперлись ко мне, опять новенькие, растолкали охрану у входа, сорвали входную дверь и дверцы на шкафах, выбросили

все из ящиков и конфисковали все, что хотя бы отдаленно напоминало расчетные ведомости. Ты не можешь себе представить, какую неразбериху и беспорядок они мне устроили...

Лаки Лучиано неожиданно оживился:

— Повтори-ка, что ты сказал, мой старый Мейер... А скажи, как они выглядели, эти типы?

Мейер Лански ответил не задумываясь:

— Ты наступаешь мне на большую мозоль, Чарли. Все они были, как и я, евреи. Ведь ты и сам знаешь, что у администрации евреи пользуются хорошей репутацией. Они свободно оперируют с цифрами. Из них получаются прекрасные бухгалтеры и счетоводы.

— И твои охранники их пропустили?

Мейер пожал плечами:

— Тебе хорошо шутить! У каждого в одной лане пистолет 38-го калибра, в другой — блестящая бляха агента финансового управления. А ты бы хотел, чтобы мы их ишленили для округления счета?

— Нет! Конечно, нет. Я даже рад, что вы их не тронули, этих субъектов. Ты даже представить не можешь, как это меня устраивает...

Когда Сальваторе Маранзано все подготовил, он назначил встречу Винсенту Коллу в зале ожидания большого центрального вокзала. Там его соответствующим образом проинструктировали. На следующий день в 14 часов к Маранзано должен был прийти Сальваторе Лукаша. На встречу с доном его преемник не позволит себе опоздать... Коллу остается только взять его на мушку. Главное — не промазать. Столь абсурдное предположение вызвало у Колла улыбку, которая позволила ему лишний раз продемонстрировать свои прекрасные белые зубы.

Телохранители Сальваторе Маранзано знали о готовящемся покушении: это нужно было для того, чтобы создать Коллу соответствующие условия. Среди них особым доверием пользовался один, бывший боксер Джироламо Сантукси, выступавший на ринге под именем Бобби Дойл. Вряд ли кто-нибудь может сказать, что произошло с Бобби Дойлом, по голове которого так долго колотили его соперники по рингу. Важно то, что он отправился к Лаки, чтобы извиниться, что он забыл ему бога и раскрошил зубы на Статен-Айленде. Он рассказал о деталях намечаемой

операции. Чарли Лаки с благодарностью принял к сведению ценную информацию, и Бобби Доил перешел в его лагерь.

Памятным днем, о котором пойдет речь, стал день 10 сентября 1931 года. Начиная с 13 часов 30 минут Маранзано находился в холле своей конторы на Парк-авеню, 230. Он сидел на диванчике, обитом «чертовой кожей», поглаживая круглое колено своей секретарши Грейс Самюэкс и давал последние наставления пятерым телохранителям:

— Луканна придет в сопровождении Дженовезе... Если Коул окажется недостаточно проворным, чтобы уложить сразу обоих, вы не вздумайте вмешиваться. Джиросламо спрячется в нижнем зале, он не даст уйти ни Луканна, ни Дженовезе. Я могу положиться на него.

В 13 часов 45 минут дверь в контору отворилась так стремительно, что достать свои кольты смогли только двое самых проворных телохранителей. Запыхавшийся Томми Луччезе уснокоил их жестом, потом взял за руку Маранзано, который уже успел подняться с диванчика.

— Мне необходимо сообщить тебе кое-что срочное... Том Гальяно замышляет странные дела...

Маранзано в раздражении начал орать на него:

— Я занят... Катись отсюда... Я вернусь часам к пяти.

Но Луччезе не отпуская его руку.

Дверь вновь распахнулась. В комнату буквально ворвалось четверо людей, трое из них с пистолетами в руках. Четвертый размахивал карточкой в целлофане, на которой виднелся полицейский значок.

— Агенты федеральной полиции... Финансовый контроль. Всем оставаться на местах.

Луччезе показал на Маранзано и отпустил его руку.

Трое «агентов» выстроили телохранителей у стены, разоружили их, затем окружили дона Сальваторе, подталкивая его к дверям кабинета.

— Не беспокойтесь, если все в порядке и нет ошибок...

Ошибок не было.

Едва только двойные, обитые железом двери закрылись за ними, четверо убийц, отойдя от Маранзано на некоторое расстояние, достали ножи с длинными

лезвиями. Огорошенный, с вытаращенными глазами, он, безусловно, испытывал в этот момент еще большее отчаяние, чем его любимый герой Юлий Цезарь, узнавший о предательстве Брута. Он завопил. Окружавшие его люди, которые намеревались его прикончить, принадлежали к самой ненавистной для него расе. Сомнений не было — это были евреи. Первым ударил Рильз, затем Левин, но его кинжал скользнул по ребру. Он грязно выругался, так как поранил пальцы, вытаскивая нож. Ирвинг Голдштейн трижды вонзил свой нож в грудь Маранзано, который тут же рухнул на спину. Багси Сигел в молчании склонился над ним. Кончиком ножа он резким движением полоснул по правой стороне его лица у самого подбородка.

— Это напоминание о Лаки, подлюга! Он просил меня передать, что это тебе от бамбино...

Дон Сальваторе так взвыл, что Багси перерезал ему горло, отпрыгнув в последний момент, чтобы на него не попала хлынувшая кровь.

— Свинья,— выругался Сигел.

— Похож,— усмехнулся Рильз, выпустив на всякий случай две пули в голову и две туда, где у Цезаря мафии должно было находиться сердце.

Все четверо спокойно вышли.

— Дело сделано,— сообщил Багси Томми Луччезе, направляясь в прихожую.

Томми метнулся в кабинет, убедился в смерти дона Маранзано, вернулся и обратился к телохранителям, стоявшим неподвижно у стены вместе с Грейс Самюэлс:

— Отпустите девчонку... Если вы захотите подыскать ей работу, позаботьтесь о ней, но сделайте это так, чтобы полицейские в один прекрасный момент не смогли ее обнаружить.

Бывшие телохранители окружили кричащую девушку и без лишних слов все вместе устремились к выходу.

Томми Луччезе все еще не мог поверить, что план удался, что все закончилось так быстро и успешно. Для очистки совести он еще раз вошел в кабинет Маранзано, чтобышний раз убедиться в этом. Старый дон не шевелился. Кончиками пальцев, чтобы не вымазаться в крови, Томми Луччезе внимательно обыскал труп, нашел черную записную книжку, с ко-

торой покойный никогда не расставался, как, кстати, и с внушительной пачкой долларов. Под рукой зашуршали многочисленные дешевые медальончики с ликами святых, пришпиленные булавками к подкладке его куртки.

— Жалкий дурак, помогли они тебе чем-нибудь? — спросил он с сожалением. И вдруг, словно спохватившись, что он сказал не то, Томми быстро перекрестился.

Когда он выходил из кабинета, то нос к носу столкнулся с Бобби Дойлом. Этот боксер примчался с пистолетом в руке, чтобы в случае необходимости самому прикончить хозяина. Мало ли что могло случиться?

Томми выпроводил его.

На лестнице Бобби Дойл заметил поднимавшегося в контору Винсента Колла, пришедшего в условленное время, чтобы выполнить задание и прикончить Лаки Лучиано. Бобби застыл в нерешительности. Если он пристрелит Колла, то Лаки будет ему за это всегда благодарен. Но репутация Колла, его вопрошающий взгляд, с которым столкнулся Дойл, завывание полицейских сирен — все это заставило его в сотые доли секунды изменить свое решение. И вместо того, чтобы пристрелить наемного убийцу, Дойл начал его горячо убеждать:

— Быстрей... быстрей... надо срочно сматываться... Маранзано уколошили. Тебя больше ничего не держит... Сейчас здесь будет полиция.

Колл медленно, на каблуках развернулся и с демонстративной неторопливостью начал спускаться по лестнице, в то время как боксер буквально свалился в руки полиции, которая его тут же арестовала. В то же время Винсенту Коллу, шедшему не спеша, удалось миновать полицейских и выйти на улицу без всяких помех.

Сообщение о смерти Сальваторе Маранзано передали спустя пятнадцать часов все крупные радиостанции, что, как и задумал Лучиано, автоматически послужило сигналом к началу великой чистки. Резня началась вечером 10 сентября и продолжалась до раннего утра следующего дня. Эта ночь оставила свой след в истории преступности под названием «сицилийской вечерни».

Человеком, на которого возлагалась ответственность за проведение этого кровавого мероприятия, был не кто иной, как Луис Бухалтер. Ему помогали отряды Сигела и Анастасиа. Важная роль принадлежала также Джеку Эллоту, Питсбургу Филу, Хэни Мойноу и их автоматическим «томпсонам». Авторитетные свидетели утверждают, что в эту ночь не менее сорока «усатых папан» не вернулись домой, так и не узнав, что от них требовала новая обстановка, не понимая, что расизм в мафии изжил себя.

Объективности ради следует признать, что Лаки Лучиано постоянно отрицал события этой ночи. Он, несомненно, понимал, что они уж слишком вопиющи. В своем «Завещании» он пишет:

«Целую кучу этих типов ликвидировали еще до того, как прикончили Маранзано, и это составляло часть задуманного плана. Но все ужасы ночи «сицилийской вечерни», которые расписывают журналисты, в большей своей части, особенно в деталях, вымышлены. Каждый раз, когда кто-нибудь пишет что-то об этом дне, перечень пополняется новыми данными. По последним подсчетам, с которыми мне удалось ознакомиться, речь идет уже о пятидесяти жертвах. Но самое удивительное, что никто не может назвать имена тех, кто не пережил ночь после убийства Маранзано.лично я не знаю ни одного влиятельного лица из сообщества Маранзано, будь то в Нью-Йорке, в Чикаго, в Детройте, в Кливленде или еще где-нибудь, которое бы позволило себя укокошить, чтобы освободить место кому-то другому. Это не имело смысла просто потому, что нужно было всего лишь сказать им правду, сказать, что Маранзано был убит только для того, чтобы положить конец резне. Чем все и закончилось».

Но тем не менее представляется очевидным, что лучшим способом остановить кровопролитие было его прекращение в соответствии с правилами преступного сообщества, что и сделал Лаки, отказываясь взвалить на себя ответственность за это, отрицая установленные полицией факты, доказывающие, что именно он захотел очистить поле деятельности, ликвидировать последних сторонников устаревших методов, не отвечающих интересам большинства членов синдиката.

Ночь «сицилийской вечерни» действительно имела место — таково мнение Ральфа Салерно, следователя нью-йоркской полиции, и Аль Скотти, следователя Бюро по борьбе с рэккетом, с которыми авторы долгое время беседовали. По их словам, за эту ночь было уничтожено сорок человек. «Это своего рода государственный переворот, — говорили они, — «молодые волки» присвоили себе, таким образом, контроль над организацией. Для осуществления этой операции Лучиано пользовался помощью Лепке Бухалтера, главаря самой известной банды, занимавшейся рэккетом готового платья и успешно осуществившей устранение всех старых главарей, некогда прибывших из Италии. Это называли «сицилийской вечерней» потому, что за одну ночь было убито сорок человек...»

В своей защитительной речи Лучиано утверждал, что никто не может назвать имена людей, убитых ночью, последовавшей за смертью Маранзано. Хотя мы и не намерены восстанавливать весь список, в чем, собственно, и нет нужды, назовем только одного из них, и не случайно.

Ночью, которая наступила вслед за убийством Маранзано, погиб тот, о ком почти не упоминали. В эту ночь был убит хозяин ресторана «Пуова вилла Тампаро» в Конн-Айленде Джерардо Скарпато. Он был убит двумя выстрелами из кольта 38-го калибра. Пули явно не случайно попали ему в глаза. Нет сомнений, что в день убийства Джо Босса он мог увидеть слишком многое в своем заведении, и лучше ему было действительно уйти на рыбалку, как он и собирался сделать.

Он, без сомнения, стал в эту ночь жертвой «сицилийской вечерни», и одновременно его можно считать последней жертвой войны кастелламмарцев, которая унесла около двух сотен жизней. Полицейские не уставали рукоплескать, считая выстрелы и доллары, получаемые за то, чтобы им не удалось ничего ни увидеть, ни услышать. Их работа делалась сама собой.

БЕСПОЩАДНАЯ ДУЭЛЬ ТОМАСА Е. ДЬЮИ И ЛАКИ ЛУЧИАНО

Итак, некогда маленький, жалкий паренек из Леркара-Фридди, теперь в возрасте тридцати пяти лет, возглавил самую фантастическую преступную ассоциацию в мире. Следует отметить, что его отличала определенная скромность. Он постоянно заботился о том, чтобы никто из членов организации не захватил в ней единоличную власть, не стал диктатором. В том числе и он сам.

После того как дона Сальваторе Маранзано с почестями предали земле и могилу его украсили венками прибывшие на похороны в «кадиллаках», как и соответствовало их рангу, гангстеры, главари различных преступных объединений собрались в Чикаго, куда их пригласил Аль Капоне, чтобы отпраздновать освобождение от деспотической власти, господствовавшей в мафии, и отметить начало нового, либерального режима.

Естественно, что мафия продолжала быть грозной силой, но, сотрудничая с еврейскими, неаполитанскими, ирландскими, немецкими шайками, помимо своих внутренних законов, она вынуждена была теперь подчиняться законам, общим для всех.

В Нью-Йорке в то время существовало пять семей мафии. Лаки Лучиано, как истинный сицилиец, остался доном семьи Массериа. Джозеф Бопанно, Джозеф Профачи, Винсент Мангано, Гаэтано Гальяно возглавляли четыре другие семьи. Томми Луччезе осуществлял постоянную связь с девятнадцатью крупными семьями мафии, разбросанными по другим районам Соединенных Штатов Америки. Таким образом, Лучиано был не более чем обыкновенным доном, равным среди равных, что устраняло основную причину воз-

пикавших ранее конфликтов из-за власти. Оставаясь в тени, умудренный опытом Джонни Торрио снабжал его полезными советами.

В Чикаго Мейер Лапски горячо настаивал на том, чтобы совещание не заканчивалось, пока все его участники, оставаясь свободными в выборе решений, не почувствуют себя объединенными, связанными добровольно взятыми на себя обязательствами. Он предложил образовать новый «сицилийский союз». Лучиано сухо отклонил это предложение, сказав, что с сицилийскими глупостями покончено. По его мнению, название «синдикат» не подходит, поскольку существует много других синдикатов, которые осуществляют самую различную деятельность и находятся под его контролем. Лучиано решительно заявил:

— Это будет просто организация.

Основываясь на многочисленных свидетельствах, которые стали нам доступны, приведем высказывание специального следователя полицейского управления Нью-Йорка Ральфа Салерно:

— «На совещании Лучиано провозгласил: «Отныне никогда не будет ни главного вождя, ни высшего главы. Будет директория, коллективное руководство. Никто не приобретет в дальнейшем власти над другими, не сможет стать диктатором. Каждая группа сохранит свою полную автономию, и каждый должен будет уважать права и независимость других групп, даже соперничающих. Мы откажемся от дурацких баталлий и будем отныне сотрудничать друг с другом».

Все это предполагало возможность деятельности на принципах федерации. Каждый при этом действовал самостоятельно, по своему усмотрению, согласно собственным желаниям, но если того требовали общие интересы, то следовало либо отказаться от определенного вида деятельности, либо объединиться с другими шайками в целях большей надежности.

По существу, после смерти Маранзано и совещания в Чикаго, когда возникала конфликтная ситуация, она разрешалась путем переговоров, но без применения автоматов Томпсона. Это принципиальное решение, принятое в 1932 году, четко и неуклопно выполняется и до наших дней, то есть почти полвека спустя!

Ральф Салерно раз сказал нам: «Лучиано никогда не позволял себе грубо навязывать свою волю главарям других преступных групп. Они в свою очередь оказывали ему полное доверие, поскольку его престиж оставался непререкаемым. У него всегда спрашивали совета, прежде чем предпринять какое-либо важное дело, и в большинстве случаев принимали во внимание его мнение. Он не отдавал прямых приказов, но другие главарь рассматривали его как своего рода высшего судью, пользующегося моральным (!) авторитетом. Ведь этот человек сумел организовать их так, что они стали получать больше денег, не проливая при этом крови. Таким образом, он превратился в государственного преступника номер один Соединенных Штатов, а стало быть, и всего мира».

В эту пору Лучиано, как никогда элегантный, одевавшийся столь изысканно, что это полностью удовлетворило бы покойного Арнольда Ротштейна, поселился в «Уолдорф тауэрс» под именем Чарльза Росса. «Тауэрс» считался самым шикарным отелем Нью-Йорка, но в период кризиса те, кто располагал средствами, чтобы поселиться в нем, не страдали от перенаселения и не толкались в лифте. Поэтому дирекция закрыла глаза на то, кем являлся на самом деле господин Росс, хотя об этом достаточно красноречиво свидетельствовали многочисленные претензии уважаемых клиентов и слишком приметные телохранители этого господина.

Лучиано мог бы обойтись и без них, но Багси Сигел предупредил его:

— Ты знаешь, что Винсент Колл — Бешеный пес — получил тридцать пять тысяч долларов от Маранзано, чтобы прикончить тебя? То, что Маранзано отправился на тот свет, не только не освободило его от заключенного контракта, а, скорее, наоборот — обязало выполнить его во что бы то ни стало. Это дело чести, а Бешеный пес дорожит своей репутацией. Следовательно, он намерен с тобой расправиться. Будь осторожен...

И Чарли Лучиано был осторожен.

У него были и другие заботы. В 1932 году кризис вступил в свою высшую фазу. Отчаявшиеся американцы винили в этом весь белый свет, но в первую очередь своего президента Герберта Кларка Гувера,

неспособного управлять штурвалом корабля под названием Соединенные Штаты Америки. Так как приближались президентские выборы, организации нужно было подготовиться к тому, чтобы сыграть при этом определенную роль: надо было получить серьезные гарантии на будущее от новых властей.

Республиканская партия переживала спад, в стане демократов оставался давний приятель синдиката — Аль Смит, несший как тяжкий крест свою принадлежность к католической церкви. Лучиано уже начал зондировать почву в отношении Франклина Делано Рузвельта, губернатора-демократа штата Нью-Йорк, когда в его номере раздался телефонный звонок, вызвавший у него бурную радость. Звонил его преосвященство кардинал Догэрти из Филадельфии. Он говорил без обиняков и, обращаясь к Лучиано как правоверному католику, дал ясно понять, что в Ватикане очень надеются на поддержку кандидатуры Аль Смита, как это и было ранее. Лучиано согласился взять на себя это дело и получил благословение кардинала. Повернувшись к Костелло, который слушал разговор через отводную трубку, Лучиано пошутил:

— Лучше согласиться, чем получить пулю 38-го калибра.

Однако для мыслящих голов преступного синдиката Аль Смит, пользовавшийся глубоким уважением за его умение держать слово, не представлял собой личности, имевшей шансы на успех. Ставка на него означала огромный риск для этих игроков, привыкших всегда выигрывать во что бы то ни стало. Но с другой стороны, и у Рузвельта не было стопроцентной гарантии. Чтобы сохранить надежду на удачу, ему требовалось получить поддержку большинства в своем штате. В книге «Завещание» Лучиано вспоминал:

«Рузвельт не мог рассчитывать на то, что город Нью-Йорк проголосует за него, не заключив соглашения с Таммани-Холл, а в 1932 году лица, заправлявшие Таммани, контролировались Фрэнком Костелло и мной. Именно на это мы и надеялись. У меня было странное предчувствие в отношении Рузвельта. Я очень любил Смита, и именно его мне хотелось бы видеть президентом, но он говорил еще хуже, чем я, и мне все-таки было бы неприятно видеть вступающим в Белый дом субъекта с таким выговором, словно оп

только что выбрался из Лоуэр Ист-Сайда *. Мне тогда казалось, что Рузвельт, возможно, будет иметь некоторое преимущество перед Смитом. Я относился к нему с уважением, так как он принадлежал к высшему обществу, с представителями которого у меня наладились весьма дружеские отношения в Палм-Бич и в Саратоге и которые отличались образованностью. Но кое-что меня настораживало в отношении Рузвельта. Я рассказал об этом Костелло и Лански, но они подняли меня на смех. Костелло сказал: «Чарли, ты не представляешь, о чем говоришь. Я общаюсь с этими политиками по двадцать четыре часа в сутки и знаю их лучше, чем ты. Я тебе уже сейчас могу сказать, что господин Рузвельт, желая стать президентом, будет делать все, что хоть сколько-нибудь сможет ему помочь».

Лучиано постепенно начинал понимать смысл рассуждений Костелло и в конце концов пришел к выводу, что Рузвельт для достижения своей цели должен будет обосноваться в Таммани-Холл, а следовательно, войти в контакт с организацией.

В это время от политических замыслов Лучиано отвлекла одна нелепая история, о которой уместно вспомнить, так как спровоцировал ее человек, в отношении которого Багси Сигел справедливо заметил, что он в своих устремлениях будет идти до конца,— Винсент Колл (Бешеный пес).

Колл эпизодически выполнял задания банды Шульца. После убийства Маранзано он похвалялся, что у Чарли Лучиано, приговоренного Маранзано к смерти, нет никаких шансов спастись и что одновременно с жизнью он потеряет свое прозвище «Счастливец». Узнав об этом, Шульц заявил, что со смертью Маранзано перестали существовать «все обычаи прошлого» и что, пока Лаки не допустит серьезной оплошности по отношению к организации, он остается неприкосновенным. Шульц обещал позаботиться об этом лично.

Оскорбленный Винсент Колл незамедлительно решил истребить банду своего патрона. Для начала он попытался склонить к мятежу одного из лейтенантов Шульца, но Барелли, к которому он обратился, реши-

* Район Нью-Йорка, где проживают иммигранты, и в частности выходцы из Италии.— *Прим. перев.*

тельно отверг это предложение. Разъяренный Колл расправился с ним, а заодно и с его любовницей.

Обостряя обстановку до предела, он разместил свою контору в ста метрах от резиденции Шульца. Из оставшихся без работы после совещания в Чикаго «курков» он сколотил банду, которая совершала пиратские нападения на конвои, доставлявшие спиртное бутлегерам, грабила питейные заведения в округе, без разбора убивая при этом сопровождающих и владельцев.

Месть Шульца была чудовищна: он похитил брата Винсента, Питера Колла, хладнокровно прикончил его в районе Гарлема, а Винсенту отправил записку, озаглавленную: «Ордер на получение падали», в которой было указано место, где среди мусорных ящиков покоился труп его брата.

И без того возбужденный до предела, Винсент Колл на этот раз совершенно потерял контроль над собой. Несколько его отчаянных попыток осуществить свою угрозу провалилось. Лучиано, как и Шульц, находился под надежной охраной. Тогда он перенес свою ярость на их друзей — Оуни Маддена, Джека Даймонда и людей, входящих в состав их групп рэкета. Сражения вспыхивали то тут, то там. Снова лилась кровь... Резня достигла апогея, когда Винсент Колл похитил Георга Биг Френча Деманжа. Этот смысленый и добродушный француз организовал поставку спиртного со своих складов на островах Сен-Пьер и Микелон. Биг Френч стал большим другом и компаньоном Маддена. Колл запросил за освобождение француза тридцать пять тысяч долларов. В ответ на это Шульц пообещал пятьдесят тысяч за шкуру живого или мертвого Колла.

Ситуация стала напоминать ту, что была в пору междоусобной войны между бандами, и Мейер Лански добился проведения первого заседания высшего совета организации. На нем присутствовали: Лучиано, Костелло, Торрио, Лански, Сигел, Анастасиа, Бухалтер, Луччезе, Бопанно, а также Шульц.

Шульц, уже немного успокоившийся, по-прежнему оставался противником всякого рода вмешательства. Он напомнил, что на совещаниях, состоявшихся в Атлантик-Сити и Чикаго, четко условились о том, что каждая семья, каждая банда, представители каждого вида рэкета, входящие в состав организации, должны

самостоятельно решать вопросы в рамках своей сферы деятельности и что никто не вправе вмешиваться в их внутренние дела.

— Бешеный пес работал на меня, но он меня предал. Он убил Валери, моего человека, и еще нескольких моих друзей. Следовательно, он принадлежит мне... И я не нуждаюсь ни в чьей помощи, чтобы ободрать его паршивый скелет.

Джонни Торрио попробовал убедить Шульца тем, что Колл угрожает жизни Чарли, их «мозговому тресту», что весьма немаловажно... Шульц оборвал его, не дав закончить фразы:

— Я никому не позволю поднять руку на этого поганца...

Шульц не относился к тем личностям, с которыми можно было вести продолжительные беседы. Слово взял Лаки:

— В данном случае Шульц недалек от истины. Только он не должен забывать, что отвечает за прекращение беспорядков, парализующих нашу деятельность и дающих богатую пищу для газет. Это стимулирует активность некоторых судей, например этого чертова Сэмюэля Сибэри. Хочу напомнить, что действительно высший совет организации призван рассматривать и решать споры между членами совета, но любое решение должно приниматься большинством голосов, и ни один член совета не может уклониться от его выполнения, припятого его коллегами. Всякий смертный приговор может быть вынесен только «судом Кенгуру», который создан специально для этого. Исполнение приговоров осуществляет исключительно «Мёрдер инкорпорейтед» («Корпорация убийств»). Она находится в ведении Анастасиа, Сигела, Рильза... Что касается Колла, пусть Шульц нас немедленно от него избавит. Эта история слишком затянулась, скоро нас поднимут на смех...

Шульц, которого раздражали длинные разглагольствования, покинул заседание. Вернувшись в свое логово, он создал два отряда, поручив им травить Винсента Колла и днем и ночью. Один из отрядов, возглавляемый Джо Рао, в который входили Анатолий Гейм и Барт Лэнк, отправился 12 июля 1932 года патрулировать 107-ю Восточную улицу, где и столкнулся с Коллом, отличавшимся звериной осторож-

ностью. Вместо того чтобы скрыться, Колл на своем «наккарде» устремился им навстречу. Охотники стали дичью. Приблизившись на достаточное расстояние, Колл открыл стрельбу из своего автомата. Увы! Улица оказалась заполнена запытой игрой ребятней. Отряд Шульца, привыкший к такого рода инцидентам, тут же укрылся за стоявшими неподалеку автомобилями. Под обстрел, проводившийся по всем требованиям военной тактики, попали дети. Пятеро мальчиков были тяжело ранены, один скончался от рапы в живот.

Еще раз все газеты сравнивали Колла с бешеной собакой, которую нужно немедленно прикончить. Однако один из лучших адвокатов воровского мира Нью-Йорка, Сэмюэл Лейбовиц, взялся защищать его. Чтобы иметь возможность заплатить адвокату, Колл, все еще находившийся на свободе, совершил два вооруженных ограбления и одно похищение. Лейбовиц добился оправдания своему подзащитному. Обезумевший от радости, уверовавший в свою непобедимость, Винсент Колл, хотя и слыл женоненавистником, а может быть, именно поэтому женился на своей любовнице, хористке по имени Мотти Крайсбергер.

Желая хорошо обеспечить свою супругу, Бешеный пес решает сделать очередную долларовую выжимку из Оуни Маддена, который уже дважды позволял опустошить свой карман. На этот раз Колл пригрозил прикончить жену Оуни, если тот в условленное время не выложит сто тысяч долларов.

Просчитался Колл только в одном: он забыл, что Джо Рао, оказавшийся в дурацком положении во время событий, жив и горит желанием отомстить. Как-то, проезжая в машине по одной из улиц в сопровождении четырех «курков», Рао заметил, как Колл вошел в кабину телефона-автомата. Остановив машину, Рао выставил автомат из открытого окна и дал очередь. Надеясь спастись, Колл завопил в смертельном ужасе, прыгая во все стороны. Ему никак не удавалось вытащить свой пистолет. Джо Рао подошел к нему и со словами: «Подожди, сейчас я тебя успокою...» — нажал на курок. В общей сложности в голову и грудь Колла попало пятнадцать пуль. Скорчившись, он затих на сколках стекла. Джо Рао по

привычке петоропливо обшарил его карманы. Набралось чуть больше ста долларов.

— Немного... для заупокойной службы по бешеной собаке.

Событие могло показаться безобидным, если бы неподкупному судье (которого в Таммани-Холл не захотели поддержать как кандидата от демократической партии на пост губернатора) Сэмюэлю Сибэри не было поручено вести официальное расследование случаев коррупции среди чиновников.

На основе таких материалов, как убийство ни в чем не повинных детей на 107-й Восточной улице, оправдание Винсента Колла, расправа над ним в телефонной будке, Сибэри удалось создать себе репутацию беспощадного обвинителя. Он явно упивался разоблачением очевидных связей мэра Нью-Йорка Джеймса Уолкера с Лучиано, Костелло, Шульцем и Бухалтером. Сэмюэль Сибэри дошел до проведения серьезных расследований случаев оказания давления на высших судебных, административных и политических должностных лиц, чьи банковские счета сохраняли тенденцию к повышению, тогда как страна переживала свой худший период... На протяжении всего 1932 года он с интервалом в два дня бомбардировал Джимми Уолкера грозными обвинительными заключениями. Фрэнк Костелло с присущим ему сарказмом заметил по этому поводу:

— Этот бедняга Джимми каждое утро находит перед своей дверью бутылку молока и газету. И чем белее молоко, тем чернее касающиеся его повости. Этот сумасшедший Сибэри скоро подложит нам большую свинью. Пусть Мейер им займется и хорошенько его «подмажет».

Мейер Лански не поскупился. С истинно дипломатической ловкостью Костелло использовал свой талант, чтобы в конфиденциальной беседе убедить Сэмюэля Сибэри в том, что, кроме общепризнанной независимости суждений, ему необходимы соответствующие средства для борьбы с преступностью, этой язвой современного мира... Что немного отдыха и развлечений позволит ему с удвоенной силой вступить в борьбу. Итак, в кабинете номер 12 клуба «Кантри» он найдет сумку для гольфа с двумя миллионами долларов мелкими, уже использованными купюрами... На

следующий день судья опубликовал в «Нью-Йорк таймс» заявление о попытке всучить ему взятку. Его расследование шло полным ходом, сокрушая достойные сожаления методы, освоенные политиками.

Неожиданно под воздействием нарастающей паники Таммани-Холл раскололся на два лагеря. Джимми Хинес дал понять, что он будет поддерживать Рузвельта; глава Таммани-Холл Альберт Маринелли оставался верным экс-губернатору Аль Смиту. Адвокат М. Д. обратился с просьбой... организовать его встречу с Чарли Лучиано и Фрэнком Костелло, заявив, что у него финансовые затруднения в связи с проведением предвыборной кампании по выдвижению Рузвельта на пост президента и что в случае, если организация поможет склонить чашу весов на выборах в их пользу, многие ее проблемы смогут быть решены. Первое соглашение было заключено. Так как за услугу полагается платить услугой, то две недели спустя в своей речи в Олбани губернатор Рузвельт, возмущаясь коррупцией, царящей на всех уровнях администрации, дал ясно понять, что, солидаризируясь с усилиями судьи Сибэри, он должен тем не менее признать легковесность обвинений, выдвинутых против мэра Джеймса Уолкера и Джимми Хинеса. Таким образом, общественное мнение удалось несколько сбить с толку. Лучиано, Костелло и Мейер Лански поспешили шумно отпраздновать это событие: близок локоть, да не укусишь... Организация провела работу среди своих банд, отказала Аль Смиту в поддержке и помогла продвинуть Фрапклина Делапо Рузвельта на пост официального кандидата от демократической партии на президентских выборах.

Первой заповедью хорошего политика остается обязанность забыть не только о своих обещаниях, но и об обещаниях других. Поэтому сразу же после его утверждения кандидатом на пост президента Рузвельт потребовал от Сибэри приложить энергичные усилия к продолжению расследования в целях оздоровления обстановки и наведения порядка в нью-йоркских судебных, административных и политических органах власти.

Судья Сэмюэль Сибэри только этого и ждал. Он незамедлительно вызвал к себе зарвавшихся политиков и их сотрудников. На допросах судья потребовал

объяснить происхождение их накоплений и источников доходов.

Мэр Джеймс Уолкер сломался первым. Он ушел в отставку со всех своих постов и под руку со своей любовницей, очень привлекательной танцовщицей Бетти Комpton, отбыл на первом же теплоходе, отправлявшемся в Европу. В Америку он вернулся лишь много лет спустя...

Сразу же поднялась папика среди его ближайших соратников. Броненные шефом, стараясь сохранить свое положение и избежать тюрьмы, они наперебой рассказывали судье о самых гнусных махинациях. Продажные политики из Таммани-Холл разбежались, полицейских чиновников препроводили в тюрьму Синг-Синг, Джимми Хинес скрылся. Но и он в один прекрасный день оказался за решеткой.

Аль Смит обедает с глазу на глаз с Лучиано:

-- Чарли, ты совершил самую большую ошибку в своей жизни. Ты помог Рузвельту обосноваться очень высоко. Если ему удастся победить на президентских выборах, он не забудет тебя в своих молитвах и започлует твою инкуру, чтобы доиграть до конца свою благородную роль. Уверяю тебя: первым его важным шагом будет установление свободной и законной торговли спиртными напитками...

До Лаки наконец дошло, что он допустил крупную ошибку. Но он не растерялся и вскоре попытался ее исправить. Уже в конце 1931 года преступный синдикат начал давать отпор нововведениям, используя целый отряд опытных экспертов по палоговым делам. Дело в том, что неуязвимый Аль Капоне, которому не могли предъявить никакого обвинения, несмотря на сотню с лишним приписываемых ему преступлений, многие из которых он совершил собственноручно. Аль Капоне - гангстер, считавший себя выше закона, потерпел поражение от судьи Уилкинсона, начавшего против него дело по обвинению в уклонении от уплаты палогов. С первых же шагов Уилкинсон дал понять, как он намерен действовать: «Обвиняемый умышленно не ведет ведомости поступающих доходов, не открывает личного банковского счета, чтобы не оставлять следов поступления доходов. Он оградил себя буквально каменной стеной, и, чтобы уличить его, правительству достаточно выявить факты...»

И факты заговорили. Они были весьма красноречивы. Подсчитали число предприятий, яхт, комфортабельных автомобилей, снятых в аренду этажей роскошных гостиниц; торговцы засвидетельствовали перед судом, что Аль покупал у них обувь из крокодиловой кожи по две дюжины пар одновременно, черного, коричневого и бежевого цвета, что он платил по 150 долларов за каждую шелковую рубашку, приобрел целый склад поясов с пряжками из чистого золота, инкрустированными бриллиантами, в том числе и таких, которые не могли охватить его объемистую талию... Торговец нижним бельем, раскрасневшись от волнения, поведал судье, что Аль приобрел у него целую партию очень тонких кальсон из итальянского шелка, используемого для изготовления прекрасных дамских перчаток. После всего этого, наконец, подсчитали сумму расходов Аль Капоне. Общій итог достиг такой высоты, от которой могла закружиться голова у самого преуспевающего банкира.

В результате многочисленных судебных заседаний судья вынес приговор: «Одиннадцать лет тюремного заключения, пятьдесят тысяч долларов штрафа и тридцать тысяч за судебные издержки...» Зал суда онемел от изумления, а адвокаты Аль Капоне не стесняясь говорили, что доказательств для вынесения приговора явно недостаточно. Подали апелляцию. 3 мая 1932 года приговор был подтвержден, и некий Элиот Носс скрупулезно проследил за тем, чтобы регистрационный номер 40866 прибыл без приключений на свое новое место жительства, в мрачные казематы тюрьмы в Атланте. Комичен сам факт, что человека, носившего шелковые кальсоны, назначили подручным портного. Его заставили кроить брюки из грубой шерстяной ткани и платили семь долларов в месяц.

Лучиано всегда делал выводы из происходящего. По его приказу главарь основных видов рэкета с помощью новой армии «палачей цифр» завели декларации о доходах и предприняли ряд дополнительных махинаций, чтобы не попасться в руки этого неожиданного умелого вымогателя — налогового ведомства.

Затем произошло то, что и должно было произойти. — Франклин Делано Рузвельт стал президентом Соединенных Штатов Америки, отчасти благодаря помощи организации.

Пророчество Аль Смита не замедлило сбыться. За несколько дней до рождества новый президент поднес бутлегерам «ядовитый подарок», положив конец «благородному эксперименту». «Сухой закон» отжил свой век, а их ожидали довольно трудные времена, так как невозможно было сразу перестроиться.

Костелло же прекрасно вышел из положения. Оставаясь в полной тени, он тайно руководил действиями одного торговца спиртным, некоего Ирвинга Хэйма. Этот малый при поддержке некоторых влиятельных лиц сумел создать ассоциацию распределителей, акционерное общество по сбыту различных сортов спиртного, получившее исключительное право на реализацию двух сортов виски — «Хаус оф лордз» и «Кингс рансом», производимых известной английской фирмой «Уитли компани». Фил Кастел тут же начал сбывать различным заведениям свой товар, отныне разрешенный к свободной продаже, тем самым утвердив новый вид весьма доходного рэкета *.

В свою очередь Лучиано, Лански, Сигел, Адонис стали с помощью подставных лиц акционерами общества «Кэпитал уайн энд спирит», обладавшего исключительными правами на распространение лучших вин, шампанского и крепких спиртных напитков французского производства.

Якоб Бронфман, компаньон Льюиса Розенталя, взял на себя контроль над «Шенли энд Сигрэмс».

* В последующем это привело к крупному скандалу. Когда пришедший на смену Рузвельту в 1945 году Гарри Трумэн обосновался в Белом доме, он приблизил к себе в качестве главного советника генерал-майора Гарри Оуэна, близкого друга Уильяма Гелиса (он же Золотой грек). Мэр Нового Орлеана Роберт Фуэстри представил Гелиса Фрэнку Костелло, которому Гелис дал согласие стать поручителем кредита в триста пятьдесят тысяч долларов для приобретения «Уитли компани». В результате разоблачения акционеры фирмы узнали, что настоящим хозяином является Костелло. После этого распространили слух, что сделка расторгнута. Но на деле этого не произошло. В 1949 году сенатор Джозеф Маккарти обрушился на генерала, обвиняя его в том, что тот злоупотреблял своим положением в Белом доме во времена президента Рузвельта, поставляя зерно фирме «Уитли компани», тогда как в стране его не хватало. Маккарти доказал, что «Уитли» принадлежала на самом деле Гелису, Гейлу и Костелло. Гарри Трумэн был вынужден отделаться от своего советника, обвиненного во взяточничестве.

Организация также держала под своим контролем законную торговлю алкоголем, требуя от владельцев ресторанов, кабаре, почных кафе и баров, чтобы они приобретали спиртное только у нее. Такая практика сохранилась и до наших дней. Какие-то темные личности продолжают тайную торговлю алкоголем, чтобы избежать уплаты установленных налогов.

Мейер Лански тоже приторговывал через посредническую фирму «Моласка компани» алкоголем, вырабатываемым с применением патоки, что значительно снижало его себестоимость. Он проделывал свои операции тайно, скрывая это даже от своего постоянного компаньона Багси Сигела. К великому стыду Лански, вся эта жульническая затея раскрылась, как только федеральные агенты (видимо, кем-то предупрежденные) разгромили принадлежащие ему склады и помещения... Мейер Лански получил хорошую взбучку от Лучиано за то, что пытался наживаться в тайне от других, но на этом все и кончилось. Высший совет, или попросту «большая семерка», видел, что его члены постоянно совершенствуют работу своих организаций. Помимо процентов, получаемых практически со всех видов нелегальной деятельности, «большая семерка» распределила и сферы влияния на будущее.

Чарли Лаки Лучиано — контроль за проституцией; торговля наркотиками через Вито Джеповезе, capo семьи Массериа.

Фрэнк Костелло — контроль за азартными играми; право установки игровых автоматов на всей территории; через Фрэнка Эриксона контроль над всякого рода пари (на скачках, спортивных матчах и т. д.); контроль рэкета в Луизиане через Дэнди Фила Кастела; глава всякого рода отношений с внешним миром, распорядитель «смазного банка», ответственный за связь с политическими деятелями.

Мейер Лански — постоянный компаньон Багси Сигела в различных видах рэкета; управляющий «смазным банком»; постоянный советник Лучиано; финансовый эксперт преступного синдиката. В последующем — организатор индустрии гостиниц, особенно азартных игр и казино в Гаване, а также на других островах Карибского моря.

Бенджамин Багси Сигел — руководитель (вместе с Альбертом Анастасиа) исполнительной службы «суда

Кенгуру» пресловутой «Мёрдер Инкорпорейтед»; главный контролер рэкеты почтовых заведений; руководитель легального снабжения алкоголем всего Восточного побережья страны.

Альберт Анастасиа — основной инспектор портов и побережья; глава профсоюза докеров; исполнитель приговоров «суда Кенгуру», ответственный совместно с Сигелом за «Мёрдер инкорпорейтед».

Джо А. Адонис — контроль за всеми видами преступной деятельности в районе нью-йоркского Бродвея; помощник Анастасиа в организации забастовок в порту; руководитель операций по хищению грузов; специалист по кражам и нападениям на ювелирные магазины и мастерские.

Лепке Бухалтер — ракет профсоюза изготовителей текстильных и меховых изделий, хлебопекарен и булочных, кинотеатров; шантаж всех видов; вымогательство.

Так приблизительно можно охарактеризовать организационную схему деятельности преступного синдиката к началу 1933 года, после отмены «сухого закона». Разумеется, иногда сферы активности и направления деятельности членов преступного сообщества пересекались.

Необходимо отметить также, что Датч Шульц держался несколько в стороне, пытаясь сохранять своего рода автономию с определенной свободой действий. В равной степени это можно отнести и к Бенджамину Багси Сигелу, полагавшему, что ему отведена слишком скромная роль. Все это не могло не иметь последствий.

Столицей преступного синдиката оставался Нью-Йорк. А его бывший мэр, «славный» Джеймс Уолкер, вынужденный уйти в отставку после разоблачений судьи Сибэри, дабы избежать справедливого наказания, путешествовал со своей возлюбленной по Европе. Новым мэром назначили Фиорелло Ла Гардиа. 31 декабря в здании городского муниципалитета он пригласил присягу.

«Подходящая физиономия для мафиозо». — отзывался на это событие Эрнест Хемингуэй. Так оно и было. Коротконогий, светлокожий, с блестящими волосами и круглым брюшком, этот маленький бочонок немало удивлял своих сотрудников, отдавая приказы столь

резким и высоким голосом, что казалось, он неминуемо должен поперхнуться. Свое первое распоряжение Ла Гардиа проводил, стуча толстым коротким пальцем по массивному столу:

— Арестуйте немедленно всех этих мерзавцев...

Ему отвечали, что сделать это не так-то просто.

— Найдите мне хорошего начальника службы расследования и арестуйте всех этих подонков... И не старайтесь пользоваться только законными средствами.

Множеству руководителей полицейских подразделений пришлось принять это к сведению. Ла Гардиа, которого немедленно прозвали Фиорелло * («У этого типа кличка, как у крапа», — ворчал Лучиано), требовал, чтобы ему добыли шкуры Фрэнка Костелло и его компаньона Фрэнка Эриксона. Почти ежедневно он обращался по радио с призывами. Слова: «Надо избавить город от этих паразитов» — стали его девизом.

Лейтенант Маклоглин, которому поручили эту трудноосуществимую миссию, рассказывал о своих столкновениях с этими господами, которых для начала надо было выселить из «Уолдорф Астория», чтобы заставить их забеспокоиться:

— Сначала я разговаривал с ними вежливо. Это тут же подействовало на Эриксона. С тех пор я его ни разу не видел. С Костелло все обстояло иначе, он продолжал появляться ежедневно. Каждый раз я ему ясно говорил: «Послушайте, вы же знаете, что у меня приказ. Вы не должны больше приходить сюда» Это не имело никакого эффекта. Глядя на меня, он отвечал без всякого смущения: «Завтра вы меня больше не увидите». Этот маленький спектакль повторялся некоторое время. Каждый день он меня заверял, что завтра его не будет, но опять был там. Однажды я не выдержал: «Слушай, мерзавец, если я еще раз увижу твою поганую рожу, ты свое получишь. Я тебе сказал, чтобы тебя здесь больше не видели». Он продолжал стоять с невозмутимым видом. Все-таки я в то время был неопытным юнцом, тогда как он уже успел стать большим заправилкой. Он ограничился тем, что

* Fiorello — в переводе с итальянского означает «цветочек». Это именно в память о Ла Гардиа известный саксофонист Сидней Биннет сочинил спустя тридцать лет мелодию, обшедшую весь мир, — «Цветочек».

посмотрел на меня, как обычно, и сказал, что завтра его здесь не будет. Двадцать четыре часа спустя он вновь был там.

Фиорелло Ла Гардиа все пронзительнее выкрикивал свои проклятия. Наконец, доведенный до ярости, он предпринял прямую акцию против Костелло, главая огромной армии «одноруких бандитов», как стали называть его игровые автоматы. «Однорукие бандиты», которых насчитывалось уже более двенадцати тысяч, продолжали совершенно безнаказанно выплевывать свои ментоловые конфетки в обмен на миллионы долларов. Все это делалось под прикрытием судебного решения, вынесенного судьей Верховного суда Селом Стронгом. Решение запрещало сотрудникам полиции изымать безобидные автоматы, которые всего лишь раздавали ментоловые конфетки. Наглядный пример того, что «смазной банк», как это ни парадоксально, позволял наживаться и весьма уважаемым людям.

Поэтому, когда новый мэр Нью-Йорка отдал полиции распоряжение действовать, не обращая внимания на предписание судьи Стронга, граждане полагали, что дело ограничится болтовней и, более того, что это просто отвлекающий маневр.

Их ждал большой сюрприз.

Ла Гардиа собрал работников радио, хроники, прессы и перед остолебеневшими представителями средств информации напялил на свою голову пожарную каску и вооружился топором. Цветочек лично сломал с полдюжины «одноруких бандитов». Более сотни других, изъятых из различных мест, были сброшены в Ист-Ривер.

Не веря в происходящее, Фрэнк Костелло воскликнул:

— Ну и времена. Действительно сплошное беззаконие...

Костелло решил предпринять свои меры. Для начала он припрятал игровые автоматы на сумму более миллиона долларов в секретных хранилищах, оставшихся после «благословенных» времен бутлегерства. Затем отправился в Луизиану к своему старому приятелю Хью Лонгу, с тем чтобы сменить обстановку и бросить своих «одноруких бандитов» на завоевание новой империи. Уж на юге-то им раздолье! Именно в

Новом Орлеане появились самые первые симптомы существования мафии, каморры, а затем и «сицилийского союза». Впоследствии эти формы организованного гангстеризма еще более укрепились. Но это было ничто по сравнению с оригинальным режимом, установленным не менее оригинальным губернатором штата Луизиана.

Нелегко придется всякому, кто пожелает нарисовать точный портрет Хью Лонга. Он не скрывал своего крестьянского происхождения, но был принят тем не менее в высшем обществе, находившем особенно пикантным контраст между его неотесанностью и изысканностью их патрицианских жилищ. Закоренелый почитатель спиртного, он приводил в восторг трезвенников. Он решительно и публично заявил, что будет первым диктатором Соединенных Штатов и растопчет безвольную демократию, дабы раздать народу накопленное корпорациями добро. Его политическое кредо можно сформулировать в нескольких словах: «Я запрещаю любому гражданину иметь доходы, превышающие миллион долларов в год. Излишки будут распределяться поровну между всеми».

Во время избирательной кампании при встрече со своим конкурентом в самом шикарном клубе, «Сэнд понт», ему ничего не стоило публично помочиться под ноги ошеломленному сопернику со словами: «Вы — стена, которая не устоит под моим натиском». Так оно и вышло. В 1928 году Хью Лонга избрали губернатором штата Луизиана. Затем ему удалось добиться избрания сенатором еще до истечения срока полномочий на посту губернатора. Поклонники дали ему прозвище Зимородок *, очевидно, за его умение выходить сухим из воды; еще его звали Кингфиш, что означает на арго «главарь». На самом деле главарем он стал после того, как начал частенько посещать во время своих затяжных загулов одну забегаловку в Нью-Йорке, принадлежащую Фрэнку Костелло. Старый лис «большой семерки» быстро сообразил, что в интересах синдиката неплохо бы иметь на руках такой козырь. То, что тот не откажется от участия во всякого рода махинациях, у Костелло сомнений не вызывало. Чтобы удостовериться в этом окончательно,

* Зимородок — птица, питающаяся рыбой.— *Прим. перев.*

Фрэнк послал к Лонгу одну очаровательную девушку из числа принадлежащих к индустрии Лаки Лучиано, уроженку Венеции с золотистыми волосами Вапессу Л. Хью мгновенно влюбился. Затем все их свидания незаметно и скрупулезно фотографировали. Когда Хью передали негативы, он выбрал тот, где его мужественность не вызывала сомнений, и положил его в портфель, но не удержался, чтобы не заявить посыльному:

— Я уверен, что мой друг господин Костелло, как джентльмен, уничтожит эту коллекцию и не пустит ее по рукам.

Формальные заверения в этом он получил *.

Разумеется, Лонг имел и свои планы на этот счет. Вскоре, подобно нашествию саранчи, тысячи «однорукых бандитов» обрушились на Новый Орлеан, получив официальное приглашение от губернатора Хью Лонга развлечь его подчиненных. «Все мы взрослые, и кто предпочитает опустить свои монеты в игровые автоматы, вместо того чтобы смотреть, как они протирают дыры в карманах, имеет на это полное право...» — не колеблясь заявил губернатор.

Было организовано акционерное общество «Луизиана минт компани», а для избежания неприятностей, случившихся в Нью-Йорке, Хью Лонг позаботился о подкупе судей, с тем чтобы они признали законность мероприятия. Что они и сделали.

Фил Кастел по кличке Дэнди руководил этим делом с помощью четырех родственников Костелло (Дэдди, Джерома, Гарольда и Уильяма Гейгерманов), а также Джека Лански, брата Мейера. Эти господа объединили свои усилия в «Пеликан новелти компани», которая отпочковалась от «Луизиана минт компани», чтобы не нарушать установленных законом требований.

Из своего кабинета в отеле «Рузвельт» в Новом Орлеане Фил Кастел успешно руководил и многими другими делами. А на первом этаже Сеймур Унсс, че-

* В последующем, перед комиссией Кефовеера в 1951 году, Фрэнк Костелло вынужден был заявить, что сенатор Лонг попросил его установить автоматы на условии, что процентные отчисления будут полностью направляться в пользу бедняков Нового Орлеана. Передавали деньги, конечно, только «бедным»...

ловек Лански, наблюдал за залом, где велась крупная игра. В конце каждого месяца губернатор Хью Лонг приходил получить свою часть от общей суммы барышей, полученных преступным синдикатом в его штате. Он действовал как настоящий диктатор, но при этом ухитрялся пользоваться уважением и доверием со стороны своих подчиненных. Вот один из тысячи примеров.

Одна частная фирма, видя, что администрация штата не намерена заниматься строительством моста, сложного, дорогостоящего сооружения, призванного соединить город с озером Поупчартрейн, что стало жизненно необходимым, решила взять подряд на выполнение работ. Операция представляла интерес из-за системы пошлин за пользование мостом после завершения строительства. Хью Лонг дал разрешение на строительство, а когда работа была закончена, принял участие в церемонии открытия. После этого он приказал приступить к строительству нового моста, в двух километрах от уже построенного, за счет налогоплательщиков*, но без последующей транзитной платы. По всей длине пролетов вывесили восторженные плакаты, что лишний раз способствовало росту его популярности.

Однажды, когда губернатор Хью Пирс Лонг заставил себя посетить палату представителей штата Луизиана в «Батон-Руж», он столкнулся в холле с одним ларингологом, любимчиком городских дам, доктором Карлом Уиссом, который принялся яростно упрекать его в отвратительных замашках закоренелого демагога, а затем, исчерпав все аргументы, всадил ему в живот пулю 45-го калибра. Тут же телохранители Лонга открыли ответный огонь. Можно себе представить, что осталось от тела Уисса. Поскольку в городе продавался швейцарский сыр «Уисс», то эта ситуация дала повод для не совсем уместных шуток и сравнений. Хью Лонг умер только через сорок восемь часов, в течение которых он не переставал молить всевышнего: «Боже, не дай мне умереть, мне еще так много надо сделать...» Видимо, в бреду он путал бога с дья-

* Естественно, компания, которой поручили вести строительство нового моста, принадлежала Хью Лонгу.

волом. Ему не исполнилось и сорока двух лет, когда 10 сентября 1935 года он скончался.

Меньше чем за три года губернатор Хью Лонг получил, по подсчетам тайной бухгалтерии синдиката, три миллиона семьсот пятьдесят тысяч долларов. Благодаря ему, однако, преступный синдикат располагал хорошо отлаженной организацией, охватывавшей весь штат Луизиана. И она продолжала постоянно развиваться. Хью Лонг, отличавшийся тем, что никогда не останавливался на половине пути, долго и упорно добивался того, чтобы представить Лучиано и Костелло своего большого друга Уильяма Гелиса, он же Золотой грек, накопившего миллионы долларов и являвшегося основным махинатором генерал-майора Гарри Оуэна, человека влиятельного в Белом доме и приближенного президента.

Фил Кастел вел свои дела с удивительной споровкой. Леонард Катц утверждает, что один из судей Нового Орлеана сказал о Филе Кастеле: «Он был необычным человеком. Его нельзя было назвать красивым, он не отличался ни экспансивностью, ни особым блеском, но зато он оставлял впечатление человека поразительно умного и как делец не имел себе равных. Все, что я о нем знаю, дает мне основания утверждать, что он вполне мог бы возглавить один из лучших американских ресторанов: надо было видеть, как он вел дела в клубе «Бeverли». Все его очень цепили. Он не был снобом и не сторонился людей, как, впрочем, и братья Гейгерманы. Они пользовались уважением в округе. Они затем и приехали в Новый Орлеан, чтобы расположить к себе людей, стать их друзьями, и они своего добились». Главные заправилы организации казались многим согражданам весьма привлекательными личностями. Поддался этому чувству и судья, говоривший о Филе Кастеле, хотя он не мог не знать, что Дэнди собственноручно убил семнадцать человек, из них двух женщин, пользуясь при этом ножом, металлическим стержнем или пистолетом. Этот список могут пополнить еще двадцать имен «вероятных» жертв. При всем этом убийства не являлись специальностью Кастела и не входили в сферу его деятельности.

Наверно, имело значение и то, что в годы, следовавшие за отменой «сухого закона», американцы

считали, что бутлегеры делали доброе дело, предоставляя им возможность выпить. Вот почему и Фрэнку Костелло удалось так легко обосноваться в Луизиане, избегая преследования со стороны Фиорелло Ла Гардиа *.

Но мэр Нью-Йорка на этом не остановился.

* * *

Чиновники из федеральной налоговой службы, которых Костелло щедро «смазывал», предупредили его, что Шульцу необходимо принять меры предосторожности. Молодой помощник федерального атторнея по одному из районов Нью-Йорка, Томас Е. Дьюн, начал преследовать его. Дьюн прослыл человеком, к которому следовало относиться довольно серьезно. Ему удалось привлечь к ответственности за уклонение от уплаты налогов Джека Даймонда и самого Уэкси Гордона. Синдикат не смог помешать ему нанести этот удар. Это ли не основание для тревоги?

Лаки решил принять соответствующие меры предосторожности, окрестив себя «профессиональным игроком». Он сделал заявление, что последние пять лет его годовой доход составлял двадцать пять тысяч долларов. При этом он не переставал ворчать:

— Это не правительство, а сборище мерзавцев. Оно облагает налогом доходы, приобретенные мошенническим путем, и делает вид, что не замечает нарушения законности. У этих людишек нет ни логики, ни морали, ни правил. Они жрут в две глотки.

* Может сложиться мнение, что Фиорелло Ла Гардиа представлял собой образец неподкупности. Мы в этом не очень уверены. Так, трудно объяснить, каким образом Фрэнку Костелло в течение тех двенадцати лет, что Ла Гардиа находился на посту мэра, удавалось неограниченно заправлять делами в клубе «Рипаблкен хорес гардинг» на Ленсингтон-авеню, который был клубом Ла Гардиа. Протекцию ему обеспечивал Вито Маркантонио, известный мафиозо из семьи Томми Лучезе, одного из пяти главарей. Он был полностью предан Чарли Лаки и Фрэнку Костелло. Там запросто проигрывались миллионы, и мы располагаем доказательствами того, что Вито Маркантонио, избранный депутатом от Гарлема, пользовался поддержкой Ла Гардиа.

Таким образом, Лаки становился неуязвимым, поскольку правительство могло легально избавиться от гангстеров, лишь уличив их в уклонении от уплаты налогов.

А вот Шульц оказался в щекотливом положении. Довольно быстро молодому государственному атторнею удалось привлечь к нему внимание и объявить его преступником номер один. Газеты подхватили это определение.

К этому времени Шульцем, чье положение по отношению к синдикату оставалось на уровне независимого союзника, овладела ненасытная жадность. Он сохранял исключительное право на распределение поставок пива, рэкетирил оптовых поставщиков мяса, а также оптовиков пищевых продуктов и общедоступные рестораны. Одновременно он контролировал азартные игры, но никто не мог предъявить ему какие-либо претензии. Он был единственным, кто не гнушался извлекать и незначительную выгоду из запрещенных лотерей, проводимых в бедных кварталах, а также из лотерей «чисел». Он имел своего «Мейера Лански», которого звали Отто Берман, он же Аббадабба (название детских конфет, которые он все время жевал), чьи финансовые таланты затмевали самых изощренных в математической гимнастике лиц. Благодаря ему Шульц держал в своих руках банкиров преступного мира — Уилфреда Брандера, Александра Помпеца, Генри Миро, Джо Изона. Сумма доходов Шульца только от жалких лотерей достигала тридцати пяти тысяч долларов в сутки. К 1933 году он уже имел два миллиона долларов. Под давлением Дьюи федеральное Большое жюри обвинило Шульца в сокрытии доходов за период 1929—1931 годов. Тайная торговля алкоголем, как установил суд, принесла ему 481 637 долларов и 35 центов, из которых он должен был передать в казну 92 103 доллара и 34 цента. Шульцу ничего не стоило заплатить и в десять раз больше, но к штрафу могло добавиться тюремное заключение сроком до 43 лет...

— Если бы я оставался Артуром Флегенхаймером, — любил он повторять, — газеты не печатали бы так часто мое имя на первых полосах, тогда как имя Шульц с них не сходило...

В это время его имя действительно не сходило с

газетных страниц. Шульц, против которого Дьюи добился вынесения постановления о штрафе, был вынужден скрываться у своих друзей. Он буквально метал громы и молнии, когда в одной из газет обнаружил свою фотографию и текст, в котором имя Шульц, напечатанное крупными буквами, сопровождалось не очень лестными эпитетами.

Фиорелло Ла Гардиа, как уже говорилось, не остановился, а продолжал разворачивать свои действия. Он отстранил от должности шефа нью-йоркской полиции за проявленную снисходительность по отношению к установленным случаям коррупции среди полицейских, находившихся в его подчинении, и за нерасторопность в деле очистки города от антисоциальных и нежелательных элементов.

Его заменил Льюис Д. Валентайн, основной задачей которого стало найти Датча Шульца любыми путями и средствами. В Вашингтоне в это время образовалась коалиция, в которую вошли, в частности, министр финансов Генри Моргентау и несколько политических деятелей от республиканской партии, движимых идеей нанести сокрушительный удар по преступному миру. Подталкиваемый ими, Эдгар Гувер, шеф Федерального бюро расследования, официально провозгласил Датча Шульца врагом нации номер один и направил лучших своих людей на его розыск.

С этого момента началось своеобразное соревнование между людьми Гувера и Валентайна за первенство в деле представления на суд общественности связанного по рукам и ногам Шульца.

Новому мэру Нью-Йорка Ла Гардиа с каждым днем все больше импонировал помощник федерального атторнея. К Дьюи он очень благоволил. Тридцатилетний, невысокий, но атлетически сложенный, элегантный, с небольшими и тщательно подстриженными усами, придававшими ему довольно бравый вид, с густыми каштановыми волосами, аккуратно зачесанными назад, Дьюи производил хорошее впечатление. Истинный рыцарь без страха и упрека, видевший свое назначение в том, чтобы обезглавить многоголовую гидру преступности.

Его сын, Том Дьюи, в настоящее время адвокат, рассказал нам, при каких обстоятельствах его отец

оказался втянутым в это опасное мероприятие, сделавшее его самым блистательным героем, — как он создал отряд «неподкупных», стал губернатором штата Нью-Йорк, а затем в 1944 и 1948 годах был кандидатом от республиканской партии (оба раза неудачно) на пост президента США:

— Все началось с того, что мой отец, который испытывал большое влияние своего приятеля, судьи Медайи, уступил его настоятельным рекомендациям стать помощником федерального атторнея. Судья обнаружил у отца непримиримую вражду к преступному миру убийц, контрабандистов, рэкетиров и рассудил, что молодой адвокат способен держать всех их в ежовых рукавицах. В 1931 году отец начал борьбу против организованной преступности. В эти годы волна гангстеризма и взяточничества буквально захлестнула Нью-Йорк. После истечения срока службы в аппарате федерального атторнея отец вернулся к своей адвокатской практике. Но в 1935 году, да и в последующие годы, ситуация была настолько драматичной, что общественность настоятельно потребовала от властей принятия самых суровых мер...

Чарльз Брейтель, судья Верховного суда Нью-Йорка, любезно позволивший нам познакомиться со своим архивом, вспоминал:

«Верховный суд Нью-Йорка потребовал от Герберта Лехмана, губернатора штата, назначить специального атторнея, которому будут переданы особые полномочия для борьбы с преступностью. Юристы, которым предлагали занять эту должность, отказывались, но единодушно предлагали кандидатуру Дьюи. Подверженный политическому давлению, губернатор поначалу медлил, но требования Верховного суда были так настойчивы, что он наконец не выдержал и назначил Томаса Дьюи специальным атторнеем. Тот в свою очередь организовал специальный отдел при помощи своего бывшего патрона Джорджа Медайи. Отобранных помощников Дьюи разместил в служебных помещениях, арендованных в «Уолторт билдинг». Он их хорошо знал, все они были опытными профессионалами. Их было двадцать человек, четверо выполняли обязанности заместителей Дьюи. Эти четверо работали под его началом в аппарате федерального атторнея еще в те

времена, когда сам Дьюи был заместителем атторнея...»

Вот как Ла Гардиа представил Дьюи нации при помощи радио и кинохроники:

Ла Гардиа: «Господин Дьюи, вам доверили решение трудной задачи. Вам предстоит взять население города под защиту. В чем мы могли бы вам оказать содействие?»

Дьюи: «Мне необходим отряд следователей, способных работать как никогда до этого. Они должны быть уверены, что находятся под постоянной и личной защитой мэра и шефа полиции».

Брейтель, судья Верховного суда, восхищался, вспоминая о прошлом:

— Таким образом, мы могли рассчитывать на сильную группу молодых и честных сотрудников полиции. В качестве примера приведу следующее их правило: если полицейский имел какие-либо отношения с одной из политических партий, его не принимали.

На самом деле Томас Дьюи не доверял никому из занимающих любые посты на всех ступенях полицейской иерархической лестницы. Он знал, что «смазной банк» делает сговорчивыми даже самых неподкупных, что разложение с каждым днем все больше распространяется из-за безнаказанности, которой пользуются заправилы уголовного мира.

Со своей стороны Ла Гардиа потребовал от шефа полиции Льюиса Валентайна предпринять необходимые действия для укомплектования кадров надежными людьми. В результате была образована антирэкетовая группа, в которую принимали только тех, кто успешно проходил суровые испытания.

В бюро по борьбе с рэккетом особенно выделялся Аль Скотти. Джон О'Коннэл, руководитель следователей специального атторнея Дьюи, также добился существенных результатов. Они нам рассказали, на чем основывались их новые методы:

— Как только Дьюи был назначен в 1935 году на пост, он ясно понял, что прежние методы ведения расследования полностью непригодны. Исходя из этого, мы приняли решение не предпринимать никаких акций против кого-либо из вожakov гангстеров, пока у нас не будет достаточного числа свидетелей, не только готовых свидетельствовать, но и уже связанных

свидетельскими показаниями, данными под присягой *. Итак, одна из основных проблем заключалась в том, чтобы заставить людей давать свидетельские показания. Зная о тайных связях, существующих между главарями преступного мира и продажными политиками, многие просто опасались за свою жизнь, боялись быть избитыми, похищенными или стать жертвой нападения или ограбления.

Мы старались внушить людям веру в неподкупность нашей организации, в ее честность, несмотря на всевозможное давление... Мы вынуждены были использовать в ходе расследований технические новинки, такие, как подслушивание телефонных разговоров, механику которого мы сами и разрабатывали. Телефонный шпионаж стал для нас важным источником получения доказательств... Еще одно нововведение: мы изымали деловые книги у предпринимателей, с которых преступный мир драл три шкуры. Предпринимателя просили показать порядок заполнения книг, и он должен был немедленно подчиниться. Наши бухгалтеры являлись в сопровождении полицейских и на месте производили анализ изъятых книг. Доскональный разбор записей помогал нам обнаружить следы сумм, выплаченных шантажистам. Если после всего этого предприниматель отказывался сотрудничать с нами, его привлекали к уголовной ответственности. Таким образом, он находился перед альтернативой: либо рассказать всю правду, либо отправиться в тюрьму за клятвопреступление или за отказ от дачи показаний.

Читая свидетельства непосредственных участников событий, можно представить себе масштабы террора, развернутого рэкетирами. Их засилье проявлялось во всех сферах торговли: любая коммерческая деятельность оказывалась опутанной густыми сетями преступного синдиката.

В то время как набирала обороты машина, предназначенная для уничтожения Шульца, первого из главарей, с которыми вступил в сражение донкихотствующий Томас Дьюн, обреченный отсиживать в

* Присяга в США — это серьезное обязательство. Всякий гражданин, уличенный в даче под присягой ложных показаний, наказывается тюремным заключением сроком на 5 лет. Арест проводится прямо в зале судебного заседания. Решение суда обжалованию не подлежит.

подполье. Он был прекрасно осведомлен о происходящем благодаря постоянным визитам Джимми Хинеса, лидера Таммани-Холл. Этот славный Джимми, ко всему прочему, имел свои акции во многих предприятиях Шульца.

Собравшиеся в «Уолдорфе» Лучиано, Лански и Костелло провели небольшой «военный совет». Было ясно, что помочь Шульцу они ничем не могут. Костелло заметил, что Шульц, считая себя самым хитрым, никогда, по сути дела, по-настоящему не поддерживал синдикат. Это уже пахло разрывом отношений. Лански, который был дальновидней остальных, сказал:

— В наших же интересах, чтобы Шульц оставался на свободе как можно дольше. Мы должны помочь ему скрыться, а также подыскать лучших адвокатов. Ведь, помогая ему, мы прежде всего помогаем себе, так как, пока преследуют его, оставляют в покое нас...

Эта мысль всем показалась разумной. Предложение Мейера Лански было принято. Лучиано со своей стороны дал понять Томасу Дьюи через Альберта Маринелли, что упрятать Уэкси Гордона удалось благодаря его, Лучиано, содействию.

Ответ был коротким:

— Передайте Лучиано, что я рассчитаюсь с ним за это во время судебного заседания, когда наступит его черед...

Лаки нахмурился:

— Черт возьми! Ну и циник же этот тип...

При участии Лучиано, Лански и Шульца прошла конфиденциальная встреча, на которой Шульц заявил, что он поручает своему первому лейтенанту Бо Уайнбергу руководить своей бандой со всей полнотой власти, но под контролем организации. Свою же судьбу он вверяет Ричарду Дэвису, или Дикси, как его называли друзья. Дикси, считавшийся личным другом всех боссов организации, имел славу одного из самых блистательных адвокатов молодого поколения. Скорее эпикуреец, чем гедонист, он считал высшим наслаждением для себя навещать самых очаровательных певиц и танцовщиц Бродвея. Это было очень удобно, так как подобного рода заведения контролировались его друзьями. Дикси был, помимо прочего, еще и игроком и поэтому с удовольствием отдавал свой за-

мечательный талант и отличное знание права организации целых бюро при всех нью-йоркских судах для оказания помощи преступникам, обвиняемым в организации запрещенных азартных игр или пари. В то же время этот пройдоха имел прекрасные отношения с Джимми Хинесом. Шульцу эти повадки не нравились, и он высказал свои опасения: «Я не люблю таких типов, которые пытаются усаживаться сразу на два стула», намекая тем самым, что он предпочитает людей, принадлежащих либо к клану, обязанному блюсти законность, либо к тем, кто хочет закон обойти.

Однако именно Дикси незадолго до этого консультировал Шульца, с тем чтобы тот смог таким образом поставить свой рэкет, чтобы держать под неослабным контролем всех независимых, всех посредников, всех мелких держателей пари. Последние работали в гуще самой разношерстной публики и, выманивая у тысяч мальчишек ставки, не превышающие нескольких центов, сколачивали приличные барыши.

Кандидатуру адвоката одобрил и Аббадабба Берман. Датч Шульц был удовлетворен этим решением, хотя Дикси все же и внушал ему некоторые опасения. Отличаясь чрезмерной скупостью, Шульц был огорчен первым же решением адвоката предложить сто тысяч долларов казне, чтобы погасить свою задолженность перед государством. Однако Моргентау с высокомерием отказался принять эту сумму, заявив: «С преступниками не торгуются».

Гангстер ясно понял, что на этот раз дело принимает серьезный оборот. Он опасался также действий ФБР. Люди Гувера, всегда готовые потренироваться на живой мишени, привыкли первыми открывать огонь. Их жертвам не было числа. Они шли вперед с девизом Генри Моргентау: «С преступниками не торгуются». Единственная плата, удовлетворявшая их, — смерть.

Поэтому из соображений благоразумия было решено сдать властям Олбани, чтобы, находясь в тюрьме под защитой подкупленных надзирателей, подготовить вместе с Дикси непробиваемую защиту. Когда по истечении нескольких недель Шульц счел, что все готово, он выложил залог в размере семидесяти пяти тысяч долларов и вновь очутился на свободе.

Основной целью Шульца стало избежать судебного процесса в Нью-Йорке, где общественное мнение под воздействием прессы достигло высшей степени возмущения и враждебности по отношению к людям такого сорта.

Дикси удалось сделать чудо, добившись переправки дела из Нью-Йорка в Сиракьюс, небольшой городок в штате Нью-Йорк. Досье, собранное сотрудниками Дьюи за два с небольшим года, представляло собой гору неопровержимых улик. Но эта гора родила мышь.

В апреле 1935 года, когда начался процесс, обвинение поддерживал заместитель генерального атторнея Гомера Каммингса Джон Х. Макэверс, человек честный и добропорядочный. Однако за три часа он был уничтожен атаками со стороны адвокатов Шульца, которые доказывали, что только они одни виноваты в случившемся: в течение нескольких лет они советовали своему постоянному клиенту не объявлять о налогах, так как его доходы были результатом незаконной деятельности и, следовательно, не подлежали обложению. Они издевались, злословили по поводу уже забытого бутлеггинга, который возник и мог существовать лишь как следствие пуританского закона. Получалось так, что их клиент сам оказался жертвой, причем дважды, вначале пострадав от дурных советов, которые они ему давали, а затем — от несправедливого закона. Суд принял их доводы. Шульца оправдали.

Моргентау, подталкиваемый Дьюи, немедленно подал апелляционную жалобу. Дьюи собирался тем временем раздобыть вещественные доказательства того, что за три дня до начала процесса в Сиракьюсе Шулец собственноручно в присутствии свидетелей из своей банды убил одного из своих лейтенантов, Жюля Мартэна...

Памятуя об одной сицилийской пословице, что нельзя дважды поймать голубя на одно и то же семечко, Шулец пришел к выводу, что дело нужно передать в другой судебный орган, который разберется в нем еще лучше сиракьюсского. Его требование удовлетворили. Власти штата назвали город Малон, на севере, неподалеку от канадской границы, а также точную дату — 10 июля 1935 года.

Шульц тут же отправился в этот маленький городок, тихо влачивший свое незаметное существование. Очень скоро он сделался кумиром завсегдатаев бара, каждый раз угощая присутствующих за свой счет. Он превратился в некоего богатого дона, щедро раздававшего пожертвования на нужды местной прессы, сиротам полицейских, матерям-одиночкам, обществам охоты и рыболовства. Он даже подарил городу прекрасную ультрасовременную пожарную машину. Сам мэр города Малона неоднократно приглашал его участвовать в различных местных торжествах. Однако Шульц не перестал быть скуперднем, он допустил одну большую оплошность, не сделав ни единого пожертвования местным церквям. Духовенство крепко на него обиделось и потребовало от государственных властей положить конец его гнусному влиянию, которое стало буквально разъедать городок, отличавшийся ранее тишиной и спокойствием. Дьюи не заставил себя ждать, и Шульц тотчас же очутился в мрачной тюрьме, где ему и предстояло дожидаться начала своего процесса. Местные жители, лишенные его щедрот, естественно, судачили о несправедливости и беззаконии и требовали, чтобы им вернули их благодетеля.

В такой вот атмосфере и начался второй судебный процесс над Шульцем.

Войдя во вкус, Дикси Дэвис решил повторить трюк, проделанный в Сиракьюсе:

— Господа судьи, господа присяжные, прежде всего я хочу сказать вам: в любом случае, каково бы ни было решение, которое вы примите по велению совести, даже если оно будет несправедливым, что мой клиент больше всего стремился выполнить свой долг добропорядочного налогоплательщика. Как известно, он готов внести в государственную казну сто тысяч долларов, хотя и маловероятно, что он их ей должен с точки зрения закона...

В битком набитом зале судебного заседания бездельные жители города, облагодетельствованные Шульцем, подняли невероятный шум, свистом выражая свою признательность за необыкновенную щедрость их нового кумира.

Суд присяжных обдумывал свое решение двое суток. К исходу сорок девятого часа глава присяжных Леон Шапен поднялся, чтобы объявить:

— У нас сложилось мнение, что правительству не удалось доказать, что обвиняемый должен ему хотя бы доллар налога, и, основывая наше решение на этом убеждении, мы объявляем обвиняемого невиновным...

Зал буквально взорвался восторженными криками, предвкушая количество и качество дружеских попоек, которые устроит старина Шульц...

Что касается федерального судьи Фредерика Х. Брайанта, то он не скрывал своего негодования.

Обращаясь к Леону Шапену и другим присяжным, он сказал суровым тоном:

— Ваше решение может подорвать веру порядочных людей в честность и неподкупность. Все, кто следил за этим процессом, будут уверены, что вы вынесли свое решение, основываясь не на фактах, а на соображениях, которые к ним никакого отношения не имеют. Вы должны быть удовлетворены, если только это вас удовлетворит, тем, что нанесли тяжкий удар по правосудию, поскольку оказали поддержку людям, попирающим его. По всей вероятности, они не поспеют на выражение вам своей признательности и благодарности. Что касается меня, я не хочу в этом участвовать.

Окончательный оправдательный вердикт по очень серьезному обвинению в уклонении от уплаты налогов удивил даже Дикси Дэвиса. Шульц без лишних сборов отправился в Нью-Йорк, где его, однако, поджидал сюрприз, и пренеприятный. Во время его отсутствия заправили преступного синдиката поделили между собой его владения. Отличавшийся необузданным и диким нравом, Шульц на этот раз не стал торопиться и решил придумать какую-нибудь уловку. Хитрость состояла в том, чтобы не ввязываться в открытую борьбу, заведомо обреченную на поражение, а сделать вид, что ничего не произошло. Он не стал вопить о предательстве и хвататься за пистолет. С самым естественным видом он потребовал отчета и объявил, что снова берет бразды правления в свои руки.

Шульц встретился с Лучиано, организатором всей этой операции, которого непредвиденное возвращение Шульца поставило в затруднительное положение. Хитрый Лаки, однако, выкрутился на удивление легко:

— Чтобы соблюсти твои интересы в случае длительного тюремного заключения, которого вполне можно было ожидать, и с согласия организации мы решили поделить различные секторы твоего бизнеса между несколькими нашими членами именно с той целью, чтобы никто не стал слишком влиятельным и не смог в один прекрасный день стать тебе поперек дороги. Костелло и Лански взяли на себя лотереи, «числа» и запрещенные игры; Адонис — пиво и алкоголь; Томми Луччезе и Бухалтер — рэкет мяса и транспорт; Цвиллман и Уилли Моретти опекают Джерси-Сити. Ты понимаешь?

— Как же, как же... И я в благодарность первым приглашаю всех парней на пирушку. Устрой это, Лаки, я хочу это дело вспрыснуть и все расходы беру на себя.

Так закончилось свидание; но пока Шульц пересекал холл «Тауэrsa», возвращаясь к своей машине, его убежденность окончательно окрепла: организация похоронила его заживо, и это не могло произойти без ведома Бо Уайнберга, его первого лейтенанта, полностью ответственного в отсутствие Шульца за сохранность вверенного имущества.

Шульц нанес визит своему министру финансов, Аббадаббе Берману. Счета, которые тот представил, полностью подтвердили его предположение: Бо Уайнберг его предал, бесстыдно присвоив себе большую часть, считая, что песенка Шульца спета. Но теперь-то Шульц всем покажет, что по-прежнему хозяин он. С огромными предосторожностями, избегая слежки людей Валентайна или Гувера, которые отныне не имели другой возможности прижать его, как только за убийство Жюля Мартэна, он начал с наведения порядка в секторе, который вот-вот грозил выйти из подчинения, — Джерси-Сити.

С помощью своих информаторов Шульц смог собственными глазами убедиться, что Бо Уайнберг со всевозможными хитростями проник в резиденцию Цвиллмана. Сделка была доказана полностью. Бо Уайнбергу не суждено было выйти оттуда живым.

Когда Бо выходил, из темноты перед ним внезапно возник Шульц. Бо, крепко сложенный, напоминал кетчиста. Однако даже его физические возможности не позволили оказать сопротивление неистовой ярости

Шульца, который, по словам одного из свидетелей, схватил его за горло и «с таким иступлением впился в него, что у того затрещали позвонки». Этот же свидетель помог залить тело Бо Уайнберга цементом, чтобы он уже никогда не мог подняться со дна Гудзона.

Дьюи тем не менее не собирался отступать. Его добыча ускользнула и с полной безнаказанностью совершала новые репрессии. Поэтому он вновь поднял на ноги свои отряды, хотя и испытывал давление со стороны Хинеса, «покровителя» бандитских шаяк Шульца и Дэвиса. У Дьюи возникла идея назначить помощником своего заместителя, Виктора Гервитца, одну негритянку — Юнис Картер, присвоив ей звание помощника заместителя окружного атторнея. Остроумная выдумка позволила через Юнис собирать информацию непосредственно у проживающих в Гарлеме темнокожих, весьма недоверявших белым поллицейским. Результаты не заставили себя ждать. Льюис О., один из самых заметных держателей пари на «числах», во время одного из обычных допросов, которым подвергала его Картер, доверившись ей, рассказал о том, какие насильственные меры использует Шульц, чтобы включить их в свой рэккет.

Томас Дьюи не откладывая составил обвинительное заключение, отправил своих «неподкупных» по следам Шульца и сумел арестовать одного бухгалтера. Обещая освобождение от ответственности, его удалось уговорить раскрыть секреты тайной бухгалтерии.

Казалось, что на этот раз Шульц не сможет отвертеться. Хотя он и пытался использовать свои связи с Таммани-Холл, но политики, напуганные тем размахом, который придал делу Дьюи, не решились себя скомпрометировать и покинули Шульца.

Тогда Шульц решил воспользоваться своим правом на покровительство организации и обратиться к своим соратникам с требованием уничтожить этого кровопийцу Дьюи.

В преступном синдикате мнения разделились. Сигел, Лански, Анастасия, Дженовезе высказались «за», Лучиано и Костелло — «против». Воздержался один Джонни Торрио.

— Оставим, сам сгниет, — сказал он.

— Вместе со мной, — взбунтовался Шульц.

В конце концов Анастасиа поручили изучить обстановку, с тем чтобы потом вынести окончательное решение.

В течение месяца, так, что ни один полицейский, ни сам Дьюи ничего не заметили, около тридцати наемников следило за ним круглосуточно, фиксируя все его привычки. Наконец они нашли подходящее средство. Анастасиа зажег красный сигнал.

Вот что рассказывал нам об этих событиях сын Дьюи:

— Они имели наблюдателя, которого никто никогда не видел и который каждое утро следил за отцом и отмечал мельчайшие факты и жесты, когда тот выходил из дома. Отец имел привычку обязательно заходить завтракать в драгстор на противоположной стороне улицы. Затем, допив последний глоток кофе, он шел к телефону-автомату и звонил в контору. Но вот в четверг утром, когда они решили действовать, отец был впервые в жизни настолько занят, что не пошел в драгстор, а отправился прямо к себе в бюро...

Слишком старавшиеся неукоснительно следовать указаниям Альберта Анастасиа и никогда не осмеливавшиеся проявить инициативу, убийцы даже не шелохнулись.

Узнав эту удивительную новость, Лучиано, будучи очень суеверным, увидел в этом недобрый знак и велел аннулировать «заказ» на убийство Дьюи. Руководители синдиката тотчас же собрались в «Уолдорф тауэрс», чтобы принять новое решение.

Лучиано подчеркнул, что убийство Дьюи поднимет полицейских и население против них всех. Дьюи успел стать национальным героем с тех пор как объявил войну бандам гангстеров. Лепке разделял это мнение. Костелло тоже. Анастасиа отделался шуткой:

— Мое мнение заключается в том, чтобы не иметь собственного мнения; я здесь для того, чтобы просто понять то, что еще неясно.

Датч с пропией заметил:

— Под предлогом, что с первого раза не вышло, все окончательно сдрейфили. Так вот что я вам скажу. Пустопорожние собрания, вроде сегодняшнего, мне ни к чему. Дьюи, в конце концов — это мое личное дело. Я без промедления им займусь и сведу с ним свои счета. Можете обо мне не беспокоиться...

Сказав это, он вышел. Присутствовавшие несколько растерялись. Лучиано воспользовался этим:

— Шульц свалит дурака, это ясно. Он с самого начала не хотел подчиняться нашим законам. Если дать ему волю, все полетит к черту. Этого нельзя допустить.

Повернувшись к Анастасии, он продолжал:

— Альберт, ты хотел очистить место? Я предлагаю тебе... прикончить Датча, если, конечно, все с этим согласны.

Присутствовавшие приподняли свои шляпы, более или менее проворно, более или менее явно, в знак согласия.

Только Джонни Торрио не пошевелился.

— В чем дело, Джонни? — поинтересовался Лаки.

— В чем дело? Я думаю, что вы все, а ты особенно, собираетесь совершить огромную глупость... Как только Шульца не станет, надо будет кого-нибудь другого бросить в пасть замечательному атторнею Дьюи. Кого он выберет ради продолжения своей карьеры, кого он схватит за горло, чтобы оказаться на высоте? Ты знаешь кого, Лаки? Он выберет тебя, и мне останется пожелать тебе приятного отдыха. Но ты нам нужен. Ты на честных условиях прекрасно держишь в руках организацию. С тобой все дела пошли в гору — доходы, отношения между нами. Вы делаете дьявольскую глупость. Дайте Датчу прикончить Дьюи, если у него это получится. Только он сможет вынести все последствия этого перед общественным мнением. Может быть, он избавит нас от типа, который со дня на день может прикончить нас самих...

Произнесенные мудрым Джонни Торрио слова произвели некоторый эффект, но надо учесть неудержимую алчность присутствовавших, для которых превыше всего были их личные интересы. В данном случае, если бы предложение о ликвидации было принято, многие из них присоединили бы к своему богатству часть барышей Датча.

И решение было принято.

Приговор Шульцу представили на «суд Кенгуру» в «Корпорацию убийств». Анастасия под давлением Лаки назначил руководителем операции Чарли Уоркмана, постоянного шофера Лучиано во время

крупных налетов, что было свидетельством большого доверия к нему. Баг взял с собой Алли Танненбаума, он же Пигги, которому надлежало выполнять обязанности водителя, и Мэнди Вейса как ответственного за прикрытие.

Подходящий случай подвернулся 23 октября 1935 года, когда находившийся под постоянным наблюдением в течение месяца Шульц направился со своей братией в «Палас шоп хаус энд таверн». Его сопровождали банкир Аббадабба Берман и два лучших «курка» — Лулу Розенкранц и Эйб Ландау.

Не успели они и четверти часа пробыть в «Паласе», как дверь открылась, чтобы впустить Бага и Мэнди.

Крепко стоящий на широко расставленных ногах Уоркман держал обеими руками свой «Смит-вессон» 45-го калибра. С рекордной быстротой он всадил пулю в сердце Эйба Ландау, славившегося своей расторопностью, еще две — в плечо и лоб Лулу Розенкранцу, пытавшемуся вытащить оружие. Аббадабба Берман в ужасе рухнул на стол, обхватив голову руками. Это, однако, его не спасло: Уоркман выстрелил ему прямо в затылок. Недоставало основного объекта этой кровавой расправы — Шульца.

Невозмутимый Чарли Уоркман направился в глубину коридора, ведущего к туалетам. Именно там и находился Шульц. На шум открывающейся двери он оглянулся и тут же получил две последние пули, оставшиеся в барабане. У него была сломана рука, задет бок и пробита грудь, когда ему удалось выползти в общий зал, где его и обнаружила полиция еще живым.

Его доставили в госпиталь, где инспекторы пытались выяснить у него имена палачей. Их усилия оказались напрасными. Не помог даже грубый шантаж. Шульц, обращенный в католическую веру и строго соблюдавший обряды, умолял привести священника.

Диалог был следующим.

— Услуга за услугу, — потребовали полицейские, — ты нам укажешь имена мерзавцев и тогда получишь духовника.

— Нет! Нет... Вы не имеете права... — прохрипел Шульц, — я добропорядочный христианин... Я не в обиде на них. Я прощаю... Я не хочу, чтобы у них

были неприятности, только бог им судья... Пригласите ко мне священника.

Растроганный этим, следовательно, сержант Махонни, ирландского происхождения и истинный христианин, уступил. Шульц получил, таким образом, отпущение грехов по установленным канонам и скончался с миром.

* * *

Лучиано потребовалось не так много времени, чтобы убедиться, что Джонни Торрио говорил не ради красного словца и что его советы следует ценить на вес золота. Лучиано не прислушался к словам Торрио и потому оказался беззащитным под ударами Томаса Дьюи, потеряв щит, каким служил для него до сих пор Шульц.

ФБР, нью-йоркская муниципальная полиция, полиция штата и специальные отряды налоговой инспекции — все устремились по его следам. «Мозговой трест» организации, Лучиано таким образом построил свою империю, что она напоминала коммерческий трест со сложной организационной структурой. Разделенная на огромное количество мелких ассоциаций, где ответственными являлись подставные лица, выглядевшие честными гражданами, она казалась почти неуязвимой.

Бесперебойное снабжение наркотиками, находившееся под контролем Вито Дженовезе, объем которого рос с каждым днем, осуществлялось с такими предосторожностями, что вряд ли могло быть вообще раскрыто. Это же было характерно и для алкогольного бизнеса, запрещенных игр, махинаций с рабочими профсоюзами и рэкета.

Все подчинялось приказам Лаки, зачастую даже не зная, от кого они исходят, настолько многочисленными были передаточные звенья.

Правосудию это было известно. Равно как и прессе. Для них было ясно, что главный босс — Лучиано. Прижать этого неуловимого, после того как Шульц сошел с арены, стало для Дьюи делом первостепенной важности. С небывалым рвением он преследовал его по всем направлениям преступной деятельности. Но... безрезультатно.

А справились с Лаки женщины, точнее, одна из них.

После перенесенной венерической болезни, сознательно приобретенной, чтобы избежать воинской повинности, Лучиано презирал женщин. Однако он постоянно окружал себя изысканными, элегантными девушками, чтобы затем переправлять их людям, известным своей развращенностью. Среди них были и политики из Таммани-Холл. Они первыми и пострадали.

Дьюи пришел в ярость, узнав, что его враги, ко всему прочему, отняли у него и Шульца. Тогда со свойственным ему фанатизмом он направил свои усилия в войне против преступных банд на продажных государственных деятелей. Его секретарша, госпожа Росс, поведала нам:

— Вся эта история (с Шульцем) заставила Дьюи переключиться на политическую коррупцию, что привело его в первую очередь к расследованию деятельности Джими Хинеса, которому вскоре и было предъявлено обвинение. Обвинительное заключение основывалось на выписках из банковских счетов, на фактах получения им подарков от людей, замешанных в различного рода вымогательствах, а также на фактах неоднократного участия в застольях с отъявленными гангстерами.

Разоблачение всемогущего Хинеса прозвучало как гром среди ясного неба. Скандал разразился с такой силой, что адвокат, защищавший Шульца, ловкач Дикси Дэвис, сбежал, прихватив с собой свою любовницу Хоуп Дарэ, в прошлом чемпионку по укрощению диких лошадей. Их сопровождал Джордж Уайнберг, бывший, как и его брат Бо, лейтенант Шульца.

Дьюи вынес постановление об аресте этой парочки, пообещав приличное вознаграждение. Вскоре об их местопребывании донесли, и они были арестованы в Филадельфии. Едва очутившись в камере, Дикси Дэвис пришел в полное отчаяние. Он стонал, плакал, умолял, чтобы ему позволили повидаться с Хоуп Дарэ. Блистательный адвокат, лишившись своей подруги, пал духом. Дьюи предложил ему рассказать все, что ему известно, в обмен на разрешение пребывать в ночное время в камере вместе с возлюбленной. Дикси не колебался ни секунды. Это был самый благонамеренный болтун, какого когда-либо приходилось заслу-

шивать агентам ФБР. Благодаря фактам, полученным от адвоката, Джордж Уайнберг сдался и также стал свидетелем обвинения. Эти двое сообщили все необходимые сведения, указали, где и как можно получить доказательства.

Хинес был в западне*. Дьюи начал еще усерднее преследовать Лучнано, ставшего крайне уязвимым. Выше мы говорили, что добились Лаки женщины. Сейчас мы убедимся, что это именно так.

Чтобы упростить рассказ об этом запутанном деле, мы попросили четырех непосредственных участников событий изложить их версии, в некотором роде официальные, которые мы впоследствии прокомментируем. Вот их имена: Чарльз Брейтель (судья Верховного суда Нью-Йорка), Джон О'Коннэл (глава следователей Дьюи), госпожа Росси (секретарь Дьюи) и Джозеф Кейтц (официальный представитель при профсоюзе докеров).

«С самого начала наших расследований дел о рэке-те было ясно, что Чарли Лучнано замешан в этих грязных делишках. Он посещал боссов преступного мира, жил как паша в «Уолдорф тауэрс», внушая всем страх и уважение, несмотря на свой безучастный вид

* Джимми Хинес был арестован, а затем выпущен на свободу под залог. Процесс по его делу начался 15 августа 1938 года. Он защищался как дьявол. Четверо из его сообщников предпочли признать себя виновными. Двое других, наиболее опасных, были ликвидированы «Корпорацией убийств», не успев его скомпрометировать. Оставалось еще двое свидетелей. Их показания выглядели внушительно. Адвокат Дикси Дэвис показал, что гангстер Шульц и Хинес частенько тайком совещались в отеле «Стрэйтфелд». Джордж Уайнберг признал, что он регулярно приносил в резиденцию политика его долю доходов от рэкета.

На этот раз приговор Хинесу казался пеминуемым. Но, ко всеобщему возмущению, судья Пекора объявил продолжение процесса недопустимым вследствие процессуальных нарушений. Кто осмелился бы после этого утверждать, что это снова не была работа «смазного бапка»?!

Не учли только настойчивости Дьюи. В 1939 году, после его избрания окружным атторнеем, он добивается возобновления процесса. Все шло хорошо, пока, при весьма загадочных обстоятельствах, Джордж Уайнберг не покончил с собой между заседаниями суда. Дьюи не удалось добиться большего, чем тюремное заключение Джимми Хинеса сроком на 6 лет.

и стыдливо опущенные глаза, словно он разглядывает свои лакированные туфли.

Мы поняли, что Лучиано имел связи с миром проституции, причем со «средним» его слоем. Речь идет о тех, кем обычно распоряжаются менеджеры шоу-бизнеса. Для этих целей имелось около восьмидесяти заведений, открытых двадцать четыре часа в сутки в Манхэттене и в Бронксе. Некоторым помощникам отряда следователей удавалось заполучить информацию, позволявшую предположить, что в случае задержания проституток в Нью-Йорке тотчас же задевались дела тайной организации.

Юнис Картер была единоплеменной женщиной-юристом в нашем отряде. Ей удавалось не только добывать успешнее других конфиденциальную информацию из Гарлема, но после того, как она несколько ночей провела в архивах местных судов, именно ей удалось обнаружить, что все проститутки, защиту которых в суде осуществлял определенный адвокат, каким-то образом избегали тюремного заключения даже в самых бесспорных случаях. Ей первой удалось, что называется, выманить зверя из норы: как только одна из этих девиц оказывалась в руках полиции, появлялся человек, который вносил залог, и она тотчас оказывалась на свободе и уходила в сопровождении известного адвоката по имени Эйб Карп *, который потом осуществлял ее защиту в суде. Все судебные дела были изъяты; в результате их тщательного изучения было обнаружено, что подопечные Эйба Карпа практически всегда избегали даже мизерного тюремного заключения. Удалось установить, что все это происходило благодаря прекрасно налаженной преступной организации, где каждая девушка отчисляла часть доходов в пользу нескольких главарей. Последние заставляли девушек и владельцев заведений передавать свои отчисления тому, кого прозвали «Кубышка». Деньги предназначались якобы для уплаты штрафов и для предот-

* Здесь О'Коннэл слегка заблуждается. Абрахам Карп, чьи связи с преступным миром были общеизвестны, был исключен из сословия адвокатов. В действительности он консультировал девушек о том, что они должны говорить на суде, затем организовывал их защиту адвокатом из «конторы», в которой у него были свои интересы. Он же через своих людей выплачивал залог.

вращения арестов. Согласно обычаю преступников, в случае ареста кого-либо необходимо было возможно быстрее добиться его освобождения, чтобы он не успел проговориться. Ведь если он останется в тюрьме надолго, то риск, что он начнет закладывать остальных сообщников, значительно возрастет, а некоторые признания могут позволить постепенно добраться и до верхушки организации.

Сама организация имела четкую структуру: девушки подчинялись содержателям, те в свою очередь поставщикам, а они кому-нибудь из хозяев, одним из которых был Бэтилло, бывший телохранитель Капоне. Бэтилло был настоящим убийцей. Его задача состояла в том, чтобы поддерживать спокойствие в организации. Для этого он располагал целым отрядом, настоящим полицейским аппаратом преступного мира. В случае нападения на заведение или поставщика отряд Бэтилло самыми безжалостными методами расправлялся с обидчиками. Одним из лидеров этой ударной группы считался Пинноккио, он же Томми Ле Торро, который часто оставался в тени.

Со своей стороны мы установили аппаратуру по подслушиванию на телефонных линиях всех публичных домов и довольно скоро узнали, кто есть кто и чем занимается. Без работы никто не сидел. Все члены команды Дьюи — двадцать юристов, десять экспертов-бухгалтеров, десять следователей и шестьдесят пять полицейских — были брошены на это дело и работали беспрерывно.

Основные детективы взяли под наблюдение наиболее крупных содержателей, в течение тридцати шести или сорока восьми часов следили за ними, а затем в назначенный час всех их одновременно арестовали. Однако прессу об этом в известность не поставили.

В тот же вечер Томас Дьюи собрал всех руководителей служб, приказал им оставаться на своих местах и на всякий случай не планировать на эту субботнюю ночь никаких мероприятий. Это выглядело странным, но никто не прореагировал. Все уже выбились из сил и считали, что в течение сорока восьми часов предстояло поработать больше, чем обычно. Настоящая всеобщая мобилизация на местах и под секретом.

В 20 часов 30 минут того же вечера собрали сто пятьдесят детективов, одели их в униформу, разбили

на группы по двое, причем старались, чтобы в одну команду не попадали приятели. Каждой паре выдали по запечатанному пакету, в то время как руководителям операции, собравшимся у Дьюи, неожиданно приказали:

— Немедленно отправляйтесь вместе с вашими людьми и арестуйте в 22 часа пятнадцать главарей в пятнадцати обследованных секторах.

В тот же день, 1 февраля 1936 года, был предпринят массовый рейд по восьмидесяти публичным домам. В подкрепление нам выделили сотню полицейских, которые никогда до этого не работали с нами, но считались более или менее надежными. Во время облавы надо было взять девиц и сводников, но без их клиентов. В результате переловили персонал только сорока заведений из восьмидесяти. Всю ночь их допрашивали. У нас было предчувствие, что все это в конце концов приведет нас к Лучиано... Мы хотели доказать арестованным, что наша цель состоит не в том, чтобы осудить их, а в том, чтобы уничтожить вымогательство. Удача наконец улыбнулась нам. Под утро показания стал давать один сводник. Он раскрыл структуру всей организации, объяснил, как она функционирует, в частности рассказал о своей обязанности немедленно докладывать непосредственно Чарли Лаки в случае крупных неприятностей. Это первый случай, когда было названо конкретно его имя *. Никто из нас даже и не надеялся на это).

Затем отправились за Дьюи. Он понадобился лично, так как одна проститутка указала на Лучиано как на главного хозяина синдиката разврата. Другие обвиняемые потребовали освободить их под поручительство. Однако Дьюи потребовал таких залогов, что все остались в тюрьме.

Мало-помалу некоторые девицы, преодолев свой страх, разговорились и согласились дать показания. Затем «раскололись» три содержательницы и выложили буквально все, назвав главарей этого вида рэкета:

Давид Бэттелло — официальный патрон;

* Авторы хотели бы выразить некоторые сомнения в обоснованности таких официальных заявлений. Факт, что имя Лучиано было названо такого рода свидетелями и в такой ситуации, более чем сомнителен.

Джимми Фредерико — организатор и руководитель системы;

Ник Монтана и Ральф Лигуори, возглавляющие отряды вербовщиков;

Том Пиноккио — казначей;

Эйб Уоркман — глава отдела запугивания;

Мейер Беркман — ответственный за выплату залогов.

Но во всех показаниях лейтмотивом звучало одно и то же имя — Чарли Лаки Лучиано. 1 апреля 1936 года Дьюи всем этим лицам предъявил обвинение как организаторам синдиката разврата, а вместе с ними — Питеру Балитцеру, Давиду Маркусу, Элу Уинеру, Джэку Элленштейну, Джесси Джакобсу, Бенни Спиллеру. И как разорвавшаяся бомба прозвучала последняя фраза: «Я объявляю вышеупомянутого Чарли Лучиано государственным преступником номер один в штате Нью-Йорк. Я обвиняю его в создании этой гнусной организации, недостойной рода человеческого и нашего цивилизованного общества...»

Лаки надлежало явиться и ответить на девяносто девять пунктов обвинения в принудительном сводничестве.

Великий Чарли не стал ждать и сбежал в Хот-Спрингс (штат Арканзас) в компании со своей любовницей Гай Орловой. Ник Розен информировал его о ходе событий. Оуни Мадден поспешил к нему, чтобы отвести очередной удар, так как Дьюи направил губернатору Арканзаса категорическое требование о выдаче Лаки. Но мировой судья Сэм У. Гэррет, однако, поспешил освободить его под смехотворный залог — пять тысяч долларов.

Тотчас же Томас Дьюи организовал пресс-конференцию, чтобы заявить: «Я не понимаю, как судья мог освободить этого человека под подобный залог. Лучиано признан самым крупным преступником Нью-Йорка, если не всей страны, и речь идет об одном из самых важных видов рэкета и об одном из самых гнусных преступлений, совершавшихся когда-либо». Дьюи публично обвинил губернатора Футрелла, которого журналисты окрестили «несокрушимым оплотом гангстеризма». Футрелл дрогнул и приказал арестовать Лучиано. Чувствуя, как тиски начинают сжиматься,

Чарли пригласил в свою камеру в Хот-Спрингс представителей печати:

— На фоне моего дела начинают вырисовываться грязные политические интриги. Я отнюдь не претендую на звание самого добродетельного и безупречного человека. Но никогда, повторяю, никогда я не опускался до того, чтобы способствовать проституции. Никогда я не был замешан в вещах, настолько отвратительных.

Ситуация весьма осложнилась, когда генеральный атторней штата Бейлп, который обычно без церемоний брал взятки, испугавшись напористости Дьюп, одним махом реабилитировал себя, сделав следующее публичное заявление:

— Необходимо доказать, что честь штата Арканзас и его властей не продается. Всякий раз, когда опасный преступник в этой стране хочет избежать сурового законного наказания, он направляется в Хот-Спрингс. Мы должны продемонстрировать, что Арканзас не может служить им убежищем.

Губернатор Футрелл уже не смог отказать в выдаче преступника.

Лучшано пришлось отправиться в Нью-Йорк в наручниках. Ему официально предъявили все пункты обвинительного заключения и установили размер залоговой суммы — триста пятьдесят тысяч долларов. Рекордная величина по тем временам.

Спустя некоторое время его адвокат Полакофф внес залог, и Чарли вновь обосновался в апартаментах «Уолдорф тауэрс», где Джонни Торрио организовал новое сборище с участием Лански, Сигела, Костелло, Адониса, Луччезе и Анастасиа.

Торрио не мог удержаться, чтобы не напомнить еще раз, как он был прав, возражая против убийства Шульца, которому, напротив, следовало оказывать всяческую поддержку, чтобы как можно дольше отвлекать внимание Дьюп.

Анастасиа, поднявшись, со злостью заявил:

— Как бы не так! Прав был главным образом Шульц. Уж кого следовало прикончить, так это Дьюп, иначе Чарли погорит. Я лично этим займусь. Надеюсь, моя винтовка избавит нас от этого маньяка. Я хочу сделать это для Чарли, который так много сделал для всех нас...

Чарли казался растроганным, во всяком случае, он не стал возражать против решения, предложенного верным Альбертом. Только Фрэнк Костелло в своем углу пробубнил хриплым голосом:

— Мы никогда не отказываемся от ранее принятого решения. Все мы однажды договорились, что никогда не будем уничтожать важных персон из полиции, городских властей и прессы, чем бы они нам ни угрожали. Ты же первый и предложил это, Чарли, не так ли?

Лаки с неохотой согласился:

— Я это говорил, и мое мнение не изменилось. Этот вариант надо отбросить.

— Почему ты не хочешь признать его виновным во всем, что случилось с тобой? — воскликнул Анастасия.

Это пескoлько развеселило присутствующих. Багси Сигел, любивший изображать веселого малого и Дон Жуана, разбиравшего сердца самых популярных кинозвезд и даже дам из высшего общества, позволил себе беззлобный выпад в адрес Лаки:

— Лучше признайся, что ты вляпался из-за своих подружек. Видимо, ты немногого стоил, если они все разом на тебя ополчились...

Никого, однако, эта шутка не развеселила. Если Багси и забыл, то другие помнили, что Чарли Лаки особенно раним именно в этой интимной сфере. У него даже поползло вниз левое веко, полностью закрыв черный глаз. Сигелу стало не по себе.

Лучиано не только не поддержал шутки, но навсегда запомнил нанесенное оскорбление.

* * *

Штат Нью-Йорк привлек гражданина Лучиано к судебной ответственности 13 мая 1936 года. Он предстал перед Верховным судом, где на этот раз председательствовал Филип Маккук, юрист, католик, абсолютно лишенный чувства милосердия. Он не скрывал своего отвращения при виде обвиняемых.

Томас Дьюи был возбужден. Его аккуратно подстриженные усики, казалось, были намазаны гуталином. Армия помощников передавала своему предводителю материалы следствия, сложенные в папки, как снаряды в ящики, приготовленные для артобстрела,

способного стереть в порошок всех этих негодяев. Без лишних слов, что еще больше усиливало впечатление, Дьюп разъяснил присутствующим, что, разумеется, проституция всегда существовала в Нью-Йорке, принося незначительные доходы жалким сводникам. Но однажды подручный Лучиано, Давид Бэтилло, взял весь рынок в свои руки. Он заставлял девушек заниматься своим ремеслом по двадцать четыре часа в сутки, разрушая тела и калеча души несчастных. Синдикат разврата, контролируемый Бэтилло, располагал более чем двумястами публичными домами в Манхэттене, Бруклине, Бронксе, Куинсе и Гарлеме, эксплуатируя при этом от четырех до пяти тысяч женщин и получая, только по установленным данным, более двенадцати миллионов долларов в год.

Указывая пальцем на Лучиано, атторней утверждал:

— С тех пор как Лучиано прибрал к рукам эти дела, индустрия разврата превратилась в организацию в высшей степени доходную и функционирующую с точностью хорошо отлаженного механизма. Будет доказано, что Лучиано находился на вершине этой пирамиды, воздвигнутой в Нью-Йорке. Никогда ни сам Лаки, ни кто-либо из других обвиняемых сегодня не вступали лично в контакт с проститутками и не получали с них установленной платы. Лучиано, однако, был всегда в курсе всех деталей осуществляемых операций. Мы вам продемонстрируем, какова была настоящая роль этого человека, слово которого было приказом для тех, кто заставлял функционировать индустрию разврата. Остальные обвиняемые только выполняли его распоряжения.

Хитрость Дьюп заключалась в том, что он сразу дал понять, как ему трудно с доказательствами; и действительно, у него не было никаких вещественных улик для того, чтобы добиться осуждения Лучиано, и Лаки это было известно. К тому же он был не один.

Позднее, в узком кругу, он признался, что потратил добрый миллион долларов, чтобы выпутаться из этой западни. Его адвоката, Моэ Полакоффа (друга еврейского клана и Мейера Лански), отличала редкая хитрость. Чтобы поддержать защиту, он пригласил Фрэнсиса У. Х. Адамса, который ушел в отставку после того, как унаследовал пост Томаса Дьюп в ка-

честве федерального атторнея по южному округу Нью-Йорка, и Джорджа Мортонa Леви, наиболее известного из нью-йоркских адвокатов.

Поэтому Лаки чувствовал себя весьма уверенно. Секретарша Дьюи, госпожа Росс, так оценивает увиденное: «Он вел себя нагло, уверенный в том, что в силах повернуть ход событий и что у Дьюи нет против него никаких улик. Он ни в чем не признавался и вообще напоминал верховного правителя». Его адвокат Леви в предварительном обращении к присяжным заверил, что Лаки незнаком ни с кем из обвиняемых, что он видит их в первый раз, за исключением Бэтилло, с которым он встречался два или три раза по чистой случайности. Тактика Леви состояла в том, чтобы опровергать утверждения свидетелей, доказать, что они не имели с Лаки никаких отношений, и заставить их изменить свои первоначальные заявления. Почти так и вышло.

Тогда в связи с отсутствием прямых улик против Лучиано Дьюи предпринял новую атаку, предусматривающую два момента: он доказал, что другие обвиняемые были действительно руководителями рэкета в сфере проституции, а затем — что Лучиано находился с ними в тесном контакте. В течение двух недель Дьюи демонстрировал суду невероятную вереницу проституток и содержательниц публичных домов. Выраженные, как на парад, Дженни Фэктори, Коки Фло, Мэгги Рулетт, Люси Пран Тон Тан, Лили Фуэтоз, Дебби Рафаль, Нэнси Петит Мэн, Флавия Ривьер и другие повторили под присягой свои показания о деятельности синдиката разврата. Естественно, адвокаты Лучиано потребовали отвода столь недостойных свидетелей, «хотя бы потому, что они сами замешаны в этом».

Дьюи приготовился к решительному броску и вызвал свидетелей, работавших в отеле «Уолдорф». Молодая горничная, убиравшая апартаменты Лаки, дала весьма невыгодные для него свидетельские показания. Она признала в некоторых обвиняемых (даже в тех, кого Чарли действительно никогда не видел) людей, регулярно посещавших его.

Ситуация еще более обострилась 24—26 июня, когда Дьюи нанес последний удар с помощью самых убедительных свидетельств. Милдред Харрис, жена Питера Балитцера, лейтенанта Бэтилло, содержательница

публичного дома, утверждала, что ее супруг хотел оставить ракет, но, получив отказ Бэтилло, отправился в «Уолдорф» к Лучиано, чтобы тот предоставил ему свободу, но Лаки также ответил отказом.

Впервые имя Лучиано выдвинулось на первый план.

Вторая свидетельница, Коки Фло Браун, любовница Джимми Фредерико, рассказала, что она принимала участие в важных совещаниях синдиката разврата, в ходе которых все главари постоянно ссылались на босса, Чарли Лаки Лучиано.

Третья свидетельница — Нэнси Катастроф Прессер, подвизавшаяся в Гарлеме в публичном доме Джеймса Руссо, показала, что проституцией стала заниматься с тринадцати лет и за это время была любовницей наиболее влиятельных босов: Уэкси Гордона, Шульца, Чиро Террановы, Джо А. Адониса. Нэнси утверждала также, что неоднократно навещала Лучиано в «Уолдорфе». Однако это вызвало затяжную перепалку между нею и адвокатами Лаки, наотрез отрицавшими этот факт.

В довершение всего один из свидетелей Дьюи, Фрэнк Браун, директор отеля «Барбизон плаза», от которого надеялись услышать, что он признает в Бэтилло, Лигуори, Пиноккио и в других гангстерах тех, кого видел вместе с Лучиано, заявил под присягой:

— Я, разумеется, хорошо знаю Лучиано. Он наш клиент. У меня превосходная профессиональная память, однако я утверждаю, что никогда не видел никого из тех господ вместе с ним, тем более не видел никого из них лично в нашем отеле.

Государственный атторней попытался обернуть дело в свою пользу и предъявил список телефонных вызовов, выписанных из книг в «Уолдорфе». Но они в большинстве своем были адресованы на секретные номера Чиро Террановы и Аль Капоне, а также на «Челентанос», ресторан в Лоуэр Ист-Сайде, резиденцию синдиката разврата. Это только повредило Дьюи, так как он не имел возможности доказать свои утверждения.

В тот же вечер, после судебного заседания, Лаки устроил изысканный ужин для своих адвокатов и не-

которых друзей. Гай Орлова неожиданно заплакала, а Лаки признал, что его дела совсем плохи.

На следующий день Джордж Леви ринулся на штурм, пытаясь добиться оправдания для своего подзащитного:

— Я не обвиняю Томаса Дьюи в подкупе свидетелей, однако утверждаю, что он вместе со своими помощниками сфабриковал сценарий и набрал подходящих актеров, пытаясь выдать это все за правду. Том Дьюи не представил никакого доказательства, которое могло бы привести к осуждению моего подзащитного. Он рассчитывал добиться этого осуждения только благодаря предубеждениям, истерии, шумихе в прессе, всему тому, во что заставил поверить публику этот необычайный постановщик. Он рассчитывал добиться этого на основе давних правонарушений Лучиано: он пустился в побег, он солгал, чтобы иметь возможность носить оружие. Он рассчитывал добиться осуждения потому, что Лучиано обманул, утверждая, что был только торговцем алкоголем и профессиональным картежником.

Со своей стороны Дьюи мастерски отработал обвинительную речь и направил ее против уловок защиты, напичкав неумемной демагогией и пылкостью. В заключение своей речи он в неистовом порыве ярости кричал, указывая пальцем на Лучиано:

— Этот тип клятвопреступничал с отвратительным фарисейством на протяжении всего процесса, в ходе которого, я уверен, ни у кого из вас не осталось сомнения в том, что перед вами не только профессиональный игрок, не только букмекер, но и самый большой бандит Америки.

Дьюи говорил семь часов без перерыва, и у него еще оставалось что сказать. Судья Маккук, которому надлежало завершить дискуссию, не удержался от того, чтобы не обратиться к присяжным со следующим напутствием:

— Если кто-нибудь получит деньги, добытые проституцией, даже если они будут переданы не непосредственно от занимающихся ею, или если эти суммы будут предназначены для поддержания проституции, этот человек с точки зрения закона будет считаться преступником. Преступления, которые вменяются в вину этим людям, считаются самыми гнусными и

самыми низкими, и тот, кто пытается их поддерживать или оказывает пособничество в таких злодеяниях, не имеет права занимать место среди добропорядочных граждан.

Присяжные заседатели удалились в 20 часов 35 минут в субботу 6 июня 1936 года, чтобы огласить свой вердикт только в воскресенье 7 июня в 5 часов 25 минут.

Эдвин Адерер, глава присяжных, зачитал усталым голосом:

— Лучиано признан виновным по всем пунктам обвинения.

Затем последовали обвинительные вердикты другим подсудимым.

18 июня все обвиняемые предстали перед судьей Маккуком для оглашения приговора и тот с нескрываемым удовольствием обратился к Чарли Лаки:

— Суд присяжных, мужественных и провинцательных, признал вас виновным в том, что вы возглавили заговор или преступную организацию, орудовавшую в широком масштабе в Нью-Йорке и имевшую ответвления в смежных графствах. Это дает основания признать вас ответственным как с точки зрения закона, так и с точки зрения морали в каждом акте жестокости или оскорбления, так же как и в незаконных поборах, сопровождавших их, в которых признаны виновными ваши соучастники. Я здесь не для того, чтобы читать вам нотации, поскольку вашему поведению нет никакого оправдания и нет никакой надежды на ваше исправление, а для того, чтобы объявить вам о наказании. Суд присяжных признал вас виновным по восьмидесяти семи пунктам обвинения и потому я приговариваю вас к общему наказанию от 30 до 50 лет тюремного заключения...

Лучиано, пока произносился этот приговор, самый тяжкий из всех ранее вынесенных, тем более что он был за сводничество, постарался приподнять веко, чтобы лучше рассмотреть своего судью*.

Луис Батилло получил от 25 до 40 лет лишения свободы.

Том Пиноккио — 25 лет за рецидив.

* Далее мы узнаем, как Лаки Лучиано отомстит судье Маккуку.

Джеймс Фредерико — 25 лет за рецидив.

Эйб Уоркман — от 15 до 30 лет тюрьмы.

Ральф Лигуори — от 7,5 до 15 лет тюрьмы.

Джесси Джакобсу, Бенни Спиллеру, Мейеру Беркману была назначена probation — условное осуждение.

Джек Элленштейн, Питер Балитцер, Эл Уиннер, Давид Маркус, признавшие себя виновными, получили незначительные сроки, от 2 до 6 лет тюремного заключения.

Хотя они и обратились с апелляционной жалобой, суд отказал осужденным в возможности освобождения под залог.

Естественно, судебный процесс широко комментировался. С точки зрения строгого соблюдения законности приговор, вынесенный Лучиано, был, несомненно, противозаконным, так как ни одно серьезное обвинение против него не было по-настоящему доказано. С другой стороны, свидетельства, полученные против него, вызвали бесконечные подозрения как манерой изложения, так и сомнительными достоинствами свидетелей.

Мы попросили компетентных лиц высказать свое мнение по этому поводу.

Мюррей Гурфейн (председатель федерального суда в Нью-Йорке): «Это дело обросло комом слухов, распространяемых приспешниками Лучиано, которые хотели бы заставить поверить, что против него был составлен заговор, что существовал тайный сговор между Дьюи и свидетелями... Не мы выбирали этих свидетелей. Они приходили к нам сами».

Джозеф Кейтц (официальный представитель при профсоюзе докеров): «Многие говорили об этом даже мне самому. Мол, мы оказывали давление. Это неправда. Мы использовали только те способы, которые разрешал закон. Свои свидетельские показания они подтвердили впоследствии перед апелляционным судом, затем перед верховным; ничто не могло поколебать уверенность последнего».

Джон О'Коннэл (бывший глава следователей государственного атторнея Дьюи): «Когда был поставлен вопрос о новом процессе, некоторые свидетели отказались от своих показаний. Судья, проводивший первый процесс и приговоривший Лучиано, пригласил их всех

и допросил по отдельности. Все они подтвердили, что их показания во время первого процесса были точными».

Ник Гейфес (журналист из «Нью-Йорк таймс», специализировавшийся по вопросам мафии): «Невелик труд подсказать проституткам, отличающимся непостоянством, что от них хотят услышать в суде...»

Чарльз Брейтель (судья Верховного суда штата Нью-Йорк): «Суровость приговора, вынесенного Лучиано, объяснялась желанием убедить людей в том, что с командой Дьюи шутки плохи».

Следует признать достоверным и другое. Лучиано мог получить за свои прочие преступления наказание куда более значительное. Электрический стул уже притягивал его в свои вполне заслуженные объятия. Но все-таки обвинения, предъявленные Дьюи Лучиано, были ударом ниже пояса, и в действительности наказание было вынесено на основании практически несуществующих улик.

Но Дьюи хотел получить шкуру Лучиано, и он ее получил. Цель оправдывает средства. Поговорка, которую Лучиано со своей стороны проводил в жизнь постоянно и безжалостно.

Впрочем, в своем заявлении для журналистов, последовавшем за его «подвигом», Дьюи сознавался в этом со всей определенностью:

— Разумеется, и вы это поняли, процесс не был направлен против нарушителей моральных норм. Он был направлен против рэкета. Контроль за всеми формами организованной проституции в Нью-Йорке для осужденных представлял лишь второстепенный интерес. Рэкет проституции использовался лишь как средство, которое позволило нам засадить их за решетку. Я убежден, что некоторые из основных обвиняемых по этому делу, так же как и другие преступники, находящиеся в подчинении у Лучиано, преуспевают в контроле объединений по производству паркотиков, запрещенных вещевых лотерей, ростовщичества, итальянских лотерей, укрывателей краденых товаров и некоторых индустриальных видов рэкета.

На это Лучиано вынужден был ответить:

— Естественно, я прочел заявление Дьюи от первой до последней строки... Он наказал меня за все, за исключением того, в чем меня обвиняли. Я уверен,

что ему известно о моей полной непричастности к проституции и о том, что я никогда не видел этих женщин.

Но Дьюи сам такой же гангстер, гангстер в законе: он подошел ко мне сзади и нанес удар в спину. Если бы меня судили за то, что я действительно совершил, например за соучастие в убийстве, я бы принял это как мужчину. Но с того момента, как я услышал, что сказал Дьюи после окончания процесса, во мне начало расти нечто напоминающее нарыв. В один прекрасный день этот нарыв прорвется и, так или иначе, я возьму реванш...

18 июня 1936 года Лучнано перевели из тюрьмы Томбс (Нью-Йорк) в исправительную тюрьму города Даннеморы, на самом севере штата. Он уже выполнил все установленные формальности, когда главный надзиратель ему сообщил:

— Вы прикомандированы к прачечной.

Чарли ответил довольно сухо:

— Меня самого неплохо бы запустить в машину и отстирать.

Его проводили в камеру.

Лучнано овладел собой и, день за днем, постепенно стал снова прибирать к рукам контроль над синдикатом. В глубине своей камеры он обмозговал свою месть и ошеломляющее повторное появление, которое поможет ему в один прекрасный день вновь стать первым в преступном синдикате.

Основной заботой Лаки с того момента, как его упрятали в тюрьму Даннеморы, было, как бы полнее добиться пересмотра дела. В этом он видел единственный шанс вырваться из западни «от 30 до 50 лет тюремного заключения». Чтобы реализовать свой план, он воспользовался услугами нового адвоката, Джорджа Вольфа. Он вручил ему чековую книжку, где все чеки были уже подписаны без указания суммы, и следующую инструкцию:

— Я знаю, что шлюхи вралли. Их надо найти. Это не так сложно, у нас есть подходящие люди. Когда это будет сделано, не надо их запугивать или оказывать на них давление, иначе дело обернется против меня при первой же жалобе от любой из них. Ваше дело — дать им понять, в чем их личный интерес. Время идет, и все проходит. О них скоро все забудут,

кроме меня. Но если они публично скажут правду, ничего кроме правды, они не будут иметь никаких забот до конца их поганой жизни...

Полакоффу и Вольфу понадобилось более двух лет, чтобы напасть на след Коки Флю Браун, Милдред Балитцер и Нэнси Прессер. Основные «обвинительницы» буквально испарились. Наконец в декабре 1938 года один человек из синдиката, проникший в тщательно охраняемые служебные помещения государственного атторнея Дьюи, смог перефотографировать письмо Коки Флю Браун, адресованное Солу Гелбу, одному из помощников Дьюи. Вот его содержание в общих чертах: «Девочек (речь идет о Милдред, Нэнси и т. п.) и меня крепко надули. Мы оказались идиотками, когда поверили твоему шефу. Поверили, что соглашение с вами окажется крепче бетона, а оно из папье-маше. Вам хорошо известно, что нам хотелось обосноваться здесь окончательно, но как мы можем заниматься своим делом, когда все эти ваши типы днем и ночью торчат у нас за спиной, якобы для нашей безопасности? Кроме того, платежи становятся все более и более скудными, совсем не такими, о которых мы договорились. Так большие продолжаться не может. Раз вы заключили соглашение, то и соблюдайте его. А если у нас нет ни денег, ни настоящей свободы, мы готовы сделать кое-что, что будет явно не по душе Дьюи». Письмо было отправлено из Парижа.

Полакофф связался с Костелло. Вместе они снарядили группу из гангстеров-джентльменов, принадлежавших к клану картежников, смышленных, абсолютно уравновешенных и не грубых. Их отличали наблюдательность, терпение, склонность к психологии. Они очень быстро нашли «девочек», смогли наладить с ними отношения. Вскоре девицы легкого поведения, отнюдь не напуганные, а лишь возмущенные обманом генерального атторнея, поспешили поставить свои подписи под законными документами, в которых признавали, что их свидетельские показания были сфабрикованы в конторе Дьюи под воздействием грубых угроз и обещаний, не выполненных и наполовину. Все они имели дело с непосредственными сотрудниками Дьюи, особенно с Гелбом и Гурфейном.

— У нас не оставалось выбора, — говорили они, — падо было делать, что нам говорили, либо получать

максимальные сроки за проституцию, наркоманию и оскорбление общественной морали. Иначе говоря, на нас просто не стали заводить уголовного дела, купили билеты в Европу и обещали пожизненное обеспечение.

Адвокаты ликовали, тем более что из тюрьмы Синг-Синг некий Джо Бендикс написал Полакоффу, что люди Дьюи его одурачили: он все еще в тюрьме, несмотря на обещание, что его освободят досрочно. А он ведь подписал полностью выдуманную ими историю и прочел ее в судебном заседании для обвинения Лучиано.

Перед апелляционным судом Томас Дьюи разыграл негодование. Как можно сомневаться в его порядочности? Кто его обвиняет? Висельники и негодяи! Разве он не предупреждал: синдикат разврата будет оказывать всевозможное давление на свидетелей обвинения... Пожалуйста! Все так и произошло. Неужели суд позволит себя одурачить? Разве не видно, что происходит гнусное надувательство? Следует ли выпускать из клетки хищника, посаженного на цепь в тюрьме Даннеморы, чтобы он мог продолжать безнаказанно калечить людей и в дальнейшем?

Судьи прислушались к его словам, за исключением одного, который пашел наказание Чарли Лучиано «слишком длительным, слишком суровым, просто непомерным, если учесть неубедительность представленных улик...». В результате наказание осталось в силе. Лаки Лучиано предстояло провести в тюрьме от 30 до 50 лет, иначе говоря, пробыть там до конца своей жизни.

НЕБОЛЬШОЙ РАССКАЗ О ЛУИСЕ ЛЕПКЕ БУХАЛТЕРЕ

В Даннеморской тюрьме Лучиано обосновался так, как если бы он находился в «Уолдорф тауэрс». Он вел себя как человек, который отнюдь не стремится, чтобы его видели, узнавали и беспокоили.

В этой мрачной каменной крепости нашли себе приют самые отъявленные, самые несправимые бандиты. Лучиано избавился от их назойливости с тем большей легкостью, что его репутация главного босса заставляла притихнуть тех, кто обычно не прочь был покуражиться над вновь прибывшими.

Его определили в прачечную. Поскольку он сам хотел оставаться в тени, он мог бы там прижиться, если бы не пары кипящей воды, смешанной с хлоркой, от которых перехватывало дыхание. Это заставило его подыскивать себе другое место.

Костелло сделал все, что требовалось. Некоторые надзиратели пополнили свои сбережения кругленькими суммами, а Лучиано отправился работать в библиотеку. Более того, там он узнал, что, кроме наскучивших газет, можно читать и кое-что другое. В часы досуга он теперь занимался тем, что копался в книгах, проходя своеобразный курс обучения. Будучи от природы подозрительным, он и здесь всегда считал нужным скрывать даже название прочитанных им книг.

Кроме мыслей о потерянной свободе, ничто серьезно не волновало его. Организация, созданная благодаря его способностям, по его собственному замыслу, функционировала безотказно. Изменилась лишь структура руководства созданной им империей в связи с отсутствием правителя, который теперь вынужден был отдавать свои распоряжения через министров двора.

Его выбор пал на Джо А. Адониса, с помощью которого он намеревался поддерживать постоянную связь прежде всего с семьей Массериа, а затем и с другими семьями мафии.

Поскольку он испытывал особое уважение к Фрэнку Костелло, то в конце концов именно его назначил контролировать деятельность всех банд, поступления установленных отчислений и т. д. Но главное, Костелло выполнял роль посредника между ним и Вито Дженовезе, к которому с первых же дней Лучиано питал недоверие.

Дженовезе занимался исключительно торговлей всеми видами наркотиков. И он никогда не простит Костелло, что тот перебежал ему дорогу.

Наконец, Мейер Лански, старый Мейер, всегда готовый предать его в мелочах, но не в главном, так как это было бы неблагоразумно, ведал казино и игорными домами.

Казино Лаки ценил очень высоко. Ведь легко было сделать так, чтобы они превратились в своего рода дойную корову, приносили сказочные доходы. Особенно если учесть, что американцы любят, чтобы их доили... Это Чарли понял еще в школе. Маленькие американцы играли, заключая пари по любому поводу и без всякого повода. Их отличала редкая наивность, которую они сохраняли, становясь взрослыми. Простакни, да и только.

В конце 1933 года, когда стало ясно, что Рузвельт собирается отменить «сухой закон», Лаки Лучиано всерьез задумался над вопросом о том, как вести дела в будущем. «Большая семерка» располагала внушительными фондами, огромными доходами от бутлегерства, миллионами долларов, которые должны были «работать», идти в дело, но происхождение которых должно было оставаться неизвестным.

Он поделился своими соображениями с Лански и нашел с его стороны полное понимание. В компании с Никки Джонсоном Лански проехал от Атлантик-Сити до Майами, потом изъездил вдоль и поперек Флориду, с тем чтобы вкладывать капиталы в недвижимость, в строительство отелей, в создание курортов. С той же целью он преодолел еще сто пятьдесят километров и по приглашению Диего Херреры Суареса де Айалы, его поставщика рома, добрался до Кубы.

Прибыв на место, Лански очень быстро понял, что на этом райском острове есть где развернуться, что климат здесь более устойчивый, чем во Флориде, и это будет привлекать множество богатых туристов из Соединенных Штатов, если для них будут созданы первоклассные условия...

— И как только им станет скучно греться на солнышке, они обнаружат поблизости казино, отправятся туда, чтобы оставить там свои деньги, не так ли? — продолжил его мысль Чарли. Оба приятеля расхохотались. Они всегда прекрасно понимали друг друга, особенно если дело касалось мероприятий по изъятию долларов у своих сограждан.

Лучиано вскоре сумел объединить двенадцать самых крупных семей мафии. Вначале он изложил им свою идею, затем потребовал с каждого капо пятьсот тысяч долларов в качестве первоначального взноса. В 1933 году это была огромная сумма.

— Я вижу, что вы недопонимаете, — сказал Чарли и принялся им объяснять, каким образом он намерен дать им заработать потрясающе много денег.

Первым сообразил и вручил свой взнос Поллизи из Кливленда, ответственный за казино в Квингтоне, остальные последовали его примеру. Собрав баснословную сумму, Лански в сопровождении шести отборных телохранителей высадился на острове для проведения разведки. В Гаване он установил контакты с кубинским диктатором Фульхенсио Батистой, который вначале принял его весьма высокомерно, но смягчился, как только Лански убедил его, что наиболее надежной гарантией является то, что синдикат умеет сохранять тайну. Слышал ли кто-нибудь о том, что Батиста получает пятнадцать процентов с каждой партии рома, вывозимого с Кубы? Нет, не так ли?

Соглашение было моментально составлено.

В свой следующий вояж Лански отправился с одобрения Лучиано и с готовым контрактом, предусматривающим незамедлительное перечисление Батисте на его счет в цюрихском банке первого платежа в размере трех миллионов долларов. Такая же сумма автоматически будет переводиться на секретный счет диктатора 25 декабря каждого года. Есть от чего поверить в существование Дсда Мороза!

Более того, Батиста будет получать различные отчисления со всех доходов мафии на острове Куба. Взамен он обязуется выделять любые участки для строительства комфортабельных гостиниц, гостиничных комплексов, площадок для гольфа, оборудованных пляжей и, конечно, участков под казино. Фульхенсio Батиста сделал даже широкий жест, предложил своему другу Мейеру Лански установить контроль над уже действующим национальным казино...

Таким образом, и в Даннеморе Лучиано продолжал крепко держать в руках вожжи своей волчьей упряжки.

Адонис, Костелло, Лански, Анастасиа регулярно наносили ему визиты, получали от него советы, докладывали о положении дел, излагали свои новые идеи, которые он одобрял либо не одобрял. Его особенно беспокоил Багси Сигел. Этот молодец не отличался постоянством. Он был настолько жестоким и кровожадным убийцей, что это производило впечатление даже на его напарников по мерзким преступлениям. Исполняя приговоры, выносимые на высшем уровне, он никогда не оставлял следов, с дьявольской хитростью устраивал алиби, но в организации важного поста не занимал, если не считать должности палача в «Корпорации убийств».

Высший совет (собиравшийся иногда втайне и состоявший из Лучиано, Джонни Торрио, Фрэнка Костелло и Мейера Лански) отказывался выделить Багси важный сектор деятельности, вполне обоснованно опасаясь необдуманных действий с его стороны при управлении тем, что могло стать его вотчиной.

Сигел тяжело переживал это, чувствовал себя оскорбленным. Разве не он с Мейером Лански, Лаки и Фрэнком составляли в свое время костяк банды? Почему ему отказывают в праве сделать карьеру, иметь свое «королевство», принадлежащее только ему, быть важной персоной, признанной и уважаемой?

Сигел тоже отправился посетить Лучиано. Со свойственным ему косноязычием (Багси избавлялся от него только в очень редких случаях, не требовавших особого напряжения ума) он заявил о своих правах, став неожиданно требовательным и настойчивым.

На этом он, к сожалению, не успокоился и пошел дальше, вытаскивая на свет труп Тельмы Тодд. Если бы

Багси был не так возбужден, он бы заметил, как заходили желваки на скулах Лаки. В организации существовал закон: не говорить о тех, кого не стало. «Вы должны помнить, что они никогда не существовали. И точка»,— гласил он. В любом случае убийство никогда не ставилось в заслугу. Оно было лишь выполнением приказа.

Сигел был своего рода Дон Жуаном, чей цинизм, красивая внешность, наглые голубые глаза привлекали к нему женщин и заставляли их добиваться его расположения. Организация доверила ему наблюдение за Лос-Анджелесом и рэкет некоторой продукции кинематографа. «Поскольку это первые шаги в этой области, он с этим справится»,— сказал Лаки, решивший поддержать, несмотря ни на что, своего старого приятеля по уличным баталиям, которые велись в те дни, когда они были еще мальчишками.

И действительно, пользуясь своими испытанными приемами, синдикат с успехом установил контроль над профсоюзом актеров-статистов, которых Голливуд широко использовал для участия в съемках дорогостоящих фильмов на исторические или библейские темы. Если профсоюз объявлял забастовку, выпуск на экраны намеченных кинокартин срывался. Таким образом, продюсерам приходилось раскошелиться в пользу синдиката, чтобы иметь возможность спокойно снимать фильмы.

Тельма Тодд, очаровательная блондинка, кинозвезда первой величины, игравшая роковых женщин, завоевала успех сразу же после выхода на экран фильма «Кабальеро». С такими актрисами, как Теда Бара, Нита Налди и Барбара Ля Марр, она купалась в золотых лучах славы, сверкала на небосклоне Голливуда. Она отличалась спокойствием, умом, упорным стремлением сделать карьеру, а тот факт, что в начале жизненного пути она была учительницей в начальных классах в Лоуэлле (штат Массачусетс), увеличивал интерес к ее личности. Тельма мечтала проехать по жизни в золотой карете. Никакие компромиссы для достижения этой цели не пугали ее, даже роль подставного лица Лаки Лучиано в некоторых мероприятиях. Эта сторона ее жизни никому не была известна. Но любовь явилась причиной того, что она совершила огромную оплошность. Она увлеклась продюсером Ро-

ландом Уэстом и доверила ему управление шикарным рестораном, который, хотя и числился за ней, на самом деле принадлежал Чарли Лучиано. Тельма не сочла нужным сообщить об этом своему любовнику, желая пустить ему пыль в глаза. Роланд Уэст благодаря своим связям великолепно вел дело и, естественно, присваивал себе весь доход.

Находясь на вершине славы, опьяненная успехом, Тельма Тодд, по-видимому, стала считать себя неуязвимой. Ужасное заблуждение. Такой человек, как Лучиано, не мог допустить, чтобы его облапошивали как последнего олуха. Лишенный практически ресторана, он поставил вопрос об этом на рассмотрение «суда Кенгуру», который единодушно вынес приговор: смерть Тельме Тодд. Чарли потребовал, чтобы приговор привел в исполнение Багси. Устранение Тодд должно было пройти без сучка без задоринки, учитывая ее популярность, слухи, которые вызовет ее смерть, неизбежные расследования, которые последуют для того, чтобы успокоить общественное мнение и назвать преступника.

Багси пришлось подчиниться, но он не только не испытывал гордости за оказанное доверие и признание своих заслуг специалистами самой высокой квалификации, но почувствовал себя глубоко обиженным тем, что вынужден довольствоваться второстепенными ролями, тогда как он достоин крупного поста в синдикате. Но не подчиниться решению, вынесенному «судом Кенгуру», он не мог, и ему ничего не оставалось, как отправиться в Лос-Анджелес, что он и сделал. Прибыв на место, он позвонил Тельме и представился как адвокат Лаки Лучиано. Сигелу удалось убедить ее, что, поскольку он приехал, ее отношения с патроном могут быть улажены. Она припала предложение пообедать с ним на следующий день вечером.

Тельма встретила с Багси, и он не оставил ее равнодушной. Она очень быстро расслабилась, заказала изысканное меню, в которое вошли голуби с горошком по-французски и свежие зеленые бобы, от которых она была без ума. Благодаря нескольким бокалам шампанского она была без ума уже и от Багси, который бросал на нее полные вожделения взгляды.

— У вас прекрасный рост, вы красивый малый... У вас есть обаяние... Вам следовало бы сниматься в кино, а не заниматься правом, это было бы забавнее.

Багси пожал плечами:

— Ну что вы! Это несерьезно... Я знаю многих из тех, чьи имена красуются на афишах... Например, мой хороший приятель, Джордж Рафт. У меня дела поважнее. Вы знаете, Лаки недоволен.

Она тут же показала когти:

— Послушайте, если надо об этом говорить, поговорим. Когда я приняла «Сайдуок кафе», это был жалкий ресторанчик, который посещали одни бродяги, не оставляя после себя ничего, кроме долгов. Я сделала из него шикарный ресторан-кабаре, прекрасно оборудованный, не уступающий «Малибу» и «Санта Моника». Его посещают все мои подруги, известные актрисы, и делают это ради меня... а теперь появились и миллионеры, желающие поглазеть на их задницы. Все, что сделано, сделано только благодаря Тельме Тодд, так что господин Лучнано мог бы оставить меня в покое. Ему следовало бы сделать мне одолжение в память о тысяче услуг, которые я ему оказала. Не так ли?

Гримаса, появившаяся на лице Багси, не произвела на нее большого впечатления, напротив, он казался ей еще более очаровательным из-за появившихся ямочек на щеках и подбородке.

— Если он не вспомнил об этих маленьких услугах, значит, они того не стоят. Вы должны вернуть ему его деньги, иначе он может рассердиться...

— Это угроза?

— Помилуйте, я только адвокат, я здесь затем, чтобы уладить дела занятых деловых людей, и потом...

Взгляд Багси стал еще более обольстительным, прежде чем он продолжил фразу:

— Я никогда не забываю ласкового обращения со мной... Вы увидели в этом угрозу? Вы восхитительны и понятливы... Кстати, чем бы нам заняться после обеда?

Тельма прекрасно поняла смысл предложения хотя бы потому, что этот удивительный малый ей нравился.

— Я иду на вечер к Айде Люпино... Послушайте,

там будет ваш приятель Джордж Рафт, а также Пол Мунн, Кари Грант... О девочках не говорю из ревности. Вы пойдете со мной?

Главным для Багси было оставаться незамеченным, поэтому он поспешил отказаться, подчеркнув, что освободится только к полуночи.

— Тогда, — предложила Тельма, — я также вернусь к этому времени, меня проводит Берт, мой шофер. Гараж будет открыт. Подождите меня внутри. Там стоит «паккард», можете устроиться в нем. Я отправлю Берта в город и присоединюсь к вам.

Как сказано, так и сделано. И сделано неплохо.

Генри Серг отыскал вырезку из газеты тех времен. Достаточно познакомиться с ней, чтобы понять, что произошло:

«Большое жюри по делу Тельмы Тодд признало факт самоубийства, отклонив тем самым заключение коронера о том, что имел место несчастный случай.

Установлено, что известная кинозвезда Голливуда была обнаружена мертвой утром в воскресенье 15 декабря 1935 года. Тело находилось на сиденье припаркованного ей «паккарда», на лице было обнаружено несколько капель засохшей крови, одежда была в некотором беспорядке. Машина стояла в личном боксе Тельмы Тодд в гараже «Сайдуок кафе», которым она управляла совместно с Роландом Уэстом, продюсером и кинорежиссером.

Вскрытие трупа, осуществленное в тот же день, подтвердило, что актриса скончалась от отравления углекислым газом на рассвете 15 декабря. Среди пищевых продуктов, обнаруженных в желудке, был зеленый горошек и бобы. Расследование, проведенное полицией, показало, что накануне смерти, а точнее, 14 декабря, Тельма Тодд присутствовала на приеме, устроенном другой звездой экрана, Айдой Люпино, в «Трокадеро». На этом приеме, как было установлено, не подавали зеленый горошек и бобы. Кроме того, прежде чем покинуть «Трокадеро», Тельма Тодд заявила своим друзьям, что она не собирается возвращаться к себе, а отправляется на встречу с одним молодым человеком, не уточнив при этом, с кем именно.

Куда отправилась она этой ночью? С кем? Полиция установить этого не смогла. Было выдвинуто три

предположения: убийство, несчастный случай, самоубийство.

Первое не привлекло внимания ни следователей, ни Большого жюри.

Второе, наоборот, имело множество сторонников. В самом деле, этой ночью Роланд Уэст, компаньон актрисы, отсутствовал. Кстати, ключи от резиденции Тельмы Тодд «Кастилло дель мар» в ее сумочке обнаружить не удалось. Может быть, она их потеряла и, не имея возможности вернуться к себе, укрылась в своем «паккарде» и завела мотор, чтобы спастись от ночного холода? Такая гипотеза представлялась весьма удобной и могла объяснить случайное отравление выхлопными газами.

Но в конце концов верх взяла гипотеза о самоубийстве, которую поддержало Большое жюри. Его решение окончательное, оно означает, что, если Тельма Тодд была все-таки убита каким-то дьявольским способом, ее убийца теперь вне досягаемости, даже если предположить, что кто-то действительно захочет обнаружить его... Все-таки, откуда взялись бобы и зеленый горошек?»

Как видно, американских журналистов не так легко обвести вокруг пальца и заставить принять убийство за смерть от несчастного случая. Тем не менее Багси доказал, что он подлинный специалист в осуществлении убийств по заказу. Чисто выполненная «работа» надолго отбила у жителей Голливуда желание сопротивляться оказываемому давлению. На следующей неделе они полностью рассчитались с карточными долгами и долгами за наркотики, выложив внушительные пачки долларов.

Попытка напомнить об этой истории с Тельмой Тодд в тюремной камере вызвала гримасу неодобрения на лице Лаки. Он про себя отметил возрастающее волнение и нервозность Багси. Этот малый начинает давать сбой. За ним придется понаблюдать. Однако следовало признать, что его рэкет в Голливуде с самого начала работает как часы. Багси воспользовался услугами Джорджа Рафта* для своего утверждения

* Актер Джордж Рафт вел беспорядочную жизнь, вначале занимался бутлегерством, затем, став кинозвездой, продолжал поддерживать дружеские отношения с «большой се-

в качестве главаря гангстеров в Калифорнии, еще одного района, открытого по инициативе Лучиано для деятельности преступного синдиката. Вопреки мнению большинства Маки решил доверить его Багси Сигелу, прокомментировав это следующим образом:

— Он лучший из тех, кто остался у нас свободным от дел. Кроме того, я хочу зачитать вам список лиц, наштампованных монетами, которые всем там заправляют. Его передал мне Лонжи Цвиллман. Вот он: Ирвин Талберг, братья Шенк, Карл Лемле, Джек Коц, Сэмюэл Голдвин, Уильям Фокс, Лупс Б. Майер, братья Вернер, Даррил Занук, Адольф Цукор, Давид Зельцник — все самые крупные продюсеры. Есть преуспевающие режиссеры: Фриц Любич, Отто Преминджер, Макс Офюльс, Золтан Корда, целая куча других и, наконец, эти потаскухи — братья Марксы, Дуглас Фербенкс, Чарли Чаплин, Ол Джолсон, Эдвард Робинсон, Джекки Куган, Эдди Кантор, Луи Рейнер, Полетт Годард, Синь Хассо... не говоря уже о музыкантах, у которых в голове только потные знаки. Вот кого нам назвал наш брат Цвиллман, а он знает тамошнюю публику. Нет нужды объяснять вам, что Голливуд стал местом, где сосредоточены еврейские капиталы. Чтобы добраться до них и выкачать все, что только возможно, необходим исключительно «хороший» еврей, вот поэтому-то мы должны остановиться на Багси.

В день прибытия Сигела Джордж Рафт организовал грандиозный вечер за счет синдиката, поскольку сам он, кроме массивных золотых печаток, никогда не имел в кармане больше одной монеты.

Багси вошел под руку со знаменитой Джин Харлоу, звездой первой величины на небосводе Голливуда. Самые известные кинозвезды во главе с Морисом Шевалье уже прибыли и дружно приветствовали их. Присутствовали Шарль Буайе, Айрис Берри, Роберт Тэйлор, Гарри Купер, Кларк Гейбл, Пол Муни, Рамон Новарро, Эдвард Робинсон, Стэн Лаурел и Оливер Харди, а также Макс Бротерс, Уолт Дисней, Уолтер Питкин, Бинг Кросби, Эррол Флинн. Среди женщин

меркой». Он исполнял главную роль в фильме «Скарфас»; фильм «История Джорджа Рафта», снятый в 1961 году, он посвятил своим отношениям с Багси, но, очевидно, сделал это довольно сдержанно.

стоит назвать Марион Дэвис, прибывшую с разрешения У. Херста, который не мог ни в чем отказать синдикату, Минду Дарнелл, Джапетт Макдональд, Джоан Кроуфорд, Бетт Дэвис, Констанс Беннет, Морен О'Сюлливан, Дороти Ламур.

Этот вечер, бесспорно, был одним из самых блестящих вечеров, организованных в Голливуде, и Шарль Буайе часто любил рассказывать о нем.

Надо признать, что Сигел продемонстрировал выдающиеся организаторские способности. Он сумел перевоплотиться в эдакого симпатичного парня, старался ничем не походить на проходимца, каким был на самом деле, очень сдержанно изображал из себя воспитанного человека с хорошими манерами. Довольно быстро он покориł сердце женщины весьма родовитой, графини Дороти Дендис Тейлор ди Фрассо. Влюбившись в него, она не замедлила ввести его в высшее общество и была в восторге от успеха, которым пользовался ее возлюбленный.

Пользуясь столь надежным прикрытием, Багси Сигел тайно завладел столицей мирового кинематографа, настоящим золотым дном. Поддерживаемый президентом организации Джеком Драна, он активно развернул свою деятельность. Все технические работники кинематографа (операторы, звукооператоры, электрики, гримеры, декораторы, оформители) входили в профсоюз, руководимый Уильямом Бьюффом и Джорджем Брауном, — Международный союз работников театра и кино. Статисты (актеры второго плана и вспомогательные служащие) просто записывались в Центральный актерский отдел, чтобы найти себе работу. Никто не защищал их прав.

Следует отметить, что этот профсоюз даже без особых усилий приносил два миллиона долларов в год двум своим руководителям — Уильяму Бьюффу и Джорджу Брауну.

Сигел приказал привести их в пустой кабинет и рукояткой своего револьвера 45-го калибра зверски избил. Когда они, крича от боли, растянулись на полу, он им объявил:

— Канальи, на этот раз вам удалось избежать смерти... Я добрый малый. Я сохраняю вас как вывеску, а так как я значительно увеличу ваши жалкие доходы, вы будете получать не меньше, чем раньше.

Если кто-либо из вас заартачится, прирежу его как свинью. Теперь убирайтесь...

Поскольку абсолютное большинство перешло на его сторону, он не замедлил создать в профсоюзе отдельные секции статистов, постановщиков, писателей, авторов трюков, которые до этого были предоставлены сами себе.

Багси Сигел держал Голливуд в своих руках.

Свою первую демонстрацию силы он провел с Джеком Уорнером, продюсером фильма «Робин Гуд». В последний момент, в день, когда уже начались съемки, Багси отправился к нему и заявил, что все члены профсоюза объявляют забастовку.

— Но мы полностью внесли причитающийся с нас взнос,— возмутился Великий Джек.

— Несомненно,— согласился Багси,— но я чувствую, что с вашей лентой не все в порядке, поэтому необходимо вручить мне двести пятьдесят тысяч долларов наличными, иначе беды не миновать...

Уорнер показал всем своим друзьям-продюсерам отвратительный пример сговорчивости. Но Сигел не ограничился тем, что заставил раскошелиться Уорнера, он отправился к Эрролу Флинну, чтобы сообщить, насколько тому идет костюм Робин Гуда.

— Очень жаль, если толпы обезумевших поклонников не смогут полюбоваться тобой, не правда ли? Я хочу содрать с тебя штраф, потому что я очень завистливый... 25 процентов с суммы твоего контракта. По рукам? Или, может быть, ты не согласен? Прекрасно! Это очень просто делается, старик, я тебе смастерю костюмчик из бетона, который тебе меньше пойдет, чем нынешний, зато тебя найдут совершенно сухим в водах Сакраменто. Уловил?

Эррол уловил очень быстро и согласился*. Многие другие также последовали его примеру. Нет смысла называть их имена, поскольку некоторые из них еще живы в памяти поклонников как герои, неизменно побеждающие негодяев и злодеев. А что бы сделали другие на их месте?

* Я дружил в течение десяти лет с Эрролом Флинном, который и рассказал мне эту историю, где ничего не говорит в его пользу.— Ж. М.

Багси провернул успешно еще один плантаж, принесший ему миллион долларов, используя при этом в качестве посредницы Марион Дэвис. На этот раз жертвой оказался У. Р. Херст. Сигел располагал данными о том, что за четырнадцать лет до этого режиссер Томас Инс, прибыв вместе с Марион Дэвис на празднование своего дня рождения на яхту Херста «Анайда», получил вместо подарка прямо в лоб пулю 45-го калибра. Всемогуший Херст замял это дело. Однако у Багси Сигела имелась фотография, на которой был заснят распростертый на полу Инс с огромной дырой в голове. Возможность огласки заставила Херста задуматься. И он заплатил. А его газеты миллионам своих читателей давали только самый минимум информации, касающейся деятельности синдиката.

Багси Сигел стал важной персоной «города грез». Голливуд уступал его натиску, часто из страха, а порой из симпатии, которую внушал этот странный малый. Вместе со своей женой Эстер (которую он почти боготворил), двумя дочерьми, Миллисент и Барбарой, пяти и семи лет, очаровательными куклами, не имевшими ни малейшего представления об истинном облике их нежного, потекающего во всем отца, Багси обосновался в шикарном особняке «Холмз хилс» из тридцати пяти комнат, с двумя бассейнами и двумя теннисными кортами. Его званные обеды и приемы привлекали массу народа, хотя нужно заметить, что для многих из них посещение было делом обязательным... После того как он захватил власть над миром кинематографа, его честолюбивые планы весьма сильно расширились. В 1938 году Багси уже контролировал азартные игры в Редондо-Бич, тотализатор на скачках в Агуа-Кальенте, на бегах в Кальверт-Сити. На первые же крупные суммы, которые ему удалось заполучить, он приобрел довольно большие прогулочные яхты, которые переоборудовал под плавающие казино. Они стояли на якоре напротив Лос-Анджелеса, достаточно далеко от границы территориальных вод, чтобы не попасть под действие законов, запрещающих азартные игры. Быстроходные катера сновали между яхтами и берегом и привозили и отвозили любителей острых ощущений.

Его первый помощник Джек Драна оказывал ему всяческую поддержку. Настоящее его имя было Анто-

ни Раццоти, и он лишь чудом уцелел после «Сицилийской вечерни». Ответственный перед мафией за Калифорнию, он только начал налаживать рэкет в этом штате, признав за благо перейти под начало Сигела. Благодаря его удивительным профессиональным данным без должного внимания не оставалась ни одна возможность увеличить доходы.

Что касается самого Сигела, то он заметно изменился. Чем больше становились доходы, тем большей небрежностью стали отличаться его отношения со своими коллегами по синдикату, хотя Абнер Лански Цвиллман все чаще стал предупреждать о надвигающейся опасности. Так или иначе, но в одно прекрасное утро прибыл сицилиец с длинным, как у крысы, лицом, маленькими злыми глазками, одетый как служащий Армии спасения, который представился...

— Карло Гамбино... Я из семьи Лаки. Фрэнк Костелло имеет все полномочия босса по контролю за деятельностью и совместно с Лански по контролю за поступлением отчислений в организацию. Я приехал проверить дела и собрать отчисления.

Сигел пустился в долгие разглагольствования о различных капиталовложениях, которые могли, по его мнению, значительно увеличить доходы... Безуспешно. Мафиозо иронически посмотрел на него и с нескрываемым недоброжелательством произнес:

— Ты мне заговариваешь зубы, приятель. Я прибыл за монетами. Ты платишь, и точка. Если у тебя есть предложения, то отправляйся к Лаки, прихватив с собой кое-что в кубышке, чтобы порадовать его.

Как мы уже видели, Бенджамин Сигел так и поступил. Но единственно, чего он добился,— так это того, что Калифорния осталась полностью в его ведении, тогда как Цвиллман снова вернулся в Нью-Джерси.

Переговоры с Сигелом усилили убежденность Лаки в том, что бедняга Багси принимает себя слишком всерьез, а его желание любой ценой плыть самостоятельно неминуемо приведет к крушению. Синдикату следует впредь повнимательнее следить за ним, чтобы в пучине не сгнули другие крупные рыбы преступного мира.

Генеральный атторней Томас Дьюи любил повторять:

— Я открыл американцам глаза на то, что гигантский, мерзкий спрут сжимает их страну, грозя задушить ее, бесстыдно высасывает все ее соки, наполняя ее алкоголем, наркотиками, проституцией, развратом, чтобы отравить и унижить ее. Я отрубил голову спруту и выпустил из него много «чернил». Сейчас каждый свой день, каждую ночь я посвящаю уничтожению сохранившихся омерзительных щупальцев...

Отменная программа. Первым из «щупальцев» стал не кто иной, как Луис Ленке Бухалтер.

В связи с тем, что Лучиано находился в тюрьме, ему не всегда удавалось держать бразды правления с должной твердостью. Костелло и Лански уделяли слишком много времени расширению своих личных секторов активности, поэтому недостаток бдительности вел к тому, что мало-помалу каждый стал тянуть в свою сторону, так как не чувствовалось руки подлинного и беспощадного хозяина.

Как уже упоминалось выше, Лучиано всегда стремился убедить всех в том, что он совершенно непричастен к контрабандной торговле наркотиками. Что, однако, отнюдь не соответствовало действительности. Вито Дженовезе проводил для него множество дерзких операций, в которых участвовали находящиеся, казалось бы, вне подозрений политические деятели, послы некоторых государств, титулованные представители высшего общества тех времен и нынешних, пристрастившиеся к этому зелью. Но сам Лаки, который в самом начале преступной карьеры занимался доставкой белого порошка за лентами шляпок господина Гудмана, за что и был приговорен к тюремному заключению, хотел навсегда отгородиться от этого занятия.

Как только при нем заходил разговор о наркотиках, он впадал в ярость. Невозможно описать его бешенство, когда Джо А. Адонис, посланный Лепке на разведку, сообщил ему, что Бухалтер по уши влез в торговлю наркотиками с Гонконгом, приносящую более десяти миллионов долларов дохода, но Бюро по борьбе с торговлей наркотиками пронюхало что-то, и

Лепке срочно просит помощи, так как по его следам идет сам Генри Анслингер, возглавляющий это бюро.

Чтобы выиграть время, Лаки Лучиано решил, что Альберт Анастасия должен оказать помощь и содействие Лепке и доложить ему о положении дел.

Дальнейшее изложение основано на нескольких интервью, которые нам согласились дать люди, связанные с делом Лепке Бухалтера, в том числе Чарльз Брейтель (судья Верховного суда штата Нью-Йорк), Виктор Гервинц (помощник Томаса Дьюи) и Джозеф Кейтц (официальный представитель профсоюза dockers).

Бухалтер со своим лейтенантом Гюрахом Шапиро контролировал при помощи террора большинство нью-йоркских профсоюзов, а также ассоциаций предпринимателей. Они беспощадно драли по три шкуры с трудящихся, в частности в таких секторах, как пошив готового платья, транспорт и торговля хлебом. Когда какой-либо предприниматель не хотел допустить у себя создания профсоюза, он обращался за помощью к Лепке или к Гюраxu, этим отъявленным бандитам; в свою очередь, если профсоюзы хотели предпринять что-нибудь, они также заключали соглашение с Лепке и Гюрахом. Круг жесточайшего принуждения замыкался, и любые протесты оказывались бесполезными.

Лепке и Гюрах принялись за предпринимателей, отказавшихся вносить чрезмерную плату за так называемую личную охрану, охрану от диких забастовок и возможных разрушений их предприятий. Они требовали от них вступления в их собственное объединение и выплаты за право пользоваться их услугами определенных сумм. Речь шла о прямом вымогательстве. Действуя подобным образом, они на протяжении многих лет запугивали и терроризировали всех производителей готового платья. Кто-то должен был наконец решиться вырвать эту отрасль промышленности из-под контроля преступного мира. Таким человеком стал Томас Дьюи, избранный в 1938 году на должность окружного атторнея Нью-Йорка. Он осмелился предпринять наступление на уголовную империю, созданную Лепке Бухалтером. Вот текст его первого обращения по радио по этому поводу: «В течение ряда лет Луис Бухалтер, более известный под именем Лепке, являлся самым злостным рэкетиром в сфере

американской промышленности. Его гангстеры принуждали производителей готового платья и владельцев хлебопекарен выплачивать им подать за так называемую охрану... и они убивали всех, кто пытался оказывать им сопротивление. На протяжении двух последних лет пятеро из бывших членов банды Бухалтера были убиты, а сегодня достойный уважения гражданин сражен пулями, предназначенными для одного из помощников Лепке. Хватит! Нам необходимо взять Лепке, живого или мертвого!»

Речь, конечно, мужественная, однако за ней скрывалось лишь одно — сильное желание добраться до более высоких постов в государственной администрации, а может быть, и до самого поста президента.

Своим заявлением Дьюи хотел также перебежать дорогу Гуверу, директору Федерального бюро расследований, вышедшего на след Лепке, равно как и Генри Анслингеру, директору Бюро по борьбе с торговлей наркотиками.

Следует подчеркнуть, что весь этот ажиотаж поднялся вокруг персоны весьма примечательной. В нашем повествовании, цель которого — рассказать о том, как возник и достиг расцвета синдикат преступлений, Бухалтер появлялся лишь эпизодически. Однако эта личность заслуживает более пристального внимания.

Луис Бухалтер родился в Манхэттене в 1897 году. Совершение преступлений довольно рано стало для него источником существования. Что же касается области чувств, ему было ведомо лишь одно — безграничная привязанность к другому еврейскому мальчику, выброшенному, как и он сам, на улицу, — Якобу Гюраху Шапиро. Оба дебютировали в Ист-Сайде, занимаясь вымогательством у мелких торговцев наркотиками. Лепке был настолько беден, что когда его в первый раз арестовали в 1913 году за кражу с витрины, то полицейские обнаружили, что оба ботинка, в которые он был обут, несомненно краденые, были на левую ногу.

Снуся двадцать лет, когда он стал королем преступного мира и рэкета в Нью-Йорке, сумма его годовых операций достигла пятидесяти миллионов долларов (в те-то времена!).

С самого начала Лепке и Гюрах ни на шаг не отходили друг от друга. Вскоре они сконцентрировали свою деятельность на рэке готового платья. Они

работали на банду Якоба Литл Ожи Оргена и в 1923 году помогли ему устранить конкурента Натана Кида Дроппера Каплана. Очень быстро честолюбие их возросло, и в 1926 году Лепке без труда убедил Гюраха самым возглавить банду, ликвидировав Оргена. 15 октября Орген остановил на улице такси. В тот момент, когда он уже садился в машину, к ним приблизился автомобиль, за рулем которого сидел Гюрах, а в салоне — Лепке с автоматом Томпсона в руках. Раздались выстрелы, которые буквально надвое перерезали Оргена и тяжело ранили телохранителя, одного из братьев Даймонд.

Лепке, силой подавляя всякую попытку сопротивления внутри банды, в 1927 году стал абсолютным хозяином в области рэкета готового платья. Располагая влиянием в профсоюзе закройщиков, он мог без труда оставить без работы пятьдесят тысяч человек. Швейникам не оставалось ничего другого, как соглашаться вступать в многочисленные профсоюзы, создаваемые бандой Лепке.

С тем чтобы обеспечить полное повиновение, Лепке создал свою собственную бригаду наемных убийц, состоявшую в основном из евреев. В нее входили, в частности, Мэнди Вейс, Керли Хольтц, Дэнни Фелдз и Поль Бергер. С их помощью, а также благодаря уже созданным союзам изготовителей готового платья Лепке удалось проникнуть в крупнейший профсоюз рабочих швейной промышленности, насчитывающий более четырехсот тысяч членов, в котором он вскоре занял доминирующее положение. Затем наступила очередь профсоюза работников, доставляющих товары на дом, профсоюза водителей грузовых автомобилей, а затем и работников по пошиву меховых изделий, хлебопекарной промышленности, владельцев кинопроекторных установок. Мы уже говорили о том, что в это время он предпочел сотрудничать с «Бандой четырех», а затем и стать ее членом, так как справиться с ней ему было не по силам. Когда это требовалось, Лепке умел быть благоразумным. Его пригласили также войти в состав «генеральных штатов» преступности, организованных в Атлантик-Сити. Лепке стал одним из членов высшего совета преступного синдиката и главой «Мёрдер инкорпорейтед» — «Корпорации убийств», которая приводила в исполнение решения синдиката

и приговоры, выносимые «судом Кенгуру». Вместе с Анастасия и Сигелом они образовали не знающий пощады триумvirат. Костяк «Корпорации убийств» составила бригада убийц, созданная Лепке. Это содействовало тому, что главой и вдохновителем триумvirата стал Бухалтер. Говоря о Лепке, мы вскоре, придерживаясь хронологического порядка изложения, подробно расскажем и о «Корпорации убийств».

В последние годы действия «сухого закона» Лепке и Гюрах, одержимые ненасытной жаждой обогащения, свойственной всем гангстерам, все еще продолжая расширять сферы установления рэкета, в то же время решили организовать обширную, не имеющую себе равных сеть сбыта наркотиков, чтобы таким образом компенсировать уменьшение доходов от контрабанды спиртного. Они устремились на поиски наркотиков во все уголки мира и занялись его транспортировкой непосредственно в США. На американской территории Лучиано требовал выделения в среднем трети поступлений от контрабанды и реализации товара. Лепке получал вторую треть. Самым крупным покупателем героина за границей был Керли Хольтц. Все поступающие к нему партии героина оплачивались наличными. Другим крупным продавцом «смерти в малых дозах» был Яша Катценбург, специалист по Дальнему Востоку с центром в Гонконге. (В течение четырех дней ему удалось доставить в США более чем на десять миллионов героина и морфия. Его нашли в водах Ист-Ривер, с черепом, раздробленным битой для игры в бейсбол, с цементным блоком на ногах; это было наказание за то, что он позволил себе утаить часть баснословных сумм, с которыми ему приходилось иметь дело. В довершение этого он попытался скрыть свой поступок и организовал захват таможенниками одного из судов, доставлявшего наркотики.)

Возвращаясь к Бухалтеру, следует отметить, что именно он в 1935 году, когда Шульц поставил вопрос об уничтожении Дьюи, настоял на том, чтобы высший совет синдиката отказался от этого предложения. Для того чтобы лучше понять, почему влияние, которым он пользовался в организации, с каждым днем усиливалось, достаточно напомнить о десятках миллионов долларов, которые в качестве процентов отчислялись со всех его операций.

Тот, кто припосит столько денег своим сообщникам, достоин почтения. Его слушают. Закон банд поконится на реальных фактах. Кстати, именно его люди — Мэнди Вейс, Чарли Уоркман и Алли Танненбаум — уничтожили Шульца и трех его лейтенантов в ресторане, расположенном в Нью-Джерси.

Люди Дьюп и особенно Джозеф Кейтц (официальный представитель при профсоюзе докеров) рассказали нам, что они почти сразу же установили личности убийц благодаря свидетельским показаниям одной проститутки. Но только десять лет спустя следователи удосужились собрать необходимое количество доказательств, свидетельских показаний, чтобы отправить Мэнди Вейса на электрический стул, а Уоркмана в тюрьму отбывать пожизненное заключение.

К 1933 году против Лепке, Гюраха и еще ста пятидесяти восьми гангстеров будет выдвинуто обвинение в нарушении антитрестовского законодательства. Каждого из них приговорят к штрафу в размере тысячи долларов и к году тюремного заключения. Федеральный судья Джон Нокс с сожалением скажет по этому поводу: «Для них это не больше чем простой шлепок по рукам, но это максимальное наказание, которое я могу им вынести».

Отличаясь неслыханной наглостью, оба приятеля пашли и это наказание чрезмерным. Спустя две недели, так и не внеся никакого залога, они вышли на свободу. Представ перед апелляционным судом, возглавляемым Мартином Т. Мэнтоном, другом Фрэнка Костелло, явно подкупленным гангстерами, они узнали, что приговор первой инстанции отменен и слушание дела откладывается.

Но чудовищный рост преступной империи Лепке и отсутствие непосредственной связи с Лучиано в конечном счете оказались причиной его гибели.

Операции по вымогательству были столь многочисленными, столь сложными и столь процветающими, что он уже не в состоянии был сам полностью контролировать их. Поскольку у него не было надежных помощников (он вынужден был лично наказывать рвущихся к власти лейтенантов, стремящихся устранить его, — вечный закон, по которому побеждает сильнейший), то в самом «горячем» секторе, секторе наркотиков, возникли серьезные неполадки. Он коман-

довал слишком большой армией убийц, рэкетиров. Наиболее дерзкие стали потихоньку прикарманивать доходы. Чтобы держать в руках бесчисленные профсоюзы, входящие в его объединение, Лепке вынужден был все чаще прибегать к запугиванию, убийствам, вымогательствам. Дьюн, увенчанный лаврами побед над Лучиано, над Шульцем, назвал его в конце концов государственным преступником номер один. В это же время нависла угроза того, что и он, и Шапиро будут привлечены к ответственности на основании федеральных законов. Бюро по борьбе с торговлей наркотиками нашло доказательства того, что они вложили десять миллионов долларов в покупку только что перехваченной партии наркотиков.

Лепке почувствовал, что его обложили. Его телефон прослушивался. За ним была установлена слежка. Он мог теперь встречаться со своими лейтенантами только в холлах отелей, на вокзалах, на остановках автобусов, да и то лишь после того, как удавалось убедиться, что за ним никто не следит. Вскоре встречи, на которых обсуждались миллионные сделки, стали проходить в туалетах захудалых забегаловок, в переходах метро.

Зажатый в угол, Лепке старался избежать малейшего риска. Он систематически приказывает убирать каждого, кого Дьюн намеревается допросить, даже тех, кому печего было сказать. Осторожность никогда не излишня. Достаточно стало одного вызова в контору Дьюн, чтобы считать, что ты мертв. «Корпорация убийств» продолжала безропотно ему подчиняться. «Дьюн и его команда теряют голову так же, как и своих свидетелей», — писал в это время Уолтер Уинтшелл.

К середине лета давление со стороны правительственных органов стало невыносимым. Лепке признается своему лейтенанту Бергеру:

— Мои нервы на пределе... Мне повсюду мерещатся полицейские. Земля горит у меня под ногами. Я намерен улизнуть...

На самом деле он никуда из Нью-Йорка не уезжает. Анастасия по приказу Лучиано подбирает для него шикарную квартиру, набитую забавными штучками: шкафами с тройным дном, выдвижной библиотечкой, позволяющей спать между двумя выдвижными

стенками, и т. д. Квартира находилась прямо над захудалым танцевальным залом «Палас ориенталь».

В этом искусно оборудованном убежище Луис Бухалтер прожил два года, и никто ничего не подозревал. Однако с каждым днем его недоверие возрастало, страх, горячее воображение побуждали его преследовать все большее число людей.

Вспоминая прошлое, он отыскивал там имена людей, с которыми ему приходилось встречаться, брал их на заметку. Дюжины несчастных, которые уже почти и не помнили его, уничтожались Альбертом Анастасиа, а чаще Луисом Капоне (он не имел ничего общего с семьей Аль Капоне), одним из главных убийц «Мёрдер инкорпорейтед», или Эйби Рильзом.

Лепке часто выходил из своего убежища, чтобы вселить веру в своих людей, а также проверить некоторые сферы ракета. Отчаянная ситуация: полиция Нью-Йорка рыскала повсюду, подстегиваемая Дьюи и шефом полиции Валентайном, увеличивала число патрулей, тормозила тайных осведомителей. Но ей не удавалось получить никакой информации, настолько велик был страх, который внушал этот убийца, способный в любой момент отдать приказ об уничтожении. Э. Д. Гувер занимался тем же с агентами ФБР, лично руководил некоторыми операциями против Лепке. В штате Нью-Йорк было развешено более ста тысяч объявлений, обещавших вознаграждение в двадцать пять тысяч долларов за поимку живого или мертвого Лепке Бухалтера. Вскоре сумма вознаграждения достигла ста тысяч долларов. На всех стенах можно было видеть лицо Лепке, но его самого никому обнаружить так и не удавалось.

Положение в Нью-Йорке продолжало ухудшаться, и Бухалтер решил укрыться во Флатбуше. Поступок, психологически оправданный. По сути дела, он полностью доверил себя Дороти Уолкер, вдове гангстера Фатти Уолкера, которого Лепке собственноручно прикончил, о чем хорошо знали все, вплоть до последнего полицейского. Кому могло прийти в голову искать его именно там? Дороти была настолько запугана извергом, что она могла уходить и возвращаться, когда хотела. Но она знала, что если что-нибудь случится с Лепке, то ее ожидает еще худший конец, чем ее

мужа... Ее квартирант на пальцах показал ей, что ее ожидает. Она все поняла.

Парализованный той атмосферой скрытности, в которой ему приходилось жить, Лепке жаловался:

— У меня такое впечатление, что мои дела ни к черту.

Он был отчасти прав. Том Луччезе, верный помощник Лучиано и важная персона в мафии, уже давно добивался выхода на рынок готового платья, стараясь мало-помалу прибрать этот промысел в свои руки. Его притязания становились все очевиднее.

Узнав об этом, Лепке пришел в неописуемую ярость.

— Никто не имеет права топтать мои грядки, пользуясь тем, что я нахожусь в бегах,— вопил он перед Анастасио и Эйби Рильзом.— Альберт, передай Лаки, чтобы он поставил на место этого поганца Луччезе, что швейное дело принадлежит мне... об этом условились с самого начала... Об этом нечего говорить, даже если бы это было бы в моих интересах. Передайте также этому придурку с тремя пальцами, что, если он будет лезть в мой бизнес, я ему не оставлю ни одного, чтобы нечем было даже в носу ковырять. А нос, пожалуй, отрежу ему еще раньше..

Анастасио дословно передал его слова Лучиано, и тот признал их справедливыми. Он приказал Томми Луччезе прекратить свои мелкие махинации. Это объяснялось, во-первых, тем, что на стороне Луиса Бухалтера был свято соблюдаемый закон синдиката, а во-вторых, еще и тем, что Лучиано не мог позволить себе забыть о Лепке как о верховном главаре «Корпорации убийств», тайном руководителе сотен убийц, разбросанных по всей стране, умевшем использовать по прямому назначению «курки» самой высшей квалификации. Достаточно было одного слова Лепке, и с кем угодно могло произойти все, что угодно.

Таким образом, чтобы защитить себя, Лучиано решил встать на защиту Лепке.

В конце двухлетних бесплодных поисков Томас Дьюн, а также и Эдгар Гувер поняли, что им никогда не взять Бухалтера, если они будут продолжать действовать обычными методами и даже удвоят или утроят объявленное вознаграждение. Требовалось что-то иное.

Лейтенант Копрад Полленгаст, заместитель Валеп-тайна, шефа полиции Нью-Йорка, поделился с другими своим планом:

— Возьмем на учет всех главарей банд в Нью-Йорке и в Нью-Джерси, арестуем их, допросим, подвергнем пыткам, чтобы и чертям страшно стало, потрясем как следует любовниц этих мерзавцев, засадим за решетку их добродетельных жен, короче, создадим для них невыносимые условия и дадим понять, что будем их терзать до тех пор, пока не узнаем, где находится Лепке, и освободим их только тогда, когда Лепке окажется у нас в руках.

Команда Дьюи принялась за осуществление этого плана, поддерживаемая на федеральном уровне молодчиками из ФБР. Полицейские агенты как мухи вились вокруг заведений, принадлежащих гангстерам. Бандитов стали задерживать ежедневно, то сотрудники ФБР, то агенты Дьюи. Их сажали в тюрьму, в самые отвратительные камеры, за малейшие проступки, будь то ношение оружия или нарушение дорожных правил. Во всех почтовых заведениях, барах, во всех ресторанах, где бывали гангстеры, участились полицейские облавы, их телефоны открыто прослушивались. За ними установили круглосуточное наблюдение, вся переписка подвергалась проверке. Для главарей преступного мира жизнь, а особенно преступная деятельность стали невозможными.

Так продолжалось непрерывно в течение нескольких недель. На этот раз организация несла лишь убытки и не получала никаких доходов...

Потери были колоссальными. Надо было что-то предпринять. Хотя традиции синдиката требовали защиты Лепке, возник вопрос, не следовало ли ему пожертвовать собой ради сообщества, хотя бы потому, что, соблюдая до конца правила игры, организация пока еще отказывалась сама припести его в жертву. Парадоксальным оказалось то, что единственным человеком, к которому могло перейти дело Луиса Бухалтера, был Альберт Анастасиа. Но он являлся официальным телохранителем Лепке, сопровождавшим его, когда тот покидал свое убежище.

Наконец состоялся чрезвычайный съезд преступного синдиката. При полном единодушии присутствующих (к ним присоединился и Лучиано из тюрьмы

в Даннеморе) было решено, что Лепке должен сдать-ся на возможно лучших условиях, а в дальнейшем организация постарается помочь ему выйти на свободу.

Оставалось убедить его самого. Для этой цели выбрали Моз Воленски, приятеля Лепке, работавшего вместе с ним в сфере азартных игр. Он добросовестно отнесся к этому поручению и вскоре сообщил обо всем Луису Бухалтеру. Тот не мог уже продолжать изнурительную борьбу, его нервы больше не выдерживали. Замысел оказался довольно хитроумным и не вызвал у Лепке особого недовольства. Он состоял в следующем: чтобы избежать нежелательных осложнений, организация заключила «джентльменское соглашение» с Гувером. Последнему предоставлялась честь осуществить арест века. Вместе с тем это означало, что ФБР в соответствии с федеральными законами предъявит ему лишь обвинение в контрабанде наркотиков и дело ограничится тюремным заключением, тогда как, если его возьмут люди Дьюи, он предстанет перед нью-йоркским судом, который тут же предъявит ему обвинение в убийстве Джо Розена, что может повлечь за собой смертную казнь.

Воленски заверил Бухалтера, что соглашение, достигнутое с Гувером, тверже стали, что шеф ФБР сдержит свои обещания*. С другой стороны, Лаки Лучпано из Даннеморы гарантировал, что, пока Лепке будет находиться в тюрьме, за его делами будет наблюдать организация и он сможет получать причитающуюся ему долю так, как получает свою долю он сам, Чарли Лаки, с момента его заключения в тюрьму.

Лепке согласился. Почти с облегчением.

Оставалось осуществить весьма деликатный маневр — передать его властям так, чтобы не подвергалась угрозе его жизнь. Ведь полицейские поджидали его на всех перекрестках, каждый готов был, едва завидев, пристрелить его. Из Даннеморы Лучпано подсказал еще одно решение:

— Надо установить прямой контакт с Гувером... Мы располагаем некоторым влиянием на нашего до-

* В 1943 году Моз Воленски изрешетят пулями в ресторане в Манхэттене за то, что он впутал Лепке в эту историю, когда выяснится, что обещания оказались невыполненными.

рогого Билла О'Двайера (судья графства Кингс, избранный благодаря содействию «смазного банка» и грубому нажиму со стороны синдиката) и на Мориса Повака (помощника Фиорелло Ла Гардна)... кроме того, я привлеку этого подопка Уолтера Уинтшелла¹... Этот тип хотел выгнать меня из «Барбизона», потому что ему не нравился запах моих денег. По радио, в прессе он поднимет страшный шум и сможет гарантировать выполнение соглашения...

У Чарли всегда были хорошие идеи. Костелло помог осуществить задуманный план. 24 августа 1939 года «паккард», за рулем которого сидел Альберт Анастасиа, остановился перед домом номер 101 на 3-й улице в Бруклине. Человек в огромных солнечных очках, с высоко поднятым воротником мехового пальто стремглав выскочил из подъезда и юркнул в машину, громко хлопнув дверцей. Пересхав Бруклинский мост, Анастасиа попал в Манхэттен. На углу 5-й авеню и 28-й улицы стоял черный «кадиллак» с зашторенными окнами, который при их приближении зажег и погасил фары. Анастасиа поставил машину рядом и положил руку на свой пистолет.

Сидевший в другой машине Уолтер Уинтшелл сделал знак рукой. Лепке быстро вышел. Задняя дверца «кадиллака» открылась, чтобы впустить его. Навстречу ему протянулась рука:

— Привет, я Эдгар Гувер.

— Привет, я Луис Бухалтер.

— Лепке?

— Да... так называла меня моя мамаша...

Эдгар Гувер надолго замолчал. Потом он произнес задумчиво:

— Твоя мамаша?.. Это немыслимо, чтобы у такого типа, как ты, могла быть мать.

Было 22 часа 10 минут 24 августа 1939 года. Над городом нависла изпуриительная предгрозовая жара.

Гюрах Шапиро, который без своего друга Лепке не мог ничего предпринять, также вскоре сдался.

Это весьма важная дата. В некотором роде она стала кульминационным пунктом первого этапа упрощения и расцвета преступного синдиката, который

¹ Известный американский журналист.

прекратил свое существование в 1962 году со смертью Лучиано.

Если бы Лепке Бухалтер не был сдан властям, возможно, не было бы девять месяцев спустя этого необычайного дня страстной пятницы, так как именно Лепке удавалось огнем и мечом поддерживать железную дисциплину в «Корпорации убийств».

Организации в свою очередь суждено было пройти через тяжкие испытания. Она находилась в своем зените. Для большинства «звезд», излучающих мрачный кровавый свет на небосводе преступности, свободных от излишних эмоций, вспышка была близка: перед ними разверзлась черная бездна.

Это началось с Лепке. Гувер ликовал. Он наблюдал за своей жертвой. Он держал ее в руках. 27 ноября Лунс Бухалтер вместе с Шапиро, как и было оговорено, предстал перед федеральным судом. Судили его только за торговлю наркотиками. Он получил пятнадцать лет тюрьмы и уже считал, что отделался, когда вдруг Томас Дьюи кинулся на штурм, чтобы заполучить его себе. Эдгар Гувер дрался как лев, чтобы защитить... но не гангстера, государственного преступника номер один, в своем роде чудовище, а данное им обязательство.

Интересно отметить, что Томас Дьюи похвалялся: — У меня есть кое-что, из-за чего его можно упрятать на пятьсот лет или... на электрический стул... по выбору *.

* Все в деле Бухалтера говорит о преступном гении Лаки Лучиано. Он знал, что Лепке никогда не согласится сдаться Дьюи, и решил приложить все усилия, чтобы приободрить его и заставить сдаться Гуверу. Это ему удалось. Но единственным человеком, с которым Лучиано не мог справиться, чтобы обрести себе свободу, оставался Том Дьюи, политик, рвущийся к власти, понимающий, что он сможет выставить свою кандидатуру на замещение самого высокого поста в стране, лишь завоевав общественное мнение, убедив его в своей силе, внушив ему, что он тот самый неподкупный ангел, который поражает демонов зла. Лучиано знал ахиллесову пяту Дьюи. Он безжалостно согласился принести в жертву Лепке. Вместе с тем Лучиано сделал это, чтобы, предоставив Дьюи еще один шанс на успех, вместе с тем обрести над ним власть. Кстати, последние по времени признания, сделанные им в своем «Завещании», подтверждают его более ранние высказывания по этому поводу: «Для меня это был вопрос жизни и смерти: Дьюи следовало пройти через Олбани, прежде чем он смо-

То ли он располагал новыми фактами, то ли надеялся о них узнать...

В конце концов, в результате использования сомнительных, чтобы не сказать незаконных средств, вырвав Лепке силой из рук федерального правосудия, Дьюи сумел завладеть им, передать суду штата Нью-Йорк, раздобыть доказательства случаев вымогательства, в частности рэкета в хлебопекарной промышленности. Дело обернулось скверно для Луиса Бухалтера, он был приговорен к тридцати годам тюремного заключения. Столько же, сколько получил Лучиано. Довольный собой, Дьюи сделал еще один шаг на пути к креслу губернатора в Олбани — столице штата Нью-Йорк. Лепке же был вне себя.

Томми Луччезе посетил Лучиано в Даннеморе, чтобы получить «добро» на оставшееся наследство. Но разве именно так и не предполагалось сделать?

* * *

Надо признать, что преданные друзья Луиса Бухалтера постоянно оказывали ему помощь, начиная с того момента, когда Дьюи взял его в оборот, вынудив пуститься в бега, а затем при содействии Лаки Лучиано сдать правосудию. Анастасия устранил сам или помог устранить одиннадцать человек, чьи свидетельские показания могли погубить Лепке. Багси Сигел, хотя он безвыездно сидел в Лос-Анджелесе, сильно скомпрометировал себя при реализации одного необычного контракта.

В последние дни существования «сухого закона» один из людей Лепке, профессиональный убийца Гарри Гринберг, он же Биг Грини, в ходе одной операции по ликвидации, проводимой по приказу его шефа Бухалтера, попал в поле зрения полиции. Лепке

жет выставить свою кандидатуру на выборах в Белый дом. Мне необходимо было, чтобы он оказался в столице штата, потому что в качестве губернатора он имел право освободить меня условно. Следовало решить две задачи: во-первых, сделать так, чтобы Дьюи победил Лемана или любого другого кандидата от демократов; во-вторых, так распорядиться деньгами, отпущенными на кампанию Дьюи, чтобы дать ему почувствовать себя действительно обязанным мне. Но на этот раз меня не положат на лопатки, как в истории с Рузвельтом,

приказал ему немедленно бежать в Канаду и там ожидать его распоряжений. Время шло, и Биг Грини быстро оказался «на мели». Он влачил жалкую жизнь, но, придя к мысли, что нищета не лучший способ существования и что ему кое-что должны, занервничал. Он поручил своему приятелю, летчику, с которым был знаком с благодатных времен бутлегерства, Дэнни Дохерти, передать весточку Бухалтеру, содержание которой можно было бы изложить следующим образом: «У меня сложилось впечатление, что тебе на меня плевать. Но я все помню и мог бы даже рассказать кое о чем, если ничего не изменится. Вышли мне срочно пять кусков (пять тысяч долларов)».

Лепке еще не оправился от оказавшихся для него пагубными свидетельских показаний, прозвучавших в зале суда, и не удивительно, что это послание привело его в бешенство. Он тут же отдал распоряжение Алли Танненбауму отправиться в Канаду и прикончить Гринберга.

Дохерти, свидетель взрыва ярости, охватившей Лепке, понял, что его приятель получит не пять «кусков», а солидную порцию свинца. Он тут же известил об этом Бига Грини. Поэтому, когда Алли Танненбаум прочесал весь Монреаль, он вынужден был признать: Биг Грини отправился искать удачу в другом месте.

Лепке настолько боялся Гринберга, что поручил Сигелу любой ценой разыскать беглого свидетеля кровавого прошлого, одной фразы которого могло оказаться достаточно, чтобы отправить его на электрический стул.

Приказы аналогичного содержания были разосланы по всей стране. Синдикат обнаружил было след Гринберга, который, чтобы немного подзаработать, вступил некоторое время назад в контакт с «Пёпл ганг» из Детройта, а затем, как ни странно, больше не появлялся.

В довершение всех бед сам Бенджамин Сигел обнаружил, что на него нацелился федеральный атторней Д. Т. Кахилл, пытаясь вменить ему в вину учас-

где мы все устроили, а оказались облапошенными. В случае с Томасом Дьюи план, который я задумал, давал мне преимущество над ним».

тие в преступной деятельности начиная с 1928 года. 4 сентября 1939 года Сигел предстал перед федеральным Большим жури. Отвечать на вопросы он отказался и потому 29 сентября был осужден за оскорбление властей. Но уже 4 октября, после того как самые влиятельные люди, самые известные кинозвезды Голливуда пришли хором засвидетельствовать его бесконечные достоинства, вышел на свободу. Графиня Ди Фрассо пустила в ход все свои политические связи. Неохотно, но его все же освободили. Едва он вернулся к своим пенатам, как тут же повидался с Шоломом Бернштейном, который за определенную плату указал ему, где скрывается Биг Грини Грипберг. Беглец обосновался в Лос-Анджелесе на Юсса-стрит, вход со двора. Если учесть, что Бухалтер сдался Гуверу 24 августа 1939 года, то ясно, почему необходимо было заняться человеком, которому было что рассказать.

По своим личным соображениям Бернштейн отказался взяться за это дело, которое требовало большой осторожности. Багси не мог, не поставив себя под удар, привлечь к делу кого-либо из своих калифорнийских «курков». Ему удалось разыскать Алли Танненбаума и Уайти Кракоу, «курков» Лепке, находящихся в бегах, а также Чампа Сегала, недавно вышедшего из тюрьмы. Руководить операцией он уговорил Фрэнки Карбо*. Сделать все следовало очень быстро, поскольку, если бы Биг Грини удалось установить контакт с Дьюи, Лепке пришел бы конец. К тому же дата судебного заседания уже была назначена — 27 ноября 1939 года.

* Начав свою карьеру с организации спортивных пари, Карбо сумел пролезть в круги, близкие к боксу. Довольно быстро он начал специализироваться на боях спортсменов средней весовой категории; его многочисленные махинации, в том числе заранее оговоренные результаты боев, приносили ему огромные доходы. Его методы оказания давления на чемпионов не нуждаются в комментариях. Так, он взял под свое покровительство Быка из Бронкса, Джейка Ла Мотта, которому удалось отобрать титул чемпиона у француза Марселя Сердана в Детройте 17 июня 1949 года. Однако во время одного из боев Ла Мотт повредил руку, и стало очевидным, что Сердан без труда возьмет реванш в предстоящей встрече, назначенной на 2 сентября 1949 года в «Мэдисон-сквер-гарден». Все специалисты были в этом уверены. В начале октября

Четверо убийц, сменяя друг друга, осторожно приступили к изучению привычек Гринберга. Они быстро установили, что «объект» выходит из убежища не чаще одного раза в день, в основном вечером, чтобы немного прогуляться, и возвращается с продуктами и свежими газетами.

Наступил поздний вечер 22 ноября 1939 года. Как обычно, Гринберг вышел на улицу, решив на этот раз воспользоваться своим маленьким «фордом». Вернувшись спустя час, он поставил машину на стоянку и не обратил внимания на «кадиллак», за рулем которого находился Алли Танненбаум. Рядом с ним сидел Чамп Сегал. Задние дверцы осторожно открылись. Из автомобиля потихоньку вышел Багси Сигел, которого прикрывал Фрэнки Карбо.

Из второй автомашины за происходившим наблюдал Уайти Кракоу.

Биг Грини уже достал свои пакеты с продуктами, лежавшие на заднем сиденье «форда». Когда он повернулся, то обнаружил перед собой двух человек. Фрэнки Карбо, как и было задумано, опередил на два шага Багси Сигела, не спеша поднял руку с кольцом и выпустил всю обойму в грудь своему визави. Биг Грини почему-то принялся поднимать выпавшее из пакета яблоко, затем рухнул на землю.

Все спокойно сели в машину и уехали.

Год спустя Алли Танненбаум, арестованный за другие свои похождения, рассказал об этой акции Туркусу, который вынес постановление об аресте Сигела и Карбо.

Поиски Сигела велись для проформы. На самом деле он отсиживался в своей квартире, в хитроумном, роскошно обставленном убежище, и сожалел только о том, что был лишен возможности загорать на солн-

четыре человека из отряда Карбо поселились в гостинице «Кларидж» в Париже. 27 октября Марсель Сердан сел в самолет французской авиакомпании в Орли. Спустя несколько часов самолет разбился у Азорских островов. Все пассажиры погибли. Официальное расследование ничего не дало. Джейк Ла Мотт остался чемпионом мира. 28 октября люди Карбо покинули «Кларидж». В 1961 году Дон Джордан, чемпион мира среди боксеров полусреднего веса, дал показания, что Фрэнки Карбо хотел его «насильственно лишить свободы». Фрэнки был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. Он умер в 1976 году от рака.

це. Его адвокаты успокоили его, объяснив, что Танненбаум, принимавший участие в операции, не может рассматриваться как свидетель. Благодаря своим показаниям Танненбаум остался в живых. Понемногу неприятности Багси окончились, но следует признать, что он рисковал жизнью, чтобы спасти Лепке. И без какой-либо для себя выгоды.

* * *

Из Даннеморы Лучиано продолжал спокойно руководить своими операциями, когда в начале 1940 года его посетил встревоженный Костелло, голос которого звучал более хрипло, чем обычно:

— Лаки, на этот раз беда: Рильз начал давать показания Бартопу Туркусу, и Билл О'Двайер мне передал, что многим из тех, кто занимался рэкетом, крышка. Эта сволочь поет так, что можно подумать, он никогда не слышал кенара *. Даже ты, находясь в своей клетке, и то не можешь чувствовать себя в безопасности. Тебе надо это как следует обмозговать. Я еще раз приду к тебе, и мы будем действовать так, как ты скажешь.

Костелло покинул Лучиано, охваченного не очень радостными мыслями. Начиная с этого дня он регулярно сообщал слова «песни», которую пел «кенар» (синдикат имел среди офицеров полиции двух своих людей, ежедневно сообщавших о признаниях Эйби Рильза), чтобы Лучиано знал, какую «музыку» необходимо сочинить для контригры.

Так предательство Рильза образовало в структуре преступного синдиката брешь, и ворвавшийся через нее ветер мог смести их всех.

* Кенар — доносчик; тот, кто начинает выдавать сообщников.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ

Это произошло в 17 часов 30 минут в пятницу 22 марта 1940 года. В своем кабинете, расположенном на четвертом этаже здания муниципалитета в Бруклине, заместитель окружного атторнея Бартоп Туркус заканчивал разбирать бумаги. Начинался пасхальный уикенд, и в остальных помещениях почти никого не было. Туркус бросил безнадежный взгляд на карту, прикрепленную кнопками к стене. Так повторялось каждый вечер. На этой карте были обозначены районы города, входившие в сферу компетенции окружного атторнея О'Двайера и его самого: Бруклин, Браунсвилл, восточные районы Нью-Йорка и Оушен-Хилл. Вся карта была испещрена черными точками, как шкура пантеры. Эти значки указывали места, где за последние два года были совершены убийства, виновников которых так и не удалось установить. Таких точек насчитывалось более двухсот! Их число увеличилось бы вдвое, если бы были учтены случаи нападения и насилия.

Неожиданно зазвонил телефон. Туркус снял трубку. Незнакомая женщина, находившаяся внизу, в холле, настойчиво требовала встречи с ним или с О'Двайером. Туркус вздрогнул, услышав ее имя: Роззи Рильз. Заместитель окружного атторнея приказал немедленно провести к нему посетительницу. Она оказалась молодой и довольно хорошенькой женщиной. На ней была шляпка в виде чалмы, а бежевое пальто с меховым воротником уже не могло скрыть беременность. Роззи Рильз хотела поговорить с самим О'Двайером, но вдруг расплакалась.

— Я хочу спасти моего мужа от электрического

стула,— рыдая, проговорила она,— в июне у нас должен родиться ребенок.

Ее муж, Эйби Рильз, он же Кид Твист (Кривой), был одним из самых опасных и циничных негодяев Бруклина. У него были удивительные зеленые глаза, огромные, как у гориллы, руки, достигавшие колен, большие, толстые пальцы живодера. Наделенный незаурядным умом, он дебютировал в качестве бутлегера в 1927 году, но сам никогда не употреблял спиртного. Его жена говорила о нем как о человеке обаятельном и очень внимательном, но именно он жестоко эксплуатировал прелести доброй дюжины проституток. Его отличало завидное хладнокровие в любой ситуации. Об этом красноречиво свидетельствует одна драматическая история.

В сентябре 1932 года наемный убийца по прозвищу Джек Художник подкараулил его прямо на улице с твердым намерением прикончить. Рильз улыбнулся, глядя ему прямо в лицо, и даже глазом не моргнул от волнения.

— Я согласен, Джек,— проговорил он безмятежно.— Сейчас ты меня пристрелишь. Но потом наступит твоя очередь. Где бы ты ни находился, моя банда тебя найдет и сделает с тобой то же самое. Ты это хорошо знаешь.

Джек Художник, который уже готовился нажать на курок, на секунду замешкался. Рильз тут же воспользовался этим:

— Послушай, Джек, что ты выиграешь, если станешь покойником? Разве между нами что-то произошло? Давай-ка сначала объяснимся, а уж потом прикончишь меня!

Ошеломленный противник уже и не помышлял о стрельбе. Рильз продолжал убеждать его:

— Глупо убивать друг друга, когда денег хватает на всех, хоть лопатой гребь. Ты лихой парень! Почему бы тебе не присоединиться к моей банде? Если я тебя представлю, мои ребята примут тебя с распростертыми объятиями!

— Что ты мелешь! — проговорил тот все еще с угрозой в голосе.

— Поговорим об этом спокойно за стаканчиком, как это делают настоящие деловые люди,— невозмутимо предложил Рильз.

Его благодушие развеяло недоверие Джека Художника, который, на свою беду, забыл, что Рильз вообще не пьет. На этот раз, однако, его грозный противник пил вместе с ним. Когда настала пора покинуть бар, эти двое уже заключили мир. Рильз в порыве «дружбы» предложил собутыльнику сногсшибательное сотрудничество, на которое Джек поспешил дать согласие.

На улице изрядно выпивший Джек стал спотыкаться. Прикинувшись пьяным, Рильз, тоже покачиваясь, незаметно увлекал его на пустынную улицу. Тыча пальцем в то место, где его будущий компаньон прятал свой пистолет, он бормотал:

— Ты сдурел, таскаешь с собой эту штукину. Повсюду полно полицейских. Если тебя арестуют с таким вещественным доказательством, тут же схлопочешь несколько месяцев тюрьмы. Давай мне твою пушку. У меня по крайней мере есть разрешение.

Джек Художник, сознание которого полностью затуманил алкоголь, совершенно потерял осторожность и протянул свой револьвер новому приятелю. Эйби Рильз небрежно загробастал оружие в свою ручищу и, продолжая улыбаться, выпустил весь барабан в живот своему несостоявшемуся компаньону. После этого он спустил пистолет через решетку в сточную канаву и дал стрелочка, благополучно пройдя проходными дворами несколько улиц. Убедившись, что погони нет, он замедлил бег, затем перешел на шаг, продолжая изображать пьяного. Ударом поги он разбил витрину первого попавшегося магазина, позволил его владельцу задержать себя и доставить без хлопот в полицейский участок. Рильз успел оказаться там незадолго до того, как объявили тревогу. Патруль доставил в участок изрешеченный пулями труп Джека Художника.

Рильз разразился пьяным смехом:

— По крайней мере, мальчики, вы можете засвидетельствовать, что я здесь не при чем!.. Я еще задолго до этого оказался у вас!

И действительно, ни полицейские, ни пострадавший владелец магазина не могли и на секунду представить себе, что настоящий убийца и веселый пьяница, доставленный в участок до того, как было обнаружено преступление, одно и то же лицо.

Таков был Эйби Рильз... В свои тридцать два года он уже шесть раз на длительные сроки обосновывался в тюрьме и удерживал незавидный абсолютный рекорд по числу задержаний: сорок два за шестнадцать лет, из которых шесть за убийство (избежал наказания за недостатком доказательств) и семь за вооруженное нападение. После июня 1930 года не проходило и трех месяцев подряд без того, чтобы Рильз не оказывался в тюрьме на тот или иной срок. Он туда попал вновь в конце февраля.

Но на этот раз он задержится там надолго, подвергаясь серьезному риску преждевременно закончить свою карьеру на электрическом стуле. Ирония судьбы: он сам подстроил себе ловушку ради циничного удовольствия зло посмеяться над полицейскими. Он, правда, был убежден, что его вскоре с извинениями выпустят на свободу. Но шутка неожиданно приняла скверный для Рильза оборот.

События начали разворачиваться 25 января. В этот день на стол окружного атторнея О'Двайера попало письмо, отправленное из исправительной тюрьмы в Рикерс-Айленде. Отправил его некий Гарри Рудольф, он же Мок (Шутник), мелкий жулик, отбывавший там наказание за какой-то проступок. Он просил, чтобы его выслушали по поводу одного убийства.

На что рассчитывал этот жалкий малый, которого сами полицейские считали ненормальным? О'Двайер и Туркус решили тем не менее его допросить, рискуя лишь тем, что зря потеряют время. Гарри Рудольф был очень возбужден.

— Я ненавижу эту банду из Браунсвилла! — сразу же заявил он.

Несколько слов об этой банде. Банда из Браунсвилла — убогого пригорода Бруклина — была хорошо известна полиции, которая уже давно подозревала об ее участии в самых гнусных преступлениях, по никак не могла доказать это, за исключением нескольких случаев обвинения в бродяжничестве и мелких правонарушениях. Главарем банды был Эйби Рильз.

В двадцатых годах Браунсвилл считался исключительно вотчиной трех братьев Шапиро, грозных гангстеров, осуществлявших абсолютную монополию на все виды рэкета в этом районе. Старший из братьев, Мейер, был настоящим чудовищем, подлым и

порочным. Он терроризировал всех, вплоть до полиции. В те времена Рильз был только одним из подручных. Но его отличали незаурядный ум и честолюбие. В тот день, когда он получил пулю в спину, защищая машины своих хозяев, он решил, что, подвергая себя риску, также имеет право получать свою долю доходов. Шапиро не захотели даже слушать об этом, и Рильз, которому было двадцать лет и который был полон энергии, организовал свою собственную банду, сборище молодых негодяев, готовых за десять долларов прикончить мать с отцом. Среди них выделялись: Сэм Багси Голдштейн, его одноклассник; Блю Джо (Синий Джо) Маггун, прозванный так за то, что часто ходил небритым, и особенно один щеголь, безжалостный и безгранично дерзкий,— Гарри Страус, он же Биг Гарри, он же Питсбург Фил или Красавчик Брумел, получивший эту кличку из-за своих претензий на элегантность.

Образование на исконной территории их собственных владений этой банды «молодых волков», стремящейся отвоевать себе место под солнцем, привело братьев Шапиро в ярость. Однажды вечером в качестве предупреждения Мейер похитил прямо на улице подружку Рильза, вывез ее на пустырь и избил так, что изуродовал на всю жизнь. Ей было только восемнадцать лет! Рильз поклялся расправиться с братьями Шапиро. Но одной решимости для этого было мало, так как его небольшая шайка не могла открыто выступить против целой банды, могущественной и хорошо организованной. Рильз убедился в этом на собственном горьком опыте. Предупрежденный однажды вечером Джо Силверсом, которого они использовали в качестве лазутчика в чужом стане, о возможности застать врасплох старших братьев Шапиро, Рильз, Голдштейн и некто Дефео ринулись в атаку, полагая, что легко сведут счеты, но... попали в ловушку. Джо Силверс вел двойную игру и предал их. Голдштейн потерял в перестрелке нос, Рильзу пуля попала в желудок, а Дефео убили на месте. Взмешенный как никогда, но получивший хороший урок на будущее, Рильз после этого заключил союз с другой бандой начинающих гангстеров-сицилийцев, возглавляемых Гарри Хэппи Мойоном и Фрэнком Дашером (Дезертиром) Аббандандо, которые действовали в районе Оушен-

Хилл и были на ножах с братьями Шапиро. Объединение прошло не совсем гладко. Мойон и Рильз, движимые одними и теми же властолюбивыми стремлениями, никак не могли найти общий язык. Им удалось, однако, выработать простую единую программу: уничтожить братьев Шапиро, а затем по справедливости разделить трофеи между собой.

Соглашение принесло свои плоды. Отныне братья Шапиро подвергались нападениям и днем, и ночью. Только за один год Мейер служил мишенью девятнадцать раз. Но ему удавалось всегда оставаться в живых, несмотря на многочисленные ранения. Казалось, ему сопутствует удача. Июльской ночью 1931 года Рильз и еще четверо из его банды устроили засаду, предварительно перерезав проводку освещения в холле дома Ирва Шапиро, среднего брата. В результате Ирв получил восемнадцать пулевых ранений и скончался на месте. Спустя два месяца Джо Силверс, который скрывался после совершенного им предательства, был похищен и убит несколькими выстрелами в голову Рильзом и Мойоном. Через день наступила очередь Мейера Шапиро, которого похитили вечером, когда он выходил из бара, и увезли на машине Рильз, Мойон и Голдштейн. Их двадцатая попытка удалась. Тело Мейера, изрешеченное пулями, разрубленное на куски и упакованное в два бочонка из-под вина, было обнаружено в винном погребе в трущобах Ист-Сайда.

Младший из братьев, Уилли Шапиро, который до этого лишь изредка привлекался старшими братьями для участия в преступных акциях, продемонстрировал, однако, твердое желание унаследовать дело и отомстить обидчикам. И поплатился за это. Похищенный, как и старший брат, он подвергся жестоким пыткам и затем был закопан еще живым в песчаные дюны Оушен-Хилл. В этой операции принимали участие Хэппи Мойон, Фрэнк Дашер Аббандандо, Витто Гуринно, лучший стрелок банды, исполнивший, весивший более 135 килограммов, и Питсбург Фил.

В 1934 году, освободив территорию от противников, Эйби Рильз и Хэппи Мойон, как и договаривалось, поделили империю побежденных, пополнив свои собственные банды за счет наиболее способных гангстеров из банды Шапиро.

Рильз и его братья устроили себе штаб-квартиру в задней комнатке кондитерской лавки «Корнер», где находилась также ростовщическая контора. Торговля в лавочке шла все двадцать четыре часа, за что хозяйку Рози Финч прозвали Рози Полночь.

Хэппи Мойон и Фрэнк Аббандандо обосновались в шести кварталах на восток, на Атлантик-авеню. Обе банды стали заниматься вымогательством, одна в Браунсвилле, другая в Оушен-Хилл, действуя еще более беспощадно, чем братья Шапиро.

Но вскоре разногласия между Рильзом и Мойоном возникли вновь и, несомненно, привели бы к междоусобной войне, если бы не неожиданно появившийся на сцене Альберт Анастасиа, владыка Бруклина, которому подчинялись оба района. Жестокость, сноровка, хладнокровие и стойкость молодых бандитов уже давно привлекали внимание грозного лейтенанта и компаньона Лепке Бухалтера. Как человек опытный, Альберт Анастасиа считал, что было бы неразумно позволить столь многообещающим молодым людям понапрасну растрачивать свои силы на столь же глупые, сколь и бесполезные убийства. Он направил к ним своего доверенного человека Луиса Капоне (не следует путать с Аль Капоне, с которым он никак не был связан).

Владелец одного из известных ресторанов, который служил ему прикрытием, Луис Капоне содержал его в основном как место, где полюбовно разрешались разногласия, возникавшие между людьми двух крупных боссов: Бухалтера и Анастасиа. Это не мешало тому же Капоне, когда требовалось, перевоплощаться в жестокого и безжалостного убийцу. Увещевая и угрожая, он предложил Рильзу и Мойону оставаться союзниками и, продолжая по-прежнему контролировать свои районы, совместно предоставить отряды своих молодчиков в распоряжение Анастасиа и Бухалтера.

Среди представителей преступного мира Нью-Йорка только тот, кто не дорожил жизнью, мог не принять «предложения» такого человека, как Анастасиа. И хотя ни Рильз, ни Мойон не отказались от своих взаимных притязаний, они продолжали «работать» сообща.

Вплоть до трагического финала банды обоих гангстеров действовали как одна огромная, крепко сплоченная команда, которую американский преступный

мир окрестил «Бруклинское объединение». Штрейкбрехеры и подстрекатели, наемные погромщики и бандиты, избивавшие неуступчивых профсоюзных деятелей, ликвидаторы «стукачей» или несговорчивых противников двух своих главарей, эти молодчики отнюдь не сидели без работы, и вскоре им даже пришлось пополнить свои ряды.

Постепенно они набили руку и так усовершенствовали различные способы уничтожения противников, что не оставляли при этом никаких следов. Их жестокость, высокая эффективность операций, своеобразное пристрастие к такого рода делам, страх, который они внушали, привели в восторг Лепке Бухалтера и Анастасна. Перед «Бруклинским объединением» открывалось в ближайшем будущем широчайшее поле деятельности в национальном масштабе.

Проводя кровавые карательные экспедиции и мероприятия по запугиванию неблагонадежных, Эйби Рильз и Хэппи Мойон со своими бандами полностью подчинили себе Браунсвилл и Оушен-Хилл: они занимались рэккетом и вымогательством, эксплуатируя десятки тайных игорных домов, при которых имелись ростовщические конторы, обслуживающие незадачливых игроков. Эти «банки» выдавали ссуды на условиях шесть к пяти: за каждые пять долларов, взятые займы, должник обязывался выплачивать один доллар в неделю. Ссуды обычно выдавались сроком на шесть недель. Поэтому должник, взявший на весь этот период сто долларов, обязан был в итоге вернуть двести двадцать долларов, что составляет свыше тысячи процентов в пересчете на год. «Банк» страховал себя, заставляя человека, получавшего ссуду, подписывать чек на всю подлежащую возврату сумму, включая проценты. В дальнейшем это позволяло законным образом добиваться наказания должника за выдачу чека без обеспечения, что в Соединенных Штатах Америки каралось тюремным заключением. Должнику, уклонявшемуся от выплаты ссуды, наносили визит мускулистые инкассаторы, которые для убедительности ломали ему одну или обе ноги битой для бейсбола, что автоматически вело к удваиванию начисленных процентов и установлению ближайшего и последнего срока уплаты всего долга. Если и после этого бедняга оказывался неплатежеспособным и особенно если он

осмеливался жаловаться полиции, его в назидание остальным истязали, нередко доводя до смерти, и он бесследно исчезал. Не обескураженные такими методами люди, не имеющие возможности получить ссуду законным путем, обращались в тайные конторы банды в Браунсвилле, доходы которых исчислялись десятками тысяч долларов еженедельно. Рильз расширил сферы своей активности за счет сводничества и продажи краденых машин, предназначенных для бесчисленных проходимцев, рыщущих в поисках машин для совершения очередных преступлений. Лучшими специалистами в этом деле были Блю Маггун и особенно один бывший студент с глазами мечтателя — Шолом Бернштейн, который лично украл более сотни машин и ни разу не попался.

Окружной атторней Бруклина и его заместитель не могли предполагать и десятой доли всего этого. Им до сих пор не удавалось арестовать кого-либо из членов банд Браунсвилла и Оушен-Хилл, если не считать нескольких гапгстеров, которым было предъявлено обвинение в бродяжничестве. Можно представить себе их вид, когда утром 25 января 1940 года заключенный Гарри Рудольф, доставленный из тюрьмы, находящейся в Рикерс-Айленде, как бы в оправдание себе заявил им в начале своей «исповеди»:

— Я ненавижу эту банду из Браунсвилла!..

И почти без передышки Гарри, все более и более распаляясь, закончил:

— Эти подлые твари прикончили моего приятеля Рэда Халперта. Я готов свидетельствовать об этом под присягой!..

О'Двайер и Туркус несколько опешили.

Речь шла об убийстве, совершенном шесть лет назад и давно отнесенном к категории дел, «не имеющих продолжения». Полиции пришлось рыться в архивах, чтобы убедиться, что эта история не выдумана Рудольфом. Оказалось, что нет! 25 ноября 1933 года на пустыре было обнаружено изрешеченное пулями тело девятнадцатилетнего Рэда Халперта. Полиции не удалось обнаружить ни малейшей улики, она не имела ни одного самого скудного свидетельского показания.

— Неверно! Она могла бы их получить! — закричал Рудольф, все более волнуясь. — Я был там! Рэда перехватили, когда он выходил из дома, эти погоды

из Браунсвилла: Эйби Рильз, Багси Голдштейн и Дьюки Маффетор. Они увели его «прогуляться».

— Почему бы тебе не рассказать об этом раньше? — с недоверием спросил О'Двайер.

— Я пытался! Никто не хотел мне верить. А оплатили мне вот чем! — Мок вытянул рубашку из брюк и показал худой живот, на котором отчетливо был виден длинный красный шрам. — Это тоже их работа! В меня стреляли. Только случайно пуля попала неглубоко, и мне самому удалось извлечь ее. После этого я предпочитал молчать. Но я постоянно думал об этой истории. Она не дает мне жить спокойно.

О'Двайер и Туркус продолжали подозрительно смотреть на него. Но даже если он и лгал, то его свидетельские показания могли позволить задержать, хотя бы ненадолго, опасных типов.

Вечером того же дня капитан Бил А. Салливан, шеф 12-го полицейского округа, совершил рейд по пользующимся дурной славой питейным заведениям Бруклина в поисках подозреваемых, которых назвал Гарри Рудольф. Не очень рассчитывая на успех, он повсюду обращался к барменам с одними и теми же словами:

— Если увидите Кида Твиста или Багси, передайте им, чтобы завтра в восемь утра они зашли ко мне в участок.

К огромному удивлению Салливана, Эйби Рильз и Багси Голдштейн оказались пунктуальными и пришли на свидание, едва полицейский заступил на службу. Оба вели себя нахально, были подчеркнуто спокойными и даже пробовали шутить.

— Эти мелкие забавы все продолжают, — ухмылялся Багси Голдштейн, для которого это могло закончиться двадцать пятым по счету арестом. — Валяйте, если вам это нравится! Как и всегда, мы выйдем отсюда через двое или трое суток, а вы будете приносить свои извинения, шеф!

Но ни ему, ни Рильзу уже никогда больше не придется свободно прогуляться по улицам Бруклина. Не пройдет и года, как обоих настигнет смерть.

В этот же день после обеда патруль доставил задержанного на основании показаний Рудольфа третьего участника преступления — Дьюки Маффетора. Этот проходимец, двадцати пяти лет от роду, за всю свою

жизнь не читал ничего, кроме комиксов, и ни разу даже не попытался заняться честным трудом. Этому ничтожеству противостояли такие грозные противники, как О'Двайер и Туркус.

Расследование они начали с того, что поместили арестованных в три разные тюрьмы, с тем чтобы изолировать их друг от друга, не допустить установления между ними тайной связи.

Рильза отправили в нью-йоркскую тюрьму Томбс, Голдштейна — на Статен-Айленд, Маффетора — в тюрьму графства Бронкс.

После этого следователи Мики Макдермотт и Джек Оснато, говорившие по-итальянски, взялись за Маффетора, пытаясь убедить его, что Рильз и Голдштейн все сваливают на него и хотят сделать из него козла отпущения. Но страх заставлял молодого бандита хранить молчание. Несмотря на свою тупость, он понимал, что никакая тюрьма не сможет сохранить жизнь «кенару», который начал «петь». Макдермотт и Оснато терпеливо продолжали обрабатывать Маффетора. Они сообщили ему, что Рильз и Голдштейн предложили Гарри Рудольфу 5 тысяч долларов, чтобы тот признал свои показания ложными, в том числе и их обвинение в убийстве Рэда Халперта... Это соответствовало действительности. Рудольф сам сообщил О'Двайеру и Туркусу о попытке подкупить его, совершенной с помощью одного из заключенных. Его сосед по камере подтвердил эти показания. Но следующая новость, которую принес Маффетору Туркус, сломала его сопротивление:

— Твою жепу и малыша выбросили на улицу, потому что они не смогли заплатить за квартиру. А тем временем жены Рильза и Голдштейна продолжают купаться в золоте.

Потрясенный этим сообщением, Маффетор, отнюдь не отличавшийся большой сообразительностью и умом, начал хныкать:

— Эти сволочи бросили меня!..

20 февраля он «сломался». Да, он действительно участвовал в убийстве Алекса Рэда Халперта шесть лет тому назад. Но только как водитель. После допроса с пристрастием он признал, что незадолго до этого доставил Интсбургу Филу Страусу (одному из убийц из банды «Корнер») краденую автомашину, в кото-

рой спустя три дня обнаружили труп. Он признал также, что привозил к Рильзу еще одного приговоренного к смерти, Файнштейна, чей обугленный труп был найден 1 мая 1939 года на пустыре, и, кроме того, принимал участие 3 августа 1939 года, опять-таки в качестве водителя, в уничтожении некоего Сола Голдштейна, похищенного и убитого все тем же Питсбургом Филом. Он утверждал, что ему больше ничего не известно. Очевидно, его действительно использовали на второстепенных ролях и не считали нужным вводить в курс дела. Маффетор читал свои комиксы, в то время как остальные занимались делами куда более важными. Если следователи хотят еще что-то узнать, сказал Маффетор, то пусть допросят его приятеля Сэма Левина, который участвовал в операции по уничтожению Сола Голдштейна. Вскоре Левина удалось арестовать. Этот красивый парень слыл любимчиком девушек Бруклина. Благодаря топким чертам лица, томным голубым глазам, светлым вьющимся волосам он с юных лет покорял женские сердца, пока не женился на Хелене, бывшей королеве красоты, в которую без памяти влюбился и которая подарила ему очаровательную дочь Барбару.

И тем не менее Левин был убийцей. Гораздо позднее следователям удастся установить, что Левин находился среди тех, кто прикончил Маранзано и еще добрую дюжину других людей. К моменту женитьбы он решил искупить свой грех и устроился водителем в отдел дорожного движения. Но когда его супруга в 1939 году отправилась в больницу, чтобы родить ему ребенка, Левин занял у Питсбурга Фила сто долларов, которые ему понадобились, чтобы внести аванс в клинику. После этого он вновь попал в зависимость от банды из Браунсвилла. Впоследствии он так и не смог вырваться из долговой кабалы. Ему, как и его приятелю Маффетору, было невдомек, что, арестовав их, полиция спасла им жизнь.

Банда, считая их ненадежными, решила от них избавиться. Уже в середине января был дан приказ уничтожить их. Они выжили только потому, что тщательность, с которой банда подготавливала в таких случаях свои акции, не позволила привести в исполнение приговор в более короткий срок. Так, прикончить Маффетора намеревались 9 февраля, а арестовали его

2 февраля. Левин, которого планировали убрать 1 марта, был схвачен полицией 19 февраля.

Сэм Левин был человеком умным, совсем другого склада, чем Маффетор. Несмотря на то что его допрос продолжался без перерыва в течение сорока восьми часов, он оставался нем как рыба. Тогда О'Двайер и Туркус решили применить другую тактику. Они устроили ему очную ставку с женой и маленькой Барбарой. Все трое явно обожали друг друга.

— Хотите спасти вашего мужа? — резко спросил Туркус у бывшей королевы красоты. — Это зависит только от вас. Убедите его говорить!

Хелена залилась слезами и бросилась в объятия мужа:

— Дорогой!.. Я тебя умоляю... Ради нас, расскажи им всю правду.

Видя, что мать плачет, маленькая Барбара тоже разрыдалась. Левин потерял самообладание.

— Я не могу говорить!.. Я не могу говорить!.. — истерически выкрикивал он.

В этот день он больше ничего не сказал. Но с тех пор он испытывал огромную тревогу за жену и дочь, потому что знал, что они остались без гроша. Следующую свою встречу с ними он закончил тем, что согласился:

— Я готов дать показания, но только о том, что касается лично меня.

Он ограничился минимумом: признал свое участие в угоне автомобиля, который потом использовался во время одного из нападений. И все.

Туркус решил тогда ужесточить тактику.

— Как хочешь, Сэм, но ты дал показания при своей жене. Отныне она свидетель обвинения, и поэтому она сама и ее жизнь подвергаются опасности. Чтобы обеспечить ее охрану, мы вынуждены содержать ее в тюрьме.

Вне себя от ярости, Сэм Левин начал вопить, но заместитель окружного атторнея оставался непреклонным. Он был убежден, что очаровательная Хелена знает многое о преступной деятельности мужа.

Туркус вызвал Хелену и маленькую Барбару. Окончательно сломленный, Сэм Левин решил выложить ему всю правду об убийстве Рэда Халперта. Халперт был бандитом, действующим в одиночку, столь

сильно пенавидевшим полицейских, что никогда не носил одежды синего цвета. Имея на руках краденые драгоценности, которые необходимо было сбыть, Рэд обратился к банде «Корнер», к Питсбургу Филу Страусу.

— Я хотел бы иметь три куска,— объявил он свою цену.

— Ты что, сдурел? Я предлагаю тебе семьсот бак*,— услышал он в ответ.

— Семьсот долларов! Можешь ими подтереться! — огрызнулся Халперт.

Никто и никогда не смел так грубо разговаривать с Гарри Страусом. Рэд Халперт был обречен. Банда, как обычно, стала тщательно подготавливать его уничтожение.

По решению Эйби Рильза и Багси Голдштейна, заманить Халперта в ловушку должен был Сэм Левин, которого тот не знал. Но Левин взялся за это так неловко, что Халперт что-то заподозрил и первый выстрелил в Левина, промахнулся и скрылся.

Рильз и Голдштейн после последней неудачной попытки заполучить его драгоценности решили сами заняться ликвидацией Халперта. Они договорились с Левином и Маффетором, чтобы те обеспечили себе твердое алиби, поселившись в ночь, когда планировалось провести операцию, в одном номере гостиницы, а сами прикончили Халперта, воспользовавшись услугами его лучшего приятеля, некоего Уолтера Сайджа, которому в качестве награды за предательство доверили управление игорными автоматами в районе Салливана. Но в 1937 году заподозренного в присвоении большей части полученных доходов Сайджа по приказу Рильза прикончили; он получил тридцать два удара ломом в горло и грудь, нанесенных Питсбургом Филом во время «прогулки» в горах Катскилл, в которой принимал участие и Сэм Левин. Его труп сбросили в озеро.

Левин, начав давать показания, уже не мог остановиться и признался еще в доброй полдюжине преступлений, в которых он принимал непосредственное участие. Тем самым он окончательно скомпрометировал Рильза, Голдштейна, Страуса, а также их сицилийских

* На аргс — долларов,

сообщников с Пасифик-авеню: Гарри Мойона и Фрэнк Аббандандо.

Именно он впервые назвал имя Лунса Капоне, одного из лейтенантов Лепке Бухалтера. Но самое главное — это то, что он действительно одним из первых обозначил в своих показаниях таинственную и потрясающую организацию убийц, в которой каждый мог быть руководителем акции уничтожения, но о которой он сам не знал ничего, кроме этого.

Для Рильза и Голдштейна, которые благодаря собственной самонадеянности попали в руки О'Двайера и Туркуса, признания Левина и Маффетора означали настоящую катастрофу. Тем более что сразу же после их показаний были арестованы Гарри Мойон и Фрэнк Аббандандо. 21 марта около десяти часов утра один из адвокатов предупредил об этом Рильза, и тот сразу же отправил письмо жене. Вот почему на следующий день в 17 часов 30 минут она предстала перед Туркусом.

Никогда заместитель окружного атторнея даже на мгновение не мог представить себе, что Рильз, этот замкнутый, словно несгораемый шкаф, человек, дерзкий и хладнокровный, позволит себе хоть в чем-нибудь признаться. Кстати, до этого момента Рильз решительно отрицал все, даже самое очевидное. Таким образом, нетрудно представить удивление, которое охватило Туркуса, когда он услышал заявление Розы Рильз:

— Мой муж хочет видеть окружного атторнея. Он хотел бы дать показания.

Туркус, который не поверил собственным ушам, потащил ее к О'Двайеру.

— Почему Рильз не изложил свою просьбу в письменном виде? — удивился О'Двайер.

Но Туркус прервал своего патрона.

— Не следует давать ему время на раздумья, он может изменить свое решение, — начал упрашивать он.

В то время как Розы Рильз препроводили под усиленной охраной под домашний арест, Туркус сел в машину и направился в тюрьму Томбс в Нью-Йорк, чтобы вытащить оттуда Рильза.

Но была страстная пятница, и на это требовалось разрешение судьи Верховного суда штата Нью-Йорк. В начале десятого вечера, когда он наконец получил

столь желанное разрешение, Туркус в сопровождении двух детективов доставил Рильза в Бруклин.

Убийца отнюдь не выглядел взволнованным или удрученным. Скорее наоборот — он без конца зубоскалил и держался весьма уверенно. Без сомнения, его решение представляло собой результат хладнокровного расчета, а не страха.

О'Двайер и Туркус сразу поняли это. Рильз взял инициативу в свои руки.

— У вас нет ничего, что бы свидетельствовало против меня,— начал он, небрежно опустившись на деревянный табурет в скромно обставленном кабинете окружного атторнея.

— Вы глубоко заблуждаетесь, Эйби,—сказал Туркус, пораженный наглостью Рильза.

Тот пожал плечами и насмешливо улыбнулся:

— Вы располагаете сплетнями, которые сообщил вам законченный придурок и наплели два жалких негодяя, но у вас нет ни одного вещественного доказательства или улики, способных убедить жюри.

Так оно и было. Рильзу было известно содержание статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк, которая гласила: «Ни один обвинительный приговор не может быть вынесен лишь на основании свидетельств участников преступления, если они не будут подтверждены другими доказательствами или другими свидетельскими показаниями, определенно устанавливающими участие обвиняемого в совершении данного правонарушения» *. Согласно судебной практике, толкование этого положения кодекса было столь узким и жестким, что Рильз и Голдштейн могли бы перед судом под присягой признать себя виновными в совершении десятка убийств (причем все их сообщники подтвердили бы эти показания), но их тем не менее обязаны были бы выпустить на свободу, если бы не было представлено вещественного доказательства или подтверждено показаниями свидетеля то, что они сообщили суду.

Как и большинство завсегдатаев тюрем, Рильз знал законы. С торжествующим видом он ткнул пальцем в сторону О'Двайера.

* Testis unus, testis nullus: один свидетель — нет свидетелей.

— Я сделаю так, что завтра вы станете человеком, о котором узнает вся страна,— пообещал он.— Это будет напоминать взрыв бомбы, и то, о чем я расскажу, навсегда войдет в анналы правосудия. Люди узнают правду о сотнях преступлений. Это всколыхнет всю нацию. Но для начала следует кое о чем договориться с глазу на глаз.

О'Двайер заставил Туркуса и полицейских удалиться и остался один на один с гангстером, который, казалось, уже заранее наслаждался своим триумфом. Спустя некоторое время атторней, несколько озабоченный, пригласил своего заместителя:

— Этот негодяй предлагает нам ошеломляющую сделку. Может быть, ее следует обсудить?

— Возможно, что это единственный шанс отправить на электрический стул добрую дюжину убийц. Только он может помочь в этом, снабдив нас конкретными данными,— признал Туркус.

О'Двайер на минуту задумался... Любопытный тип этот О'Двайер. Он был честолюбцем и отъявленным карьеристом. Для достижения своих целей он избрал путь, по которому прошло большинство политических деятелей Соединенных Штатов, полных решимости создать себе репутацию поборников закона. Он станет государственным атторнеем Бруклина, будучи кандидатом от демократической партии, обладавшей в то время огромной властью в штате Нью-Йорк. Но для него это было лишь промежуточным этапом. Он мечтал о большой политической карьере. И действительно, ему удастся занять должность, которая считается одной из самых надежных ступеней, ведущих к президентскому посту,— должность мэра Нью-Йорка. Он, торжествуя, получит ее после второй мировой войны, но в 1950 году сгорит в результате политического и финансового скандала, когда (о, ирония судьбы!) будет установлена его тесная связь с Фрэнком Костелло, политическим советником и великим взяточником преступного синдиката.

Однако в 1940 году О'Двайер находился в самом начале своей карьеры и с решением мешкать не стал.

— Постараемся особенно не уступать этому мошеннику,— предложил он своему заместителю Туркусу.

В итоге в течение всей ночи со страстной пятницы, утренняя заря которой некогда была свидетельницей предательства Иуды и отступничества Петра, продолжался упорный и мерзкий торг между Эйби Рильзом и представителями власти.

Убийца шел напролом. В обмен на свои признания он требовал полной безнаказанности. Это было неприемлемо и вызвало бы гневные протесты со стороны общественного мнения. О'Двайер внес контрпредложение:

— Мы признаем тебя виновным в совершении убийства второй степени *, и я лично буду ходатайствовать о том, чтобы твое сотрудничество с правосудием было полностью учтено.

Рильз, вне себя от ярости, ударил кулаком по столу.

— Об этом не может быть и речи! — закричал он. — Я не соглашусь ни на какое обвинение в убийстве!

Переговоры, проходившие в самых резких тонах, продолжались всю ночь. Наконец обе стороны пришли к взаимоприемлемому решению, основанному на тонкостях, присущих американскому праву: поскольку обвиняемому не могут быть вменены в вину его собственные свидетельские показания, Рильзу не будут предъявлены обвинения в убийствах, о которых он намерен сообщить и которые будут раскрыты благодаря предоставленной им информации. Он будет нести ответственность только в определенных пределах за те преступления, о которых не будет свидетельствовать, и, естественно, только на основании убедительных вещественных доказательств.

В конце концов, разве Томас Дьюи, главный соперник О'Двайера в рядах республиканской партии, не использовал неоднократно подобный прием, чтобы добиться наиболее важных свидетельств?

К четырем часам утра Рильз почувствовал себя наконец удовлетворенным. И чтобы продемонстрировать своим собеседникам готовность сотрудничать и показать, насколько они были благоразумны, вступив

* Непредумышленное убийство, которое не карается смертной казнью.

с ним в сделку, он тут же выложил свой главный козырь, заставивший их застыть от изумления. Он поведал им о действительных обстоятельствах и мотивах убийства Шульца!

В течение пяти лет вплоть до этой минуты причины, побудившие ликвидировать «голландца», оставались неизвестными. Считалось, что убийство Шульца произошло в результате соперничества, возникшего между бандами гангстеров; склонялись даже к тому, что в деле была замешана женщина. Но именно Рильз первым сообщил ошело姆ленным О'Двайеру и Туркусу правду: Датч Шульц был казнен по приказу главарей преступного синдиката за то, что он осмелелся, несмотря на их категорический запрет, упорствовать в своем намерении прикончить Томаса Дьюн, его «Немесиду»*.

Рильз раскрыл всю подноготную этой акции, назвал имена настоящих убийц, что позволило немедленно арестовать двоих — Чарли Биг Уоркмана и Мэнди Вейса, одного из лейтенантов Бухалтера. Третьего даже Рильз знал только по прозвищу — Пиги. Он участвовал в операции в качестве водителя, но и он, и Вейс, который должен был прикрывать отход Биг Уоркмана, сбежали, не дождавшись ее завершения. Уоркман один пристрелил и Шульца, и трех его телохранителей, а потом нашел еще время обшарить карманы «голландца» и вытащить у него все деньги**. Только после этого он вышел не спеша на улицу к машине. Завидное хладнокровие!

До этого момента полиция считала Чарли Уоркмана гангстером, которому доверяли только второстепенные роли. Рильз помог установить его настоящее место на иерархической лестнице преступного синдиката. Обладавший несокрушимым хладнокровием, этот беспощадный убийца с повадками бизнесмена, безупречно эlegantный, занимал в организации привилегированное положение. Его использовали исключительно руководители синдиката. Иногда ему разрешалось уча-

* Шульц в одной из газет вычитал это греческое слово и попросил объяснить его значение. Узнав, что оно означает «возмездие», и найдя его весьма изысканным, он стал именовать Дьюн не иначе как «Немесиды».

** Не доверяя банкам, Шульц всегда имел при себе огромные суммы денег.

ствовать на заседаниях высшего совета синдиката, который поручал ему самые деликатные акции. Так, промежуток времени между моментом, когда коллеги Шульца приговорили его к смерти, и моментом, когда Шульц намеревался разделаться с Дьюи, не превышал сорока восьми часов, и за двое суток Уоркману следовало организовать и провести ликвидацию «голландца». Он осуществил свою миссию за двенадцать часов и практически один, несмотря на то что Шульц, особенно недоверчивый в эти дни, выходил только в сопровождении грозных телохранителей.

Рильз говорил безостановочно в течение трех часов. Уже давно наступил день. Явно довольный впечатлением, которое ему удалось произвести на О'Двайера и Туркуса своими потрясающими разоблачениями, он пообещал обессиленным собеседникам:

— А сейчас я хочу рассказать вам по крайней мере о пяти — десяти «курках» с весьма подмоченной репутацией и подскажу, как можно их взять без всяких хлопот.

«МЁРДЕР ИНКОРПОРЕЙТЕД», ИЛИ «КОРПОРАЦИЯ УБИЙСТВ»

Отвратительные откровения продолжались целых двенадцать дней. За это время пришлось сменить несколько стенографистов и заполнить двадцать пять книг для записей большого формата.

Затем потребовалось на шесть месяцев привлечь с загрузкой на полный рабочий день тридцать восемь офицеров полиции и двадцать одного помощника лишь для того, чтобы сличить строку за строкой разоблачения, которые окажутся на редкость точными.

У Эйби Рильза была феноменальная память. За все это время он не допустил ни одной ошибки, что и подтвердила проведенная проверка. Учитывая, что минул не один год и что никаких записей Рильз не вел, следует удивляться, как ему удалось не только вспомнить без малейшей погрешности все факты, даты, места проведения акций, имена, вплоть до самых незначительных, участников событий, но и указать меню ужина, цвет костюма, описать приметы самого, казалось бы, незаметного свидетеля. Он без труда мог в деталях описать незнакомого ему покупателя сигар, присутствовавшего в табачной лавке, расположенной неподалеку от места совершения преступления, или вспомнить местонахождение станции обслуживания, на которой была куплена канистра бензина, для того чтобы сжечь труп жертвы.

Уставшие и измученные Туркус и его помощники, сменяя друг друга, проводили с Рильзом целые дни, а иногда и ночи. Им, собственно, не приходилось допрашивать его. «Кенар» шел по своей воле, неустойчиво и с явным удовольствием. Не дожидаясь, пока следовательно зададут ему наводящие вопросы, он сам подсказывал им, как следует поступать, чтобы собрать бесспор-

ные улики, где отыскать следы, чтобы выйти на неопровержимых свидетелей. Рильз казался неистощимым. Он приводил самые ужасные подробности без малейшего намека на волнение. Когда Туркус сухо заметил ему это, Рильз расхохотался и ответил с чудовищным цинизмом:

— Вы, конечно, очень волновались, когда впервые требовали смертного приговора? Ну а на десятый раз вам это было уже совершенно безразлично, не так ли? Так же и мне. Все дело в привычке...

Из всего того, что сообщал Кид Твист ошеломленным и подавленным всем услышанным следователям, мало-помалу вырисовывалась картина существования подлинной индустрии смерти по заказу — гигантского предприятия убийц, которое распространило свои шупальца по всей территории страны и функционировало в невероятных масштабах с пунктуальностью, точностью и необычайной эффективностью хорошо смазанного механизма.

Самое удивительное в том, что за десять лет существования этой грозной подпольной организации, действовавшей ежедневно и постоянно увеличивавшей счет совершенных преступлений, ни правительство, ни правосудие, ни ФБР, ни местная полиция даже не подозревали о наличии того, что пресса впоследствии станет называть «Мёрдер инкорпорейтед». В переводе это означает приблизительно следующее: «корпорация убийц» или «анонимное общество по совершению убийств на промышленной основе».

Почва для создания своеобразного сообщества по совершению убийств была подготовлена еще во время проведения встречи в Атлантик-Сити в 1929 году. Во время создания синдиката преступлений, распределения территорий и секторов деятельности представители верхушки американского преступного мира поклялись строго выполнять секретный кодекс, который они разработали и который отныне должен был регулировать отношения между различными бандами.

Каждый главарь шайки бандитов имел право распоряжаться жизнью и смертью своих людей в пределах установленной компетенции. Вне руководимой им банды, пусть даже на своей территории, ему было запрещено самостоятельно вершить суд. Он должен был в обязательном порядке вынести возникший конфликт

на обсуждение высшего совета преступного синдиката, состоящего из наиболее могущественных главарей, призванных следить за соблюдением порядка внутри организации, рассматривать все возникающие спорные вопросы, грозящие привести к кровопролитным стычкам, и решительно пресекать любые начинания, которые могли нанести вред синдикату.

Во всех этих случаях только высший совет мог вынести решение. Оно принималось простым большинством голосов после своеобразного судебного разбирательства, где обвиняемого, который, как правило, отсутствовал, дабы не уйти каким-либо образом от ответственности, защищал один из членов ареопага. Оправдательный приговор выносился очень редко, в основном высший совет высказывался за применение одной меры наказания — смерти.

Но начиная с 1929 года, то есть с момента, когда совещание в Атлантик-Сити избрало директорию, возник вопрос о необходимости наделения высшего органа власти эффективными средствами принуждения к соблюдению принимаемых решений и исполнению вынесенных приговоров даже в отношении великих боссов. Это стало необходимым условием существования и последующей эффективной деятельности синдиката.

Среди банд, которые занимались поставкой наемных палачей, самой большой популярностью в преступном мире пользовались специалисты из «Бруклинского объединения», возглавляемого Эйби Рильзом и Гарри Мойоном.

Члены высшего совета, такие, как Лепке Бухалтер, Альберт Анастасиа и Джо Адонис, неоднократно поставляли услуги своих «протекже» из Браунсвилла и Оушен-Хилл своим многочисленным союзникам, начиная с самого могущественного из них — Лучиано. Те, кому довелось воспользоваться «добрыми услугами» убийц из банд Рильза и Мойона, не скупились на похвалы в их адрес. Любое убийство, совершенное одним из отрядов, входящих в «Бруклинское объединение», представляло собой верх совершенства в смысле коварства и жестокости. Вскоре «заказы» буквально посылались со всех концов. Любые мало-мальски деликатные приговоры, касающиеся урегулирования счетов внутри банд или устранения противоречий, почти

автоматически передавались на исполнение тьюгам* из Браунсвилла и Оушен-Хилл. Посредниками выступали их великие «покровители»: Альберт Анастасия и Лепке Бухалтер. Этим двум крупным экспертам высший совет и поручил осуществление всех своих смертных приговоров.

Начиная с 1934 года деятельность «Бруклинского объединения» приобретает общенациональный размах, ряды его фантастически расширяются и в глазах всего преступного мира оно становится репрессивным органом высшего совета, обеспечивающим порядок внутри синдиката.

Оно стабилизирует свой состав, устанавливает иерархию подчинения, вводит непререкаемую дисциплину в своих рядах. Из кустарного промысла вырастает настоящий индустриальный трест убийц на любой вкус. Одним словом, рождается «Мёрдер инкорпорейтед»**.

За шесть лет своего существования этот чудовищный трест довел свою активность до потрясающих размеров.

Эйби Рильз подвел ошеломляющий итог совершенных преступлений перед оцепеневшими от ужаса О'Двайером и Туркусом. Его признания позволили органам правосудия пролить свет на восемьдесят три случая нераскрытых убийств, совершенных в Нью-Йорке, и более, чем на двести преступлений, организованных по всей территории страны. Однако даже эти цифры не отражали действительности. Кид Твист рассказал только о тех убийствах, о которых ему было известно самому и которые он мог подробно описать, наводя таким образом на след. Он полагал, что общее число жертв наемных убийц из «Мёрдер инкорпорейтед» превышает тысячу человек. А он знал о чем говорил.

Сам он в этой организации по доставке смерти исполнял обязанности своего рода технического директора,

* Прозвище, данное палачам по аналогии с душителями индусской секты «тьюгс», которая терроризировала Индию в XIX веке.

** Само собой разумеется, что это название, придуманное журналистами после того, как в 1940 году дело прогремело по всей стране. никогда не использовалось никем из гангстеров синдиката. Они предпочитали пользоваться привычным наименованием «Бруклинское объединение».

осуществлявшего постоянную связь с владыками преступного синдиката, уполномоченного передавать их приказы своим отрядам наемных палачей, перераспределять между ними поступающие заказы, следить за их точным исполнением и выдавать установленное вознаграждение.

Без каких-либо напоминаний Кид Твист поспешил осветить роль и место самых незначительных ответвлений организации, их методы, средства и принципы формирования отрядов наемных убийц. Он скрупулезно описал специализацию печально известных подразделений своего напарника Гарри Мойона и дал исчерпывающую характеристику самых выдающихся из числа наемных палачей: Фрэнка Дашера Аббандандо, Сэма Биг Голдштейна, Гарри Питсбурга Фила Страуса, Витто Гурино — истинного чудовища, безобразного и жирного, Джо Маггуна, неразговорчивого Макса Голлоба, Чарли Биг Уоркмана и Альберта Алли Танненбаума, убийцу с грустными глазами английского спаннеля.

Сбившийся с пути сын владельца гостиницы в Катскиле, Танненбаум был завербован Бухалтером и Гюрахом Шапиро, которые частенько посещали заведение его отца. Они сделали из него, одержимого страстью к азартным играм и потому не вылезавшего из долгов, профессионального убийцу.

Особую ценность представляли сведения, сообщенные Рильзом О'Двайеру и Туркусу, касавшиеся роли Мэнди Вейса и Луиса Капоне в недрах «Бруклинского объединения», лейтенантов и самых доверенных людей Альберта Анастасиа и Лепке Бухалтера. Через них можно было попытаться накинуть смертельную петлю на шею главному вдохновителю «Мёрдер инкорпорейтед».

До этого момента, несмотря на присущую ему жестокость и кровожадность, Лепке Бухалтера постигло наказание только за торговлю наркотиками и вымогательство. Для правосудия он по-прежнему оставался главарем одной из банд, и не больше. Разоблачения Рильза показали, совершенно неожиданно для О'Двайера и Туркуса, истинное лицо Бухалтера — высшего главы самого чудовищного предприятия за всю историю существования Нового Света.

Непосредственную помощь Бухалтеру оказывали Джо Адопис и два «директора, ответственных за исполнение», — Альберт Анастасиа в центре и на востоке страны, Багси Сигел, элегантный «кутила» Голливуда, — на всей западной части.

Главным специалистом по применению взрывчатых устройств был Альберт Анастасиа, который собственноручно совершил двадцать одно убийство (поскольку об остальных точных сведений нет). Ни разу, ни за одно из них он так и не понес наказания, за что и получил многозначительное прозвище Бум-Бум...

Что касается Багси Сигела, то ему (кроме большого числа других преступлений) официально засчитано уничтожение Массериа, а также приписывается хорошо замаскированное убийство Тельмы Тодд.

Но, как неоднократно повторял Эйби Рильз, во всем, что касалось отношений, выходящих за рамки внутренних дел банд, эти четверо ответственных за уничтожение, хотя и находились на вершине исполнительной власти, никогда не приступали к действию, пока не получали определенного согласия от высшего совета и его заключенного в тюрьму председателя — Луччано.

* * *

Банды гангстеров или отдельные «специалисты» (среди них, как отмечал Туркус, попадались потерявшие совесть представители делового мира и продажные политики, запуганные и снюхавшиеся с синдикатом), которые пользовались услугами «Мёрдер инкорпорейтед», платили вперед и наличными инкассаторам Бухалтера, Анастасиа, Адониса или Сигела сумму, заранее установленную главарями по своему усмотрению в зависимости от «контракта». Инструкции, задания, приказы и вознаграждения передавались и доводились до исполнителей с использованием всей сложной иерархии посредников: сначала лейтенантам верховных главарей, таким, как Мэнди Вейс или Лунс Капоне, затем главарям палачей, таким, как Эйби Рильз или Гарри Мойон, которые связывались с убийцами и многочисленными помощниками, знавшими только последнее звено в этой цепи. Только в редких экстренных случаях, когда это касалось операций

псключительной важности, руководители «Мёрдер инкорпорейтед» вступали в непосредственный контакт с одним из тьюгсов. Во всех остальных случаях предусматривалось соблюдение максимально возможных мер по сохранению секретности в работе организации.

Заставляя платить вперед, «Мёрдер инкорпорейтед» постоянно заботилась о том, чтобы условия «контракта» строго соблюдались. Наемный убийца, который без уважительной причины не выполнял возложенное на него задание, превышал установленные для него полномочия или становился слишком любопытным, сам в предельно короткий срок оказывался в числе жертв. Такая же участь грозила любому, кто становился слишком жадным, слишком болтливым или часто напивался.

Убийцы пользовались самым разнообразным оружием: обрезом, взрывным устройством, срабатывающим при запуске двигателя, пистолетом, кинжалом, битой для бейсбола или струпой от пианино. Но их любимым оружием долгое время оставался остроконечный ледоруб.

Сумма, выплачиваемая наемному палачу, могла колебаться от пятидесяти долларов до пятидесяти тысяч долларов за «контракт» * в зависимости от трудности намечаемой операции (учитывались подозрительность жертвы, присутствие около нее полицейских и телохранителей, высокое положение лица, подлежащего устранению, чье исчезновение или ликвидация могли вызвать ответные реакции).

Только наиболее авторитетные из палачей получали ежемесячное жалованье или приобщались к тому или иному виду рэкета, контролируемому «Бруклинским объединением». Для выполнения повседневной черновой работы либо в качестве помощников руководители отрядов палачей использовали «курков». Их вербовали повсюду и почти всегда на один и тот же манер. Их находили среди закорепелых картежников

* Сумма некоторых контрактов достигала ста тысяч долларов. Такую цену, например, синдикат предложил тому, кто прикончит Рплза, когда тот начал говорить. Цель — создать ярое соперничество между желающими. Но никому не удалось получить такую сумму. Их убивали, как только работа была сделана. Во-первых, из соображений экономии, а во-вторых, какой главарь отпустит на волю такого «призера»?

и мелких хулиганов, начисто лишенных совести и денег. Они постоянно отирались около притонов, принадлежащих бандам, в Браунсвилле и Оушен-Хилл в надежде заработать несколько долларов, чтобы вернуть карточный долг, а чаще всего — чтобы просто выжить между двумя кражами или двумя посещениями тюремной камеры.

Вербовщик, Эйби Рильз, Аббандандо, Мойон, а временами Питсбург Фил или Сэм Голдштейн, после того как он долгое время присматривался к кандидатам и изучал их, останавливал свой выбор на одном из них. Для начала ему предлагали ссуды на обычных условиях: один доллар в неделю за каждые пять взятых в долг долларов. Когда жертва оказывалась по уши в долгах, ростовщик начинал требовать незамедлительного возврата всей суммы. В девяти случаях из десяти должник оказывался неплатежеспособным. Тогда кредитор великодушно предоставлял ему право выбора: или ему переломают кости, или он получит освобождение от уплаты долга да еще и вознаграждение в придачу, если согласится провернуть одно убийство, которое легко осуществить без особого риска, так как жертва не знает своего палача и полиция никогда не сможет обнаружить какой-либо связи между ними.

Следует заметить, что очень редко неплатежеспособный должник, чье досье, содержащее сведения о судимости, уже изрядно распухло, отказывался от столь выгодного предложения. В случае отказа с ним немедленно расправлялись, чтобы он не успел обратиться в полицию. Этого требовало обеспечение безопасности вербовщика.

Самым большим заблуждением «курков», завербованных таким способом, была иллюзия, что дело ограничится первым и единственным преступлением. Безнаказанность, привычка к деньгам, полученным с такой легкостью, а иногда и безжалостный шантаж вели к тому, что попавший в сети однажды соглашался заключить второй, а затем и третий контракт. После этого, как правило, он сам исчезал при загадочных обстоятельствах, особенно если совершал даже незначительные глупости или начинал воображать себя главарем. Его устранением занимались вчерашние коллеги по «ремеслу». Если же они вдруг оставляли своего

приятеля в живых и обман обнаруживался, они всеми богами клялись, будто были уверены, что он мертв*.

Однако иногда хладнокровие, инициатива, сноровка, проявленные «курком» во время выполнения своих первых «контрактов», привлекали внимание его вербовщиков и ему позволяли стать профессиональным убийцей. Ему ежемесячно выплачивали денежное вознаграждение, зачисляли в состав определенного отряда и обеспечивали долю в делах, приносящих постоянный доход. Если же новичок проявлял исключительные дарования, он мог рассчитывать и на то, что будет повышен в должности и найдет свое место среди таких признанных специалистов высокой квалификации, как Питсбург Фил, Макс Голлоб, Сэм Голдштейн, Витто Гурино, Биг Уоркман, Блю Джо Маг-

* Можно задать вопрос, почему, после того как гангстеры неоднократно становились свидетелями подобных расправ или сами принимали в них участие, они позволяли заманить себя в ловушку и отправлялись на бойню без тени подозрения. Несмотря на такие факты, каждый из обреченных был глубоко убежден, что лично ему нечего бояться, что его заслуги, репутация или ранг в иерархической системе организации ограждают его от такого рода злоключений. Почему они должны испытывать какие-то опасения, если их не в чем упрекнуть и они не чувствуют за собой вины, если они пунктуально и без лишних рассуждений подчиняются получаемым приказам, а их главарь выражает им горячую признательность? До самого момента уничтожения обреченный не мог пожаловаться на изменение отношения к нему, на проявление недоверия. Приговор обрушивался на него неожиданно, как гром среди ясного неба, и приводился в исполнение без предоставления обреченному возможности представить какие-то объяснения или доказательства в свое оправдание.

Никакая услуга, пусть даже самая значительная, оказанная в прошлом, никакой стаж пребывания в организации, никакие дружеские или деловые связи с самыми крупными главарями не могли защитить его и дать малейший шанс избежать смерти. Наивным кажется то, что все они верили, достигнув определенных высот в структуре синдиката или должностей больших боссов, в собственную неприкосновенность и не могли представить себе, что их хладнокровно и без тени сомнения могут ликвидировать уже за то, что они слишком много знают. Многие из тех, кого разоблачения Рильза заставили искать спасения бегством, искренне удивлялись и часто, поплатившись за это собственной жизнью, отказывались поверить в очевидное, когда узнавали, что их преследуют не только полицейские, но и отряды убийц, которым было поручено ради простой предосторожности заставить их замолчать навсегда.

гун и некоторые другие: тех, кому доверяли самые деликатные операции на самом высоком уровне и кому Рильз и Мойон оставляли самые высокооплачиваемые заказы.

Среди палачей «Мёрдер инкорпорейтед» «звездой» первой величины, убийцей номер один был Гарри Питсбург Фил Страус. Преступления, в совершении которых подозревался этот палач, полиция неизменно относила к разряду нераскрытых ввиду отсутствия улик. «Великий» Гарри пользовался неограниченным доверием Рильза, Мойона, Капоне. Он вместе с Чарли Биг Уоркманом был одним из немногих палачей, имевших непосредственные контакты с Анастасиа, Адонисом и Лепке Бухалтером. Именно ему и его отряду Лепке доверил в то время, когда он скрывался, прежде чем сдать Гуверу 24 августа 1939 года, ликвидацию всех свидетелей, способных дать против него показания. Семь месяцев спустя, когда Фил был в свою очередь схвачен на основании показаний Рильза, ему исполнился только тридцать один год, но к этому времени он совершил уже тридцать одно убийство.

Для опытных палачей «Бруклинского объединения» убийство стало такой же работой, как и всякая другая. Они отправлялись совершать убийство, как другие ходят ежедневно на завод или в контору, не испытывая ни нервного напряжения, ни волнения. Зачастую жертвой был их самый близкий друг, бывший товарищ по оружию, которого подозревали в недостатке усердия или в предательстве по отношению к их бандам, а нередко тот, кому угрожал арест и кого просто хотели заставить молчать. Ни разу ни один из приговоренных к смерти не вызвал у них сострадания, не был тайно предупрежден своими бывшими приятелями, которым поручалось привести приговор в исполнение.

Выполнив условия своего контракта, такой тип возвращался к себе с чувством исполненного долга, ласкал своих детей, совершенно не думая о тех детях, отец которых был только что убит им, ел с прекрасным аппетитом и спал без кошмарных сновидений в ожидании следующего заказа.

К услугам «Мёрдер инкорпорейтед» имелись также многочисленные лжесвидетели, лица, обеспечивавшие алиби, и разного рода предатели, в задачу которых входило воспользоваться доверием своей жертвы и за-

манить ее в ловушку. Она использовала и служащих моргов, которым поручалось в необходимых случаях поменьшать опознанию трупа или даже совсем уничтожить неудобного, пусть даже немого, свидетеля.

Очень многие жертвы «Мёрдер инкорпорейтед» исчезли, не оставив после себя ни малейших следов; их трупы так никогда и не были обнаружены. Это давало палачам тройную выгоду: во-первых, судьба пропавшего без вести могла очень долгое время оставаться неизвестной, поскольку его досье, в котором часто числилось не одно преступление, давало повод предполагать, что лицо, о котором идет речь, просто скрывается. Если же полиция начинала вести расследование, то отсутствие трупа лишало ее основных улик. Наконец, особенно в случае предъявления обвинения, такое положение позволяло убийцам воспользоваться нормой англосаксонского права, предусматривающей, что никто не может быть осужден за совершение убийства, если труп жертвы не найден и не предъявлен в соответствии с требованиями закона для проведения вскрытия.

Точные данные, сообщенные Эйби Рильзом, дополненные впоследствии Алли Таппенбаумом, который, поняв, что дела его обстоят весьма плохо, тоже решил не запыраться и начал давать показания, заключив с О'Двайером и Туркусом такой же договор, что и его шеф, позволили полицейским обнаружить несколько груд разложившихся трупов в дебрях графства Салливан в горах Катскилл, в районе, почти полностью необитаемом и пустынном, но непосредственно примыкающем к Нью-Йорку.

Никому не удавалось ускользнуть от «Мёрдер инкорпорейтед».

Иногда те из бандитов, которые начинали догадываться о грозящей им опасности, или желали порвать с преступным миром, или просто понимали, что они знают слишком много и потому их жизнь в опасности, решались попытать счастья и скрыться еще до того, как над ними нависнет угроза. Тем самым они приговаривали себя к смерти, и она наступала неотвратимо и неизбежно.

Некоторые устремлялись в отдаленные от того места, где они совершали свои былые подвиги, районы Соединенных Штатов, меняли имена, профессию,

внешний облик и считали, что им удалось спастись. Они ошибались, не учитывая того, что синдикат окупал всю территорию Соединенных Штатов своей густой сетью. Речь идет не только о его бесконечных разветвлениях, контролирующих самые отдаленные банды гангстеров, а, скорее, о несметном числе подкупленных гангстерами адвокатов, атторнеев, судей, муниципальных служащих, офицеров полиции и просто полицейских. И так повсюду, вплоть до самых маленьких городков. Сюда же следует отнести всех держателей пари, ростовщиков, содержателей баров, ресторанов, борделей, выплачивающих бандам, входящим в состав преступного синдиката, определенную долю своих доходов, а также всех агентов, просочившихся в ряды членов рабочих профсоюзов и союзов предпринимателей. Не было ни одной американской тюрьмы, куда бы не пропикли щупальца высшего совета. На манер Интерпола «Мёрдер инкорпорейтед» обладала фантастической сетью информаторов.

Рано или поздно беглец начинал испытывать нужду в деньгах, в помощи, в новом водительском удостоверении, в новой работе. Рано или поздно, но он устанавливал связь со своей женой, с родителями, с друзьями, считавшимися надежными, начинал посещать бар или притон, где, как он полагал, его никто не знает. Неизбежно дело заканчивалось тем, что его обнаруживали и для его уничтожения прибывала команда палачей. Отсрочка, которую он мог использовать, длилась от нескольких недель до нескольких месяцев. Но никогда, ни одному из тех, кого приговаривали к смерти, не удавалось избежать кары.

Драматическая одиссея Шолома Бернштейна, крупного специалиста по угону машин, которые затем использовались в своих целях отрядами «Мёрдер инкорпорейтед», демонстрирует эффективность и неумолимость, с которой действуют убийцы из преступного синдиката, преследуя беглеца, попавшего под их «опеку». Когда Рильз начал давать показания и называть своих сообщников, то одним из первых арестовали Хэппи Мойона, который вместе с ним командовал «Бруклинским объединением». Вся его система защиты рухнула в результате «разговорчивости» его бывшего компаньона. Мойон, вне себя от ярости и стра-

ха, придумал только один способ предотвратить катастрофу — ликвидировать всех своих находящихся пока на свободе сообщников, которые могли бы подтвердить показания Рильза. Из своей тюремной камеры он передал приказ, согласно которому уничтожению подлежала добрая дюжина его собственных подчиненных, за которыми уже начала охотиться полиция. Зная, что он может оказаться самым опасным для Мойона, Шолом Бернштейн, который в качестве водителя и поставщика автомобилей был свидетелем многочисленных жестоких экзекуций, осуществлявшихся его хозяином, бежал в Лос-Анджелес, за четыре тысячи километров от Бруклина. Там у него были надежные друзья. Едва он успел обосноваться, изменив на всякий случай фамилию, как друзья предупредили его, что палачи, которым Мойон поручил его уничтожение, каким-то образом напали на его след и уже прибыли в город. Бернштейн бежал в Сан-Франциско. Спустя несколько часов он обнаружил за собой слежку. Он бросил свой автомобиль, полагая, что это он выдает его присутствие, и в дальнейшем пользовался только общественным транспортом. С этого момента он метался по всей территории Соединенных Штатов Америки, пытаясь запутать следы, избегая любых контактов не только с преступным миром, но и с самыми надежными друзьями, изменив свои привычки и внешний облик, постоянно переезжал с места на место. Напрасно! В Даллас его преследователи прибыли спустя всего девять часов после него. В Сент-Луисе они вышли на его след на вторые сутки. Нигде Бернштейну не удавалось обосноваться более чем на три или четыре дня.

Его безумное бегство от смерти завершилось в Чикаго. Хотя там у него не было ни одного знакомого, его беспощадные преследователи настигли его очень быстро. Загнанный, с минуты на минуту ожидавший, что его прикончат, на пределе сил, Бернштейн решил вернуться в Бруклин и сдаться полиции, которая единственная способна, быть может, его защитить. Но, зная, до какой степени развращена полиция, снабжающая палачей из синдиката нужной ему информацией, он предпочел затаиться до того момента, пока ему не удалось связаться со следователем Джонни

Макдоноу, которого весь преступный мир знал как абсолютно неподкупного.

Это был единственный полицейский, с которым Бернштейн имел шанс живым добраться до бюро О'Двайера. Его расчет оправдался.

К моменту, когда происходила эта гонка, «Мёрдер инкорпорейтед», сильно ослабевшая вследствие разоблачений Рильза, обезглавленная, дезорганизованная многочисленными арестами, превратившаяся в мишень для полиции, не располагала былой свободой действий и была не более чем собственной тенью.

Итак, в течение шести лет, обладая чудовищной властью, не обнаруженный органами, на которые возложено поддержание общественного порядка, этот синдикат смерти благодаря своим методам, строгой конспирации и железной дисциплине мог безнаказанно рассылать во все концы Соединенных Штатов свои команды убийц.

«КЕНАРЫ» ЛЕТАТЬ НЕ УМЕЮТ

Что же заставило Рильза решиться на хладнокровное предательство организации, к которой он принадлежал?

О'Двайер и Туркус заверяли, что вопреки показаниям Левина и Маффетора они не заметили, чтобы Рильзом руководило чувство страха. Может быть, он испытывал угрызения совести или подействовали мольбы его жены? Негодяй именно на это и ссылался, правда без особого успеха. Ведь даже рождение его первого сына в те дни, когда он возглавлял отряд наемных убийц, не заставило его задуматься о том, чтобы изменить род занятий. Вероятнее всего, он пришел к выводу, что рано или поздно всю эту чудовищную индустрию смерти, в которой он был одним из наиболее крупных приводов, ждет неминуемое разоблачение. Он решил опередить события и покинуть корабль до того, как он пойдет ко дну. Единственным средством при этом было переметнуться на сторону закона и как можно выгоднее продать ему свою помощь. Эйби Рильз имел в своем распоряжении около ста тысяч долларов. Располагая такой суммой, он вместе с семьей мог добраться до Южной Америки и обосноваться там под чужим именем, оградив себя от возможного возмездия синдиката, отряды палачей которого ему удалось в значительной мере нейтрализовать своими показаниями.

Ни единого раза не испытал он какого-либо раскаяния за совершенное предательство. «Любая из этих крыс в моей ситуации поступила бы точно так же!» — зубоскалил он.

Как бы там ни было, по Рильз не бахвалится.

Предоставив О'Двайеру средства, позволившие разоблачить и уничтожить самую обширную организацию убийц, существовавшую со времен сект хашишинов на Ближнем Востоке и тьегс в Индии, этот «стукач» превратил дотоле никому не известного окружного атторнея из Бруклина в самого популярного человека Соединенных Штатов. Расследованиям, проведенным О'Двайером, были посвящены первые полосы всех газет, а его слава заставила померкнуть популярность таких борцов с преступностью, как Томас Дьюи и Эдгар Гувер.

Как только Эйби Рильз дал самые первые показания, Туркус направил своих сыщиков по следу. Хэппи Мойоп, Фрэнк Аббандандо и Луис Капоне были арестованы у себя дома, даже не подозревая о бедствии, которое неожиданно обрушилось на «Мёрдер инкорпорейтед». Уоркмана задержали в Бруклине. Там же настигли и Алли Танненбаума, спешно вернувшегося из Флориды, чтобы выпросить денег для бегства. Ему было предъявлено обвинение в убийстве некоего Ирва Аскеназа, приконченного им совместно с Питсбургом Филом в 1936 году шестнадцатью выстрелами. Изобличенный и сбитый с толку показаниями Рильза, Танненбаум продержался шесть недель. Поняв, что он загнан в тупик и впереди его ожидает электрический стул, он сломался и заключил с О'Двайером и Туркусом сделку, аналогичную сделке Рильза.

Для окружного атторнея и его заместителей это был ошеломляющий успех: постоянный партнер Рильза и Питсбурга Фила, Алли Танненбаум, помимо участия в многочисленных уничтожениях, лично выполнил около дюжины заказов. Он знал очень многое и в большинстве случаев мог самым убедительным образом подтвердить, как того требовал закон, обвинения, выдвинутые на основе показаний Рильза.

Число арестов и обвинений росло. Туркус упрятал в тюрьму не только всех убийц, чьи имена называли два «кепара», но и второстепенных свидетелей, которых необходимо было сохранить в безопасности. Все это вызвало панику среди «курков», которые попрятались или разбежались, и даже среди членов высшего совета синдиката. В ту же ночь, когда Рильз заговорил, предупрежденный Альберт Анастасиа исчез из Бруклина, возложив руководство профсоюзом докеров

па своего брата Тони. Его примеру последовал Джо Адонис. Рильз показал, помимо прочего, что Анастасиа принимал участие в ликвидации профессионального картежника Файнштейна, предпринятой по «контракту» с Питсбургом Филом и Сэмом Голдштейном.

В условиях нависшей угрозы высший совет созвал комитет кризиса. Из Калифорнии в Нью-Йорк примчался Багси Сигел, по дороге прихватив с собой из Детройта главарей «Пёпл ганг». В течение недели находившиеся пока на свободе главари преступного синдиката, в том числе Мейер Лански, братья Мангано, Лонжи Цвиллман, Уилли Моретти и Фрэнк Костелло, непрерывно совещались под его председательством, укрывшись в роскошных апартаментах самой большой гостиницы на Парк-авеню. Ситуация оказалась довольно плачевной. Высокий пост, занимаемый Эйби Рильзом, позволял ему располагать информацией о многочисленных акциях по сведению счетов, которые проводились по личным приказам главарей в течение десяти лет! Однако с присущей им быстротой и способностью принимать действенные решения они разработали план контрнаступления, отличавшийся методичностью и большим размахом. Он предусматривал три основных направления.

Во-первых, синдикат в полном составе должен был приложить все усилия, чтобы с помощью прессы поставить под сомнение свидетельства «этих стукачей», которые ради спасения собственной шкуры готовы повторить все, что им скажут О'Двайер и Туркус. Надо исподволь убедить общественное мнение в том, что оба стража закона, стремясь добиться популярности, раздули данные о нескольких обычных убийствах, которые не имеют между собой никакой связи, и на этом основании хотят заставить поверить в существование какого-то гигантского уголовного союза, который существует только в их воображении.

Во-вторых, высший совет проголосовал за образование фонда защиты и помощи с неограниченным бюджетом. Он должен был функционировать за счет чрезвычайных взносов, уплачиваемых не только всеми бандами гангстеров, орудующими на территории Соединенных Штатов, но и кассами всех организаций рабочих и предпринимателей, рэкетируемых ими. Этот фонд призван был помочь членам синдиката, оказав-

шимся в опасности, улизнуть за границу или прожить, сколько потребуется, на нелегальном положении.

Этот же фонд позволит поддержать тех, кто уже арестован, но умеет держать язык за зубами, нанять им хороших адвокатов и, если представится случай, безвозмездно внести требуемый залог. Наконец, часть денег была предназначена их семьям, чтобы обеспечить им достаточно комфортабельную жизнь. Синдикат планировал привлечь самых известных адвокатов. Одному из них, Сэму Лейбовицу, планировалось выплатить сто тысяч долларов наличными за осуществление защиты Альберта Анастасиа и некоторых других признанных боссов. Сотни тысяч долларов были выделены для того, чтобы помочь выкрутиться Питсбургу Филу Страусу, поскольку его показания, если он вздумает их дать, могут оказаться пагубными для всей верхушки синдиката.

И, наконец, в-третьих, высший совет объявил беспощадную войну по всей территории Соединенных Штатов не только против свидетелей, представлявших опасность, но также против всех тех членов «Мёрдер инкорпорейтед», находившихся пока на свободе, которые в случае ареста могли последовать примеру Рильза, Танненбаума, Левина и Маффетора. Естественно, самые внушительные суммы были обещаны тем, кто сможет убрать этих четырех «кенаров». Только голову Кида Твиста оценили в сто тысяч долларов. Эту операцию взял на себя Багси Сигел, которому должны были помочь палачи из банды «Пёпл ганг». Хэппи Мойону, обезумевшему от страха и злости, удалось с помощью своего брата Дюка и Витто Гурино, избежавших ареста, организовать, будучи в заключении, свои отряды убийц и направить их против собственных самых преданных помощников. Массовые убийства продолжались в течение нескольких недель. Волна террора захлестнула преступный мир.

В результате были ликвидированы Бенни Танненбаум, Дирти Джимми Феррако, Дэнди Джек Паризи, Тони Ромеро и десятки других, которым не удалось сбежать.

Гурино даже предпринял попытки устроить побег некоторым узникам, чтобы затем прикончить их без свидетелей. Охота за людьми приняла такие масштабы, что О'Двайер и Туркус вынуждены были разослать

по всей стране депеши с требованием взять под охрану беглецов из «Мёрдер инкорпорейтед». Полицейские наперегошки с убийцами из отрядов Сигела и Мойона разыскивали людей, приговоренных гангстерами к смерти.

Устроенная синдикатом бойня обернулась против него самого. Многие стойкие бандиты, которые никогда бы не позволили себе произнести ни одного слова признания, поняли, к своему великому разочарованию, что ни их былые заслуги, ни репутация, ни поддержка со стороны преступного мира или кого-либо персонально — ничто не может спасти их от рук слепых палачей, разве только... правосудие. Видя в этом единственное средство остаться в живых, многие из них, зачастую едва избежав смерти и желая отомстить, начинали давать показания. Так случилось с Анжело Каталано, одним из приближенных Хэппи Мойона. Его признания способствовали окончательному краху бывшего хозяина. Он сообщил, в частности, что 6 февраля предыдущего года Мойон, переодевшись и загримировавшись под девицу легкого поведения, проник к двум профсоюзным деятелям, отличавшимся особой подозрительностью, которых ему вместе с Гурино и Аббандандо предстояло уничтожить.

Полиции сдались также Джо Либерито, водитель, и Шолом Бернштейн. Вскоре их примеру последовал и Блю Джо Маггун, тот самый, который соперничал с Питсбургом Филом Страусом по числу совершенных убийств. Он не выдержал, когда узнал, что приговорен к смерти своими бывшими сообщниками. Его информация, относившаяся к Лепке Бухалтеру, Джо Адонису и Альберту Анастасиа, была неопровержима.

В конце концов О'Двайер и Туркус получили в свое распоряжение двадцать два свидетеля обвинения. И следовательно не стали даром терять время.

Спустя два месяца с момента ареста Эйби Рильза процессы над главными действующими лицами «Мёрдер инкорпорейтед» пошли один за другим. В конце апреля 1940 года перед уголовным судом штата Нью-Джерси по обвинению в убийстве Шульца предстал Чарльз Уоркман. И если в начале процесса он с апломбом настаивал на своей невинности, то затем, прижатый к стенке показаниями Киды Твиста и Алли Танненбаума, вынужден был признать себя виновным.

Это позволило ему избежать электрического стула, но не помешало, однако, получить приговор, предусматривающий пожизненное тюремное заключение*.

В 10 часов 13 мая 1940 года начался процесс в Бруклине по обвинению Хэппи Мойона и Фрэнка Аббандандо. Ради экономии времени окружной атторней ограничился предъявлением одного-единственного обвинения -- в убийстве ростовщика Георга Уитни Кубника. Однако оно подтверждалось неоспоримыми уликами и подкреплялось свидетельскими показаниями Эйби Рильза, Алли Танненбаума, Анжело Каталано, Либерито, Шолома Бериштейна и Маггуна. Процесс был завершен за несколько судебных заседаний, несмотря на попытку одного свидетеля защиты дать ложные показания. Туркус заставил его сознаться и сообщить суду, что он был подкуплен братом Мойона. Вердикт, вынесенный присяжными, был непоколебим: смертная казнь обоим. Просьба о помиловании, поданная сразу же, была отклонена. Приговор привели в исполнение в тюрьме Синг-Синг 12 февраля 1942 года.

Очередь Сэма Голдштейна и Питсбурга Фила Страуса предстать перед судом наступила 9 сентября 1940 года. Несмотря на то что их «послужной» список являл собой чудовищную картину, О Двайер и в этом случае решил ограничиться предъявлением обвинения в одном преступлении, в убийстве первой степени, а именно истязаниях, повлекших смерть профессионального картежника Файнштейна. Они его медленно придушили, затем нанесли ему множество ударов ледорубами и после этого сожгли вместе с автомобилем на пустыре в Бруклине 1 мая 1939 года.

С момента ареста грозный Питсбург Фил симулировал сумасшествие. Он, признанный шеголь, «красавчик Брумел», который ежедневно по часу проводил у своего парикмахера, отрастил непомерной длины ногти, бороду и волосы. Он отказывался мыться и бриться, носил засаленную одежду и производил впечатление полностью свихнувшегося. Однако он совершил две роковые ошибки. Во-первых, он втайне составил некое подобие памятки, чтобы не спутать события и методику защиты. Эта памятка попала к Туркусу. Во-вторых, он обратился к окружному атторнею с

* В 1955 году Чарльз Уоркман был досрочно освобожден.

вполне обдуманном письмом, в котором пагло предлагал заключить соглашение на условиях, которые оговорили для себя Рильз и Танпенбаум, обещая в обмен на свободу целую кучу новых разоблачений.

Для О'Двайера предложение оказалось непримлемым (имея двух «кенаров», он в других не нуждался, да и согласиться на сделку с чудовищем, совершившим более ста убийств, он не мог). Окружной атторней, отклонив предложение, сохранил письмо. Предъявив эти два документа суду, можно было без труда доказать, что прикидывающийся сумасшедшим — обыкновенный симулянт. Это же впоследствии подтвердят три психиатра, несмотря на энергичные протесты адвоката Даниэля Приора, одного из сильнейших криминалистов штата Нью-Йорк, нанятого синдикатом за большие деньги.

В самом начале прений судья Джон Дж. Фидджеральд потребовал, чтобы подсудимый Страус был подстрижен и побрит. За этим последовал забавный эпизод, когда убийца, ссылаясь на свои конституционные права, пытался отклонить требование судьи, но суд, считая, что чрезмерный волосяной покров обвиняемого вызван желанием затруднить формальную идентификацию личности, оставил его возражения без внимания.

Другой обвиняемый, Голдштейн, поправившийся за время пребывания в тюрьме на десять килограммов, начал возмущаться качеством получаемой пищи. Он, словно находясь на театральном представлении, шумно и радушно приветствовал знакомых журналистов, присутствовавших в зале.

Ни на секунду эти двое не теряли хладнокровия, даже тогда, когда на них посыпались убийственные свидетельства Маггуна, Маффетора и Левина. Больше всех старался их бывший шеф и приятель Эйб Рильз. Он пустил в ход всю свою изобретательность и весьма успешно топил их, дабы им был вынесен самый суровый приговор. Чтобы быть на высоте, Кид, приведя доказательства, обвинил Альберта Анастасиа в том, что тот причастен к выдаче приказа о ликвидации Файнштейна по просьбе братьев Мангапо, главарей мафии в Бруклине. Это разоблачение произвело сенсацию, но, как ни странно, окружной атторней предпринял лишь слабые попытки преследовать обратившегося в бегство главу профсоюза докеров. Анастасиа и впо-

следствии никогда не будут по-настоящему беспокоить из-за его участия в убийстве Файнштейна. Не собирались преследовать его и по поводу двадцати других убийств, совершенных им лично, и по поводу видного положения, занимаемого им в иерархии «Мёрдер инкорпорейтед». Почему же О'Двайер, такой находчивый и решительный, когда дело касалось простых исполнителей, неожиданно спасовал, когда ему на блюде выложили пути и средства уничтожения главы исполнителей приговоров и одновременно первого заместителя зловещего Лепке Бухалтера? Пелена таинственности спала только спустя десять лет. В 1951 году сенатская комиссия, расследовавшая организованную преступность и возглавляемая сенатором Кефвером, устроила О'Двайеру очную ставку с Фрэнком Костелло. Избранный к тому времени мэром Нью-Йорка, О'Двайер сменил на этом посту Фиорелло Ла Гардиа. О'Двайер вынужден был признать, не скрывая охватившей его злости, что поддерживал с гангстером приятельские отношения и несколько раз при посредничестве шефа пожарных города получал от него внушительные взносы в свой избирательный фонд! Воистину добродетельная Америка...

Начиная с 1940 года О'Двайер мечтал стать мэром одного из крупнейших американских городов, но он прекрасно сознавал, что у него нет ни малейшего шанса быть избранным на этот пост, если докеры будут против. Любая же попытка обвинения всемогущего и грозного главы их профсоюза неминуемо вела к тому, что они раз и навсегда отвернутся от него. Более того, О'Двайер не мог обойтись и без внушительной поддержки избирателей, входивших в другие профессиональные союзы Нью-Йорка, контролируемые другими главарями преступного синдиката, друзьями и компаньонами того же Анастасиа Костелло, «министр» политических дел синдиката, взял на себя миссию внушить все это охваченному властолюбивыми притязаниями О'Двайеру, сопровождая свои «отеческие» наставления обильными и тайными субсидиями...

И хотя Рилз и Маггун со всей определенностью заявили о причастности Альберта Анастасиа к делу, последнему удалось избежать даже упоминания его имени на процессе Гарри Страуса и Сэма Голдштейна. В итоге трех дней публичного судебного разбирательства и тот

и другой узнали о вынесении им смертного приговора. Неизменно улыбавшийся Голдштейн растерялся лишь однажды, внимая показаниям своего закадычного дружка, почти брата, Блю Джо Маггуна, принявшегося топить его без всякого зазрения совести.

В ночь после завершения процесса над этими двумя убийцами Витто Гурино, безжалостный подручный Мойона, с момента начала разоблачений принимавший участие в истребительной войне и успевший ликвидировать по приказу своего шефа целую вереницу опасных свидетелей, пришел просить защиты у приходского священника церкви на 10-й авеню в Манхэттене.

— Не разрешайте им меня убивать! — умолял он, обезумев от страха.

Он знал, что занесен в список на уничтожение, составленный Багси Сигелом, как второстепенное лицо, подлежащее устранению в качестве меры предосторожности. Гурино попытался исчезнуть куда-нибудь. Бесполезно! Преследуемый палачами из «Пёпл ганг», отчаявшийся найти убежище, он не выдержал. Доставленный к О'Двайеру и Туркусу, он вскоре предстал по обвинению в убийстве двух бывших палачей из банды Мойона — Сицилиано и Латтаро.

Страусу и Голдштейну выпала трагическая привилегия быть первыми членами «Мёрдер инкорпорейтед», удостоенными чести обосноваться на электрическом стуле. Они были казнены 12 июня 1941 года, девять месяцев спустя после осуждения, и умерли с тем же бесстыдством, с каким и жили. Голдштейн зубоскалил даже в последние секунды своей жизни: «Если бы я мог выразить еще одно, последнее желание, то пожелал бы крепче обнять эту сволочь Эйби Рильза в тот момент, когда включают рубильник!»

Гарри Страус до самого конца разыгрывал из себя душевнобольного, стал еще более грязным и обросшим, видимо надеясь на что-то вопреки здравому смыслу. Он пытался еще раз предложить свои услуги следователям и настойчиво добивался у Туркуса согласия на непродолжительную встречу с глазу на глаз с Эйби Рильзом.

Он обещал помочь заместителю окружного атторнея пролить свет на преступления, о которых тот пока ничего не знает. Недоверчивый Туркус отказался.

И правильно сделал. Питсбург Фил признается потом, что единственной целью этой встречи было его желание внезапно наброситься на Кида Твиста и перегрызть ему горло.

Утром накануне казни этот мерзкий тип решил наконец прекратить симулирование, уступив тем самым настоятельным требованиям своего компаньона по камере смертников Сэма Голдштейна, который на протяжении всего процесса не переставал жаловаться на зловоние, исходящее от его сообщника. Питсбург Фил помылся, побрился, подстригся и надел свой самый приличный костюм. Он отказался от встречи с родителями, но попросил за час до казни в качестве последнего желания свидание со своей любовницей, Эвелин Миттелмен, угодившей за решетку вместе с ним, но уже вышедшей на свободу.

Ей тогда было двадцать семь лет. Эта пышноволосая, несколько вульгарная блондинка послала прозвище Смертельный поцелуй, так как все четыре ее официальных любовника погибли, причем каждый предыдущий от руки следующего. Безжалостный палач номер один «Мёрдер инкорпорейтед» не избегал подобной же участи. Он сгорел на электрическом стуле 12 июня 1941 года в возрасте тридцати двух лет.

Прекрасная Эвелин лишней раз подтвердила справедливость своего грозного прозвища..

* * *

Неумолимые приговоры, которые один за другим выносились самым видным палачам «Мёрдер инкорпорейтед», довели до предела панику в недрах преступного синдиката. Вслед за Джо Адонисом и Альбертом Анастасиа сам Багси Сигел вынужден был начиная с июля 1940 года уйти в глухое подполье, не прекращая, однако, руководить истребительной войной.

И Эйби Рильз, и Алли Танненбаум без малейшего колебания признали прямое участие Багси Сигела в убийстве Гарри Гринберга. Первым поведал правосудию об этом убийстве Танненбаум. Вездесущий Эйби Рильз, который из Нью-Йорка контролировал все операции по «большой охоте» на Грини, поторопился слово в слово подтвердить сказанное Танненбаумом.

Добыв таким легким способом доказательства, Туркус отправился не мешкая в Лос-Анджелес и расшевелил вершителей калифорнийского правосудия. Они не заставили себя долго уговаривать и приказали арестовать Сигела, Карбо и Сегала. Однако эти трое, конечно не иначе как «чудом» оказавшиеся в курсе дел, успели исчезнуть... Что касается Бухалтера, «ответственного распорядителя» по приведению в исполнение приговора в отношении Грипберга, то он уже находился за решеткой в Нью-Йорке.

17 августа его адвокат, знаменитый Джерри Гейслер, сумел уговорить Багси Сигела, не растававшегося со своей циничной ухмылкой, позволить себя арестовать. Спустя несколько дней были схвачены в Сиэтле Карбо и Сегал, откуда они и были переправлены под охраной к месту назначения.

В конце августа все трое предстали перед Верховным судом Лос-Анджелеса по обвинению в совершении убийства первой степени. По этому случаю, несмотря на яростное сопротивление Туркуса и О'Двайера, оба «кенера» — Эйби Рильз и Алли Танненбаум — были приглашены дать свой любимый «концерт» в зале суда. Под охраной, достойной всего золота Форт-Нокса, их препроводили в Калифорнию. Целая свора убийц не сводила с них глаз, не имея возможности взять их на мушку из-за принятых мер предосторожности. Возможность «подстрелить маленьких птичек» так и не представилась.

Свидетельские показания Рильза и Танненбаума оказались губительными для обвиняемых, над которыми нависла реальная угроза угодить в газовую камеру. Благодаря хитрости Джерри Гейслера в суд были приглашены ложные свидетели обвинения, щедро подкупленные гангстерами. Дав вначале под присягой показания против обвиняемых, эти пособники пошли затем, как и было задумано, на попятную и признались в даче якобы ложных сведений. Коварному адвокату после этого не составило труда добиться признания процесса недействительным и потребовать освобождения своих подзащитных. Закон-то хорош, надо только уметь им пользоваться!

Три клиента Джерри Гейслера были выпущены под залог. В сентябре новый окружной атторней Лос-Анджелеса, Джон Докуэйлер (его избранию Сигел тай-

по способствовал), поднял вопрос об отсутствии состава преступления, сделав одолжение своему «покровителю» и его сообщникам.

Разразился страшный скандал. Под давлением О'Двайера и Туркуса органы правосудия штата Калифорния потребовали созыва нового состава Верховного суда, нового вызова в суд Танненбаума и сохранения в силе обвинения в адрес Сигела, Карбо и Сегала. Осторожности ради все трое решили вновь исчезнуть 21 июня 1941 года. Лучше потерять залог, чем собственную шкуру.

Из всех главарей синдиката в это время самая неотвратимая опасность угрожала Бухалтеру. Именно благодаря его усилиям «Мёрдер инкорпорейтед» достигла такого размаха. Это он с согласия высшего совета направлял и контролировал сотни убийств, совершаемых на всей американской территории. Кроме расправ по личным мотивам на различных стадиях его карьеры, Лепке направлял отряды «курков» по пятам всех свидетелей, которые при случае могли дать показания против него перед сотрудниками Дьюи. Любой человек, подвергавшийся рэкету со стороны Лепке, уничтожался немедленно, если им начинало интересоваться следствие, независимо от того, сказал он что-нибудь или нет. По данным Гервитца и Гурфейца, двух помощников Дьюи, из двадцати указанных палачам потенциальных свидетелей семь человек были зверски убиты, а остальных заставили замолчать отряды. Рильза, Питсбурга Филя и Мойона. Спаслись очень немногие, и то благодаря усиленной охране со стороны ФБР и специального отряда полиции Нью-Йорка под командованием комисара Валентайна.

После того как его дважды приговорили — к четырнадцати годам за торговлю наркотиками и к тридцати за вымогательство, — Лепке полагал, что благополучно отделался. Его подозревали в самых тяжелых преступлениях во время процесса, затеянного против него Томасом Дьюи, но о массовых убийствах, совершавшихся под его руководством в течение десяти лет, суду так ничего и не стало известно. И хотя вынесенные ему приговоры нельзя назвать мягкими, Лепке чувствовал себя счастливым. Он сумел избежать электрического стула, который ожидал его в случае хотя бы частичного разоблачения.

Разоблачения Рильза прозвучали для Бухалтера как гром среди ясного неба. Это означало крушение всех надежд. Истина, которую ему удалось скрыть с помощью террора, направленного против свидетелей, открылась вдруг во всей мерзости, с уликами и подробностями. Эйби Рильз располагал неиссякаемыми сведениями относительно деятельности своего бывшего босса. Он неоднократно выполнял обязанности шофера и телохранителя Лепке на протяжении двух лет его подпольной деятельности. Рильз поведал, в частности, о знаменитой ночи 1938 года, когда он сопровождал своего грозного шефа на бурное заседание высшего совета, созданного по требованию Луччезе. Среди других бандитов на нем присутствовали Альберт Анастасиа, Уилли Моретти, Джерри Катен, Джо Адонис и Лонжи Цвиллман. Луччезе чуть было не подрался с Бухалтером, который его обвинял вместе с Альбертом Анастасиа в попытках потеснить Лепке в сфере рэкета изготовителей готового платья, контролируемой им лично. Рильзу же Бухалтер и поручил организовать устранение свидетелей.

Факт за фактом доносчик обеспечил О'Двайера и Туркуса всем необходимым для сокрушительного обвинительного акта против его экс-патрона. В конце мая 1940 года атторней Бруклина потребовал и получил полномочия на то, чтобы Бухалтер, отбывающий в федеральной тюрьме срок по своему первому приговору, был передан в его распоряжение. Он сразу же предъявил ему обвинение в убийстве первой степени. Одновременно был арестован Луис Капоне, доверенный человек Лепке. Другому помощнику обвиняемого, Мэнди Вейсу, удалось удрать. Разыскиваемый полицией всех штатов, он будет в конце концов пойман в Капзас-Сити в июне 1941 года, как раз вовремя, чтобы оказаться вместе со своими двумя сообщниками на скамье подсудимых уголовного суда в Бруклине. Действуя энергично, ведя одновременно процесс против Фила Страуса и Сэма Голдштейна, О'Двайер и Туркус закончили расследование дела о главарях убийц. Суд над ними был назначен на 21 ноября 1941 года.

Для этих троих, находившихся за решеткой, выхода не было. Их положение казалось безнадежным. Последней и единственной возможностью могло стать устранение основного свидетеля обвинения до того, как

дело поступит в уголовный суд Бруклина. Леденящая душу близость возмездия превратила Бухалтера в дикого зверя. Из своей тюремной камеры он принялся угрожать синдикату, требуя немедленного устранения несмолкающего «кепара». Это было излишне. Все крупные боссы, остававшиеся на свободе, были сами крайне заинтересованы в этом, включая Фрэнка Костело, единственного среди них, кто брезговал обращаться к услугам «Мёрдер инкорпорейтед», хотя и соглашался с необходимостью существования такого органа. Несмотря на проводимую Сигелом истребительную войну и баснословные суммы, выделенные высшим советом для ограничения возможных последствий катастрофы, синдикат находился на грани краха.

Доносчики не ограничились рассказами о деятельности «Бруклинского объединения». Они начали раскрывать все, что знали о его связях с миром американской преступности. Не было ни одного главаря, ни одной банды, входящей в состав синдиката, которые бы не обращались десятки раз к палачам из «Мёрдер инкорпорейтед». Кроме исполнения своих прямых обязанностей главы наемных убийц, Рильз работал с каждым из своих людей отдельно. Он знал обо всех их делах, о способах проникновения в рабочую и профсоюзную среду. Каждый второй «контракт» по вымогательству, шантажу, устрашению колеблющихся или нерадивых плательщиков выполнял он и его люди.

Даже Лаки Лучиано, находясь в тюрьме в Давнеморе, не мог чувствовать себя в безопасности: угроза была серьезной и непосредственной. Ведь это по его приказу Сэм Левин прикончил Маранзано, а Лепке Бухалтер выделил отряды головорезов, которые уничтожили сорок «усатых папаш», жертв «сицилийской вечерни» 11 сентября 1931 года. Как глава преступного синдиката, Лучиано одобрил ликвидацию Шулца. Даже после того, как его упрятали в тюрьму, он продолжал утверждать все смертные приговоры, выносимые высшим советом. Для него разглагольствования Рильза также представляли смертельную угрозу, а неприглядная история, происшедшая с Лепке Бухалтером, могла с успехом послужить прообразом того, что ожидало его самого. Вне себя от гнева, Лучиано без конца теребил Сигела. Надо было как можно быстрее, любой ценой и любыми средствами,

ликвидировать предателя. Если какой-то «стукач» может позволить себе говорить безнаказанно и оставаться в живых, то это создает недопустимый прецедент. Отныне любой бандит, схваченный и оказавшийся под угрозой смертной казни, может повторять то, что сделал Рильз. Надо убрать его демонстративно и не откладывая в долгий ящик. Ведь речь идет о престиже и могуществе синдиката во всем преступном мире.

* * *

С самого начала этих событий перед О'Двайером и Туркусом постоянно стояла проблема охраны доносчика. Под угрозу было поставлено само существование организации, и было ясно, что ответная реакция синдиката не заставит себя ждать. Ни одна нью-йоркская тюрьма не внушала доверия окружному атторнею настолько, чтобы помещенного туда свидетеля можно было бы считать в безопасности. На время проведения допросов Рильза поселили в отдельной секции гостиницы «Боссерт», расположенной напротив здания муниципалитета Бруклина и охраняемой наподобие несгораемого сейфа. Место его содержания под стражей неоднократно меняли, сохраняя все это в строжайшей тайне. Наконец его перевели в Кони-Айленд в отель «Халф мун», отдельно стоящее высотное здание рядом с пустым в это время года пляжем. Вскоре к нему присоединились Таппенбаум и Бернштейн. Все трое дожидались в полной изоляции момента, когда они должны будут свидетельствовать против своих бывших патронов и сообщников. Их вывозили из «Халф мун» в бронированном автофургоне, сопровождаемом эскортом полицейских с оружием наготове. Дорога до зала судебного заседания уголовного суда в Бруклине каждый раз пролегалa по новому маршруту, выбранному в последний момент. Дворец правосудия был буквально наводнен детективами. Чтобы проникнуть в небольшой зал судебного заседания, надо было предъявить специальный пропуск. Двери тотчас основательно запирались за каждым вошедшим.

Туркус арендовал весь шестой этаж отеля «Халф мун». Один из лифтов специально предназначался для обслуживания только этого этажа. Чтобы воспользо-

ваться лифтом, надо было пройти пикет охранников в нижнем холле, затем подвергнуться тщательному обыску на выходе из кабины лифта на шестом этаже, где располагался второй пост охраны. Дальше было несколько бронированных дверей. Эйби Рильз занимал комнату 623, в самой глубине. Дверь комнаты постоянно держали открытой, чтобы восемнадцать охранников, разделенных на три отряда, не теряли заключенного из виду ни на минуту. Все были вооружены до зубов. Перед этим они прошли тщательный отбор, который проводил сам О'Двайер. Эти же охранники приносили и пищу. Время от времени Рильзу разрешали принимать жену, которая уже произвела на свет младенца...

Она посетила Рильза и накануне знаменательного дня — среды 12 ноября 1941 года (до начала процесса над Бухалтером, Вейсом и Капоне оставалось десять дней). В среду в 6 часов 45 минут полицейский офицер Джеймс Боил заглянул в комнату Рильза. Тот спал крепким сном, развалившись на своей мягкой постели. Незадолго до семи часов Эл Литцберг, управляющий гостиницей, живший в номере на третьем этаже как раз под комнатой гангстера, слышал какой-то шум на террасе, которая одновременно служила крышей для части помещений, расположенных на третьем этаже. Три первых этажа гостиницы образовывали нечто вроде выступа и значительно выдавались вперед по сравнению с остальной частью здания. В 7 часов 10 минут инспектор Виктор Робинс вошел в комнату Рильза, чтобы провести очередное обследование. Эти проверки осуществлялись регулярно с интервалом в пятнадцать минут. Робинс, таким образом, опоздал на десять минут. На этот раз кровать оказалась пустой, на ней не было простыней, окно в комнате было широко открыто. Полицейский подбежал к окну, выглянул наружу и зло выругался. Тринадцатую метрами ниже, на террасе третьего этажа, лежало тело, сведенное предсмертной судорогой. Это был Эйби Рильз по кличке Кривой. Он был полностью одет. Рядом с ним валялись простыни, связанные электрическим проводом наподобие каната. Смерть наступила мгновенно от переломов черепа и шейных позвонков, не считая других телесных повреждений. Труп покоился в шести метрах от стены основного здания. Как эпитафия этому человеку, заставившему

содрогнуться преступный синдикат, прозвучали циничные и торжествующие слова Лаки Лучнано, узнавшего приятную новость в тот же день: «Кенары умеют петь, но, к их несчастью, не умеют летать!..»

Для О'Двайера и Туркуса удар был сокрушительным. Окружной атторней потребовал от капитана Фрэнка Балса, командира отряда следователей и ответственного за безопасность Рильза и Танненбаума, детально разобраться в этом деле. За несколько часов Балс на скорую руку провел расследование. По его мнению, в том, что перед моментом падения Рильз находился в комнате один, не было ничего особенного. В ночное время всегда так и было. Во всяком случае, дверь оставалась открытой постоянно, обходы совершались регулярно каждые четверть часа, и его телохранители бодрствовали в соседней комнате. Эта версия, однако, полностью противоречила показаниям Алли Танненбаума, находившегося в аналогичных условиях содержания под стражей. По его словам, заключенные ни на секунду не оставались одни, даже когда они спали или справляли свои естественные надобности. Расследование Балса породило версию о трагически окончившемся, по довольно естественном несчастном случае: Рильз хотел сбегать, чтобы передать жене припрятанные им сто тысяч долларов. Вскрытие не показало каких-либо следов яда или наркотиков, но, когда в 1951 году акт вскрытия будет представлен комиссии Кефопера, выяснится, что Кид, который никогда не нил, перед смертью употребил значительное количество алкоголя. Но если он был в полном сознании во время своего падения, то как объяснить, что он даже не вскрикнул и никто не слышал его воплей?

Он сам якобы связал свои простыни, чтобы сделать веревку и добраться таким образом до пятого этажа, но она оборвалась, он упал и разбился. Можно только удивляться, что никому не пришло в голову обеспечить блокировку или вставить решетку в окно столь драгоценного и находящегося под угрозой уничтожения свидетеля. Но предполагать, что этот заключенный захотел сбежать, он, который не сделал бы и десяти шагов вне своей «тюрьмы», как его тут же прикончили бы, и который знал, что, где бы он ни спрятался, синдикат перевернет небо и землю, чтобы

покарать его,— предполагать это было по меньшей мере неразумно. .

К тому же он мог рассказать жене о местонахождении своего капитала во время ее посещений. Перед лицом всеобщего возмущения, вызванного заключениями следствия, капитан Балс рискнул выдвинуть другую гипотезу, еще более смехотворную.

Эйбн Рильз, как известно, слыл весельчаком и был всегда готов разыграть охранников. Его любимая шутка состояла в том, что он через окно спускался до пятого этажа и, с тем чтобы поугаать и посмеяться над охранниками, кричал им оттуда: «Ку-ку! Я здесь!» По словам Балса, утром 12 сентября он просто хотел повторить свою шутку. Но на этот раз она не удалась. Более откровенную галиматью трудно придумать! Поползли слухи, ставившие под сомнение невиновность капитана Балса и его полицейских агентов. Тогда, чтобы раз и навсегда пресечь разговоры, полиция Бруклина сделала то, что она должна была сделать в самом начале: было официально объявлено, что Рильз, измученный угрызениями совести и зная, что синдикат не отступит и будет преследовать его всю жизнь, предпочел покончить с собой. Но эта третья гипотеза несколько запоздала. К тому же она не могла объяснить и присутствия связанных простыней, валявшихся рядом с трупом, и того, как удалось Рильзу оказаться в шести метрах от стены здания. Не мог же он прыгнуть на такое расстояние.

Да и образ отчаявшегося окончательно допосчика не совсем увязывался со свидетельством полицейского, который видел его храпевшим за десять минут до того, как он «выбросился» из окна. С другой стороны, известный радиокомментатор Уолтер Уинтшелл обнаружил неопровержимые доказательства того, что Рильз получил несколько писем с угрозами расправиться с его женой, если он не раскошелится.

Эти попытки вымогательства были предприняты одним из приятелей Шолома Бернштейна. Для полноты картины следует добавить, что Кида Твиста ненавидели даже сами его коллеги-доносчики: Алли Танненбаум, Маггун и Каталано.

Сегодня среди ответственных работников нью-йоркской полиции бытует другая официальная версия, наиболее достоверная. Синдикат подкупил многих

полицейских и следователей на всех уровнях. При посредничестве Костелло были подкуплены некоторые из ближайших сотрудников О'Двайера и Туркуса, а уже через них — ряд полицейских, охранявших обитателей отеля «Халф мун». После этого устранения Эйби Рильза оставалось только вопросом времени и величины вознаграждения, а, как известно, организация готова была заплатить максимальную сумму, чтобы заставить навсегда замолчать неистощимого болтуна из комнаты 623. Эйби Рильза, таким образом, выбросили наружу его собственные охранники, презиравшие его за грубость и заносчивость. Они же подбросили к трупу связанные простыни, чтобы подкрепить версию о попытке совершить побег.

Один человек не мог, однако, справиться с этим «кенаром», весившим девяносто килограммов и обладавшим богатырской силой. Тем более что он не был отравлен и не принимал перед смертью, официально по крайней мере, никаких наркотиков. Вероятно, его сначала прикончили с помощью полицейских дубинок, обернутых тряпками, чтобы не осталось кровоподтеков. Это в некоторой мере объясняет тот факт, что он упал без крика, а его сосед Алли Танненбаум не слышал никакого шума борьбы.

И все же скандал вокруг объяснений, сделанных капитаном Балсом, поднялся невообразимый. Все детективы, обеспечивавшие наблюдение за Рильзом, были разжалованы до рядовых полицейских и переведены на патрулирование улиц. После нескольких лет немилости капитан Балс, однако, был назначен комиссаром отдела нью-йоркской полиции. Интересно, что решение об этом принял О'Двайер, как только его в 1945 году избрали мэром Нью-Йорка! По словам многочисленных гангстеров и шефов столичной полиции, основной функцией Балса с этого времени было получать и распределять между продажными полицейскими Нью-Йорка манну небесную в виде субсидий, регулярно выдаваемых преступным синдикатом.

Спустя годы Багси Сигел даст свою личную версию устранения Эйби Рильза, в которой он претендовал на роль вдохновителя и главного организатора.

По его словам, как только ему поручили миссию по ликвидации «стукача», он раздобыл тщательно разработанные планы внутренних помещений отеля

«Халф мун» и скрупулезно изучил личности полицейских, обеспечивающих охрану и наблюдение за помещениями шестого этажа. Один из них, которого всегда именовали не иначе как Инсайдер *, особенно привлек внимание Сигела своей одержимостью двумя пагубными страстями — к деньгам и женщинам.

Чтобы заручиться его поддержкой и склонить к сотрудничеству, Сигел подослал к полицейскому Эвелин Миттелмен, полагаясь на талант экс-любовницы казненного Страуса. Девушка по кличке Смертельный поцелуй применила все свое обаяние и хитрость, помноженные на незаурядные актерские способности. Ей удалось окрутить Инсайдера с первой же встречи. Через четыре месяца она сделала из него настоящую марионетку. Он полностью оказался во власти ее прихотей и был готов ради нее на все. В это же время Карбо, доверенный человек Сигела, за десять тысяч долларов склонил к сотрудничеству одного из администраторов «Халф мун», которому дали кодовое имя Мидл мэн (Посредник). Этот человек должен был проследить, чтобы комната, расположенная под комнатой Рильза, оставалась свободной до тех пор, пока в один прекрасный день не появится «турист» из Монреала и не сделает заранее оговоренный знак. Ему и сдадут эту комнату. «Туристом» был убийца, подобранный Сигелом специально для выполнения столь трудной миссии. Его звали Фрэнк Левек. Уроженец Квебека, он не был известен американской полиции и потому не рисковал оказаться разоблаченным до начала операции. На протяжении нескольких недель, уединившись на ранчо Багси Сигела, расположенном в укромном месте, Левек тренировался в лазании по отвесной каменной стене высотой около двадцати метров, на которой декораторы киностудии, не зная истинного назначения своей работы, воспроизвели мельчайшие детали фасада отеля «Халф мун», а также планировку и обстановку комнаты Рильза и той, которая располагалась прямо под ней на пятом этаже.

Сигел контролировал ход приготовлений Левека, которому в этом помогали два других сообщника — Пит Монахам и Поль Келли, исполнявшие на ранчо роли Инсайдера и Мидл мэна.

* Тот, кто орудует внутри,

Когда они были достаточно подготовлены, прекрасная Эвелин убедила своего нового любовника в необходимости встречи с Сигелом. Ее ласки и сто тысяч долларов умаслили полицейского, и он согласился участвовать в устранении Рильза с обязательным условием, чтобы это имело все признаки самоубийства или несчастного случая. Сделка состоялась. Инсайдер, хорошо знавший все привычки и манеры заключенных и их охранников, помог Левеку разработать окончательный вариант плана. Когда все было выверено с точностью до секунды, Сигел разрушил стену, служившую тренажером, и, сдавшись властям 8 октября 1941 года, расположился в тюремной камере, дабы обеспечить себе надежное алиби. Его заключение в тюрьму представляло собой пустую формальность. Сигел мог ежедневно выходить на свободу, заказывать себе любые яства, вина и принимать по своему желанию весь цвет киномира.

Инсайдер и Эвелин Миттелмен возвратились в Бруклин, а Левек — в Квебек.

В конце октября в «Халф муп» появился «турист». Он с готовностью дал себя обыскать полицейским, наводнявшим отель. Администратор признал его и, как было уговорено, выделил ему пустующую комнату на пятом этаже. В течение пятнадцати дней Левек изображал из себя скромного коммерческого представителя, постепенно приучая охранников к своим регулярным приходам и уходам, к своему лицу, усыпляя их недоверие своим добродушием и внешней незначительностью. К концу второй недели ни одному полицейскому уже и в голову не приходило уделять ему сколько-нибудь существенное внимание. Он превратился для них в одного из постоянных обитателей отеля, не вызывающих никаких подозрений.

11 ноября Левек обратился с просьбой выделить ему другую комнату. Администратор тут же предложил ему другой номер, но при этом сделал так, что комната на пятом этаже после него снова оставалась свободной. К этому времени у Левека уже был дубликат ключа от нее. В этот же вечер к Рильзу приходила жена и они крупно поссорились. Когда в 23 часа Роза покинула своего мужа, он был вне себя от злости. Никогда не бравший в рот спиртного, он вдруг без

особых колебаний согласился выпить и сделал большой глоток из бутылки, предложенной Инсайдером. В виски было добавлено спотворное. Вскоре Кид Твист крепко уснул.

Ночью Левек тайком покинул свое новое жилище и пробрался в комнату на пятом этаже, воспользовавшись изготовленным ключом. В 5 часов 30 минут, проводя обход, Инсайдер заглянул к Рильзу, храпевшему что было сил. Он опустил через окно провод, достававший до пятого этажа, и зажал его рамой. Левек был наготове. Он привязал к нижнему концу провода веревочную лестницу с двумя стальными крючками, обернутыми ватой, чтобы не оставлять следов на стене.

В 6 часов 45 минут детектив Джеймс Боул, совершая очередной рейд, не обнаружил ничего подозрительного в комнате Рильза. В 7 часов следующую проверку производил Инсайдер. Он быстро открыл окно, подтянул веревочную лестницу и закрепил крюки за подоконник. Спустя несколько секунд к нему присоединился Левек. Вдвоем они быстро одели сонного Рильза, раскачали его и выбросили наружу, сбросив вслед за ним связанные простыни. После этого Левек тем же путем вернулся на пятый этаж, захватив с собой веревочную лестницу и провод. Он закрыл за собой окно и, уходя, запер комнату на ключ.

В 7 часов 10 минут детектив Виктор Робинс обнаружил отсутствие Рильза, а спустя несколько секунд увидел его труп на террасе. Левек дождался 8 часов 30 минут утра, уплатил по счету и покинул отель. Перед этим он любезно согласился наряду с другими клиентами ответить на вопросы следователей капитана Балса, даже не подозревавшего о тех необыкновенных акробатических трюках, которые проделал этой ночью «простодушный» канадец.

А Багси Сигел, как только узнал эту замечательную новость, попросил доставить дюжину бутылок шампанского, чтобы прямо в тюремной камере отпраздновать случившееся со своими надзирателями и многочисленными гостями.

Несмотря на кажущуюся привлекательность, версия, изложенная Багси Сигелом, никогда не вызывала особого доверия экспертов. Они считали, что Сигел выдумал всю эту историю с начала до конца, с тем чтобы продемонстрировать, насколько он изобретательнее

других, главарей преступного синдиката, а также чтобы скрыть истинных палачей — личных охранников Рильза.

Как бы там ни было, цель была достигнута. О'Двайер и Туркус потеряли своего главного помощника. Кроме того, стало ясно, что правосудие, несмотря на небывалые предосторожности, не в состоянии обеспечить безопасность своих свидетелей, даже самых ценных и полезных.

Демонстративное устранение Эйби Рильза напугало других «кенаров». Разумеется, они не могли отказаться от уже данных показаний, но в дальнейшем их память стала обнаруживать странные и многочисленные провалы, а их обличительные свидетельские показания уже не выглядели столь убедительными, как прежде.

30 января 1942 года, когда Багси Сигел, Фрэнк Карбо и Чамп Сегал в очередной раз предстали перед судом по обвинению в убийстве Биг Грина Гринберга, то даже Танненбаум, доставленный по этому случаю в Калифорнию, был настолько сбивчив и неубедителен в своих свидетельских показаниях, что произвел на суд самое нежелательное впечатление. Присяжные оправдали трех убийц. 21 февраля следующего года они были освобождены.

* * *

Но смерть Рильза все-таки не спасла ни Бухалтера, ни его лейтенантов — Мэнди Вейса и Луиса Капоне. Улики и доказательства против них были слишком вескими, и Алли Танненбауму не удалось свести на нет значение своих свидетельских показаний. Кроме того, его могли обвинить в клятвопреступлении и самого отправить на электрический стул. Бухалтер и его приспешники потеряли всякую надежду на успех. Для оставшихся же на свободе главарей преступного синдиката принесение в жертву этих обреченных представляло собой некоторого рода уступку разбушевавшемуся общественному мнению, полагавшему, что от него пытаются скрыть правду. По личному приказу Лакп Луччано, утвержденному несмотря на возражения Анастасиа, высший совет отступился от Бухалтера и его пособников, оставив их на произвол судьбы.

Дьюн, убежденный, что войну надо довести до конца, продолжал преследовать Бухалтера, врага общества номер один, по всей строгости закона. 21 сентября 1941 года злое трио — Бухалтер, Мэнди Вейс и Луис Капоне — предстало перед уголовным судом Бруклина, который уже отправил на электрический стул Хэппи Мойона, Аббандандо, Сэма Голдштейна и Страуса. В роли обвинителя на этот раз опять выступал грозный Туркус. Не изменяя своим правилам, он решил добиваться эффективного и скорейшего осуждения, сознательно ограничившись только одним, основным пунктом обвинения, касающимся всех троих подсудимых и позволяющим надеяться на вынесение смертного приговора каждому из них. Он выбрал обвинение в убийстве Джозефа Розена. Убийство было совершено в 1936 году, но четыре следователя, поочередно занимавшиеся этим делом, так ничего и не смогли выяснить и один за другим были отстранены. Только показания Рильза позволили раскрыть это преступление.

Розен управлял в Нью-Йорке небольшим предприятием, осуществлявшим грузовые перевозки для изготовителей одежды. После того, как Бухалтер прибрал к рукам контроль за этим сектором, он, угрожая расправой, потребовал от Розена, чтобы тот прекратил всякие транспортные операции с теми фабрикантами готового платья, которые отказывались выплачивать дань. Розен вынужден был подчиниться. Но при этом он сначала потерял свою клиентуру, а затем и работу. Естественно, он возненавидел Бухалтера, несмотря на несколько подачек, которые тот ему бросил. Доведенный до отчаяния махинациями гангстеров, Розен через шесть месяцев сменил профессию и занял денег, чтобы открыть небольшой кондитерский магазин в Браунсвилле.

Когда Дьюн начал расследовать рэкет, которым руководил Бухалтер, Розен, надеясь испугать вымогателя и выудить у него деньги в обмен на молчание, открыто заявил о своем намерении дать показания окружному атторнею. Этим он сам вынес себе смертный приговор. Бухалтер сразу же направил против

неосмотрительного упряма отряд палачей, возглавляемый Луисом Капоне.

13 сентября 1936 года в 6 часов 45 минут, в момент, когда он открывал свой магазинчик, Розен был изрешечен семнадцатью пулями, из которых семь оказались смертельными. Стреляли Мэнди Вейс, Гарри Страус и Джимми Феррако. Шолом Бернштейн управлял машиной, в которой расположились убийцы. Выполнив свое задание, они тут же отправились доложить об этом Луису Капоне.

Спустя четыре года Эйби Рильз рассказал все об этом деле, но только 21 сентября 1941 года Туркусу удалось предъявить обвинение и предать суду троих оставшихся в живых преступников. Питсбург Фил уже окончил свою жизнь на электрическом стуле, а Феррако был прикончен палачами Сигела во время истребительной войны.

Во время процесса над Бухалтером и двумя его подручными были приняты самые строгие меры предосторожности. Туркус был предупрежден о том, что синдикат отрядил трех самых лучших «курков», поручив им ликвидировать свидетелей даже в зале суда, если это окажется возможным. Вокруг свидетелей крутились и другие убийцы. Туркус усилил обычную охрану специальным отрядом в пятьдесят человек, которых он лично отобрал из числа предложенных детективов.

Обвиняемые наняли настоящий легион адвокатов из самых выдающихся криминалистов и бывших судебных чиновников, отличавшихся хитростью и изворотливостью. Среди них, конечно же, был и непревзойденный Сэм Лейбовиц. Синдикат выделил на защитников не менее четверти миллиона долларов. Они получили свои деньги заслуженно. Зная, что дело почти безнадежно, они с самого начала повели пескончаемые атаки с целью отсрочить, а затем затянуть слушание дела. Понадобилась неделя только для того, чтобы утвердить одного из присяжных, после того как отвод был дан двумстам пятидесяти кандидатам, и пять недель на то, чтобы окончательно решить все проблемы, связанные с формированием скамьи присяжных. Споры по другим процессуальным вопросам оттянули начало прений до 21 ноября. К этому времени Рильз, основной свидетель обвинения, был выброшен из

окна, не дожив до начала процесса всего десять дней!

Но его устранение не спасло обвиняемых, которым грозили разоблачения их бывших сообщников, особенно Макса Рубина, старого друга Розена, силой завербованного все тем же Бухалтером. Гангстеры устроили охоту на Рубина уже за то, что он привлекался в качестве пассивного сообщника при экзекуции и уничтожении Джозефа Розина. Несомненно, Макс Рубин никогда бы не отважился говорить, если бы, вынудив его сначала долгие месяцы скрываться, Бухалтер не совершил роковой ошибки, пожелав окончательно заткнуть ему рот. 1 октября 1937 года среди бела дня на Макса Рубина было совершено нападение. Он получил пулю в затылок от одного из палачей Бухалтера (предположительно — Мэнди Вейса). Это происходило как раз напротив больницы. Последнее обстоятельство спасло ему жизнь. Благодаря вовремя проведенной трепанации черепа Рубин чудом выжил после того, как в течение восемнадцати дней балансировал на грани жизни и смерти.

Оправившийся после болезни Рубин круглосуточно находился под охраной трех детективов, выбранных из наиболее метких стрелков. Их бдительность позволила предотвратить многочисленные попытки «курков» Багси Сигела доделать то, что начал Мэнди Вейс.

Вопреки нависшей над ним смертельной угрозе, несмотря на уже предпринятую попытку его убийства, Рубин, парализованный страхом, долгое время отказывался свидетельствовать против Бухалтера, хотя О'Двайер и Туркус обещали ему неприкосновенность и полную гарантию от всяких новых нападений.

Возможно, угрызения совести и желание отомстить за своего друга Розена, помноженные на беспредельную ненависть к Бухалтеру, подтолкнули Рубина к сотрудничеству с представителями закона. К тому же он окончательно понял, что глава «Мёрдер инкорпорейтед» отныне не способен что-либо предпринять против него. На процессе, несмотря на попытки адвокатов Бухалтера дискредитировать Рубина, он был одним из самых ценных свидетелей. Он со всей определенностью обвинил гангстера в сговоре, который позволил тому в 1937 году избежать наказания, когда он предстал перед Верховным судом штата Нью-Йорк по обвинению в тяжких преступлениях.

— В тот момент, когда я получил пулю в голову, — утверждал Рубин, — я направлялся в Верховный суд, и только немногие из его членов знали, кто я такой, зачем меня пригласили и в какой день должен состояться мой допрос...

Свидетельские показания Рубина, поднявшегося из могилы, словно статуя Командора, произвели огромное впечатление на присяжных. Указывая на Бухалтера, побледневшего и застывшего в изумлении, Рубин беспощадно продолжал:

— Этот человек хотел убить меня за то, что я в мельчайших деталях знал всю правду об убийстве Розена. Я был участником и свидетелем всех приготовлений к этой расправе. Что же касается обстоятельств ее проведения, то о них я узнал со слов Лепке. Он сообщил мне об этом, надеясь меня запугать и внушить, что никто из предавших его не может избежать мести, пусть его окружают хоть пятьдесят полицейских... Ему это удалось: я замолчал, я пошел на обман, я даже совершил клятвопреступление, чтобы спасти свою жизнь. Но и этого оказалось мало для маниакально подозрительного человека. Когда он почувствовал, что стал мишенью для Дьюи, то, несмотря на все доказательства моей верности, он не мог успокоиться, не заткнув мне рот навсегда.

Примеру Рубина последовал Шолом Бернштейн, а затем и Поль Бергер, который служил им наводчиком и показал несчастного кондитера его убийцам. Оба они подтвердили слово в слово показания Рильза, данные им еще при жизни, а также показания Рубина и Танненбаума.

Последнего Туркус выпустил в самом конце. «Кенар» сообщил, что вначале он поддерживал контакты с Мэнди Вейсом и Капоне. Но именно Бухалтер во время одного из совещаний в его резиденции в «Рели мануфактуринг компани», находившейся на Пятой авеню, утвердил задание и назначил дату проведения операции.

Глава «Мёрдер инкорпорейтед» совершил вторую роковую ошибку, установив вопреки сложившимся правилам непосредственный контакт с убийцами. А его помощник Мэнди Вейс совершил еще одну оплошность, добившись привилегии самому участвовать в нападении.

Алли Танненбаум со всевозможными подробностями рассказал о том, как он, Питсбург Фил, Вейс и Феррако убивали Розена.

Мертвая тишина воцарилась в зале суда, когда он давал свои показания. Напрасно защитники Бухалтера старались рассеять то ужасное впечатление, которое произвел рассказ Танненбаума. Они подвергли его перекрестному допросу, длившемуся больше часа. Напрасно верховный глава «Мёрдер инкорпорейтед» и два его лейтенанта ожесточенно доказывали свою непричастность к убийству Розена. У них даже не было никакого приемлемого алиби. Последний удар им нанес Маггун, показавший, что слышал от Луиса Капоне рассказ об устранении Розена.

Защита решила на крайнюю меру и представила суду лжесвидетеля, одного из приятелей Розена, который попытался выгородить обвиняемых. Когда его под присягой заставили подписать протокол, он растерялся, отказался от своих слов и признался в даче ложных показаний. То же самое произошло с Гюрахом Шапиро, с женой Мэнди Вейса и его братом, пришедшими в суд засвидетельствовать, что они находились соответственно один с Лепке, другие — с его помощником в тот момент, когда было совершено преступление.

Отныне дело представлялось почти решенным. В течение трех дней после страстной обвинительной речи Туркуса адвокаты Бухалтера из последних сил еще пытались подвергнуть сомнению доказательства и свидетельские показания, полученные заместителем окружного атторнея. Безуспешно! Защитники Мэнди Вейса и Луиса Капоне были не более удачливыми...

В ночь на 30 ноября 1941 года, в 22 часа 15 минут, присяжные удалились на совещание. К полуночи судьба трех обвиняемых была решена. Они единогласно были признаны виновными в совершении убийства первой степени. Это случилось в субботу, а в понедельник, всего за девять минут судебного заседания, Бухалтер, Мэнди Вейс и Луис Капоне были приговорены к смертной казни на электрическом стуле. Они должны были направиться к месту казни в тюрьму Синг-Синг, где приговор должен был быть приведен в исполнение в течение недели, начинавшейся 4 января 1942 года. За всю историю организованной преступности это был первый случай, когда смертный

приговор был вынесен в отношении главари преступного синдиката.

Но защитники осужденных развернули отчаянную борьбу за отсрочку трагического психода, используя для этого, кроме законных средств, всевозможные меры политического воздействия на всех уровнях. Они делали это настолько вызывающе, что Дьюн, ставший к тому времени губернатором штата Нью-Йорк, дошел до того, что публично обвинил президента Соединенных Штатов, самого великого Рузвельта, в том, что тот пытается помешать правосудию.

Во всяком случае, непрекращающиеся отсрочки позволили задержать казнь чудовищного трио до 1944 года. Однако бесконечные обжалования во все вышестоящие инстанции одно за другим оказались отклоненными, так же как и ходатайства о помиловании. Наконец после двух лет изнурительного судебного крючкотворства осужденные, содержащиеся до этого в федеральной тюрьме Нью-Йорка, были отправлены в Синг-Синг, где их казнь была назначена на ночь 2 марта 1944 года. В 22 часа 40 минут, одетые в специальные костюмы, Бухалтер и его приспешники были препровождены в помещение, которое на языке преступного мира называлось «танцевальным залом», — в прихожую комнаты смерти. До казни оставалось восемьдесят минут. Им разрешили последнее свидание с родными. Бухалтер, ухмыляясь, успокаивал свою жену и двух лейтенантов. Что-то должно было произойти. Он это знал!

И действительно, за пятнадцать минут до начала казни это «что-то» обрело форму телефонного звонка от губернатора. Исполнение приговора откладывалось на неделю, до того момента, пока Верховный суд штата, получивший последнее прошение от защитников осужденных, не примет решения о допустимости казни.

В следующую субботу утром это прошение было отклонено и казнь была назначена на 23 часа того же дня. На приговоренных это особого впечатления не произвело. В Синг-Синге не казнили по уикендам. Такова была традиция. Поэтому все трое с аппетитом истребили свой обильный ужин, уверенные, что их последняя трапеза в любом случае будет перенесена на понедельник.

— Это позволит нам набить желудки еще разок за счет налогоплательщиков! — зубоскалил весьма довольный Мэнди Вейс. Ведь Лепке Бухалтер заверил его и Капоне, что за воскресенье произойдет еще кое-что новенькое.

Но их радужные надежды неожиданно рухнули, когда в 21 час 55 минут начальник тюрьмы сообщил им, что он связался последний раз по телефону с губернатором Дьюи, от которого зависело решение о переносе казни на понедельник. Порвав с традицией, которая неизменно соблюдалась все двадцать семь лет существования тюрьмы Синг-Синг, Томас Дьюи отказал в очередной отсрочке, произнеся всего лишь два лакопичных и решительных слова: «No change!» — «Без изменений!»

В 22 часа 02 минуты Луис Капоне вошел в комнату смерти, наполненную журналистами, молча уселся на электрический стул. Тремя минутами позже с ним было покончено. В 22 часа 10 минут наступила очередь Мэнди Вайса. Уже с покрытой черным колпаком головой он продолжал вопить: «Я не виноват! Я только козел отпущения! Передайте моей семье, что я их всех очень люблю!» Разряд в 3200 вольт оборвал его последний крик.

В 22 часа 15 минут пришел черед того, кого все поджидали, словно какую-то знаменитость, — Луиса Лепке Бухалтера. Он окинул присутствующих журналистов полным нескрываемой ненависти взглядом. Спустя несколько минут глава «Мёрдер инкорпорейтед», шеф убийц, виновный в сотнях смертей, получил накопец по заслугам. В 22 часа 19 минут судебный медик официально констатировал его смерть.

Смертный приговор Лепке Бухалтеру и двум его пособникам представлял собой последнюю главу сенсационной истории кровавых событий, которые потрясали Америку в течение восемнадцати месяцев.

Однако О'Двайер не прекращал возвещать о своей решимости найти Альберта Анастасиа, исчезнувшего вечером того дня, когда произошли события, получившие название «предательство в страстную пятницу», и предать его уголовному суду. Он неоднократно заявлял перед представителями прессы, что у него в руках «образцовое обвинительное досье» против всемогущего диктатора профсоюза докеров, которое позволит

ему без всякого труда добиться нового смертного приговора. Представленные Эйби Рильзом улики на самом деле со всей определенностью подтверждали виновность Анастасиа более чем в двадцати преступлениях, в частности в ликвидации в мае 1939 года Мориса Даймонда, делегата от профсоюза водителей грузовиков, и в устранении Питера Панто *, представителя рабочих, исчезнувшего при загадочных обстоятельствах в том же году.

С храбростью, свойственной молодежи (ему едва исполнилось двадцать пять лет), Панто пытался противостоять режиму террора, насаждавшемуся Анастасиа на причалах Бруклина и Нью-Йорка. Он осмелился выступить против него на выборах руководящих органов профсоюза докеров. 8 июля 1939 года на одном из митингов в присутствии более тысячи рабочих порта Панто публично обвинил Анастасиа в сотрудничестве с Бухалтером. Он пытался расшевелить и убедить рабочих в необходимости очистить причалы от гангстеров, контролирующих рынок рабочей силы. 8 августа молодой активист исчез совершенно бесследно. Его невеста тщетно пыталась найти его. Ни полиция, ни друзья Панто не смогли установить, жив он или мертв, не могли выяснить даже обстоятельства, при которых он исчез. Только девять месяцев спустя благодаря разоблачениям Рильза удалось наконец узнать, что произошло на самом деле. Оказывается, по приказу Анастасиа Питер был тайно похищен Мэнди Вейсом, Феррако и неким Тони Ромеро, а затем задушен Вейсом. Несмотря на небольшой рост и тщедушность, несчастный оказал яростное сопротивление. Зверски замученный, он был тайком похоронен на небольшом кладбище в Нью-Джерси. Анастасиа всячески стремился к тому, чтобы труп не смогли обнаружить, так как подозрение в убийстве пало бы на него.

В очередной раз обвинения Эйби Рильза полностью подтвердились. Раскопки на указанном кладбище завершились извлечением останков, а затем с помощью радиоактивного анализа удалось установить,

* Питер Панто послужил прототипом персонажа, сыгранного Марлоном Брандо в известном фильме «На причале».

что часть из них принадлежит несчастному Питеру Папато, а часть — неизвестному.

Предупрежденный весьма загадочным образом, о чем уже упоминалось выше, Анастасиа ушел в подполье в тот самый вечер, когда Кид Твист приступил к своей исповеди. О'Двайер сразу же пустил по его следу целый отряд полицейских. Они искали его повсюду, дойдя до Кубы и Италии, но, несмотря на самые отчаянные усилия, безрезультатно. В течение девятнадцати месяцев обнаружить его так и не удалось. Тем не менее все до единого работники порта знали, что Анастасиа из Бруклина никуда не уезжал. С момента своего исчезновения он при посредничестве своего брата Тони продолжал поддерживать на причалах установленный им железный закон. Арестованный Гурино сообщил об одном из вероятных убежищ — ферме Мильтон неподалеку от Нью-Йорка. Несмотря на настойчивые требования общественности, прессы и собственных сотрудников, О'Двайер упорно сопротивлялся заочному осуждению одного из руководителей «Мёрдер инкорпорейтед», хотя и продолжал говорить о том, что уверен в возможности добиться для него смертного приговора. Он придумывал самые немыслимые причины для отсрочки передачи дела в суд. И наконец неожиданный прыжок Эйби Рильза из окна 12 ноября 1941 года очень кстати и навсегда лишил О'Двайера основного свидетеля, на котором держалось все здание его безукоризненно построенной системы обвинения.

С этого момента не существовало ни одного свидетеля, который бы мог дать показания против Анастасиа. После того, что случилось с Рильзом Таннебаума, также принимавшего участие в убийстве Мориса Даймонда, неожиданно поразила полная потеря памяти. Больше свидетельствовать против Анастасиа было некому, а показаний, данных им одним, было бы недостаточно.

К тому же в тот момент Соединенные Штаты Америки постигла другая, куда более серьезная трагедия. 11 декабря 1941 года в порту Пёрл-Харбор японские бомбардировщики нанесли удар, который вывел из строя основные силы американского Тихоокеанского флота и вверг страну в пучину второй мировой войны.

Все последующие процессы по осуждению второстепенных лиц из «Мёрдер инкорпорейтед» отныне на страницах газет попадают в колонки «незначительных происшествий».

При полном отсутствии внимания со стороны общественности прошли перед судом Алли Танненбаум, Шолом Бернштейн, Блю Джо Маггун, Гурино, Маффетор, Левин, Голлоб, Каттено и все другие мелкие сошки из «Мёрдер инкорпорейтед». Хотя многие из них имели довольно внушительный «послужной список», никто из них не был удостоен смертной казни. Все они получили более или менее продолжительные сроки тюремного заключения, причем большинство дождалось досрочного освобождения.

О'Двайер решил поискать себе более выигрышную платформу для участия в избирательной кампании. 1 июня 1942 года он оставил свой пост и добровольцем ушел в армию.

Он передал 8 апреля Бартону Туркусу, принявшему его дела, рапорт капитана Балса, в котором тот утверждал, что ни одно убийство в Бруклине не осуществлялось без согласия Анастасиа. Помимо убийств Мориса Даймонда и Питера Панто, Балс перечислил еще шестнадцать других нападений, которые Анастасиа лично санкционировал и контролировал. В конце рапорта содержался вывод о том, что со смертью Рильза полностью потеряна надежда на привлечение к ответственности еще одного главаря палачей.

Отправленный для участия в заморских операциях в сентябре 1942 года, О'Двайер разыгрывал из себя героя и сумел за три года дослужиться до звания бригадного генерала. Демобилизованный в 1945 году, как раз в тот момент, когда можно было выставить свою кандидатуру на муниципальных выборах против Флорелло Ла Гардиа, он был с триумфом избран мэром Нью-Йорка при поддержке заправил демократической партии из Таммани-Холл, будучи теснее, чем когда-либо, связанным с Костелло и преступным синдикатом.

Альберт Анастасиа, уверенный в своей безнаказанности, уже давно выплыл на поверхность. С присущей ему наглостью он начал появляться в порту уже в начале 1942 года, а вскоре и сам вступил добровольцем в армию. Его никогда не трогали и не допрашивали.

Мобилизованный в Пенсильвании, он был направлен благодаря некоторой «осведомленности» в качестве инструктора во вспомогательные войска, используемые для загрузки транспортных судов, доставляющих грузы армейским подразделениям, разбросанным по всему свету. Там он заслужил медаль и звание старшего сержанта! В 1945 году все обвинения против него были окончательно признаны необоснованными. Большое жюри Бруклина заявило публичный протест. Тщетно! Суду пришлось ограничиться осуждением возмутительных упущений и оплошностей, и это позволило одному из главарей организованной преступности избежать преследования, тогда как улик, собранных О'Двайером, вполне хватило бы для того, чтобы давно посадить его на электрический стул.

Джо Адонис также покинул свое убежище и, так же как Анастасиа, не был потревожен расспросами.

Итак, в добродетельной Америке «кепар», осмелившийся петь, может лишиться голоса и умереть, тогда как куда более страшные птицы не попадают в клетку.

В конце концов «предательство в страстную пятницу» привело к тому, что понесли наказание только лишь отдельные преступники. Преданные делу правосудия люди, облаченные в судейские тоги, оказались беспильными свидетелями того, как возрождались всемогущие главари зла при тайной поддержке официально избранных стражей добра.

ПОКА ТОЛЬКО «ДО СВИДАНИЯ»

В Соединенных Штатах Америки, которые со времен «сухого закона» захлестнула волна насилия и жестокости, тема гангстеризма прочно занимает место на страницах газет.

Возмутительные убийства вызывают все большее негодование у среднего американца. Но это не мешает ему посещать кинотеатры, чтобы посмотреть фильмы ужасов, фильмы про гангстеров, которые всегда были если не самыми благородными, то самыми популярными. С поразительной настойчивостью Голливуд фабрикует все новых «героев», выпуская на экраны такие фильмы, как «Маленький Цезарь» с Эдвардом Робинсоном в главной роли, «Лицо со шрамом» с участием Пола Муни и Джорджа Рафта, «Государственный преступник», «Убийца», «Доки Сан-Франциско», «Я — беглый каторжник», «Банда Бустера», а также многие другие, в которых блистали своим талантом Джеймс Кэпвей, Хэмфри Богарт. Настали времена, когда ни один актер не может рассчитывать на сколько-нибудь значительный успех, если он не доказал, что способен сыграть роль жестокого, безжалостного преступника. Даже утопченному Мики Руни пришлось перевоплощаться в неистового Келли Автоматчика.

Журналистами написаны миллионы строк о Ма Бейкер, ее сыновьях, о Клайде Барроу и Бони Паркер, о Притти Бой Флориде, Бэби Фейс Нельсоне, Алвине Карпесе, Джоне Диллинджере, Келли Автоматчике... Список их имен столь же длинен, как и перечень их жертв.

На этом фоне неподкупный Томас Дьюн после серии подвигов, совершенных в схватке с заправителями преступного синдиката, а затем и благодаря разобла-

чениям наводящей ужас деятельности «Мёрдер инкорпорейтед» сумел прослыть сильным человеком, честным американцем, современным рыцарем «без страха и упрека», способным защитить вдов, сирот, обездоленных и обиженных. Он был как бы воплощением добродетели, торжествующей над пороком. Благодаря своим постоянным решительным усилиям, направленным на борьбу с преступным миром, Дьюи стал своеобразным символом победы закона над силой. Оседлав крепнущую день ото дня популярность, он мог позволить себе мечтать о самых высоких политических постах. Дело дошло до того, что о нем начали говорить даже больше, чем о самом Рузвельте.

Лучиано было известно об огромном честолюбии Дьюи, и, когда наступит время, он постарается сыграть на этом чувстве. Находясь в тюрьме Даннеморы, приговоренный к пожизненному заключению, он все-таки окажется в более выгодном положении, чем многие другие, и еще раз оправдает, пустившись на самые хитроумные махинации, полученную им кличку Счастливищик... Махинации хитроумные и, как всегда, отвратительные.

После того как он ублажил Дьюи, отдав ему на растерзание Лепке, Лучиано сделал объектом своих атак судью Маккука, того самого, который вынес ему приговор, предварительно подтолкнув, по сути дела, присяжных к признанию его виновным.

Маккук, ставший к этому времени судьей Верховного суда штата Нью-Йорк, имел возможность повлиять на его судьбу.

И вот оказалось, что быть судьей отнюдь не означает, что можно пребывать в спокойствии. Маккук в этом убедился...

Спустя три года после осуждения Лаки Лучиано судье пришлось испытать целый ряд самых неожиданных неприятностей: если он не обнаруживал в своем бензобаке сахарного песка, то у машины ломалось рулевое управление или отказывали тормоза. На дорогах у него так часто случались аварии, что патрульные полицейские, обращаясь к нему, стали уже называть его по имени. Однажды неожиданно сгорел его гараж вместе с только что купленным новеньким «крайслером». Огонь перекинулся на дом, за который он еще не успел выплатить последний взнос.

Затем при самых загадочных обстоятельствах умерла его жена. Врач долго колебался, прежде чем выдать разрешение на погребение. После этого наступила очередь одного из сыновей... И добропорядочный судья Маккук просит разрешения повидать в Дапне-море Лаки Лучиано. Он проводит с ним около двух часов в кабинете врача этого заведения доктора Мартина и выходит оттуда со слезами на глазах. С этого момента он будет избавлен от злоключений. Быть может, это еще не дает оснований думать о нем плохо? Однако, когда в 1943 году Моэ Полакофф обратился с ходатайством об условном досрочном освобождении его клиента, судья Маккук (хотя Лучиано, этот «опасный, извращенный преступник, не способный исправиться», не отсидел еще и семи лет из установленного ему срока наказания) дал благоприятный отзыв: «Если Лучиано продолжает сотрудничать и ведет себя в тюрьме примерно, то можно будет обратиться с прошением о смягчении наказания».

Обрушившиеся на судью неприятности превратили его в человека на редкость снисходительного, хотя разоблачения Рильза подтвердили, что Лучиано значительно опаснее, чем это представлялось во время процесса. На самом деле это был самый опасный преступник всех времен и народов. Теперь это узнали все. И вот... прошение о смягчении наказания!

Для Лучиано это означало первую веху на пути к освобождению. К тому же несчастье одних оборачивается счастьем для других. После нападения на Пёрл-Харбор в 1942 году Соединенные Штаты Америки оказались втянутыми в военный конфликт. А для Лучиано представился уникальный в своем роде шанс победить в своей собственной войне за свободу. Он понял, что происходящие события могут помочь ему выйти из тюрьмы, если ему удастся управлять ими. А в этом на него можно было положиться.

* * *

Задолго до молниеносной японской атаки на Пёрл-Харбор, еще в 1940—1941 годах, американская военная разведка испытывала серьезное беспокойство в связи с возможностью проникновения на территорию США немецкой «пятой колонны». Нацистские органи-

зации, уже давно обосновавшиеся в различных районах страны, процветали, поддерживая тесные контакты с ку-клукс-кланом, возникшим на почве расизма и антисемитизма.

Чарльз Брейтель в беседе с авторами настоящей книги вспоминал: «Активности немцев в стране очень опасались. Больше всего боялись возникновения случаев саботажа на причалах портов. Тем более что немецкие подводные лодки высадили десант на Лонг-Айленд. Поэтому страшились широкомасштабных акций в отношении доков, через которые шло снабжение материалами и снаряжением наших войск и войск наших союзников».

Обо всем этом Лучиано прекрасно знал. Пригласив в Даннемору Мейера Лански и Фрэнка Костелло, он рассказал им о своих планах:

— Мейер и ты, Фрэнк, я знаю, что вы делаете все, что можете. Я это ценю. Я уже давно вижу по вашим физиономиям, что, несмотря на наши усилия, на деньги, выданные из «смазного банка» на предвыборную компанию этого недоноска Дьюи, вы несколько не верите в то, что он освободит меня, даже если дать приличный куш ему лично. Дело не в том, что он не захочет, а в том, что он просто не сможет этого сделать. Представим себе Дьюи-губернатора, досрочно освобождающего Лучиано. Он потеряет весь свой престиж и всякое доверие, будет обвинен своими политическими противниками в совершении должностного преступления и во взяточничестве. Из героя, каким он был вчера, он превратится в козла отпущения, утратившего всякие шансы стать президентом Соединенных Штатов. Но если нам удастся найти лазейку и сохранить его лицо, не подвергая его ни малейшей опасности, он согласится... Просто надо будет держать в секрете карту, которую ему нечем будет бить, чтобы заставить его сдержать свое слово, так как этот мерзавец может обвести нас.

Костелло оживился:

— Хорошо! Мне твоя идея понятна, но ты не сказал главного: лазейка, как ты ее себе представляешь?

Ланки с удовольствием потянулся, а затем ухмыльнулся:

— Мальчишки, я хочу стать национальным героем, молодцом, который окажет стране неоценимую помощь

в борьбе как с внешними, так и с внутренними врагами... а герою нельзя будет ни в чем отказать. Добродетельные граждане будут бесконечно счастливы видеть, как Дьюи откроет передо мной двери на свободу. Они даже решат, что с его стороны даже весьма дальновидно забыть прошлое, злобу, которую он испытывает к таким типам, как я. Они скажут: «Браво, Дьюи».

Программа, которую я предлагаю, состоит из двух основных пунктов. Вы знаете, что в этой истории с немецкими шпионами они не сдвинулись с места. Посмотрите внимательно «Нью-Йорк америкен джорнэл» и заголовок на восемь колонок «Закройте им проход»... Военные начинают паниковать. Ты, Фрэнк, должен дать понять политикам, близким к ответственным представителям министерства обороны, что наши люди, все бывшие бутлегеры, знают побережье как свои пять пальцев, и тем более все места, где можно тайно высадиться. И не случайно: они достаточно часто высаживались здесь, оставляя в дураках береговую охрану. Если захотят, то же самое могут сделать и нацисты. Договорились?! Ты им предложишь помощь наших людей и обеспечишь в безоговорочной поддержке. А ты, Мейер, пообещаешь, что немцы не высадутся на Кубе. Как-нибудь уладишь это с Батистой, всучишь ему, если потребуется, дополнительно приличную сумму... На Багамах ты сам хозяин положения. Министерство военно-морского флота оценит это. Но прежде, чем вы этим займетесь, следует поднять страшнейшую панику... Это пусть будет на совести Альберта Анастасиа и Тафа Тони. Отныне вам предстоит покрутиться. Чтобы психоз саботажа развернуть на всю катушку, надо прибегнуть к уничтожению важнейшего оборудования. В ход должно быть пущено все. И все должны заговорить только об этом.

Оба собеседника не могли скрыть своего восхищения выдающимися способностями Лучиано, который по-прежнему не переставал их удивлять. Лански, желая подчеркнуть, как внимательно он слушал, спросил:

— Да-да, это здорово придумано... но ты говорил о втором пункте?

— Начнем с этого, затем примемся за другое. Я не хочу ничего от вас скрывать. Речь идет о том, что должен обстригать Вито Дженовезе в Италии, особен-

по на Сицилии, куда я отправил его повидаться с некоторыми донами. Карло Гамбино и Кармине ГалаANTE откроют ему свои двери *. Итак, за дело!

На доках царило оживление. У причалов стояли самые различные суда. Советский Союз, с огромным напряжением сдерживая натиск вооруженных армад Гитлера, нуждался в танках, разного рода автомашинах, снаряжении, боеприпасах, которые доставлялись транзитом через Иран. Каждое судно было на учете, тем более что немецкие подводные лодки уничтожали конвой за конвоем, что война на Тихом океане также требовала большого числа судов и транспортов для перевозки людей и снаряжения.

Люди из преступного синдиката со знанием дела приступили к распространению среди докеров слухов о том, что повсюду полно шпионов. Однако пока не было доказательств их присутствия. Не было ни случаев уничтожения оборудования, ни серьезной тревоги. Альберту Анастасиа предстояло сыграть свою роль. И он не ограничился полумерами, осуществляя этот достойный Макиавелли план.

В это время у причалов стоял превосходный теплоход, неслыханно роскошная плавучая гостиница, гордость Трансатлантической компании — «Нормандия».

Американские власти по согласованию с генералом де Голлем получили разрешение переоборудовать гигантский теплоход в транспортное судно по перевозке личного состава войсковых частей. Известие об этом пришлось очень по душе американцам. Пресса периодически информировала их о новых переделках, о фантастических возможностях судна, способного с рекордной скоростью перевозить одновременно очень большое число солдат (пять тысяч). В 1937 году «Нормандия» удостоена была «Голубой ленты».

Все рабочие, привлеченные для работы на французском теплоходе, были членами профсоюза. Внутри гигантского лайнера снимали перегородки красного дерева, чтобы смонтировать металлические конструкции. 9 февраля 1942 года на причал прибыли три сварщика с западной части Манхэттена. Они поднялись на «Нормандию» и спустились внутрь судна. Больше никто ничего о них не слышал. Однако не надо беспокоиться

* Напомним, что Вито Дженовезе не был сицилийцем.

об их судьбе. Они ведут сейчас где-то безмятежную жизнь, купаясь в золоте, и по ночам их не тревожит вид «Нормандии», внезапно охваченной пламенем. В результате вспыхнувшего пожара корабль сгорел менее чем за сутки. Под завывание тех же сирен, которыми было встречено триумфальное появление «Нормандии» в порту Нью-Йорка после получения ею «Голубой ленты», те же пожарные катера, которые в свое время приветствовали ее, устраивая водяные фонтаны, тщетно пытались теперь погасить пожиравшее судно пламя. «Чемпионка морей» медленно накренилась, затем и совсем легла на бок, а kloкочущая вокруг нее вода напоминала цунами; тысячи американцев со слезами на глазах присутствовали при этой agonии. Из уст в уста передавались слухи о саботаже. В довершение всего Анастасия отдал приказ о всеобщей забастовке.

Обстановка вдруг полностью изменилась. Фашистская Италия находилась в состоянии войны на стороне рейха, и, поскольку докеры в большинстве своем были выходцами из Италии, коренные американцы начали открыто выражать им недоверие. Люди, прибывшие в Америку с Апеннинского полуострова, подвергались самым грубым оскорблениям. Слова «шпион» и «предатель» были, пожалуй, наиболее безобидными.

Прошел слух, что рыбацкая флотилия — все итальянцы — занимается снабжением немецких подводных лодок в открытом море, доставляет с них шпионов, направляемых Италией и Германией для подготовки вторжения гуннов с фашистской свастикой на священную американскую землю.

Когда Костелло увидел, что накал страстей достиг угрожающего уровня, он предпринял ответную акцию.

По его команде политические деятели итальянского происхождения, ставшие американскими гражданами, принялись, используя любой подходящий предлог, демонстрировать верноподданнические чувства своих соотечественников. Им вторили политики американского происхождения, получающие подачки из «смазного банка», протестуя против разгула расизма, недостойного свободной страны. Затем Просперо Винсент Виджигиано, один из заправил Таммани-Холл, личный друг Джо Адониса, на одной из прес-конференций заявил, что «можно быть итальянским гангстером, преступни-

ком, членом сицилийской мафии, но сохранять самые глубокие патриотические чувства. Это подтверждается и тем, что главарь банд недавно связались со мной, чтобы заверить в том, что они готовы в любой ситуации, рискуя жизнью, доказать свою верность избранной ими родине, которой они обязаны всем и которая приняла их так гостеприимно».

Этот намек был понят суровым американским военным флотом. Его командованию через своих представителей пришлось обратиться в Белый дом за разрешением установить непосредственные, но секретные связи с людьми из преступного мира, с людьми из доков.

Вашингтон и сам Рузвельт тотчас дали зеленый свет операции, которая условно была названа операцией «Преступный мир».

Возглавлять ее было поручено молодому и энергичному капитану 3-го ранга Чарльзу Гаффендену из штаба округа Манхэттен. Главный штаб военно-морского флота наделил его самыми широкими полномочиями.

Обращает на себя внимание то, что Гаффенден не имел прямых контактов с Томасом Дьюи, который, несмотря на тревожные времена, не интересовался ничем, кроме предстоящих выборов на пост губернатора штата. Ему удалось провести переговоры с возможным преемником Дьюи, Фрэнком Хоганом, а также с атторнеем Мюрреем Гурфейном, одним из тех, кто больше всех стремился доказать вину Лучиано во время следствия, после которого состоялся суд и Лаки был приговорен к длительному сроку тюремного заключения.

Мы довольно долго расспрашивали Мюррея Гурфейна об этом любопытном эпизоде. Он не заставил себя упрашивать и рассказал следующее:

— В тот момент, когда большое количество военного снаряжения и боеприпасов попадало в руки немцев, своеобразное эмбарго полностью лишило нас возможности отгружать военное снаряжение не только для наших воинских подразделений, но и вообще для союзнических армий. Именно в это время майор секретной службы морского ведомства Гаффенден вступил в контакт с Фрэнком Хоганом и задал ему вопрос: «Есть ли возможность провести переговоры с признанными главарями рэкета?..»

Ход рассуждений был следующим: если мы сможем проникнуть в преступный мир или, еще лучше, если мы пойдем в его лице союзника, то нам удастся своевременно обнаруживать и предотвращать случаи саботажа на причалах, организуемые немецкими или итальянскими шпионами.

Главари рэкета, с которыми я встретился, согласились, что они многое могли бы сделать в этом плане... но только после того, как получат на это разрешение... Я спросил: «От кого?» Мне ответили: «От Лучиано, но, к несчастью, он находится в тюрьме...»

По их совету я затем встретился с Соксом Ланца, который возглавлял профсоюз рыбаков...

Ну вот наконец веревочка дотянулась и до Лучиано!

Они пришли к тому, к чему он хотел, чтобы они пришли, но пока что предстояло сыграть свою роль Соксу Ланца.

В течение двух недель Джозеф Сокс Ланца внимательно выслушивал то, что объяснял ему Фрэнк Костелло, и хорошо усвоил урок.

Друзья называли этого типа Джо Сокс. Он был совершенно неграмотным, но благодаря своим особым «дарованиям» сумел стать королем рыбного рынка. Он облагал данью все рыболовецкие суда Нью-Йоркского порта. Тариф: сто долларов с каждого судна, возвращающегося с лова рыбы, пятьдесят долларов с каждой автомашины, прибывшей в порт за рыбой, «налог» с которой он уже успел получить. Он не допускал никаких послаблений. Первое предупреждение: крюк на полном ходу опускался на того, кто продолжал артачиться; если же бедолага после этого выпускал дух, то это относилось за счет несчастного случая. Второе, и последнее, предупреждение: упряма обнаруживали раздавленным между причалом и бортом причалившего судна. От него оставалась груда окровавленной плоти, из-за которой яростно дрались огромные крысы. У Сокса возникли трудности, когда он попытался распространить свой рэкет на предприятия, специализирующиеся на изготовлении рыбных консервов. Но, даже будучи осужденным и находясь в тюрьме Флинт (штат Мичиган), он не выпустил из своих рук бразды правления. Его друг Альберт Маринелли, заправила Тамман-Холл, а также его свояк Просперо Винсент

Виджиано помогли ему быстренько выбраться отсюда.

Прежде чем согласиться быть представленным капитану Гаффендену, Сокс Ланца немного поломался. В частности, он настаивал на том, чтобы тот пришел на встречу в гражданском: «Если меня увидят рядом с типом в униформе, то мне не поздоровится...» Свидание состоялось в полночь на скамейке неподалеку от могилы великого генерала Вашингтона в конце Риверсайд-драйв.

Следуя советам Костелло, Джозеф Ланца начал разыгрывать из себя добропорядочного гражданина, уверяя офицера, что все его суда, все моряки его флотилии до единого — он даже может поручиться за них — готовы быть на страже. Глаза моряков видят далеко и хорошо. Они готовы сообщать о всех подозрительных судах, которые попытаются войти в порт или выйти из него. Но в отношении того, что происходит в доках, он бессилен. Это не входит в его компетенцию. Он может иметь большие неприятности. Там власть ему не принадлежит...

— Кто имеет отношение к этому? — спросил Гаффенден. — Анастасия?

— В какой-то степени, немного...

— Но кто же в таком случае?

И тогда Ланца выдал наконец то, к чему он все время вел:

— Кое-кто мог бы уладить это довольно успешно по той простой причине, что он главный босс... но только вам не повезло: он находится в тюрьме в Данинморе. Это Чарли Лаки Лучиано...

Рыбку удалось поймать на крючок.

Гаффенден долго беседовал с Гурфейном. Как поступить, чтобы уломать Лучиано, ожесточенного судебным процессом, озлобленного тем, что он сидит в тюрьме? Согласится ли Лучиано принять его?

Как и следовало ожидать, на предложение о встрече Лаки ответил высокомерно:

— Принимать официальных представителей в этом дерьме, куда они меня засунули? Об этом не может быть и речи. Если не противно им, то противно мне.

Решив добиться своего во что бы то ни стало, Гаффенден встретился с адвокатом Лучиано Моэ Полакоффом, который направил его к Фрэнку Костелло.

Костелло подчеркнул, что это не очень удобно и что он даже считает неприличным вести переговоры о сотрудничестве с человеком, с которым так несправедливо и жестоко обошлись. Гаффенден согласился с ним, добился встречи с Дьюи, который обратился с просьбой к судье Маккуку, чтобы Лучиано перевели в тюрьму Синг-Синг, где и должно было состояться желанное свидание.

Так, побеждая в малых сражениях, выигрывают большие батальи.

В новой комфортабельной камере с холодной и горячей водой Лучиано принял наконец Мюррея Гурфейна, Гаффендена, Моз Полакоффа, Джорджа Вольфа, Фрэнка Костелло и Мейера Лапски.

Пока его настойчиво упрашивали оказать помощь, Лаки непрерывно грыз маленькие зеленые корншоны, которые благодаря заботе Мейера поступали к нему прямо с завода на Дилейни-стрит. Обмениваясь понимающими взглядами, они улыбались друг другу.

Лучиано в принципе согласился помогать, но при этом выдвинул определенные условия.

Теперь в игру вступал Дьюи. Превосходный игрок в покер, Лучиано, проявив исключительную ловкость, сумел сделать так, что на руках у него оказались отличные карты.

Во-первых, если Дьюи не подчинится его требованиям, он сообщит прессе о всех ложных свидетельских показаниях, подстроенных атторнеем, чтобы добиться его осуждения. Доказательства того, что они ложные, у него есть.

Во-вторых, сейчас, когда Дьюи стал благодаря его помощи губернатором и стремится занять пост президента, Лучиано готов сделать все, чтобы он пришел к власти, но только если Дьюи соответствующим образом отблагодарит его за это, причем ему нужны гарантии на тот случай, если он вдруг забудет об оказанной услуге.

В довершение Лучиано поставил вопрос о переговорах в зависимость от его досрочного освобождения.

Надо признать, что Дьюи в свою очередь сыграл весьма неплохо. Даже Чарли вынужден был это признать. Послушаем, как он сам оценивает действия нового губернатора:

— Я сразу понял, чего хочет этот усатый коротышка: он хочет, чтобы я ему помог и — самое главное — чтобы я не выступил против него и не лишил возможности стать президентом. И тогда этот подлец готов был освободить меня. Но чтобы я оказался далеко, очень далеко. Это значит, что я должен был согласиться покинуть мою страну, гражданином которой я являюсь на законных основаниях с тех пор, как мой старик получил натурализацию, когда я был еще подростком. Они не могли депортировать меня без моего согласия. И еще я понял: он хочет иметь возможность поставить себе в заслугу, что избавил Соединенные Штаты от такого ужасного гангстера, как Лаки Лучапо.

Но все это означало и другое: пока что я должен буду оставаться в заключении, по крайней мере до конца войны. Пока идет война, меня нельзя отправить в Италию, поскольку это вражеская страна. Таким образом, вы видите, что со мной произошло? То же самое, что происходит с молодчиками, которые задумали совершить идеальное преступление. Я разработал первоклассный план, и на самом деле все шло как по маслу до того момента, пока Дьюи не поставил свое условие...

Лучиано попал в ловушку, по дела обстояли не так уж плохо. Как всегда, он преувеличивал. Разве его не освободят после окончания войны? Это, конечно, лучше, чем подохнуть в тюрьме. Более того, Дьюи распорядился перевести его в образцовую тюрьму штата Нью-Йорк — Грейт-Медоу в Комстоке, на севере Олбани. Здесь он наслаждался комфортом, получал из лучшего ресторана города обеды, сдобренные отличным виски, всегда имел охлажденное шампанское для своих гостей.

Ему предоставили комнату для проведения встреч с капитаном Гаффенденом, Мюрреем Гурфейном и Соксом Ланца, где все вместе они решали очередные проблемы операции «Преступный мир». Начальник тюрьмы, Вернон Морхус, проявлял в отношении него исключительную заботу. Естественно, что ему разрешили также принимать у себя Анастасиа, Лански, Костелло и других главарей, глав семей, предводителей гангстерских банд. Туда приходили все: Джо Бонанго, Джо Профачи, Тони Луччезе, Тони Аккордо. Они

устраивали пьяные оргии, которыми отмечали наиболее выдающиеся события. По договоренности с Лучиано губернатор Дьюн, экс-чемпион по борьбе со злом, пообещал, что «если они будут вести себя тихо, то молодчиков из банд преследовать больше не будут...»

Гаффенден имел все основания получать поздравления от начальства: в порту не происходило ничего плохого. Докеры грузили военные грузы круглыми сутками и даже не помышляли об улучшении условий труда или повышении зарплаты. Все превратилось в добропорядочных граждан и от всего сердца трудились на победу в войне.

Необычная сделка была выгодной, это надо признать...

Чтобы добиться досрочного освобождения и, во всяком случае, предоставить Дьюн «возможность» сдержать свое обещание, не рискуя при этом ухудшить положение, Лаки Лучиано оставалось одно: приступить ко второму этапу маневрирования, связанных с перемещениями пешки, роль которой исполнял Вито Дженовезе — персонаж весьма колоритный, о котором стоит сказать несколько слов. Он был хитер, изворотлив, полон противоречий и неуловим. Один журналист писал о нем: «С неизменной ухмылкой крокодила и слащавым голосом, он никогда не повышал голоса». Дон Витоне родился в Неаполе в 1897 году и эмигрировал в Нью-Йорк со своей семьей в 1912 году. Мы уже рассказывали о том, как он сошелся с Лаки Лучиано. Став его правой рукой, он начал специализироваться на проституции и испытывал непреодолимую тягу к контрабанде наркотиками. Его шеф Лаки Лучиано, стремящийся с суеверным упорством отгородиться от этого рода деятельности, формально возложил на него руководство ею, но на самом деле управлял всем сам.

В память о первых уличных боях Дженовезе на всю жизнь сохранил два шрама на правой щеке, приобретя в результате привычку прижимать эту щеку к плечу, чтобы скрыть следы нанесенной ему обиды. Он казался поэтому чуть сгорбленным, что присуще всем гангстерам, так же как и особая походка. Маленький, коренастый, он носил защитные очки, чтобы скрыть свирепый взгляд черных глаз.

В 1930 году Дженовезе совершил трехмесячное путешествие в Италию, чтобы наметить пути последующих контрабандных операций. В противоположность Лучиано он тяготел к Европе. Эти два человека прекрасно дополняли друг друга, но окружающие знали, что Лаки, ценя профессиональные качества приятеля, не доверял ему и даже ненавидел. Но что делать: дон Вито Дженовезе был ему очень полезен...

Свои первые вложения капитала он сделал в заведения для гомосексуалистов и других извращенцев. Это, однако, не мешало ему испытывать нежные чувства в отношении женского пола. Его первая жена была человеком кротким. Анна Рагоне, тяжело переживавшая преступную деятельность своего мужа, не смогла выдержать этого и в 1931 году скончалась от горя, хотя пытались уверять, что она умерла от туберкулеза. Неизвестно, оплакивал ли ее муж.

В 1932 году он встретил на обеде в своем кругу одну весьма темпераментную особу моложе его на двенадцать лет: Анну Петилло Вернотико. Ее муж, Джерард Вернотико, входил в состав одной из специальных групп дона Вито. Анну посадили рядом с Дженовезе, и она была очень польщена этим. За разговором она напомнила, что Петилло — племянник Дженовезе, но того больше интересовала ее коленка под столом... Они воспылали страстью друг к другу, но им пришлось умерить свой пыл, так как Анна наотрез отказалась пойти на супружескую измену. Она не пожелала стать любовницей дона своего мужа. Причиной тому были религиозные принципы, которых она строго придерживалась.

Дженовезе действовал последовательно и методично. Он поручил двум своим палачам, Петеру Мойону и Мишелю Баррезе, ликвидировать мужа, поскольку он заставлял свою жену испытывать муки совести. А этого Дженовезе вынести не мог.

16 марта 1932 года Вернотико был задушен с помощью бельевой веревки на крыше одного из зданий в Манхэттене своими же коллегами. Для надежности они несколько раз выстрелили ему в голову и в живот, а также нанесли одиннадцать пожевых ранений в грудь. Лишняя предосторожность никогда не повредит, особенно с мужьями, которые имеют привычку

появляться в самый неподходящий момент. С того света нанести такой визит им будет непросто.

К несчастью, в это же время на крышу поднялся подышать воздухом некий Антонио Лонцо. Пуля, попавшая ему в голову, помешала ему продолжить прогулку.

Спустя две недели Анна и Дженовезе поженились: не оставляя же кузину вдовой!

В 1932 году Вито стал членом высшего совета преступного синдиката и занял место рядом со своим непосредственным шефом Лаки Лучиано.

В сентябре 1934 года необычайная скупость Вито заставила его вернуться к самым отвратительным привычкам прошлого. Во время игры в покер ему удалось, жульничая, обыграть одного наивного итальянского бизнесмена и содрать с него сто шестьдесят тысяч долларов. Игра велась в зале ресторана, принадлежавшего Фердинанду Шедоу (Тень) Боксина, который потребовал свою долю, тридцать пять тысяч долларов, что считалось нормальным: играли у него, партия была «организована» им, так как именно он пригласил Дженовезе «общипать голубка». Дженовезе, не терпевший ситуаций, в которых ему приходилось отдавать хотя бы один попавший в его руки доллар, обещал подумать. И подумал. 9 сентября 1934 года он направил к наглецу своих лучших «курков»: Гуса Граска, Георга Смурра, Мики Миранди и Эрнеста Хока (Ястреба) Руполо, которые рассчитались с ним градом пуль калибра 11,43.

Квартет уже вернулся восвояси, когда Миранди вдруг решил, что один из его подчиненных, Галло, который был в курсе дела, ведет себя странно, как человек, знающий то, что знать не положено. Миранди тотчас попросил своего сообщника Эрнеста Хока Руполо оказать ему услугу и прикончить Галло, объяснив ему, что поскольку они близкие приятели, то сделать это будет легко, не вызывая у Галло подозрений.

Руполо пригласил Галло в кинотеатр посмотреть фильм про гангстеров. Они вышли из кино через запасной выход и вскоре оказались в пустынном переулке. Неожиданно Руполо вытащил свой кольт, наставил его на Галло и выстрелил. Но вместо выстрела раздался звук «клац».

— Ты одурел, что ли, к чему подобные шуточки? Не говоря ни слова, Руполо нажал еще раз. «Клад!»

— Тысяча чертей, что ты делаешь? — закричал, отскакивая в сторону, Галло.

— Это просто шутка, — рассмеялся Руполо, — ты же прекрасно видишь, что моя пушка не заряжена, иначе я раскроил бы тебе башку.

И оба расхохотались.

— Идем, — предложил Хок, — давай напоследок опрокинем у меня по стаканчику.

Они пошли.

Руполо закрылся в туалетной комнате, чтобы незаметно проверить свое оружие и поставить новую обойму. Они выпили по два стакана вина, после чего Руполо предложил:

— Я провожу тебя немного... еще не хочу спать.

На улице в одно мгновение он оказался за спиной у Уилли Галло и несколько раз выстрелил в него. Галло, окровавленный, упал. Рассказать об этом случае так подробно стало возможно только потому, что Галло сам поведал о нем судье, чудом оставшись в живых после этого поразительного сведения счетов. В конце 1934 года Руполо предстал перед судом и получил двадцать лет тюрьмы.

Долгое время он соблюдал закон молчания. Он еще рассчитывал, что Дженовезе постарается смягчить его участь в тюрьме. Но он упустил из виду невероятную скупость дона Витоне, предпочитавшего забывать о своих долгах.

В 1937 году, выведенный из терпения подобным отношением к себе, он попросил разрешения переговорить с федеральными властями, потребовав в качестве компенсации скорейшего досрочного освобождения. Его примеру последовал Питер Ла Темпа, который мог подтвердить основную часть его показаний.

Узнав через систему осведомителей, существующую во всех тюрьмах Соединенных Штатов, об их роковом решении, Лаки Лучиано приказал дону Вито Дженовезе срочно бежать в Италию. Затем, призвав в Даннемору Лански и Костелло, он им объяснил, каким образом Дженовезе должен действовать.

Идея Лаки была очень простой. Для такого превосходного шулера реакция была вполне естественной. Он задумал вести двойную игру. После того как Бенито

Муссолини сумел захватить власть, он повел в Сицилии против традиционной мафии беспощадную войну. Он поклялся: «Я осушу ее, как сумел осушить болота Понтиса».

Итак, когда Дженовезе покидал Соединенные Штаты в 1937 году, он располагал фондом в семьсот пятьдесят тысяч долларов наличными. Этот фонд неоднократно пополнялся в ходе частых визитов в Италию его супруги, совершаемых ею вплоть до объявления войны, когда ему дали прямое указание сотрудничать с фашистским режимом в Италии, если союзники проиграют войну. Задача состояла в том, чтобы оказывать всевозможные услуги Муссолини и, если можно, подкупить его ближайших помощников, так же как в свое время подкупали деятелей из Таммани-Холл.

Дженовезе прекрасно справился с этим поручением, хотя специалисты из Управления стратегической разведки выражают сомнение в реальности такой миссии.

Напомним в связи с этим о тайной сделке с американскими разведывательными службами, не углубляясь, однако, в подробности, поскольку наша задача заключается не в этом.

Когда Дженовезе только обосновался в Неаполе, он довольно успешно ловил рыбку в мутных водах режима фашистов. Затем одновременно с установлением путей доставки наркотиков через Ливан, Турцию и Иран он начал делать щедрые пожертвования итальянскому Красному Кресту и крупные взносы в кассу черпорубашечников. Он выложил 250 тысяч долларов на строительство в Ноле новой шикарной штаб-квартиры фашистов. Они свели его с агентами печально известной секретной полиции, и дон Вито помог им спровадить к праотцам всех сицилийских мафиози, которые не смогли вовремя усвоить, какую игру они должны вести. Ему удалось завоевать авторитет и у наиболее хитрых и изворотливых главарей, которые служили только интересам своей истинной матери мафии, а не несуществующей для них родины.

Наслышанный о такого рода «подвигах», Бенито Муссолини попросил организовать им встречу. Они виделись не менее двенадцати раз, подолгу беседуя один на один.

Особенно беспокоило дуче сознание того, что миллионы итальянцев, эмигрировавших в Америку, не по-

нимают его идеи создания «Великой Италии», забыли, что они потомки римлян. Он хотел собрать их всех воедино. Опасность подобных планов стала особенно очевидна в ходе событий 1941—1942 годов, когда работы на причалах Нью-Йорка оказались парализованными в результате усилий преступного синдиката и среди американцев англосаксонского происхождения стали расти расистские настроения, направленные против итальянцев (национальные меньшинства ведь всегда вызывают подозрения в военное время). Чтобы исправить положение, направить общественное мнение в должное русло, итальянский журналист Карло Треска посвятил разоблачению фашизма все свои силы, весь свой огромный талант. Он создал редакционную группу, которая стала выпускать еженедельник на итальянском языке «Иль мартелло» («Молот»), ставший вскоре самым популярным печатным органом эмигрантов с полуострова. «Иль мартелло» активно воздействовал на умонастроение итальянцев. Треска, превосходный полемист, острый критик, клеймил позором Муссолини.

В Рокка-дель-Каминале между доном и дуче было заключено соглашение, скрупулезно соблюдавшееся. Первым свои обязательства должен был выполнить дон Вито. И он их выполнил.

В Нью-Йорке, на пересечении 15-й улицы и 5-й авеню, человек намеревался перейти улицу: это был Карло Треска. Другой человек несколько опередил его, словно приглашая следовать за собой. Тут же раздались несколько выстрелов. Карло Треска упал на колени, ощупывая свой лоб, куда попала одна из пуль, затем посмотрел на окровавленную руку, вытер ее о куртку и замертво рухнул на асфальт. Убийца неторопливым шагом пересек улицу и скрылся, никем не потревоженный¹. Это произошло в январе 1943 года.

В феврале того же года Вито Дженовезе за свои

¹ Организация этого убийства может быть приписана Кармине Галанте (на основании документов из личного архива автора). Исполнителем был Тони Бендер. Их поступок вызвал у Лучиано приступ ярости, так как они действовали по приказу Дженовезе, не получив согласия «суда Кенгуру», единственной инстанции, правомочной судить и приговаривать к смерти.

Галанте был убит девятью пулями в Нью-Йорке 12 июля 1979 года.

пожертвования и оказанные услуги был высоко оценен фашистским государством. Дуче лично прикрепил к его груди орден «Коммандаторе».

Одним из людей, оказывающих поддержку Дженовезе, стал префект Неаполя Альбини, подкупленный им столь ловко, что этой операции мог позавидовать сам Фрэнк Костелло, великий специалист по части «смазывания».

Влияние, которым пользовался Дженовезе при дуче, стало настолько значительным, что ему удалось зимой 1943 года добиться назначения Альбини на пост заместителя министра внутренних дел. Внутри партии нашлись противники Альбини, но Муссолини утвердил его назначение. Для Дженовезе это была очень крупная победа. «Сейчас можно будет развернуться», — говорил он в доверительной беседе, потирая от удовольствия руки.

Но самого большого успеха он достиг, когда ему удалось подцепить на крючок гораздо более крупную рыбку — графа Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии, зятя дуче. Однажды вечером, развлекаясь с одной девицей и слушая ее рассказ о любовных похождениях графа, дон Вито насторожился, когда она между прочим поведала ему о том, что тот пользуется наркотиками, но пока не очень злоупотребляет этим. Дженовезе буквально набросился на свою жертву, оказавшуюся к тому же достаточно податливой. Словно паук, он опутал Чиано такой плотной паутиной, что тот оказался связанным по рукам и ногам, попав в полную зависимость от Дженовезе, который предъявлял ему все новые требования. В разгар войны была организована контрабандная доставка наркотиков на личном самолете Чиано. Они, в частности, вместе отправились в Стамбул и привезли с собой партию «сырья», которая затем была отдана на переработку двум специалистам в Милане. Один из них, живущий и поныне, с удовольствием вспоминает о столь значительном событии в своей жизни¹.

Благодаря Чиано была создана фантастическая система транспортировки наркотиков на военных самолетах, пилоты которых (в большинстве своем кокаинисты, один из них был однокашником Бруно Муссо-

¹ Из личного архива автора.

лини) неоднократно совершали полеты в Северную Африку, находившуюся под контролем Роммеля, делая транзитные посадки в Танжере, превратившемся в международную базу контрабандной торговли. Дон Вито имел пропуск на виллу Торлонпа. Галеаццо Чиано ввел его в самые высокопоставленные круги. Джузеппе Бастианини вручил несчетное количество паспортов.

Трудно подтвердить это конкретными фактами, но влияние, которое Дженовезе оказывал на Чиано, сыграло не последнюю роль в том, что тот встал на сторону Бадольо на Большом фашистском совете, состоявшемся 25 июля 1943 года, после которого Муссолини был отстранен от власти. Муссолини любил повторять: «Править дано только троем: королю, папе и мне...», забывая о своем коварном партнере, предвосхищавшем все крупные события и стремившемся быть в первых рядах, — о мафии. Она использовала его, он же не сумел использовать ее. Теперь он недорого стоил. Его ожидал крюк живодера.

Дженовезе, который всегда доводил игру до конца — никогда не знаешь, какие карты выпадут, этому учит покер, — продолжал выделять миллионы долларов временному правительству дуче, тогда как сам уже всюду сотрудничал с американскими оккупационными властями.

Войска союзников высадились на Сицилию, не встретив ни малейшего сопротивления (позднее Лучиано с откровенным цинизмом признается, что связанная с этим история была выдумана от начала до конца, чтобы скрыть от американского общественного мнения истинные причины его освобождения). Этому содействовала подрывная работа, которую вел Вито Дженовезе и его тайные сообщники внутри фашистской партии. Когда Италия сдалась союзникам летом 1944 года, американское высшее командование как будто случайно назначило Чарли Полетти военным губернатором всей оккупированной Италии. Полетти, бывший помощник губернатора Нью-Йорка, а затем, после ухода в армию Лехмана — губернатор, был одним из близких людей Дьюи, а также некоторых политиков из Таммани-Холл. Поэтому не стоит очень удивляться тому, что Вито Дженовезе, бывший друг Чиано и Муссолини, представ перед Полетти, был

встречен с распростёртыми объятиями и покинул его не в наручниках, в ожидании расстрела за предательство перед обеими отчизнами, а в чине официального переводчика! И все это происходило в Ноле, там, где Дженовезе особенно отличился, предоставив двести пятьдесят тысяч долларов на строительство новой штаб-квартиры фашистской партии...

Теперь же, компрометируя военных чиновников самого высокого ранга в самых различных сферах, он за несколько месяцев организовал черный рынок, сеть которого охватила весь полуостров. Используя для перевозок армейский транспорт, он торговал военным снаряжением, катерами, самолетами, автомашинами, всем, что только можно вообразить себе, наживался за счет госпиталей на пенициллине, на медикаментах первой необходимости, на антибиотиках, продовольствии, оливковом масле, муке.

Мы уже не говорим о системе публичных домов и борделей, которые он создал, начиная с севера до юга страны, для развлечений союзнических войск. Его могущество ослепляло всех. Как иначе объяснить письмо, написанное Чарльзом Л. Дунном, майором военной полиции:

«Сим заявляю, что Вито Дженовезе помогал мне в качестве личного переводчика с 28 января 1944 года. Он был мне весьма полезен. Более того, он сообщил о нескольких случаях коррупции на черном рынке, в которых оказались замешанными гражданские служащие американской армии. У него очень ясный ум. Он прекрасно знает итальянцев. Он очень предан не только своей отчизне — Соединенным Штатам Америки, — но также всему, что касается американской армии».

Вот так так!

Однако, успешно водя за нос самых высоких представителей военной администрации, Вито Дженовезе чуть было не пострадал от одного старшего сержанта, проявившего необыкновенное рвение. Этот сержант, следователь армейской уголовной службы Оранж Диккей, очень внимательно ознакомился с хвалебными характеристиками Дженовезе. Вот одна из них, давшая начальником гражданской администрации Голмгренем: «Дженовезе не получал никакого жалованья, вносил свои личные средства, работал день и ночь и оказал

большие услуги американской военной администрации». Высокопоставленный военный чиновник Стефен Янг подтверждает его слова: «Я нахожу его достойным доверия и лояльным. На него можно положиться».

Почему Оранж Диккей занялся личностью Дженовезе? Очевидно, вначале он руководствовался интуицией. Он расследовал случаи удивительных исчезновений военных грузов. Мало-помалу все пути сошлись на Дженовезе. В июне 1944 года он передал собранные им сведения, изобличающие Дженовезе, своему начальнику, капитану Данну, который оставил это без всякого внимания. Тогда, нарушив устав, Диккей обратился непосредственно к генералу. Очень скоро через младшего офицера ему был передан приказ оставить это дело «как можно скорее».

Диккей не успокоился и попытался выполнить свой служебный долг. В августе 1944 года он арестовал Дженовезе, составив по всем правилам соответствующий рапорт.

Вышестоящее начальство выпустило арестованного на свободу. Взмешенный Диккей написал в ФБР, утверждая, что происходит нечто очень серьезное, что он уверен в своих заключениях: Вито Дженовезе не только гангстер, но и шпион, работавший в свое время на фашистов. Удар уже нельзя было отвести, он бил и по Управлению стратегической разведки, и по военной администрации. Губернатор Чарли Полетти попытался, однако, сделать все, что было в его силах. Его подталкивала сицилийская мафия, которой очень хотелось сохранить такой козырный туз, каким стал для нее Дженовезе. Но замять дело не удалось. ФБР уже приступило к работе. Дон Вито принялся обрабатывать Диккея:

— Послунай, сержант, оставь это дело. Твои начальники — мои друзья. Они и я организовывали высадку десанта. Мы друзья, ты понимаешь? Подумай о своем будущем...

Затем, с понимающим видом:

— Ну, хорошо, ты хочешь получить свой кусок пирога. Это нормально. 250 тысяч долларов и очередное продвижение по службе — это тебя устроит?

К несчастью, это не устроило Оранжа Диккея, маленького сержанта из армии Соединенных Штатов. Он рассказал нам обо всем этом, из скромности не упомя-

нув, что Дженовезе угрожал ему расправиться с его матерью и сестрами. Но об этом мы уже знали...

Когда Дженовезе доставили в Нью-Йорк и под конвоем препроводили в тюрьму, то это вызвало панику.

За рекордный срок преступному синдикату удалось добиться, чтобы Дженовезе не предстал перед военным судом. Неудача: судья Джули Гелфанд из Бруклина, который должен был рассматривать его дело в суде штата, оказался неприступным.

Фрэнк Костелло и Уилли Моретти получили задание от Лаки Лучиано во что бы то ни стало выволить Дженовезе из беды: «Пока я сижу в тюрьме, он представляет для меня Сицилию. Я не могу без него обойтись. Сделайте все возможное, или я погиб».

Костелло передал поручение Анастасиа.

Задача оказалась несложной: обвинение против Вито Дженовезе в убийстве Фердинанда Боксна строилось на показаниях Эрнеста Руполо и Питера Ла Темпа. Тучи сгущались все больше и больше. Над Вито нависла угроза электрического стула.

Анастасиа изучил условия задачи и нашел решение. Нетрудно догадаться какое.

Питер Ла Темпа, содержащийся в Бруклинской тюрьме в прекрасных условиях (правосудие от него ожидало очень многого — шкуры Дженовезе), страдал от частых почечных колик, сопровождавшихся страшными болями. Тюремный врач всегда держал при себе болеутоляющие таблетки, которые быстро успокаивали больного.

15 января 1945 года Ла Темпа, который, естественно, находился под специальным наблюдением охранников, неожиданно почувствовал наступление очередного приступа боли. Ему принесли таблетки. Внезапно ему стало еще хуже. Дозу лекарств удвоили, и мучения Ла Темпа прекратились навсегда. Он умер с кровавой пеной у рта, воя от боли.

«Метод» Анастасиа лечит от всех болезней.

Доказательства против Дженовезе по обвинению в убийстве Боксна мог теперь представить в качестве свидетеля только Руполо, а этого было явно недостаточно. Во всяком случае, законодательство штата Нью-Йорк предусматривало твердое требование: в уголовном деле обвинение должно опираться на показания не менее двух свидетелей. И вообще, можно ли гово-

речь о том, что Руполо — свидетель? Увы, смерть Ла Темпа явно произвела на него большое впечатление. Он уже не помнил ни того, что говорил раньше, ни того, что произошло. Он напрочь лишился памяти.

11 июня 1946 года судья Лейбович оказался вынужденным освободить Вито Дженовезе, оправданного судом.

* * *

Мы уделили так много внимания Вито Дженовезе только с целью показать, что он был очень нужен и Лаки Лучиано, и губернатору Дьюи. Без него многое не сработало бы. Столь ловко задуманный часовой механизм мог сработать вхолостую, а это никого не устраивало. Но этого не произошло. Как и почему, мы уже видели.

Рассмотрим внимательно следующие факты.

7 мая 1945 года закончилась война в Европе.

В тот же день губернатор Томас Дьюи получил прошение о помиловании Чарли Лучиано. Коммодор Гаффенден поддержал просьбу: «Лучиано своими усилиями помог намного сократить сроки военных действий в Италии и на Сицилии».

Комиссия по вопросам условного досрочного освобождения пожелала узнать некоторые подробности, но ей пришлось выслушать категорический отказ военноморского ведомства, сославшегося на военную тайну, окутывавшую все операции.

Это не помешало комиссии горячо рекомендовать Дьюи освободить Лучиано...

Без малейших колебаний Томас Дьюи 3 января 1946 года объявил, что Чарли Лучиано будет освобожден, а затем выслан на Сицилию, так как его дальнейшее пребывание на американской территории признано нежелательным. Он выпущен был уточнить: «С момента вступления в войну Соединенных Штатов армейские службы обращались к Лучиано с просьбами помочь получению информации, касающейся возможных наступательных действий противника. По-видимому, он сотрудничал с ними, хотя реальную ценность предоставляемой им информации нам уточнить не удалось. Согласно рапортам тюремного начальства, его поведение в тюрьме было вполне удовлетворительным».

Позднее, сочтя, что пужно сказать несколько больше, Дьюи заявил в интервью «Нью-Йорк пост»: «Исчерпывающее расследование установило, что помощь, оказанная Лучиано военно-морскому ведомству в течение войны, была значительной и ценной. Десять лет тюремного заключения — максимальный срок наказания за сводничество. Именно эти соображения привели комиссию по вопросам освобождения к выводу о снижении наказания, с учетом того факта, что Лучиано на законном основании будет осужден на пожизненную ссылку».

Все это звучало довольно неубедительно в устах не знающего пощады Дьюи, человека, «уничтожившего преступность», неподкупного, достигшего вершины славы благодаря настойчивому стремлению преследовать всюду, где только возможно, преступный синдикат, человека, решившегося даже на незаконные меры, чтобы расправиться с Шульцем, Бухалтером и сотней других, не говоря уже об осуждении Лучиано, приговоренного «без права обжалования» к наказанию от тридцати до пятидесяти лет тюремного заключения.

Насколько это было возможно, мы обрисовали проблеме. Наша точка зрения ясна и не вызывает сомнений. Обратимся к высказываниям на этот счет свидетелей (по крайней мере тех, кто согласился, чтобы их имена были названы¹), старательно опрошенных по нашей просьбе.

Брейтель Чарльз, судья Верховного суда штата Нью-Йорк:

«Невозможно сказать, насколько на самом деле была эффективной его помощь. Все, кто был замешан в этом деле, утверждают, что он действительно лояльно сотрудничал. Может быть, это и так. Секретное расследование, проведенное правительством, должно было установить, как следует поступить. Именно на основе результатов этого расследования губернатор счел возможным смягчить наказание и заменить тюремное заключение изгнанием».

Том Дьюи, сын Томаса Дьюи, адвокат:

¹ Другие в большинстве своем разделяют мнение о тайной сделке, существовавшей между Дьюи и Лучиано. Мы сожалеем об их решении хранить молчание, но надеемся, что впоследствии они передумают, тем более что некоторые из них располагают решающими доказательствами.

«Военно-морской департамент в свое время утверждал, что он не играл никакой роли и не сотрудничал с ним в какой бы то ни было форме во время войны... Правда, имели место различные слухи и протесты. Моего отца обвиняли во взяточничестве и в том, что он шел на политические компромиссы. Но все это ложь. Это никогда не было подтверждено какими-либо доказательствами».

Чарльз Сиракуза, бывший шеф Бюро по борьбе с наркотиками в Европе (ему удалось проникнуть в мафию, выдавая себя за торговца этим зельем; он добился сенсационных успехов, пока не был разоблачен синдикатом):

«Двое моих друзей работали в качестве сотрудников Дьюи и в секретном управлении военно-морского ведомства. Они меня заверили, что никогда Лаки Лучиано не принимал участия в секретных операциях, проводимых военным ведомством. Все это не более, чем наглая фальсификация. Но действительно, в то время, когда Дьюи проводил кампанию по своему переизбранию, Лаки Лучиано внес крупный денежный куш на счет одного из членов избирательной комиссии. И уже после выборов и победы Дьюи Лучиано сам подтвердил свое участие в этом, когда сказал: «Теперь я потребую ответного хода...» И его помиловали».

Сам Лучиано высказался не менее откровенно, чем Чарльз Сиракуза,— он ненавидел Дьюи:

«Этот стервятник мне отвратителен. Он такой же, как и мы, только устроился по другую сторону, чтобы не подвергать себя риску. Он опасней всех нас, ему неизвестно, что такое порядочность. Он никогда еще никого не побеждал в честном бою. Уж если отстаиваешь, как они говорят, правое дело, падо по крайней мере идти прямым путем, он же всегда хитрит, вляет. Ни он мне, ни я ему подарков не делал...»

Но подарок был сделан, как в конце концов признал в своем «Завещании» Лучиано, хотя и нет оснований признавать это произведение правдивым:

«Все эти истории вокруг помощи, которую я оказывал правительству, как и то... что я принимал участие в завоевании Сицилии, заручившись поддержкой молодчиков из мафии,— все это не более чем глупости и выдумки для дураков. Мне было бы легко утверждать, что что-то действительно имело место, поскольку

в течение ряда лет мне удавалось заставлять людей верить в это; но ничего такого не было. Что касается помощи, которую я якобы оказывал нашим войскам в Сицилии, то надо прежде всего помнить, в каком возрасте я оттуда уехал — девятилетним. Единственный человек, которого я там действительно хорошо знал, даже не был сицилийцем. Я говорю об этой сволочи Вито Дженовезе. Кстати, именно тогда этот паршивец жил в Риме, словно король, целовал Муссолини задницу. Что касается меня, то я всегда считал Дженовезе дрянью и предателем Соединенных Штатов».

Лучиано, естественно, прекрасно владел искусством лжи, умением подать вещи так, как это ему выгодно, и сводить счеты с ненавистными ему людьми. Он ненавидел Дженовезе, хотя тот исправно выполнял то, о чем они договорились в 1938 году. В течение первых двух лет Дженовезе имел прямые связи с мафией, поскольку Кармине Галанте (уроженец Кастелламаре), сицилиец по происхождению, осуществлял челночные операции между Италией, где был Дженовезе, и Соединенными Штатами, оказывая услуги семье Массарпа — Лучиано, управление которой взял на себя Фрэнк Костелло.

Соглашение с Лучиано оставалось таким прочным благодаря тому, что он в 1940 году из своей тюремной камеры в Даннеморе предложил «ухлопать Гитлера», когда узнал, что Вито Дженовезе пользуется расположением Чипано и Муссолини и может с их помощью в один прекрасный день оказаться в непосредственной близости к Гитлеру.

«В вашем распоряжении в Италии находится один из лучших стрелков в мире... Мой человек. Он его уложит», — заверял он агентов военно-морской секретной службы и коммодора Гаффендена.

Лаки Лучиано очень болезненно переживал свое изгнание. Он по-своему любил Соединенные Штаты, ему нравился американский образ жизни. Он скучал по Нью-Йорку. Он об этом говорил. Так как Лучиано даже в самые трудные для него моменты жизни верил в возможность использовать любую ситуацию в свою пользу, то было бы естественно, если бы он попытался выступить в роли героя высадки в Сицилии, где в качестве условного знака использовались нашейные

платки с буквой «Л». Ведь героиня всегда может вернуться на родину.

Что же помешало Лаки Лучиано при наличии такой возможности не пойти на обман, сыграть в открытую?

Ответить невозможно.

Это останется его тайной. Еще одной...

Во всяком случае, 2 февраля 1946 года губернатор Дьюи освободил гражданина Сальваторе Луканна. Это означало, что был выпущен на свободу самый изощренный преступник и организатор преступлений, какого когда-либо знал мир.

Его препроводили из Грейт-Медоу в Эллис-Айленд дожидаться 9 февраля, дня, когда теплоход «Лаура Кин» отправится в плавание, чтобы высадить в Генуе верховного правителя преступного синдиката. В этот день он поднялся на борт корабля в окружении огромного числа главарей мафии и членов высшего совета организации. Из Атлантик-Сити прибыл Никки Джонсон. Кречеты еще раз слетелись, пусть на какие-то считанные минуты. Крупные хищники, они уже чувствовали запах крови, которой предстоит пролиться в будущем, и в их воображении возникала картина падающего на них золотого дождя, они уже слышали звон монет.

Они пришли на причал, они все собрались там, чтобы видеть, как самый большой босс отправляется в изгнание. Каждый принес свою десятину и каждый клялся, что и в будущем будет сохранять верноподданнические чувства.

И действительно, отплытие «Лауры Кин» означало не конец, а скорее начало. Начало периода разгула преступности, еще более однозной, более непристойной, чем та, о которой шла речь.

В то время как Лаки Лучиано прощался с американской землей, над ней поднималось кровавое солнце, предвещавшее новую волну преступности, которая во второй половине XX века, словно чудовищный морской прибой, захлестнет эту страну, наполнит ее жестокостью, процветающей и поныне.

Предисловие	5
К читателям	21
Глава первая. ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ РУКИ ДЬЯВОЛА	28
Глава вторая. ДЕЛО ПОВАЖНЕЕ, ЧЕМ У ГЕНРИ ФОРДА	49
Глава третья НЕ НАДО ЦВЕТОВ В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА	82
Глава четвертая. КАК ПОЛЕТ КРЕЧЕТОВ	126
Глава пятая. ОТ «ВОЙНЫ КАСТЕЛЛАММАРЕ» ДО «СИЦИЛИЙСКОЙ ВЕЧЕРНИ»	143
Глава шестая. БЕСПОЩАДНАЯ ДУЭЛЬ ТОМАСА Е. ДЬЮИ И ЛАКИ ЛУЧИАНО	176
Глава седьмая. НЕБОЛЬШОЙ РАССКАЗ О ЛУИСЕ ЛЕПКЕ БУХАЛТЕРЕ	232
Глава восьмая. ПРЕДАТЕЛЬСТВО В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ	264
Глава девятая. «МЁРДЕР ИНКОРПОРЕЙТЕД», ИЛИ КОРПОРАЦИЯ УБИЙСТВ	284
Глава десятая. «КЕНАРЫ» ЛЕТАТЬ НЕ УМЕЮТ	298
Глава одиннадцатая. ПОКА ТОЛЬКО «ДО СВИДАНИЯ»	332

О П Е Ч А Т К А

Страница

Строки

Следует читать

107

пять
строк
сверху

— Ну конечно. И ты так корчишься потому, что с тобой ничего не случилось!

— О нет! У меня свинцовые коллики.

После этого ему ничего не оставалось, как испустить дух, что он и сделал в ужасных страданиях.

85 коп.

ПРЕСТУПНЫЙ СИНДИКАТ